ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»,
организованной при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-01-14012)

И. С. Агафонов («Древняя Русь. Вопросы медиевистики»)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ИСТОЧНИКАХ СКАЗАНИЯ О ЧУДЕ ОТ ИКОНЫ ЗНАМЕНИЕ

Рассказ о чуде, произошедшем в 1170 г. в Новгороде, когда вынесенная на городские стены икона Богородицы помогла новгородцам одержать победу над превосходящими силами противника, получил развитие в разного рода текстах, определяемых в научной традиции как Знаменский цикл.

Начальный этап представлен Новгородской первой летописью, содержащей лаконичное описание битвы с некоторыми формальными элементами воинской повести: «новгородьци же сташа твьрдо о князи Романѣ» или «бишася вьсь день» [1].

На втором этапе развития сюжета в него привнесен мотив чуда, совершившегося от некой богородичной иконы. В таком виде ее знает ряд летописей, произошедших от Краткого Новгородского летописца [Конявская].

Третий этап развития Знаменской легенды — нарративы, вышедшие за пределы летописей, существующие как самостоятельные литературные произведения. Они близки к жанру сказаний о чудотворных иконах и отчасти обнаруживают жанровые особенности воинской повести[2]. Кроме того, в XV в. Пахомием Логофетом, работавшим в Новгороде над заказами архиепископа Евфимия II, написано «Слово похвальное о Знамении пресвятой Богородицы».

Вышеописанная картина представляется вполне последовательным развитием сюжета, однако в наших знаниях есть пробел. Между текстами первого и второго этапов не известно ни одного памятника на промежутке около ста лет. По этой и по ряду других причин не до конца ясной остается история Сказания о Знамении, источники отдельных элементов сюжета, способы их проникновения в сюжет и метод литературной работы над ними. Остро стоят вопросы начала формирования Знаменского культа и его связи с культом Покровским.

Долгое время одни исследователи сходились на фольклорной основе Знаменского сюжета, а другие ученые трактовали сюжет сугубо исторически: оборот иконы объяснялся попаданием в нее стрелы во время обстрела стен, а спасшая новгородцев тьма — солнечным затмением. Однако после того, как был вскрыт обширный пласт заимствований из греческих источников, картина приобрела несколько иной вид. Структура сюжета Сказания предстала в известной степени калькой рассказа об осаде Константинополя россами в 860 г., известного в виде перевода соответствующего места хроники Симеона Логофета в ПВЛ. Фабула византийского сюжета такова: император отсутствует в городе в момент нашествия россов, и горожане с патриархом молятся об избавлении города. По возвращении император вместе с патриархом выносят ризу Богородицы, погружают ее край в море, и поднявшаяся буря обращает россов в бегство. Тот же образ в основе сюжета Сказания, только переосмысленный на материале новгородских событий.

Этот этап становления легенды изобилует корреляциями с гомилиями патриарха Фотия «на нашествие Росов». Сходные интерпретации образа покрова Богородицы, градозащитная семантика культа и молитвенные формулы, вложенные в уста Иоанна, могут означать глубокую связь Знаменского и Покровского культов. Но нужно помнить, что чудо Андрея Юродивого, с которым связан Покровский культ на Руси, совершилось позже битвы 860 г., во время нашествия сарацин на Константинополь в 910 г. Виделась ли связь между этими событиями — остается вопросом. Общий семантический фон бесспорен, хотя Житие святого Андрея вводит чудо в общехристианском смысле, интерпретируя его как благословение. В 860 г. мы имеем дело с ритуальным действием, где участвует богородичная реликвия, в чуде Андрея — скорее с символикой попечения горних сил о христианском роде. Так или иначе, к середине XIV в., когда Знаменский культ вполне сформировался, уже заложена Знаменская церковь, Покровский культ мыслится градозащитным, что предполагает, что события и 860, и 1170 г. могли быть осмыслены через его призму. Таким образом, не исключено, что Знаменский культ являет собой определенный этап становления идеи Покрова на Руси.

Литература

Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 40–52.

Трофимова Н. В. Чудеса в древнерусском воинском повествовании // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 4. С. 72–79.

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.; Л., 1950. С. 33.

[2] О воинской повести и подобных сюжетах см.: [Трофимова]. При всей неопределенности жанровых рамок древнерусской литературы воинскую повесть принято определять по освещаемым событиям, которые так или иначе связаны с военными действиями.

С. Н. Азбелев (НовГУ)

ЧТО УГРОЖАЛО НАМ В 1380 Г.

Из крупных русских историков один только С. М. Соловьев указал на «всемирно-историческое значение Куликовской битвы» [Соловьев, с. 325]. Он ставил ее в один ряд со сражением на Каталунских полях 451 г. и битвой при Пуатье 732 г. С победами, которые спасли Запад Европы от покорения гуннами и от завоевания аравитянами. Насколько оправданы были эти прямые параллели? Существенно, что в отличие от большинства позднейших авторов С. М. Соловьев с подобающим вниманием относился ко всему, что сообщалось летописцами

не только о самом сражении 1380 г., но и о важнейших обстоятельствах, ему предшествовавших. (Обстоятельства подсказывают еще и косвенную параллель — события 1812 г.)

Беклярибек Мамай не принадлежал к прямым потомкам Чингисхана и не имел вследствие этого возможности законно стать ханом Орды. Но он уже два десятка лет обладал в ней реальной властью, манипулируя безвластными Чингизидами. Как писал современный историк Орды, «поход на Москву, в успехе которого Мамай не сомневался, ибо успел провести мощную военную и дипломатическую подготовку, сулил многое. Победа над московским князем укрепляла авторитет беклярибека в Орде, давая ему моральное право на присвоение желанного ханского титула» [Егоров, 2005, с. 24]. Вся эта подготовка смогла быть осуществлена на немалые средства, которые удалось накопить беклярибеку за десятилетия получения дани с русских земель.

Мамай вступил в военное соглашение с Ягайло, великим князем Литвы, и получил обещание военной поддержки от Олега, великого князя Рязани. Тогдашние владения самого беклярибека составляли девять улусов, каждый из которых мог предоставить ему десять тысяч воинов [Селезнев, с. 298]. Не ограничиваясь этим, Мамай произвел беспрецедентное привлечение щедро оплачиваемых добровольцев, готовых «Русь воевати», а также осуществил наем нескольких контингентов воинов-профессионалов: согласно сведениям Никоновской летописи, беклярибек «дааше обильно всѣм и посла во многиа страны, наимаа фрязы, черкасы, ясы и иныя къ симъ. И собра воинства много и поиде на великого князя Дмитрея Ивановичя» (ПСРЛ. Т. XI. С. 47). В летописях XV в. сообщен более точный перечень наемников: «бесермены, и армены, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 311; аналогично: ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. С. 455; и др.).

На неинформированности были основаны мнения историков, которые считали целью столь масштабного похода Мамая принуждение Москвы к согласию на увеличение размера дани. О реальных намерениях беклярибека достоверные сведения находятся в русских летописях: «рече Мамаи княземъ своимъ и рядцамъ: "прииму землю Рускую, и разорю церкви крестьяньские, и вѣру их на свою переложу, и велю кланятися своему Махметю. Идеже церкви были, ту ропати поставляю, и баскаки посажаю по всѣм городом рускымъ, а князи руские изъбию"» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. С. 493–494). Как сообщала Повесть о Мамаевом побоище, беклярибек «ратуя на христианство» намеревался злодеяниями превзойти Батыя[1]. Даже краткий летописный рассказ фиксировал не стремление Мамая увеличить дань, а его намерение «пленити землю Русскую» (ПСРЛ. Т. XV. С. 139).

Замысел Мамая, декларированный им перед походом, предусматривал не подчинение Руси, а ликвидацию православного государства. Нет причин не доверять летописцам, которые, конечно, основывались на сведениях, получаемых от находившихся в Орде русских людей. Как писала позднее Никоновская летопись, «бѣ воинства его много зѣло, и не къ тому уже нарицашеся великий князь Мамай, но отъ всѣхъ сущихъ его нарицашеся великий царь Мамай» (ПСРЛ. Т. XI. С. 47). Показательно, что сведения о ставке Мамая на Куликовом поле не содержали упоминаний о присутствии там хана — хотя бы фиктивного. Как писал в этой связи к юбилею битвы В. Л. Егоров, «не исключено», что в 1380 г., предприняв грандиозный поход на Русь, «Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше подставными ханами» [Егоров, 1980, с. 208]. Летописец XV в. по данному поводу иронизировал: «Мамай разгордѣвся, мнѣв себѣ аки царя» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 311) — и характеризовал беклярибека как «поганаго царя Теляка нареченаго плотнаго дьявола Мамаа» (Там же. С. 319), использовав его оскорбительное прозвище, переводимое на русский язык как «заика» или «бормотун» [Егоров, 1980, с. 209].

Однако в «бонапартистских» планах беклярибека реально сочетались претензии на титул хана Орды и на принудительное включение в ее состав исламизированных русских территорий — при опоре на свою военную силу и содействие политически зависимых союзников, на щедро оплачиваемых добровольцев и на контингенты профессионалов-наемников.

Беспримерная консолидация русских людей перед битвой на Куликовом поле обязана была объединявшему их православию. Угроза насильственного обращения в ислам — через четыре столетия после крещения Руси — была настолько нестерпима, что оказалась мощнейшим стимулом для воинов всех русских княжеств, отправивших свои войска на сражение с армией Мамая.

Показательно, что рукописи Задонщины и Повести о Мамаевом побоище, исчисляя сотни русских бояр, погибших на Куликовом поле, упоминают даже рязанцев и тверичей, хотя сами князья, владевшие этими землями, как известно, не захотели выступить на стороне Москвы. Рязанцу принадлежало поэтическое прославление москвичей: «русского господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича, зане же ихъ было мужество и желание за землю Руссьскую и за вѣру христианьскую»[2].

Родные братья союзного с Мамаем литовского великого князя Ягайла — православные князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи — сражались против разноязычных войск Мамая вместе со своими православными боярами из Полоцка, Брянска и Трубчевска, тогда находившихся во владениях Литвы. Рукописи даже называли этих бояр «панами литовскими», бояр же Великого Новгорода — «новгородскими посадниками»[3]. Переписчикам важно было не соблюдать точность в указаниях должностей, а подчеркнуть единение православных людей вне зависимости от политических границ. Не во всем совпадающие перечни числа павших в сражении предводителей от каждого из двух десятков православных княжеств, которые фигурируют в разных рукописях Задонщины и Повести о Мамаевом побоище, впечатляют своим общим количеством.

События 1380 г. — это факты всенародного противостояния Мамаеву нашествию. Нашествие гуннов и нашествие аравитян на Западную Европу сопоставимы по ожидавшимся последствиям для западных христиан с тем, что ожидало христиан Европы Восточной в случае победы армии Мамая с его наемниками и его союзниками.

Литература

Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 174–213.
Егоров В. Л. Русь и Орда в эпоху Куликовской битвы // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 7–30.
Селезнев Ю. В. Стратегия и тактика Мамая: К вопросу о численности ордынских войск и маршрута следования к

[1] *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 4.
[2] Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 89.
[3] Там же. С. 119.

Куликову полю // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 296–299.
Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1993. Кн. 2. Т. 3–4.

М. М. Акчурин (Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ), М. Ишеев (Центр историко-родословных исследований «TatarGen.Ru»)

ТАТАРСКИЕ ПОДПИСИ В УТВЕРЖДЕННОЙ ГРАМОТЕ 1613 г.

Созыв Земского Собора и избрание нового царя Михаила Романова явились поворотным событием не только для эпохи Смуты, но и для всей дальнейшей российской истории. Важнейшим свидетельством легитимности новой династии стала составленная в двух экземплярах Утвержденная грамота. Оба экземпляра на оборотных сторонах содержат подписи участников Собора, из которых 4 на татарском языке.

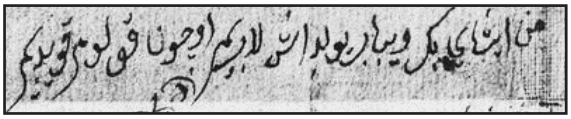
В публикации 1904 г. Утвержденной грамоты приведен разбор татарских подписей, выполненный

Ф. Е. Коршем[1]. Подробный анализ этого перевода был сделан А. В. Беляковым [Беляков]. Наше прочтение подписей из опубликованных фотокопий[2] позволит дополнить Ф. Е. Корша, что сделает идентификацию татар-подписантов более основательной. Ниже представлены варианты прочтения в транскрипции, основанной на современном татарском алфавите.

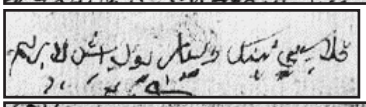
В архивском экземпляре:

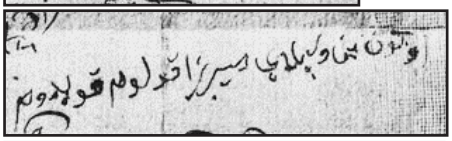
(197)[3] Мин, Ишәй бик, выбар йулдашларым өчөн кулум куйдым.
(198) Мин, Айукай мирза, йулдашларым өчөн кулум куйдым — Төмән каласы өчөн.
(199) Кадым каласының выбар йулдашларым өчөн мин, Вәсиләй мирза, кулум куйдум.
(231) Мин, Невер мирза, кулум куйдум.

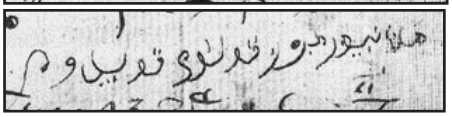
Перевод:


(197)

(198)


(199 — нач.)


(199 — оконч.)


(231)

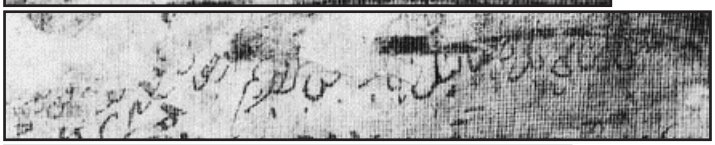
Наш вариант	Вариант Ф. Е. Корша
(197) Я, князь Ишей, за своих выборных товарищей руку приложил. (198) Я, Аюкай мурза, за своих товарищей руку приложил. — **За город Тюмэн** (Темников. — *Прим. авт.*). (199) За своих выборных товарищей города Кадома я, Василий мурза, руку приложил. (231) Я, **Невер мурза**, руку приложил.	(197) Я, Ишай бек, за выборных товарищей своих руку приложил. (198) Я, Аюкай-мирза, за товарищей своих руку приложил. (199) **За город Тюмень** и за выборных товарищей своих от города Кадома я, Василий-мирза, руку приложил. (231) Я, **?... ?... (Низар Добраз)** руку приложил.

В другом экземпляре (поврежден во время пожара 1626 г.):

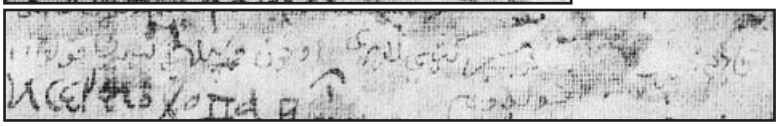
(210) ... ... [кул]ум куйдум.
(211) Мин, Ишәй бик, [Тө]мәннең йу[лда]шларым өчөн кулум куйдым.
(212) ... ... [йулдашлар]ым өчөн кулум куйдым.
(213) Кадым [каласы]ның кешеләре өчөн Вәсиләй мирза кулум куйдум.

[1] Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / С поясн. С. А. Белокурова. М., 1904.
[2] Там же. Л. 30 об., 33 об.
[3] Номера подписей соответствуют публикации 1904 г.

(210)


(211)

(212)


(213)

Перевод:

Наш вариант	Вариант Ф. Е. Корша
(210) … … руку приложил. (211) Я, князь Ишей, за своих товарищей (города. — *Прим. авт.*) **Темникова** руку приложил. (212) … … за своих товарищей руку приложил. (213) За людей **города** Кадома Василий мурза руку приложил.	(210) … … руку приложил. (211) Я, Ишай бек, за … товарищей своих руку приложил. (212) … … за товарищей своих руку приложил. (213) За город (?) Кадом **и за Симбирских (?Тюменских?)** людей я, Василий мирза, руку приложил.

В целом наш вариант не отличается от прочтения Ф. Е. Корша, за исключением нескольких моментов.

Для архивского экземпляра:

1. Выражение «за город Тюмэн» (*Төмән каласы өчөн*) относим к подписи с номером № 198, оставленной Аюкаем. Видимо, князь Ишей и мурза Аюкай подписались за своих выборных людей, и Аюкай в конце отметил, что они от Темникова.

2. Имя в 4-й подписи № 231 читается как «Невер мурза».

Для другого экземпляра:

1. В подписи № 211 пропущенным словом было «Темников» в притяжательном падеже (*Төмәннең*).

2. В подписи № 231 вместо слова «Симбирских» (سمبير), скорее всего, скрывается аффикс притяжательного падежа «*ның*» (نينك).

Таким образом, мурза Василий представлял выборщиков от Кадома, князь Ишей и мурза Аюкай — от Темникова. А мурза Невер не отметил свой город. Попробуем идентифицировать их личности.

Мурза Василий — Василий мурза Чермонтеев. Это единственный документально достоверный участник Собора — он сообщил в своей челобитной: «прислан к Москве для царского обирания»[4].

Князь Ишей, видимо, это Ишей Барашев, внук князя Акчуры. Согласно дозорным книгам Ивана Усова 1614 г.[5], в Темниковском уезде проживало только 3 татарских князя: Брюшей, Булай и Ишей. Князь Ишей владел двором в Ахмыловской слободе города Темникова.

Мурза Аюкай, видимо, это Аюкай мурза Сабаков сын князь Еникеев. Согласно дозорным книгам Ивана Усова 1614 г.[6], в Темниковском уезде проживало только 2 мурзы с именем Аюкай: Аюкай Еникеев (владел 3 дворами в Ширлейской слободе Темникова) и десятилетний Аюкай Мамлеев, который исключается из-за возраста.

Возможно, Аюкай мог представлять выборных татар Ширлейской слободы, а князь Ишей — Ахмыловской.

Мурза Невер, видимо, это Невер мурза Кулаев сын князь Чегодаев из Арзамасского уезда. Подпись Невера в архивском экземпляре стоит строго под подписью арзамасцев. Возможно, они прибыли вместе.

Литература

Беляков А. В. Участие служилых иноземцев в избрании на царство Михаила Романова // Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая пол. XVI — сер. XVII вв. Международная научная конференция 7—10 октября 2013 г. Тезисы докладов. М., 2013. С. 21.

[4] *Цветаев Д. В.* Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 1913. С. 21.

[5] Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / Сост. М. Акчурин, А. Беляков. Казань, 2015.

[6] Там же.

А. И. Алексеев (РНБ)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Жидовствующими или «жидовские мудръствующими» принято обозначать еретическое движение последней трети XV — начала XVI в. в Новгороде и в Москве [Алексеев, 2008а; Алексеев, 2012, с. 215–250]. В современном научном дискурсе под «иудействующими» принято «обозначение нееврейских по происхождению синкретических религиозных групп и течений, воспринимающих в том или ином объеме "Моисеев закон" и сохраняющих неиудейские верования, представления и практики» [Хижая, с. 168]. Эти религиозные группы могли формироваться двумя путями: во-первых, под непосредственным влиянием иудаизма; во-вторых, путем самостоятельного изучения Ветхого Завета.

В современной историографии ересь жидовствующих трактуется при широком спектре вариаций в русле шести основных исследовательских подходов: во-первых, как религиозное движение, родственное явлениям европейского Возрождения или пред-Возрождения [Лихачев, с. 35; Лурье, с. 183–211]; во-вторых, как движение, близкое по типу реформационным движениям [Клибанов]; в-третьих, как движение, решающую роль в возникновении которого имело влияние иудаизма [Топоров, 1991, с. 139–140; Эттингер; Таубе]; в-четвертых, как движение, зародившееся под прямым влиянием европейских средневековых ересей [De Michelis; Бегунов]; в-пятых, как движение, сочетавшее в себе рационализм, влияние гуманистических идей и иудаизма [Seebohm; Раба]; в-шестых, как своеобразная «мифологема русской культуры», факт литературный, а не исторический [Петрухин]. Плюрализм мнений обусловлен, в первую очередь, тем, что уровень источниковедческого изучения сильно отстает от уровня обобщений, на который претендуют большинство обращающихся к истории ереси жидовствующих.

Исследования последних лет позволяют представить доказательства в пользу того, что основные источники по ереси жидовствующих были созданы в период полемики с еретиками и содержат вполне достоверные сведения [Алексеев, 2008б; Алексеев, 2010]. Эти источники не позволяют вести речь о каком-либо «реформационно-гуманистическом» движении, но вполне однозначно указывают на тесную связь ереси жидовствующих с иудаизмом. Следует также отказаться от попыток связать ересь с движением стригольников [Алексеев, 2004; Алексеев, 2011а].

Существует две возможности интерпретации иудейского влияния. Во-первых, показания источников непротиворечиво укладываются в концепцию иудейского прозелитизма, породившего ересь жидовствующих. Во-вторых, признавая значимость внешнего иудейского влияния, можно признать решающее значение за тем внутренним импульсом, который в сознании новгородских священнослужителей пробудил интерес к иудаизму. По выражению В. Н. Топорова: «Русский читатель был заинтересован и в переводах еврейских религиозных текстов» [Топоров, 1995, с. 357]. Первоначальным побудительным импульсом послужил вопрос о сроках наступления конца света. Новгородские священнослужители оказались неспособны разрешить сомнения, оставаясь в пределах православного вероучения.

Дальнейшие перспективы изучения ереси жидовствующих следует связывать с текстологическим изучением всего корпуса источников, относящихся к иудео-христианской полемической литературе. Сообщения о внезапно возникшей ереси жидовствующих застают исследователя врасплох, воспринимаются как вымысел. Между тем в древнерусской книжности к исходу XV в. было немало статей полемической антииудейской направленности [Алексеев, 2011б].

Интерес русских книжников к разного рода «диалогам» и «прениям» с иудеями определялся и дидактическими целями, и практическими потребностями. Лучшей иллюстрацией двойного предназначения полемических текстов является судьба самого «Просветителя»: созданный как «Книга на еретиков», предназначенная дать ответ на пропаганду жидовствующих, он заслужил название «Просветителя», ясно, полно и доступно излагая основные догматы православия. В то же время не подлежит сомнению, что Иосиф Волоцкий ставил своей целью дать ответ на самые актуальные в тогдашнем обществе сомнения.

Следует глубже исследовать исторический контекст и культурное своеобразие эпохи Ивана III. Вызывает интерес и вопрос о религиозности первого государя всея Руси, неоднократно вступавшего в острые конфликты с церковью [Алексеев, 2006; Алексеев, 2009].

Литература

Алексеев А. И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 22–34.

Алексеев А. И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по русской истории. К 80-летию профессора Ю. Г. Алексеева. М., СПб., 2006. С. 187–201.

Алексеев А. И. Жидовствующие // ПЭ. М., 2008. Т. 19. С. 193–194. [Алексеев, 2008а]

Алексеев А. И. К изучению творческой истории «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 5–15; № 2 (32). С. 60–71. [Алексеев, 2008б]

Алексеев А. И. Зосима // ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 355–360.

Алексеев А. И. О первенстве Пространной редакции «Просветителя» Иосифа Волоцкого // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte, Potentiale und Grenzen 14 – 17 Jahrhundert / Herausgegeben von Ludwig Steindorff. Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Herausgegeben vom Osteuropa-Institut der Freien Universitat Berlin von Holm Sundhaussen und Gertrud Pickhan. B. 76. Wiesbaden, 2010. S. 297–320.

Алексеев А. И. О перспективах изучения ереси стригольников // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков, 2011. С. 51–71. [Алексеев, 2011а]

Алексеев А. И. Полемическая литература XV в. и ересь «жидовствующих»: к постановке проблемы // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы / Под ред. М. В. Дмитриева. М., 2011. С. 47–74. [Алексеев, 2011б]
Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – XVI вв. Стригольники и жидовствующие. М., 2012.
Бегунов Ю. К. Ян Гус и восточное славянство // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 356–375.
Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960.
Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. (Конец XIV – начало XV века). М.; Л., 1962.
Лурье Я. С. Элементы Возрождения на Руси в конце XV – первой половине XVI в. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 183–211.
Петрухин В. Я. «Ересь жидовствующих» и «жидовская вера» – мифологемы православной культуры? // О. В. Белова, В. Я. Петрухин. Еврейский миф в славянской культуре. Иерусалим – Москва, 2008. С. 169–179.
Раба Й. «Жидовствующие» ли? История задушевной мысли // Russia Medievalis. München, 2001. T. X. S. 126–149.
Таубе М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // История еврейского народа в России. М., 2010. С. 367–394.
Топоров В. Н. «Спор» или «дружба» // AEQUINOX. Сб. памяти о. А. Меня. М., 1991. С. 91–162.
Топоров В. Н. Святость и святые в культуре Древней Руси. М., 1995. Т. 1.
Хижая Т. Иудействующие в истории: «средний путь богопочитания»? (К вопросу о содержании термина «иудействующие») // Труды по еврейской истории и культуре. Мат-лы XXII Международной ежегодной конф. по иудаике. М., 2016. Вып. 52. С. 153–170.
Эттингер Ш. Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси // Jews and Slavs. Jerusalem – St.Petersburg, 1995. Vol. IV. P. 9–27.
De Michelis. C. G. La Valdesia di Novgorod. Torino, 1993.
Seebohm T. M. Ratio- und Charisma; Ansätze und Ausbildung eines philosophischen und wissenschaflichen Weltverständnisses im Moskauer Russland. Bohn, 1977.

С. В. Алпатов (МГУ)

«ВИСЕЛИЦА ИЛИ СВАДЬБА»: ОТ КАЗУСА ОБЫЧНОГО ПРАВА К ФОЛЬКЛОРНОМУ ТОПОСУ

Обычай помилования осужденного на казнь по просьбе лица противоположного пола, выпросившего преступника себе в супруги, известен в средневековой Европе начиная с XIII столетия. Зона функционирования данной нормы обычного права охватывает Францию, Испанию, Фландрию, Швейцарию, Германию, Польшу, Литву и Украину [Тогоева]. Последние документированные свидетельства применения данного обычая относятся к середине XVIII в., однако память о нем продолжает активно бытовать в фольклоре и литературе[1] последующих столетий [Бурба].

Колебания исследователей в оценке реального статуса данного обычая (регулярная общеизвестная практика / спорадические локальные акты милосердия / нетипичные случаи согласования личных и социальных интересов в формах неписаного правосудия) компенсируются, по нашему мнению, системностью как самих символических поведенческих практик (накинуть платок, обнять руками), так и скрытых за ними семантических механизмов, опирающихся на принципиальную разницу социальных потенциалов преступника и его покровителя: мужчину-преступника могла вызволить либо честная девушка, либо проститутка; осужденной на казнь преступнице, как правило, предлагал руку и сердце сам палач.

Фольклорные источники, имеющие отношение к данному обычаю, делятся на три типа:

- прозаические нарративы (бывальщины, предания или анекдоты – в зависимости от временной и модальной дистанции рассказчика от излагаемых событий) о конкретных случаях отказа жениться на уродливой старой деве / выйти замуж за палача и т. п.;
- баллады, художественно типизирующие (делающие жанрово обязательным) трагический выбор в пользу смерти;
- авантюрно-новеллистические сказки, превращающие символическую деталь реального обряда (накинуть платок на осужденного) в средство чудесного спасения невинной сказочной жертвы.

На фоне вышесказанного новое освещение получают традиционные мотивы западноевропейского и славянского «удалого» (разбойничьего и тюремного) фольклора, описывающие казнь на виселице как эквивалент свадебного действа, участников экзекуции как свадебные чины, предметные реалии казни как детали свадебного антуража [Алпатов]. Таким образом, полюса жизненной альтернативы – виселица *либо* свадьба – в обряде помилования преступника оказываются в рамках мифопоэтики фольклорных текстов семантическими эквивалентами: и виселица, и свадьба – акты необратимого перехода от вольной жизни к экзистенциальному инобытию решенной судьбы. При этом этническая и социокультурная география текстов, метафорически уподобляющих казнь на виселице свадьбе, оказывается гораздо шире сферы текстов, непосредственно воспроизводящих ситуацию реального или возможного освобождения от смертной казни через брак.

Указанная диспропорция в смысловых и функциональных объемах реальных поведенческих практик и их образных фольклорных эквивалентов позволяет сделать выводы, с одной стороны, об актуальном функционировании на протяжении всего Средневековья и раннего Нового времени глубинной архетипической метафорики, связывающей

[1] См. известные эпизоды с Эсмеральдой и Гренгуаром из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго, а также Данусей и Збышко из «Крестоносцев» Г. Сенкевича.

воедино «честной брак» и «позорную казнь», а с другой стороны, об особой роли «удалых» субкультур в актуализации мотивного комплекса «виселица — свадьба» применительно к сфере практик и текстов неписаного права.

Литература

Алпатов С. В. Мотив виселица-свадьба в контексте научной методологии П. Г. Богатырева и О. М. Фрейденберг // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 70–77.
Бурба Д. Накинуть платок и выйти замуж: Дело из Вильнюса 1769 года // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2016. Вып. 11. С. 270–284.
Тогоева О. И. «Свадьба под виселицей». К вопросу о функционировании неписаной правовой традиции в средневековой Франции // Средние века. М., 2015. Вып. 76. С. 376–391.

Т. В. Анисимова (РГБ)

ХРОНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В СЛОВЕ НА ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ В МИНЕЕ ЧЕТЬЕЙ

Рассказ о победе византийского императора Ираклия (610–641) над иранским шахом Хосровом II Парвизом (591–628) и о возвращении в Иерусалим Креста Господня вошел в древнерусские хронографы посредством двух источников. Первый из них и наиболее распространенный: славяно-русский перевод Хроники Георгия Амартола [Истрин, с. 433–436]; второй — особое «Сказание о Хосрое», читающееся в сентябрьском томе Иосифо-Волоколамских миней (РГБ. Ф. 113. № 590. Л. 60 об.–77 об.) и Великих Миней Четьих [ВМЧ, с. 730–735] в контексте Слова на праздник Воздвижения честного и животворящего Креста (14 сентября), а также в хронографах Троицком [Творогов] и Рогожском (РГБ. Ф. 247. № 253. Л. 166 об.–167) [Анисимова, 2012, с. 64–65; Анисимова, 2017 (в печати)].

«Сказание о Хосрое» и примыкающий к нему рассказ о римском папе Сергии, обнаружившем в соборе св. Петра фрагмент Креста Господня, были изучены в 2012 г. С. А. Ивановым. Он установил, что Сказание является чешским переводом второй половины XI в. латинской легенды, популярной в средневековой Западной Европе с VIII в., а источником рассказа о римском папе Сергии была «Папская Хроника». Исследователь упомянул и наличие извлечений из ХГА, замыкающих праздничное чтение [Ivanov].

Минейные заимствования из ХГА (предваряемые далее сокращением Ам и сопровождаемые указанием на страницы и строки издания В. М. Истрина) представляют собой четыре фрагмента, переданные с небольшими сокращениями: Ам 449.*10*–453.*21*; 459.*17*–462.*17*; 436.*12*–441.*10*; 473.*4*–475.*6*. Параллели к ним отсутствуют в неполной первой редакции ХГА (*Ам-1*), обрывающейся на Ам 412.*17*, и читаются только в отдельных списках хроники второй редакции (*Ам-2*) и в ее хронографической редакции (*Ам-Хр*), сохранившейся в Еллинском летописце обоих видов (ЕЛ-1 и ЕЛ-2). Первичные чтения последней характерны и для минейных фрагментов, например:

Изд.	ВМЧ, ЕЛ-1, ЕЛ-2 = греч.	*Ам-2*
437.*27*	христиане, яко кончина всему миру будеть	христиане
438.*17–18*	ни единъ възможе	меаинъ възложь
439.*12*	исповѣда ему вся со многыми слезами	исповѣда емоу
441.*1*	и прочим на ползу будеши	боудеши
449.*29*	страшно видѣние	видѣние
451.5	кождо ихъ отъ неяже хощеть	кождо ихъ
453.*1*	Работати	разоумѣти
474.*12*	сквернены, истлѣнныи	скверны

Однако минейные фрагменты ХГА не могли быть заимствованы непосредственно из Еллинского летописца, имеющего вторичные чтения, противопоставленные первичным в ВМЧ и *Ам-2*, например:

Изд.	*Ам-2*, ВМЧ = греч.	ЕЛ-1, ЕЛ-2
449.*14*	Низаръ бо	изъ рабыни
449.*26*	печална бяше зѣло	печална
451.*7*	в страстехъ	въ сластех
452.31	и тляемых	истляемыхь
453.*13*	Имать	и тма
453.*19*	ихъже явѣ явити не хотять	-------

Следовательно, их источником могло быть только утраченное окончание отдельных списков *Ам-Хр* или *Ам-1*.

Предназначение данной выборки для крестовоздвиженского чтения вызывает вопросы. Начнем с того, что рассказы о Хосрое [ВМЧ, с. 730.*31*–735.*7*] и о римском папе Сергии [ВМЧ, с. 735.*8–25*] имеют собственные торжественные окончания: «вѣки вѣком. Аминь». Извлечения из ХГА присоединены к ним чисто механически: «По Ираклонѣ же царствова Конста… столпы столпникомъ и мнихомъ ниспроверже» [ВМЧ, с. 735.*26–31*]. Далее следуют семь рассказов: 1) о сарацинском лжепророке Бохмите [ВМЧ 735.*31*–738.*42*]; 2) о манихеях и павликианах [ВМЧ, с. 738.*43*–742.*11*]; 3) о богаче, пожалевшем об отданной им милостыни [ВМЧ, с. 742.*11*–743.*21*]; 4) о философе Евагрии и епископе Синесии [ВМЧ, с. 743.*21*–744.*32*]; 5) о воине,

воскресшем в третий час дня [ВМЧ, с. 744.*32*–747.*3*]; 6–7) о милостивом грешнике-богаче [ВМЧ, с. 747.*3*–748.*17*] и о своевольном монахе [ВМЧ, с. 748.*17*–749.*7*], умерших без покаяния. Достаточно очевидно, что и первые два рассказа о ересях (при отсутствии в них православной антитезы и какого-либо панегирика Кресту), и остальные пять нравоучительных повестей, посвященные необходимости милосердия и предсмертного покаяния, имеют с праздником Воздвижения Креста лишь косвенную связь на уровне общехристианских ценностей. В целом они напоминают рабочий материал, собранный в каких-то непонятных пока целях, для которого удалось найти лишь две не слишком убедительные аналогии.

Одна из них — учительная часть древнерусского Пролога, в котором отразились рассказы 3-й (19 января), 4-й (11 апреля) и 6-й (12 августа). Отметим, что и проложное чтение на 28 марта о воине Тязиоте, воскресшем из мертвых в третий час, каким-то образом повлияло на одно место 5-го минейного рассказа, причем независимо от ЕЛ-2, по-своему соединившего *Ам-Хр* с этим же проложным словом:

Ам	ХГА, ЕЛ-1	ВМЧ	ЕЛ-2	Пролог
439.*5*	сеи напрасно оумеръ (ХГА) сь напрасно оумре (ЕЛ-1)	И изшедшу ему заутра к нивамъ, уѣденъ бысть отъ зміа и падъ, напрасно умреть	И по съгрѣшении том случися ему умрети, ухаплен от змиа	и по малѣ днии по съгрѣшении томъ охоплень бысть от змия и оумре

Вторая аналогия — Рогожский хронограф, в котором кроме Сказания о Хосрое читаются и индивидуальные вставки из ХГА, параллельные минейным фрагментам: Ам 436.*13–26*, 437.*20*–438.*7*, 439.*1*–441.*10*, 459.*17–18*, 473.*4–9*, 474.*13–18*, 474.*25*. Однако эти дополнения представляют собой краткие пересказы хроники, укладывающиеся в одну-две фразы, в связи с чем текстологическое сравнение памятников невозможно.

Литература

Анисимова Т. В. Рогожский хронограф. Текст, исследование. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 39–92.
Анисимова Т. В. Тихонравовский хронограф: исследование, публикация текста. Часть 2 // Летописи и хроники. М.; СПб., 2017 (в печати).
ВМЧ — Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869.
Истрин В. М. Книгы временьныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1. Текст.
Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 287–343.
Ivanov S. A New Piece of Sazava Book Culture? // SLAVIA časopis pro slovanskou filologii ročník 81. Praha, 2012. Sešit 2. P. 205–215.

Д. И. Антонов (РГГУ, РАНХиГС)

ЗНАКИ И ЗРИТЕЛИ: РОЛЬ «МИКРОРАССКАЗА» В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ

Многие композиции, циклы, визуальные темы древнерусской иконографии строились как сложный текст, насыщенный непростыми для прочтения фигурами и знаками. Вынося за скобки вопрос о том, кто был «идеальным зрителем» таких изображений, ориентированных, очевидно, не на рядовых прихожан, я хотел бы рассмотреть близкую, но редко обсуждаемую проблему: о роли и потенциальном адресате мелких знаков, которые формировали «микрорассказ» на храмовом образе.

В качестве примера приведу икону второй половины XVI в. «Троица Ветхозаветная, с деянием в 24 клеймах» из Покровского монастыря в Суздале (ГРМ. Инв. № ДРЖ-2138). В четвертом клейме, расположенном в центре над средником, помещен цикл из трех мелко написанных сцен в Эдеме: творение Адама, получение прародителями заповеди не вкушать запретных плодов и грехопадение. Последний сюжет выглядит здесь необычно. Чаще всего отношения между персонажами — прародителями и змеем-искусителем — выстраивались по принципу визуальной «эстафеты греха»: змей дает яблоко Еве, Ева передает его Адаму; изображение яблока умножается от двух до шести раз, демонстрируя его движение и показывая грехопадение людей в событийной динамике. Однако создатель этой иконы вовсе не изобразил запретный плод. Вместо этого он наделил героев жестами, которые изменили семантику всей миниатюрной сцены.

Первый жест — захват: хвост змея поднимается вверх, оплетая ноги Евы. Такая позиция напоминает средневековые описания рептилий, к примеру рассказ Храбана Мавра о том, что сила дракона заключена в хвосте, которым он побеждает слонов (что символизирует дьявола, преследующего, главным образом, аскетов и праведников) [Махов, с. 52]. Фактически хвост змея заменяет на иконе яблоко в руках Евы — с его помощью показано, что искушение уже состоялось. Второй жест принадлежит самой Еве, которая изображена в иконографической позе скорби: правая рука прижата к щеке, левая охватывает локоть правой, голова и торс слегка наклонены вперед. Поза не оправдана в сцене у Древа, если рассматривать ее как иллюстрацию самого момента искушения. Значение ее в другом — продемонстрировать не «механику», а последствия грехопадения: Ева скорбит о своем ослушании, утерянном рае и карах, которые последовали за изгнанием из Эдема.

Самый неожиданный (но логичный в этом контексте) жест у Адама: он стоит, скрестив на груди руки. В русской иконографии это многозначная поза, базовое значение которой — знак мертвеца. На иконах и миниатюрах это один из самых распространенных способов изобразить умирающего или умершего. Тот же знак использовали в самых

разных контекстах, расширительно трактуя понятие смерти. Такая поза часто встречается у узников преисподней, демонстрируя вечную смерть грешников [Антонов, Майзульс, с. 122, 172, 177, 178, 180, 202, 206, 224]. Ей наделяли монахов, принимающих постриг, а следовательно, «умирающих» для мирской жизни, и юродивых, пустынников, отшельников, которые еще радикальнее уходят от мира, умерщвляя тело. Скрещенные на груди руки — поза Христа-Эммануила в иконографии «Спас — благое молчание»: здесь это проповедь аскезы (см. примеры: [Юферева, с. 142—150]). Наконец, в самом дальнем спектре — поза предстояния Богу. Как в церковной практике, так и в иконографии скрещенные на груди руки — жест причастника перед чашей. Рискну предположить, что смысл евхаристической позы не просто замещение крестного знамения либо, по аналогии с перекрещенным во время евхаристии орарем дьякона, апелляция к скрещенным крылам серафимов из видения Исаии (Ис 6: 2—3), но демонстрация молитвенной сосредоточенности как символической смерти для всего внешнего (ср. слова Херувимской песни: «Всякое ныне житейское отложим попечение»), то есть жест предстояния Богу вторичен по отношению к знаку смерти. Интересно в этом плане, что на миниатюрах и иконах XVI—XVIII в. в той же позе изображали иногда персонажей, стоящих перед лицом Саваофа (см., например: [Иконы Вологды, № 105]).

Какой смысл был вложен в фигуру Адама со скрещенными руками на иконе Троицы, совершенно ясно: если жест Евы указывает на скорби и печаль, то жест Адама — на смерть в буквальном значении: и то, и другое для первых людей и их потомков стало прямым результатом грехопадения. Создатель клейма сделал необычный ход — вместо того, чтобы показать искушение в событийной динамике, он указал на его ключевые последствия для истории человечества. По сути, знаки позволили иконописцу совместить два временных плана: момент грехопадения и будущее людей на земле. Три жеста изменили смысл сюжета, уместившегося в небольшом по размеру клейме иконы.

Это подводит нас к вопросу о роли трудноразличимых знаков. Послание, зашифрованное в деталях, если говорить о коммуникативном аспекте, было ориентировано не на рядового молящегося/зрителя, но лишь на внимательных знатоков. Однако его, разумеется, помещали на иконы не для таких «идеальных адресатов» — роли храмовых образов многочисленны, и большинство из них вовсе не предполагает детального прочтения. Трудные для рассмотрения и (или) понимания визуальные комментарии создавались прежде всего как самодостаточный иконографический элемент, который помогал раскрыть смысл изображенной сцены безотносительно к компетенциям будущего зрителя. Что же касается регистров эффективности (Ж. Баше) коммуникативно «избыточного» текста в храмовых образах, то они заслуживают отдельного анализа.

Литература

Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Анатомия ада: путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М., 2014.
Иконы Вологды XIV—XVI вв. (Древнерусская живопись в музеях России. Вологодский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Вологодская областная картинная галерея). М., 2007.
Махов А. Е. Средневековый образ между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011.
Юферева Н. Э. Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология. М., 2013.

Т. И. Афанасьева (СПбГУ)

РУКОПИСЬ VAT. SLAV. 14 КАК СЛУЖЕБНИК МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА[1]

Начиная с Описания рукописей Синодального собрания, сделанного А. И. Горским и К. И. Невоструевым, служебником Киприана считается рукопись конца XIV в. ГИМ. Син. 601 согласно припискам писца Илария [Горский, Невоструев, с. 203—204]. Однако язык перевода и состав вечерни и утрени в Син. 601 существенно отличаются от тех же служб в требнике ГИМ. Син. 326 1481 г., также содержащем приписку о составлении его Киприаном. Данные противоречия обсуждались в научной литературе
XIX в., и И. Д. Мансветов пришел к выводу, что требник Син. 326 содержит некоторые службы, которые не связаны с переводами Киприана и по недоразумению приписаны ему в XV в. [Мансветов, с. 50—51].

Перечисленным выше ученым не был еще известен служебник, хранящийся в Ватиканской апостольской библиотеке Vat. slav. 14 конца XIV в., который был впервые описан Н. Ф. Красносельцевым в 1885 г. [Красносельцев, с. 162—194]. Эта рукопись, написанная высококлассными писцами-каллиграфами, несомненно, была выполнена в столичном скриптории и впоследствии принадлежала киевскому митрополиту Исидору (1436—1439), который вывез ее в Рим после провала его политики принятия унии на Флорентийском соборе в 1439 г. [Mercati, p. 3—4]. В настоящее время эта рукопись подробно описана в каталоге славянских рукописей Ватикана [Джурова, Станчев, Япунжич, с. 83—85] и была издана О. Горбачем[2]. О. Г. Ульянов указал, что часть рукописи, устав литургии Филофея Коккина, написана протодиаконом московского Успенского собора Спиридоном. В список епархий, помещенный в ватиканской рукописи на л. 111, включена Пермская епископия, образованная в 1383 г., что свидетельствует о составлении этого устава в этой рукописи в киприановское время [Ульянов]. Несомненно, что данная рукопись, в отличие от служебника Син. 601, имеет к деятельности Киприана и митрополичьего скриптория непосредственное отношение.

Изучение рукописей, содержащих литургические переводы Киприана, показало, что целый ряд служб в служебнике Син. 601 не связан с деятельностью Киприана и переписан Иларием из других источников. Так, например, Литургия Преждеосвященных Даров (Л. 62 об.—71) в этой рукописи содержит иную редакцию текста, очень редкую, известную лишь в нескольких русских рукописях XV в. По своей текстологической судьбе в

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137.
[2] *Горбач О.* Три церковнослав'яньскі літургічні рукописні тексти Ватиканьскоі бібліотеки. Рим, 1966.

русской рукописной традиции, а также по технике перевода она близка переводу Чудовского Нового Завета, и по аналогии с ним эта редакция названа была нами Чудовской [Афанасьева]. Молитва на поставление креста (Л. 123) и молитва «на отверзение церкви» (Л. 123 об.) читаются в пергаменном служебнике РНБ. Соф. 524 (Л. 87 об.—88 и 86—86 об.), содержащем древнерусские редакции литургий, и по тексту они полностью совпадают с Син. 601. Очевидно, данные молитвы в Син. 601 — это списки с древних служебников, распространенных на Руси в докиприановскую эпоху. Молитва над вином служебным (Л. 123) содержится в сербских правленых служебниках конца XIV в. РНБ. Q.п.I.60. Л. 55 и Q.п.I.61. Л. 85, что позволяет предположить южнославянское происхождение этой молитвы.

Если принять служебник Vat. slav. 14 за служебник Киприана, у нас сложится непротиворечивая картина исправления служебника и требника в конце XIV в. Противоречия, описанные А. И. Горским и К. И. Невоструевым, а также И. Д. Мансветовым, на наш взгляд, связаны с тем, что они *a priori* принимали служебник Син. 601 за ближайшую копию служебника Киприана. Служебник Киприана содержал только три литургии и уставы к ним, то есть был классическим византийским литургиконом. Никаких приписок о составлении этих текстов Киприаном в служебнике не содержалось, но написание их в митрополичьем скриптории лучшими каллиграфами говорило само за себя. Списки с этого служебника могли сопровождаться пометами писцов о том, что они переписывали свою рукопись с митрополичьего экземпляра, что придавало их деятельности особый статус. Видимо, служебник Син. 601 переписывался с одного из митрополичьих экземпляров, но к нему были приписаны службы, взятые из других источников.

Литература

Афанасьева Т. И. Чудовский литургиарий 3-й четверти XIV в. // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 59. С. 191—200.
Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3: Книги богослужебные. М., 1869. Ч. 1.
Джурова А., Станчев К., Япунжич М. Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985.
Красносельцев Н. Ф. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки с замечаниями о составе и особенностях богослужебных чинопоследований, в них содержащихся, и с приложениями. Казань, 1885.
Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности: Историко-литургическое исследование. М., 1882.
Ульянов О. Г. «Диатаксис» патриарха Филофея: древнейшая редакция по афонским спискам и в переводе митрополита Киприана (Vat. slav. 14) // Палеография и кодикология. 300 лет после Монфокона. М., 2008. С. 211—225.
Mercati G. Scritti d' Isidore il Cardinale Ruteno, e codici a lui appartenuti, che si conservano nella Biblioteca Apostolica Vaticana. Studi e Testi N 46. Roma, 1926.

Г. С. Баранкова (ИРЯ РАН)

СЛОВО НА ВОЗНЕСЕНИЕ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО В РУКОПИСНОЙ И СТАРОПЕЧАТНОЙ ТРАДИЦИИ[1]

Слово на Вознесение (далее — СВ) относится к восьми бесспорно принадлежащим Кириллу Туровскому похвальным Словам на церковные праздники и является важным для исследования творческого наследия этого выдающегося древнерусского писателя. Это единственное Слово Кирилла, представленное как в русских, так и в южнославянских (болгарских и сербских) списках. Кроме того, это риторическое произведение Кирилла вошло в старопечатные издания. Его комплексный анализ, включающий исследование источников, текстологии и языка, позволяет говорить о соотношении оригинального и заимствованного в творчестве этого писателя, а также судить о древнерусском влиянии на южнославянскую книжность. О важности этого произведения в русской рукописной традиции свидетельствует его включение в XV в. в состав одной из разновидностей 1-й редакции славянского перевода Учительного Евангелия 1343 г., а позднее в первое заблудовское издание Учительного Евангелия 1569 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца (далее — УЕ).

Старший список СВ относится к XIII в. (РНБ. ОСРК F.п. I.39), остальные списки — к XIV—XVII в. Первоначальное текстологическое исследование Слова было предпринято И. П. Ереминым, изучившим его более чем по 30 спискам и сделавшим вывод, что рассмотренные им списки однотипны [Еремин, с. 360]. Исключение составляют два списка ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 1396 и № 1425, XV—XVI в., содержащие вставку (нач. «Се наста, нам, братие, праздник…») [Еремин, с. 360—361], атрибутированную С. Николовой Клименту Охридскому и отмеченную ею также по болгарскому сборнику НБКМ № 320 [Николова, с. 43—44]. Сказанное дает возможность предположить наличие особой интерполированной редакции СВ, вероятнее всего составленной русским книжником. Более детальный анализ текстологии Слова был сделан Т. А. Алексеевой, выделившей три типа рукописей: Чудовский (со старшими списками XIV в.: ГИМ. Чудовское собр. № 20; РГБ. Ф. 304/I. Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 9 и № 120), Уваровский (старший список ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 589, XIV в.) и Пискаревско-Троицкий [Алексеева, с. 75—77]. При этом самый ранний список Пискаревско-Троицкого типа, рассматриваемый Т. А. Алексеевой, — РГБ. Ф. 228. Собр. Д. В. Пискарева. № 92, XV в., однако к этому типу относится и список XIII в. F.п. I.39. Выделение трех названных выше типов весьма условно, так как основано на довольно мелких текстологических различиях (пропусках или добавлениях

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-04-00127а «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».

предложений или словосочетаний, вставках или перестановках слов; собственно лексические разночтения в списках незначительны). В целом, по-видимому, было бы правильнее противопоставить чтения Уваровского типа текста СВ остальным группам списков, так как по характеру чтений наиболее существенны различия между ними и Уваровским типом, что наблюдается и в других Словах Кирилла.

Дальнейшее изучение списков позволило выявить еще одну разновидность текста СВ, представленного в рукописном УЕ, а позднее в старопечатном заблудовском издании. Таков текст в списках РГБ. Ф. 304/I. Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 103, 104; Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 80, все XVI в., практически тождественный старопечатному. Эти рукописи не учитывались в текстологической классификации И. П. Еремина и Т. А. Алексеевой. И. В. Якшин, исследовавший литературную историю УЕ, отмечает появление в начале XV в. его особой редакции — сборника, в который было включено СВ, предисловие к Учительному Евангелию Константина Преславского и ряд других ранних произведений [Якшин, с. 12].

Проведенный анализ показал, что Слово Кирилла в этих списках УЕ наиболее близко к тексту ранних списков, входящих в Чудовской тип (Чуд-20, Троиц-9, Троиц-120), ср. чтения: *пр(о)рчестїи лицы* Троиц-104, Забл., Чуд-20, Троиц-120 — *пр(о)рч(с)тии полци* остальные списки; *покоя* Троиц-104, Забл., Чуд-20, Троиц-9, Троиц-120 — *человѣка* остальные списки; *поите и воспоите* Троиц-104, Забл., Чуд-20, Троиц-9, Троиц-120 — *поите* остальные списки; и т. д. Однако в тексте СВ, вошедшем в УЕ, имеются и индивидуальные чтения, связанные с проведенным в нем редактированием языка: *на(д) враги одолѣние* Троиц-104, Забл. — *врагo(м) одолѣние* остальные списки; *погибшую* Троиц-104, Забл. — *изгибшую* остальные списки; *язычная* Троиц-104, Забл. — *язычьская* остальные списки; и т. д. Отмечаются в рассматриваемых списках индивидуальные пропуски (слов и словосочетаний), также, по-видимому, связанные с редактированием текста. Однако в старопечатный текст СВ перешло из рукописных списков УЕ без каких-либо изменений.

Интересно, что в московское издание УЕ 1629 г. СВ не вошло. Скорее всего, это было связано с его богословским содержанием. Не случайно митрополит Макарий (Булгаков) заметил, что «Слово на Вознесение Господне более всех других Слов свят. Туровского запечатлено игривою фантазиею и не чуждо произвольных предположений» [Макарий (Булгаков), с. 349]. В то же время СВ наряду с другими Словами и Притчей о душе и теле Кирилла Туровского вошло в московское издание Соборника 1647 г., однако его текст, имеющий в своей основе текст заблудовского издания, подвергся известному смысловому и языковому редактированию.

Литература

Алексеева Т. А. Лексика Слов Кирилла Туровского. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.
Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М., Л., 1955. Т. 11. С. 342–367.
Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. Т. 3.
Николова С. Кирил Туровски и южнославянската книжнина // Palaeobulgarica/Старобългаристика. София, 1988. Т. XII, 2. С. 25–44.
Якшин И. В. Литературная история «Евангелия Учительного» (рукописная традиция конца XIV – XVII вв.). АКД. Екатеринбург, 2012.

А. А. Бачинский (РГГУ)

«С РОЗМЕТОМ ПИСАНО»: РЕАКЦИЯ НА «НЕВЕЖЛИВОСТЬ» В РАМКАХ ЭПИСТОЛЯРНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ЭТИКЕТА РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ XVI в.[1]

Дипломатическая переписка периода правления Ивана IV в мирное время подчинялась определенному своду правил. При обострении отношений между правителями послания не лишались этикетного характера, однако он существенно менялся. Часто стороны старались действовать на грани допустимого, но не переходить ее. Не случайно при обсуждении ряда конфликтных ситуаций царь и бояре решали ответить «симметрично», но «перемирия не рушить»[2]. Примечательно, что набор «полемического оружия» достаточно устойчив и во многом совпадает для обеих сторон.

Чаще всего даже крайне острые выпады оппонентов не приводили к выходу за эпистолярные рамки: отказы принять грамоту и тем более вызванный этим разрыв дипломатических отношений — редкость. Тем не менее обе стороны регулярно жаловались на оппонента, пишущего «с розметом», «невежливо», «непригоже». В большинстве случаев это не влияло на дальнейший ход диалога. Однако в некоторых ситуациях поведение одной из сторон оказывалось воспринято как выходящий за рамки допустимого вызов. Это делало недостаточным только полемический ответ.

В конце 1550 г. Яков Остафьев отказался взять королевскую грамоту, где Грозный не назван царем, вместо него в начале 1551 г. ее доставил Матуш Гедройт[3]. После совета Ивана IV и бояр было решено принять письмо, но в ответе не писать королевский титул Сигизмунда II Августа. Показательна реакция польско-литовского посланника: Гедройт такое послание взял, однако выкинул на втором яме[4]. В 1552 г. в похожей ситуации Павел Островицкий отказался брать письмо. Сообщение между двумя правителями в результате этого кризиса временно прервалось. В дальнейшем на «неполный» титул сам Грозный реагировал и по-другому: не звал посланников к руке и иначе видоизменял ритуал встречи.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта — К. Ю. Ерусалимский.
[2] Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 349–350.
[3] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 4. Л. 196–200.
[4] РГАДА. Ф. 389. Л. 230 об.–231.

В 1567 г. послы царя не стали брать список ответных речей Сигизмунда II, поскольку Ян Ходкевич был назван в нем гетманом Ливонской земли. В результате документ был отправлен с польским гонцом Юрием Быковским (об этом упоминает Метрика Великого княжества Литовского, но игнорирует российская посольская книга). 23 августа 1567 г. король послал письмо, в котором озвучил сходные позиции. Послание внесено в российскую посольскую книгу[5], и Грозный на него ответил. Однако из-за «гордостных» слов короля привезший его Быковский попал в «опалу»[6]. Ответное послание Сигизмунда II от 1568 г. внесено в российскую посольскую книгу не было — для него оставлено свободное место[7].

По другим причинам дипломаты отказались от письма Стефана Батория. В послании Ивану IV от мая 1579 г.[8] король сообщал, что послы Грозного не взяли его лист, поэтому он вынужден отправить его с гонцом. Сообщающее об этом крайне резкое письмо Батория вызвало не менее острую реакцию царя. Когда Венцлав Лопатинский его привез, ему заявили: «Которые люди с такими грамотами ездят, и таких везде казнят, да мы, как есть государь христьянский, твоей убогой крови не хотим» [Юзефович, с. 46]. Однако документ был внесен в посольскую книгу. Переписка также не оборвалась: диалог между правителями был продолжен в том же тоне[9].

Таким образом, как выход за рамки допустимого могли быть восприняты некоторые особо острые по форме и содержанию замечания, а также ситуации, связанные с эпистолярным этикетом лишь косвенно. Практиковались несколько вариантов реакции на оскорбительное послание: ответить в сходном риторическим поле, отказаться принимать документ, изменить ритуал общения с доставившими его лицами. Они варьировались в зависимости от ситуации и актуальных целей.

Анализ принятых посланий показывает, что даже обвинения в недостойном поведении оппонента и его предков или греховности чаще всего не становились препятствием для передачи. При анализе исключений представляется важным поиск сторонних причин.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о невнесении ряда оскорбительных текстов в посольские книги. Как представляется, он тесно связан с двоякой ролью этих документов, представлявших собой не только одну из форм справочного аппарата Посольского приказа, но и источник формирования официальной историографии.

Литература

Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. М., 1988.

[5] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 5. Л. 207–212.
[6] Там же. № 7. Л. 1098.
[7] Там же. Л. 1125. Послание сохранилось в Вильнюсе (VUB. Rankraščių skyrius. F. 48. b. 32877).
[8] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 11. Л. 139–155 об.
[9] См. послание Грозного от 1 октября 1579 г., в котором царь отвечает на некоторые из упреков Батория, но не пересказывает предыдущего послания противника полностью (ГИМ. Музейское собр. № 1551. Л. 35 об.–41).

Н. Н. Бедина (Поморский гос. ун-т)

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ЖИТИИ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Житие Феодосия Печерского, написанное преподобным Нестором, — один из самых ранних книжных памятников древнерусской культуры, живущей «эсхатологической мечтой о Граде Божием» (А. В. Карташев). Хронотоп текста определен автором уже во вступлении: Нестор, «оградивъся вѣрою», ведет повествование в «странѣ сей» в монастыре «святыя Владычицѣ нашея Богородицѣ», где главный храм освящен во имя Ее Успения, в последние времена, когда «въ послѣдьниимь родѣ» такой муж явился, «его же и день усъпение нынѣ праздьнующе память творим»[1]. Мотивы успения, последних времен, ограды и сей страны (сего места) составляют систему пространственно-временных примет, которая определяет эсхатологический хронотоп текста.

Концепт «смерть» встречается в тексте Жития в несколько раз чаще, чем концепт «жизнь». Слова и выражения со значением «смерть», «умирать», «мертвый», «по смерти» наиболее часто обнаруживаются не только в последней части Жития, повествующей об успении преподобного Феодосия, но и там, где он выступает как наставник и устроитель монастыря. В основе «пристального внимания к смерти» [Душечкина] в тексте Жития лежит идея ее преодоления, воспринятая из Евангелия, цитаты из которого выполняют роль семантических ключей.

Обращает на себя внимание избирательность цитирования Св. Писания: Нестор цитирует прежде всего (а во вступлении — исключительно) Евангелие от Матфея. Внимание к этому тексту может быть объяснено тем, что Чтение из него включено в заупокойную (?) службу «Над черноризцем»[2]. В Остромировом Евангелии «Чьтение над чьрноризьцемъ» — это стихи из 10-й главы Евангелия от Матфея, которые автор Жития цитирует дважды. Богослужебная традиция чтения Евангелия от Матфея в праздники Рождества и Преображения, в мясопустную и сыропустную недели и, конечно, вместе с остальными Евангелиями на Страстной неделе и на Пасху составляет литургический код текста.

«Основным квантом времени» в Житии, как справедливо пишет В. Н. Топоров, выступает «день» [Топоров, с. 625]. Между тем в композиционных частях текста, где повествуется о чудесах и молитвенных подвигах преподобного Феодосия, безусловно, преобладает концепт «ночь». Подобно Евангельской истории, большинство из ключевых событий Жития совершаются ночью: ночью юный Феодосий бежит от матери, ночью он, уже монах, борется с бесовским наваждением и совершает молитвенные подвиги, ночью он ходит на прения с киевскими иудеями и обходит монастырь, заботясь о благочестии своей братии, ночью происходят чудесные видения, и, наконец, ночью преподобный Феодосий готовится к смерти.

[1] Цит. текст Жития, вошедший в Успенский сборник (Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 71–135 (Л. 26а–67в)), в упрощенной графике по изд.: БЛДР. СПб., 2004. Т. 1. XI–XII вв. С. 352–433.
[2] Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова. М., 2007. Л. 289 об.

Евангельские ночи Рождества, Преображения и Воскресения, подобно «мраку горы Синайской», в котором явился Бог Моисею, указывают на «радикальную непостижимость Божественной сущности» (В. Н. Лосский) и событий, ее являющих. Та же непостижимость Божественного замысла о преподобном Феодосии скрыта в образе ночного мрака в Житии. Вместе с тем ночное время тесно связано с представлением о смерти: «в сию нощь душу твою изьму, а яже събра — кому будуть?» (Лк 12: 20). Исповедание совершенных за день грехов перед сном (подобием смерти) определяет настрой вечернего и ночного Богослужения. В тексте Жития с пения 24-го псалма, входящего и в современной церковной практике в состав Великого Повечерья, начинает свое монашеское служение преподобный Феодосий: «Вижь съмѣрение мое и трудъ мой и остави вься грѣхы моя» (Пс 24: 18).

Богослужебный суточный круг начинается с вечера: покаянные интонации вечерних и ночных молитв сменяются радостно-прославляющим звучанием утрени. Подобно литургической традиции, в повествовании Нестора тьма смертная преодолевается утренним светом «деньници пресвѣтлой» — преподобного Феодосия. Смерть преподобного Феодосия совпадает с восходом солнца: «Умрѣтъ же отьць нашь Феодосий въ лѣто 6 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ суботу, якоже прорече самъ, въсиявъшю сълньцю».

Таким образом, в согласии со словами апостола Павла: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор 4: 10), время в Житии — это ночь, преодолевшая свою тьму смертную и обратившаяся в утро. То же содержание имеет динамика пространственных примет текста: пространство Жития — это «место» (пещера, монастырь), преодолевшее тесноту могилы и ставшее «горним местом».

Литература

Душечкина Е. В. Нестор в работе над Житием Феодосия. Опыт прочтения текста // Труды по русской и славянской филологии. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1971. Т. XVIII. С. 4–15.
Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. I.

А. В. Беляков (ИРИ РАН)

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НОГАЙСКИХ МИРЗ В РОМАНОВСКОМ УЕЗДЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

История ногайских мирз в Романовском уезде уже не раз становилась предметом исследования. Однако здесь по-прежнему остается множество белых пятен. В первую очередь они касаются истории землевладения мирз.

В нашем распоряжении имеются сведения писцовой книги Романовского уезда 1593–1594 г.[1] В книге содержатся значительные экскурсы в историю землевладения уезда. Это позволяет нам отчасти проследить ее историю.

На момент описания среди помещиков в уезде значились: князь Афанасий Шейдяков, ему принадлежало 1635,5 чети; Айдар мирза Кутумов, 2622 чети; Алей мирза Кутумов, 2940 четей; Эль мирза Юсупов, 6186 четей.

Особый интерес для нас представляют сведения о прежних помещиках.

К моменту писцового описания прежними помещиками значатся: князь Ибрагим б. Юсуп, 2028,5 чети земли; Ахмала (Акмолна) мирза Биштовов (Бештовзин), 1203,5 чети; Ак-Мухаммед б. Юнус, 1558,5 чети; Ашалы мирза, 1199,8 чети; Бабаджан (Бебезан, Бибизян) мирза Уразлыев, 1432,5 чети; князь Никита (Султан-Газы) Кошумов, 1613,5 чети, из них 17,5 чети ранее принадлежало князю Ибрагиму; Маметкул мирза, 1358 четей; Мустафа мирза [Шейдяков], 1060,5 чети, позднее поместье перейдет Иль (Эль) мирзе Юсупову; Наделы (Нелал) мирза Алей мирзин сын Хромого, 1295 четей, в 1571/1572 г. его поместья перешли другим помещикам; Сеит-Мухаммед б. Ибрагим б. Юсуп, 617 четей (возможно, неполные данные); Темир мирза Уразлыев, 1348 четей, после часть поместья, 974 чети, перейдет Иль мирзе Юсупову; Иль мирзе Тохтарову принадлежало 1404,8 чети.

В подавляющем большинстве случаев до нас дошли только имена мирз. Их отчества восстановлены нами по другим источникам.

История ногаев в уезде началась в середине века. Весной 1558 г., после очередного обострения отношений бия Исмаила б. Мусы с детьми убитого им прежнего бия Юсупа б. Мусы, Юнус б. Юсуп выразил желание служить московскому царю и выехал в Астрахань. 5 июня мирза прибыл в Москву. После этого Иван IV попросил Исмаила отпустить из Сарайчука в Москву жен и детей Юнуса. Однако 10 мая 1561 г. Юнус скончался в Москве и был отправлен за государев счет на погребение в Сарайчук. Но в Москве остались двое его сыновей — Бий-Мухаммед и Ак-Мухаммед.

В 1560 г. в Москву были вывезены Пулад, Бибаджан и Тимур, дети Ураз-Али б. Шейх-Мухаммеда б. Мусы, вставшие на сторону Юсуповичей. Через год здесь же оказался четвертый брат — Тохтар — с отрядом в 70 человек.

Несколько позднее, в 1564 г., в Москву прибыли другие дети Юсупа — Ибрагим и Эль. Их испоместили в Романовском уезде. Мирзам также были положены особые деньги на содержание из Романовских доходов. Приблизительно в это же время в Романове оказались Айдар и Али, сыновья Кутума б. Шейх-Мухаммеда.

С января 1568 г. в России отмечены Аман-Газы (Амантаза) и Дос-Магмет мирзы «Шиидяковы дети княжие»[2]. Скорее всего, это и есть те самые князья Петр Тутаевич (сын Тутая б. Саид-Ахмеда) и Афанасий Шейдяковы, столь часто встречающиеся на страницах разрядных книг последней трети XVI в.

Однако некоторые из перечисленных мирз через какое-то время покинули территорию России. Первым отправился в степи Тохтар Урмаметев. В 1570 г. после ссоры с опричником Романом Пивовым в Литву, а оттуда в Крым в сопровождении 130 казаков бежали князь Ибрагим Юсупов с сыном, Ахмала Биштовов, Наделы Алеев и Тинолей Юнусов.

[1] *Антонов А. В.* Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 574–601.
[2] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016. С. 150, 215, 316.

Что стало с остальными мирзами, оставшимися в России? Частично мы можем ответить на этот вопрос. В родословной книге по списку князя М. А. Оболенского отмечен некий Бибей мирза Ибрагимов сын, в крещении Владимир. У него имелся сын Доахие, в крещении Семен[3]. Более они неизвестны ни по одному историческому источнику.

В 1571 г. русскому посланнику в Турцию А. И. Кузьминскому велено было на вопрос, почему крестили «нагайского мурзу Мустафу Шейдякова», отвечать, что его крестили по его желанию и царь «пожаловал его ныне своим великим жалованьем, дал ему многие волости и села». Где-то в это время крестили князя Ивана Келмамаевича Келмамаева, который впервые упоминается летом 1571 г. Высокий статус этого человека не вызывает сомнений. Достаточно того, что он женат на одной из дочерей Малюты Скуратова. 15 июля 1573 г. В. Г. Бельский сделал вклад в Иосифо-Волоцкий монастырь по его душе. Мы не знаем, указывает ли родовое прозвище на имя деда или же отца. Известен Кел-Мухаммед б. Саид-Ахмед (Шейдяк) б. Муса. Таким образом, князь Иван и мирза Мустафа из Романовского уезда, скорее всего, один и тот же человек.

Мы можем предположить, что после побега в Литву части ногаев в Москве решили по возможности крестить оставшихся и ограничить их общение между собой путем испомещения в иных уездах.

После Смуты в уезде фиксируются только мирзы Юсуповы и Кутумовы. При этом размеры их землевладений еще несколько выросли. Увеличение, скорее всего, происходило за счет земель их родственников. При сравнении размеров землевладения Юсуповых и Кутумовых с иными мирзами заметна явная диспропорция в пользу первых. К тому же источники постоянно называют разные цифры[4]. Это происходит из-за того, что помимо собственно землевладения Юсуповых и Кутумовых в их дачах фиксируются земли, предназначенные для казаков из их военного отряда в 225 человек.

[3] Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. Л. 131. С. 76.

[4] *Моисеев М. В.* К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 197–202; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М. 1997. Т. I. № 307. С. 298–299; РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1627 г. Д. 1. Л. 11–12.

Ю. С. Белянкин (РГБ, МГУ)

ЧУДЕСА И ЗНАМЕНИЯ В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛЕМИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

В ходе одного из самых острых в отечественной истории церковных и общественных конфликтов, начало которому было положено при патриархе Никоне, многие дискуссионные вопросы богословского, литургического и иного характера по существу не могли быть разрешены, что оставляло простор для дальнейших споров и прений. Совершенно необходимым и естественным для всех сторон конфликта было использование во взаимном противостоянии тех или иных чудес и знамений. Так, в 1677 г. Печатный двор выпустил остающееся до сих пор анонимным издание «Извещение чюдесе бывшаго в царствующем граде Москве, о сложении трех первых перстов, ими же подобает воображати крестное знамение по древлепреданному преданию». **Издание вышло** вскоре после подавления Соловецкого восстания, из-за многих «сумнительств» и «прения в народе российском о сложении трех первых перстов» (Л. 1–1 об.). Царский ясельничий Федор Вышеславцев (начальник Конюшенного приказа, царский ясельничий в 1671–1676 г.) находился при смерти (в неделю крестопоклонную, что символично) и начал молить Бога, чтобы получить знак, каким образом следует складывать персты. Они сами собой сложились троеперстно, что засвидетельствовал сам патриарх.

Еще один яркий пример использования чудесных явлений из текущей жизни, служившей фоном для развернувшегося церковного противостояния, в полемике с «раскольниками» — текст обращения властей к посадским людям, сохранившийся среди документов Приказа тайных дел (середина 1670-х годов). От имени царя и Собора здесь речь идет о «новом и предивном чуде в наших летех», служащем «в посрамление и обличение же непокоривых мятежников и новопроявленных единства Церкви терзателей». Посадский человек Михаил Евдокимов на протяжении некоторого времени находился под влиянием некоего ярославца Дементия Иоаннова, учившего его «лстиво по книзе Апокалипсисе»[1] и называвшего патриарха Никона пришедшим антихристом. В документе разоблачаются признаки приближения Судного дня и эсхатология старообрядцев, искавших антихриста в Московском государстве. Михаил Евдокимов решил смыть елей после Всенощной, как его научил «раскольник», после чего его правая рука оказалась парализована: «прочии раскольницы тоя казнь видяще устрашатся и здравый совет примирения с церковию соборною восприимут»[2]. Другое чудесное событие произошло не с рядовым «раскольником», а с учеником Неронова и протопопа Аввакума, нижегородским пресвитером Мокием Васильевым, учившим своих детей духовных называть троеперстное знамение печатью антихриста и хулить «оскверненное» причастие. За это Господь «порази лице его язвою и уста его хульная растли», а сам священник скончался после покаяния «в лето [7]179-е»[3].

Следующий текст (кон. XVII в.) неизвестного автора рассказывает историю «исцеления» от «раскольнических» заблуждений[4]. Не случайно, по-видимому, он озаглавлен «О том же крестном знамении четырех братов Плещеевых» (вероятно, духовные чада Ивана Неронова). Братья («родом града Москвы царского величества стольники») благодарят Бога, наставившего их «в свет истинного познания крестного знаменования». Перестав

[1] Ревнители «старой» веры повсюду видели определенные знамения «последних» времен и наказания Божьего, о чем, в частности, говорится в «Слове благодарственном» (М.: Печатный двор, 1683. Л. 194 об.): «а прежде… жили лете многия со всяким обилством и в здравии, а ныне всех нашла скудость, земля неплодная…».

[2] Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России 1654–1684 гг. / Сост. В. С. Румянцева. М., 1990. С. 99–100.

[3] Там же. С. 102.

[4] ГИМ. Синодальное собр. № 346. Л. 1695–1698.

покоряться Церкви в вопросе о троеперстном сложении, в том числе опираясь на писания Феодорита Кирского, они готовились принять смерть. Однако по прочтении «списания Дамаскина» (Студита) и проложного текста о благословении Мелетия Антиохийского и связанном с ним чудесном явлении братья образумились. Они отреклись от «нововводного» двуперстия, узнав и о «чудесном» обретении в Москве руки апостола Андрея (сентябрь 1682 г.) на исходе московского восстания. Это обретение власти использовали для «идеологической» борьбы с «раскольниками», что повлекло случаи хуления святыни. Так, хорошо известно о поведении сторонников «раскольников» в 1683 г. в Чудовом монастыре [Браиловский, с. 416], когда была испорчена вывешенная на обозрение доска с изображением руки апостола Андрея с троеперстием и выписками из отеческих писаний. Обретение руки изображалось в «официальных» источниках как неслучайное: через апостола Господь впервые проповедовал свое имя в России, через него же теперь «сомнящийся народ» убедил в истинности троеперстия и покарал «раскольников».

С первых моментов церковного раскола (начиная с проповеди Макария Антиохийского в Чудовом монастыре) не терял актуальности также спор о правильном толковании знамения, произошедшего в связи с перстосложением Мелетия Антиохийского. Так, сторонники патриаршей Церкви полагали, что во время спора с арианами патриарх Мелетий, исчерпав все аргументы, совершил именно троеперстное крестное знамение, сопровождавшееся явлением молнии[5].

Чудеса и знамения заняли достаточно важную нишу в полемическом дискурсе второй половины XVII в. Они активно использовались в системе аргументации и авторитетов каждой из сторон острейших дискуссий, наряду с широким спектром других методов идейного противостояния ревнителей «старой» веры и защитников патриаршей Церкви, включая источниковедческую работу с рукописями и старопечатными книгами, анализ литургической практики, богословские прения.

Литература

Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902.

[5] См., в частности, такое толкование в печатной исправленной Псалтыри (М.: Печатный двор, 03.1684. Л. 16 об.).

М. В. Бибиков (ИВИ РАН)

ЖИТИЕ АНТОНИЯ ПЕЧЕРСКОГО В ГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ[1]

Жизнеописание основоположника русского монашества преподобного Антония Печерского обычно восстанавливается по древнерусским агиографическим источникам [Артамонов, 2001; Артамонов, 2003; Артамонов, 2014; Михалаос; Назаренко, Турилов, с. 602–603]. Однако подобные тексты известны и в греческой традиции [Бибиков, 2004, с. 492–493]. Ряд сведений о начале русского присутствия на Афоне зиждется или на местных святогорских легендах (часто позднего происхождения), или на поздних свидетельствах, ретроспективно обращенных в прошлое, а также на очевидных спекуляциях Нового и Новейшего времени.

К такого рода случаям относятся и нередко вновь приводимые сейчас старые, казалось бы, уже дезавуированные данные и особенно датировки пребывания на Афоне основоположника русского монашества Антония Печерского. Сведения о нем в основном черпаются из Повести о Печерской обители (в составе Повести временных лет), имеющей существенные хронологические и содержательные различия в разных редакциях памятника, а также из Киево-Печерского патерика.

Ни даты, ни места пострига Антония на Афоне ни один из аутентичных старших древнерусских источников не сообщает.

Сведение о так называемом втором путешествии Антония появляется только во Второй Кассиановской редакции Патерика в 1462 г. и признается интерполяцией редактора, стремившегося преодолеть хронологические несовпадения своих источников. В настоящее время как датировка, так и сам факт двукратного пребывания Антония на Афоне вызывают небезосновательный скепсис исследователей [Thomson, p. 662–663].

Указания в литературе на Лавру св. Афанасия, Эсфигмен или Иверскую обитель как на место пострига Антония являются лишь недоказуемыми источниковедческими предположениями [Артамонов, 2014, с. 32]. Неверифицированной признается и догадка, известная по некоторым местным афонских преданиям, возникшим только в XVIII–XIX в., о Русском монастыре Ксилурга («Древодела») в том же качестве [Назаренко, Турилов; Турилов, с. 255–258, 273–274].

Как уже давно установлено [Розанов], Лаврская версия возникла в дневнике иеромонаха Ипполита Вишенского из Борисоглебского Черниговского монастыря, посетившего Афон с 23 мая по 16 июня 1709 г. и 5–6 июня записавшего рассказ об Антонии, переданный иеромонахом Лазарем Прокудой (бывшим Киево-Печерский иноком), жившим около Великой Лавры [Thomson, p. 664]. Еще менее достоверна Иверская гипотеза начала XX в. [Кирион, с. 89–90]. Эсфигменская же легенда восходит к 1840 г., когда иеромонах Иаков Ватопедский в составленное им Житие Антония включил легенду о благословении Антония на монашеский подвиг эсфигменским игуменом Феоктистом. Это Житие в рукописи анонимно [Lampros, p. 518, 575][2], но атрибутировано А. Муравьевым во время его пребывания в Эсфигменской обители 21 августа 1849 г. [Муравьев, с. 205–206].

Утверждается же эсфигменская «атрибуция» Антония в составленном и опубликованном лишь в 1893 г. Константином Дукакисом «Великом Синаксаристе» «Житии блаженной памяти отца нашего Антония Русского Эсфигменита»[3]. Многочисленные хронологические несоответствия и несуразности этого текста очевидны [Thomson, p. 666], поэтому в новом издании памятника последовало немало произвольных изменений в хронологии, что,

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00089.

[2] Копия текста «кодекса 0.4.24», сделанная в 1842 г. иеродиаконом Даниилом Ватопедским, известна в Киеве [Петров, с. 155].

[3] Μέγας Συναξαριστής... Ἀθῆναι, 1893. Σ. 145–172.

однако, еще больше запутало дело[4]. В любом случае, «Эсфигменская легенда» вряд ли восходит ко времени ранее 1840 г., поскольку об этом нет ни слова в «Истории Афона» главы Эсфигмена Феодорита (ум. после 1824 г.), сохранившейся лишь в нескольких фрагментах, но известной епископу Порфирию (Успенскому), который свидетельствует об отсутствии там каких бы то ни было спекуляций об Антонии Печерском [Порфирий (Успенский), с. 243]. Епископ Порфирий прослеживает путь искусственно созданной легенды в канун визита на Афон в 1846 г. великого князя Константина Николаевича, которому предъявили «Антониеву пещеру», отстроенную затем в 1848–1850-х годах. Но легенда была подхвачена В. Григоровичем, посетившим Эсфигмен в декабре 1844 г. [Григорович, 1848, с. 57; Григорович, 1877, с. 50], и не раз некритически повторялась в XX в.[5], хотя первый переводчик на русский язык греческих актов Свято-Пантелеимонова афонского монастыря и историк Русского Афона схимонах Азария (Попцов) дезавуировал рассматриваемую уже в 1865 г. легенду, составив совместно с иеромонахом Иаковом Неаскитиотом недавно введенную в научный оборот без малого тысячестраничную «Афониаду», включающую в себя и «Житие преподобного Антония Русского» и не содержащую в основном тексте следов эсфигменских атрибуций[6].

Литература

Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. М., 2001. С. 5–81.
Артамонов Ю. А. Жизнь и подвиги преп. Антония Печерского: факты и вымыслы // От Древней Руси к России Нового времени. М., 2003. С. 379–395.
Артамонов Ю. А. Антоний Печерский // Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 31–32.
Бибиков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. I.
Бибиков М. В. Афонская историографическая традиция о начале русского монашества: «Афониада» (1848–1865) Иакова Неаскитиота // Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. Каптеревские чтения – 14. Сборник статей. М., 2016. С. 146–168.
Григорович В. Очерк ученого путешествия по Европейской Турции // Ученые записки, изданные Императорским Казанским университетом. 1848. Кн. 3.
Григорович В. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877.
Кирион, о. Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910.
Михалаос Анастасия. Преподобный Антоний Печерский: Благословленный Афоном // Монастырский вестник. 2016. № 7 (31). С. 79–85.
Муравьев А. Письма с Востока в 1849–1850 гг. СПб., 1851. Т. 1.
Назаренко А. В., Турилов А. А. Антоний // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 602–606.
Петров Н. Описание рукописей Церковно-Археологического музея при Киевской Духовной академии. Киев, 1878.
Порфирий (Успенский), еп. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. Киев, 1877. Т. II/1.
Розанов С. Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) // Православный Палестинский сборник. СПб., 1914. Вып. 61. С. 101–118.
Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV – первой половины XVI вв. // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 245–285.
Lampros S. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1900. Vol. 2.
Thomson F. Saint Anthony of Kiev – the Facts and the Fiction // Byzantinoslavica. 1995. T. 56. P. 637–668.

[4] Μέγας Συναξαριστής... Τ. Ζ΄. Ἀθῆναι, 1973. Σ. 204–207.
[5] М. Гедеон, К. Влахос, Г. Ильинский, Р. Докинс, Н. Милонакос, И. Мамалакис, Э. Аманд де Мендиета, А. Жуковский, Р. Билетта и др.
[6] Cod. Athos. Panteleemon. 281. P. 37–55 в части 1 [Lampros, p. 348–351]. Ср. Версию «Афониады» 1855 г. (Cod. Athos. Panteleemon. 282. P. 117–120; [Бибиков, 2016]).

С. В. Богданов (ТвГУ)

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ ТВЕРСКОМ КНЯЗЕ

Одна из статей договора, заключенного в 1296 г. между Новгородом и удельным тверским князем Михаилом Ярославичем, гласит: «А кто будетъ давныхъ людии въ Торьжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Олександрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ»[1].

В. А. Кучкин на основании цитированной статьи считает, что первым тверским князем являлся Александр Ярославич: в 1247 г. Тверь из состава Переяславльского княжества была передана князем Святославом Всеволодовичем князю Александру, а между 1252 и 1255 г. состоялся насильственный обмен Твери на Переяславль [Кучкин, 1984, с. 114–115, 116].

По мнению П. Д. Малыгина, нет оснований лишать Ярослава Ярославича титула первого тверского князя, поскольку имени Александра Ярославича нет в ряду тверских князей в «Предисловии летописца княжения Тферскаго…» [Малыгин, с. 38–39].

Представление о Твери как отчине Ярослава основывается на статье 6762 г. в летописях, отразивших «тверской свод 1304 года»[2]. Между тем летописный текст дает основания назвать работу тверского сводчика начала XIV в. тенденциозной, в том числе он мог сознательно обозначить отчинную принадлежность Твери князю Ярославу, поэтому для доказательства первенства князя Ярослава на тверском столе требуется дополнительная аргументации, в том числе потому, что во время Неврюевой рати 1252 г. семья Ярослава и его воевода находятся в Переяславле, а не в Твери.

[1] ГВНП. С. 14–15.
[2] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 473; М., 2000. Т. 15. Стб. 398; М., 2007. Т. 18. С. 71.

Для решения вопроса о первом тверском князе требуется учет комплекса сведений и разделение аспектов анализа — временного и содержательного (кто «позоровал»). Очевидно, норму о «позоровании» «давних людей» в Торжке и на Волоке к Твери следует истолковывать в смысле «во времена» новгородского княжения Александра и Ярослава, князь Александр занимал новгородский стол с небольшими перерывами с 1236 г.

Кто такие «давние люди», что означает их «позорование»?

В другой статье договора 1296 г., где вкупе с цитированной статьей оговаривается разрешение долговых споров между Новгородом и тверским князем, упоминаются закладники, «позоровавшие» к князю Михаилу, от них он должен был отступиться[3]. Очевидно, «позорование» является общим для «давних людей» и «закладников», и это позволяет утверждать, что «давние люди» — это закладники, «позоровавшие» к Твери при князьях Александре и Ярославе.

По И. И. Срезневскому, одно из значений глагола «позоровать» — 'числиться, принадлежать'[4]. Что это означает? Может быть, «причисление» связано с татарским «числом» в Суздальской, Рязанской и Муромской землях в 1257/1258 г.[5] и в Новгороде в 1259 г.[6], сопряженным с общеимперскими мероприятиями императора Менгу (1251–1259 г.) [Насонов, с. 223]?

Скорее всего, нет, поскольку такое толкование не объясняет «позорование» закладников при князьях Ярославе и Михаиле, когда монголы переписей не проводили. Следует иметь в виду, что закладничество было средством для расширения круга зависимых от князей людей, особенно актуальным это было для сопредельных территорий. Так, относительно нормы договора князя Михаила Ярославича с Новгородом февраля 1318 г. о новоторжцах, не «тянувших святому Спасу», которая упоминает закладников и «старых людей»[7], В. А. Кучкин отметил, что «закладчики» до заключения этого договора коммендировались тверскому князю и должны были быть отпущены в свои сотни и погосты, а вот «старые люди» в Торжке по-прежнему несли повинности в пользу зарубежных сюзеренов [Кучкин, 1997, с. 64], то есть удельных князей.

Итак, если князь Александр Ярославич стоит первым в списке тех, при ком «давние люди» стали «позоровать» «к Твери» — отбывать повинности в пользу другого сюзерена (князя), то напрашивается естественный вывод о том, что он был первым тверским князем.

Литература

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
Кучкин В. А. Последний договор Михаила Ярославича тверского // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 14–18.
Малыгин П. Д. Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое: тр. науч. конф., посвященной 750-летию Тверского княжества и 725-летию Тверской епархии. Тверь, 1998. С. 38–48.
Насонов А. Н. «*Русская земля*» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2001.

[3] ГВНП. С. 14.
[4] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка (по письменным памятникам). СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1091.
[5] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474–475.
[6] ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 310–311.
[7] ГВНП. С. 18, 25–26; [Кучкин, 1997, с. 55].

Д. М. Буланин (ИРЛИ РАН, СПбГУ)

ГЕРЦОГ АЛЕКСАНДР ГАМИЛЬТОН, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ В РОССИИ И ЕГО ДРЕВНЕРУССКИЙ СБОРНИК XIV в. BERLIN, HAMILTON 381[1]

Александр Гамильтон (1767–1852), 10-й по счету в династии герцогов и первый по статусу пэр Шотландии, считается одним из самых знаменитых коллекционеров. Отстроенный им дворец Гамильтонов в Ланаркшире с бесценными коллекциями живописи, скульптуры, прикладного искусства, мебели, с огромной библиотекой, включавшей и собрание редчайших рукописей на разных языках, демонстрировал величие представляемого хозяином рода и его собственные утонченные вкусы. К сожалению, мегаломания подорвала финансовое благосостояние герцогов, так что почти все это великолепие ушло с молотка на аукционах 1882 и 1919 г. Дворец в Ланаркшире разобрали в 1920-е годы. Больше повезло рукописям, поскольку коллекцию Гамильтона целиком приобрела кайзеровская Германия.

Превратностями истории XX в. объясняется, почему единственная в коллекции славянская рукопись под № 381 надолго выпала из поля зрения специалистов. Между тем этот древнерусский пергаменный кодекс XIV в. заслуживает монографического исследования. Среди не столь многочисленных сборников учительного содержания за первые четыре века существования русской письменности кодекс Гамильтона — один из лучших по сохранности. Рукопись Berlin, Hamilton 381, размером в лист или в большую четверку, сохранилась без потерь и состоит из 26 кватернионов (208 листов). По особенностям почерка, декоративных элементов и орфографии кодекс датируется второй половиной XIV в. Орфография, лишенная ярко выраженных индивидуальных черт, не позволяет точно локализовать рукопись, побуждая принять формулировку А. И. Яцимирского, первого ее исследователя: «письмо северно-русское». Локализации мешает и то, что тексты в кодексе Гамильтона образуют три блока, восходящих к самостоятельным антиграфам. Из них-то и были унаследованы редкие симптоматические чтения, свои для каждого блока.

Когда попал кодекс № 381 в коллекцию Гамильтона? Герцог (тогда он еще именовался маркизом Александром Дугласом) провел в России без малого два года (1807–1808). О его политической деятельности тут и о его активности

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 16-18-10137.

в качестве ценителя изящных искусств узнаем из официальных источников, а также из документов, находящихся в частных архивах. Александр Дуглас прибыл в Санкт-Петербург в качестве полномочного представителя Британии. Правда, новое министерство в Лондоне довольно быстро освободило только-только вошедшего в курс дел шотландца от дипломатической службы, заменив его новым посланником. Однако же экс-дипломат, вопреки этикету, не спешил покинуть страну. Он остался здесь даже тогда, когда, как результат Тильзитского мира, между Россией и Великобританией начались военные действия. Что же удерживало будущего герцога вдали от дома? Оказывается, Александр Дуглас не устоял перед чарами небезызвестной графини Софьи Потоцкой. Маркиз бывал у нее в Тульчине, поддерживал с графиней переписку. Достоверно известно, что маркиз посетил Москву, собирался в путешествие в глубь страны. Помимо привязанностей интимного свойства, бывший дипломат поддался чарам более возвышенного характера, а именно, проникся интересом к русской культуре петербургского периода. Он восхищается строениями Дж. Кваренги, планирует привлечь его к реконструкции фамильного дворца, поддерживает художников-соотечественников Р. Кер Портера и У. Алана. Говорить о русофильстве шотландского аристократа едва ли уместно. Вместе с тем не подлежат сомнению его благоговение перед памятью прежних правителей империи, которым она обязана своей вестернизацией. Находясь в России, меценат заказал отлить для себя бронзовые копии со скульптурных портретов Екатерины и Петра (бюсты Ж.-А. Гудона и К.-Б. Растрелли). Во дворце Гамильтонов эти скульптуры красовались на видных местах, на равных правах с головами римских императоров. Там же висели два портрета Екатерины, написанных маслом, и гобелен, репродуцирующий ее же портрет работы Ф. С. Рокотова. Как реликвию хранил он принадлежавшую Екатерине муфту из соболиного меха. Преклонение перед образом императрицы идет в русле общей тенденции, какую обнаруживает аристократ, стремившийся ассоциировать себя с представителями всех правящих домов, будь то короли, цари или императоры.

Все-таки, находясь в России, он не ограничивал свои интересы личностями правителей страны. В Петербурге он заказал слепок с Венеры Таврической, Императорский стекольный завод получил от него заказ на пять больших зеркал и стол. Русские приобретения шотландского аристократа надолго застряли в России из-за континентальной блокады. Они прибыли в Англию в девяти ящиках лишь в 1813 г. Скорее всего, кодекс Hamilton 381 находился в одном из этих ящиков. Где и зачем купил его коллекционер? Ясно, что написанная на непонятном владельцу языке рукопись Hamilton 381 пробудила в нем интерес исключительно своей древностью. Гарантией этой древности служил материал для письма — пергамен. На пергаменные рукописи собиратель был особенно падок: 10-й герцог Александр Гамильтон слыл среди современников-книголюбов заядлым «веллофилом».

И. Г. Бурцев (ГМЗ «Куликово поле»)

СТАРОЕ ТУЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ: К ЗАКРЫТИЮ ПРОБЛЕМЫ

По распространенной летописной версии, в 1509 г. «на Туле» построили деревянную крепость, а в 1514–1520 г. — каменную. Между тем в Туле бытовало предание о переносе города. Известный тульский краевед В. А. Лёвшин писал: «И не на том месте была древняя Тула, где находилась впоследствии и где состоит ныне. В настоящей окружности города есть место, доднесь называемое городищем, котораго, впрочем, не осталось признаков, кроме названия. Место сие находится на правой стороне Упы-реки, при устье речки Тулицы, где ныне Оружейный завод. При названии заводской церкви всегда прилагают слово: на *городище*. Жители Тулы, по преданиям, уверяют, что в старину был город на етом месте» [Лёвшин, с. 114–115]. Так с его легкой руки обрела жизнь в историографии легенда о «Старом Тульском городище». В 1850 г. И. Ф. Афремов расширил версию: «Господарь великий князь Василий Иоаннович 1509 года повелел в Туле (оставя старое городище при речке Тулице) заложить на левом береге Упы дубовую крепость» — и даже поместил в книге план «Старого городища» [Афремов, с. 128–130]. О городище на оружейном заводе писали И. П. Сахаров, П. П. Свиньин, А. Г. Глаголев, П. И. Малицкий, А. П. Рудаков, П. В. Нарциссов.

Некоторые исследователи предположили, что деревянная крепость была построена на «Старом Тульском городище», то есть на правом берегу Упы [Екимов, с. 8]. В XVI–XVII в. упоминается церковь на «Старом городище» рядом с Тулой, на нем же отмеряют землю под дворы ее причта и под монастырь. Итак, при впадении Тулицы в Упу есть городище, на котором располагалась старая Тула. Но поскольку «признаков городища» не осталось, то либо его вовсе не было, либо оно давно разрушено.

Между тем из других документов следует, что на «Старом городище» под стенами Тулы располагались также с. Чулково (отнесенное на плане XVII в. более чем на 2 км от церкви выше по Тулице) и еще около сотни деревень, сел и пустошей, 3 погоста и Веневский монастырь[1]. Таким образом, «Старое городище» занимало приличный участок левобережья Тулицы, а название, видимо, относилось не только к городищу.

В Тульском уезде существовал стан «Старое городище», протянувшийся от Упы вдоль левого берега Тулицы до ее верховий. Он охватывал небольшой участок берега Упы напротив кремля. Село Старое Городище (к 1587 г. пустошь), центр стана, названо в честь городища (у д. Торхово). Археологи, зная о наличии в округе городища нескольких синхронных ему селищ и могильников, связывают его с Тулой XIV–XV в. [Гриценко, Наумов, с. 8–9; Заидов, с. 21–23]. Археологические исследования показали, что поздние укрепления Торховского городища были возведены в начале XVI в., а слой, связанный с ними, синхронен времени строительства кремля [Воронцов и др., с. 55–57]. В связи с этим возникло предположение, что крепость 1509 г. была построена именно там, на Старой Туле. В пользу этого говорит летописная запись о завершении строительства Тульского кремля, помещенная после известия от 8 января 1520 г.: «Того же лѣта совръшиша град каменъ на Тулѣ и именоваша его по прежнему его имени град Тула, а река под нимъ Тула же»[2].

[1] Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI века / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877. Отд. II. С. 1207–1210; *Дедук А. В.* Неизвестный фрагмент приправочного списка 1619/20 г. писцовой книги Тульского уезда 1587/88–588/89 годов // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2016. Вып. 19. С. 182–214.

[2] Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 181; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. 36.

Соборную церковь же из опустевшего старого города перенесли на территорию новой административной единицы — стана «Старое Городище». Для тульских писцов ситуация с начинавшимся от стен Тулы станом была понятной, поэтому они часто описывали объекты без упоминания слова «стан». В результате позднее создалась путаница между Старым городищем и станом «Старое городище».

В историческом ядре современной Тулы городские культурные слои начинаются со строительством кремля [Фомин, с. 5], следовательно, деревянная крепость была выстроена на Старом городище возле Торхово. Но крепость не могла защитить территорию, поэтому был поставлен каменный кремль на современном месте.

Литература

Афремов И. [Ф.] Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. Ч. 1.
Воронцов А. М., Гриценко В. П., Фомин К. Н., Шеков А. В. Позднесредневековые слои Торховского городища // Позднесредневековый город III: Археология и история. Тула, 2011. С. 23–59.
Гриценко В. П., Наумов А. Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып. 1. С. 6–11.
Екимов Ю. Г. «Старое тульское городище»: новая версия // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2006. Вып. 4. С. 5–11.
Заидов О. Н. Грунтовые могильники Старотулицкого городища // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 21–23.
Лёвшин В. А. Историческое, Статистическое и Камеральное описание городов Тульской губернии // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света, на 1807 год. М., 1807. Ч. 1. Кн. 2.
Фомин К. Н. Старая Тула (XVI — начало XVII в.). По материалам археологических исследований // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2004. Вып. 2. С. 5.

А. М. Введенский (СПбГУ)

О НИЖНЕЙ ВРЕМЕННОЙ ГРАНИЦЕ СОСТАВЛЕНИЯ ОБЩЕГО ПРОТОГРАФА ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ[1]

Одной из ключевых проблем истории псковского летописания является вопрос о времени составления общего протографа псковских летописей. В своей работе А. Н. Насонов показал, что общий протограф псковских летописей появился в середине XV в. [Насонов, с. 23–24]. Главными его источниками исследователь называл «сокращенное изложение Новгородско-Софийского свода (КНЛ)[2], хронографический материал и Новгородскую 5-ую летопись (Н5)» [Насонов, с. 25].

Г.-Ю. Грабмюллер в своей монографии подверг критике идею влияния Н5 на общий протограф псковских летописей, полагая, что все заимствования из Н5 находятся в добавлениях к Псковской третьей летописи [Grabmüller, с. 77–81]. Однако утверждение автора о неиспользовании КНЛ составителем Псковской второй летописи (П2) оказалось неверным. На это обратил внимание еще Я. С. Лурье в рецензии на его монографию [Лурье, с. 84]. Таких заимствований два, и оба они читаются как в Псковской первой (П1), так и в Псковской третьей (П3) летописях:

П1	П2	П3	НБЛ	ЛЕП	ЛА	Рог
В лѣто 1066. Взя Всеславь Новъгородъ и пожже.	В лѣто 1066. Князь Всеславъ Полотскыи, пришед ратью взя Новгород и пожже.	В лѣто 1066-го. Взя Всеслав Новгород и пожже.	В лѣто 1066. Приде Всеславъ и взя Новгород, и позже до окрома Неревскаго, и Святую Софию пограби, и Околотокъ позже, — потул город поставиша.	В лето 1066. **и**зъял Изяслав Синицинич Новгород и пожогъ до окрома Неровского, и покуль пожог, потуль город учинили.	В лѣто 1066. Пришедъ Всеславь взяше Новъгородъ, и пожьже до окрома Неревьскаго, и святую Софѣю пограби, и покуль пожьже, потуль городъ доспѣша, и отъиде Всеславъ.	Въ лѣто 1066. Пришедъ Всеславъ и взятъ Новъгородъ, и пожже не окрома Неревскаго, и святую Софию пограби, и отъиде. И поколе пожже, и потоле градъ успѣша.
В лѣто 1303. Бысть зима тепла без снега и бысть хлѣбъ дорог велми.	В лѣто 1303. Бысть зима тепла безъ снѣга и на лѣто бысть хлѣбъ дорогъ велми.	В лѣто 1303. Бысть зима тепла без снѣга и бысть хлѣбъ добръ велми.		В летъ 1303. Тепла зима была без снегу, и хлеб дорог был, и 4 жоны сожгли.	В лѣто 1303. Бысть зима тепла, безъ снѣга, и хлѣбь бысть дорогъ велми…	

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137.

[2] КНЛ — Краткий новгородский летописец. Помимо псковских летописей КНЛ отразился также в Летописи Авраамки (ЛА), Рогожском летописце (Рог), Летописце епископа Павла (ЛЕП), Новгородской Большаковской летописи (НБЛ) и летописном памятнике Троицкого собрания РГБ (Тр805). Е. Л. Конявская показала, что НБЛ и Тр805 отражают КНЛ [Конявская, 2009; Конявская, 2010].

Г.-Ю. Грабмюллер постулировал существование нескольких псковских сводов, один из которых появился, по его мнению, в 1410 г. и стал общим протографом для псковских летописей. Эту гипотезу разделяют ряд его последователей.

А. В. Валеров и А. А. Вовин, вслед за Г.-Ю. Грабмюллером, также считают, что КНЛ не был использован при составлении общего протографа псковских летописей [Валеров, с. 23; Вовин, с. 50]. А. А. Вовин, как и Г.-Ю. Грабмюллер, относит его составление к 1410 г.

Однако уже после исследования А. Г. Боброва стало ясно, что КНЛ не является сокращением Новгородско-Софийского свода (НСС), или Н4. Исследователю удалось выявить явно первичные чтения ЛЕП (который был создан, по мнению автора, в 1424–1425 г.) относительно Н4 [Бобров, с. 237]. Следовательно, КНЛ был создан до 1425 г., так как он отразился в ЛЕП.

Нижней же границей создания КНЛ будет являться год создания первой летописи Новгородско-Софийского круга, к которым относятся, помимо Н4, Софийская первая летопись, Новгородские Карамзинские летописи первой (НК1) и второй подборки.

Составление первой подборки Новгородской Карамзинской летописи следует относить к 1411 г. («Свод 1411 года» [Бобров, с. 134]). Лучше всего он сохранился в НК1.

Правда, в своей работе А. А. Вовин предполагает, что КНЛ не использовал летопись НСС, а все его источники можно свести к Новгородской первой летописи (Н1) старшего и младшего изводов и Повести временных лет (ПВЛ). Нам представляется, что это невозможно:

КНЛ	Н1мл	ПВЛ (Лавр)	НК1
НБЛ: **И посадиша старѣишину Гостосмысла**			**И посадишя старѣишину Гостомысла**
НБЛ: **Въ лѣто 876 Михаил царствова 24 лѣта, скончася великии кругъ**.			**В лѣто 6384. Михаилова царства лѣт 24, скончася великии круг**.
ЛЕП: В лето 883. Пашол Олегъ на древляны и на северы, и **узлажил** на них дань по чорнои куне.		В лѣто 6391. Поча Олегъ воевати Деревляны и примучи вои имаша на них дань по чернѣ кунѣ.	В лѣто 6391. Иде Олегъ на древляны и на северы, и **възложи** дань на них по чернѣи кунѣ.

Данные примеры показывают, что составитель КНЛ использовал летопись НСС. Следовательно, КНЛ не мог появиться ранее 1411 г., а значит, общий протограф псковских летописей, одним из источников которого был КНЛ, не мог быть создан до 1411 г.

Литература

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
Валеров А. В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.
Вовин А. А. К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием // НИС. Великий Новгород, 2016. № 16 (26). С. 139–161.
Конявская Е. Л. Начальные статьи Краткого новгородского летописца // Вестник славянских культур. 2009. № 4 (14). С. 59–70.
Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 40–52.
Лурье Я. С. Рец. на: Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jarhhundert // Russia Mediaevalis. 1977. T. III. C. 83–92.
Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 9–44.
Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jarhhundert. Wiesbaden, 1975.

И. В. Вернер (ИСл РАН)

КРИТИКА ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ ПСАЛТЫРИ 1552 Г. МАКСИМА ГРЕКА: «ЛАТИНИЗМЫ» В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ПСАЛТЫРИ[1]

Ревизия славянской Псалтыри по греческому тексту, осуществленная Максимом Греком в 1552 г. в сотрудничестве с троицким иноком Нилом Курлятевым, представляла собой комплексную работу, прежде всего преследовавшую собственно языковые цели (прагматические и дидактические). Однако проблемы критической текстологии, пусть и в ограниченном объеме, также не были обойдены переводчиком, о чем свидетельствует ряд маргинальных глосс, маркирующих отличия традиционного славянского текста Псалтыри от греческого.

Основой для последовательного исправления Максима Грека стал текст Киприановской редакции Псалтыри, представленной множеством рукописей XV – начала XVI в. В том числе эта русская редакция представлена в Троицкой Псалтыри № 315, правленной Максимом Греком, в Псалтыри Геннадиевской Библии 1499 г., а также в «сущем» тексте Толковой Псалтыри 1522 г., комментарии которой были переведены Максимом Греком совместно с Дмитрием Герасимовым и Власом Игнатовым. С большой долей уверенности можно полагать, что в распоряжении Максима Грека были и тексты более ранних редакций славянской Псалтыри: множество глосс на полях содержит

[1] Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-04-00390а.

их чтения (без греческого перевода, если чтение представляет собой синонимичный вариант, или с переводом на греческий, если перевод старшего славянского чтения отличен от подстрочного греческого текста в Псалтыри 1552 г.).

Основным источником подстрочного греческого текста в Псалтыри 1552 г. стала Псалтырь под редакцией Юстина Декадия — венецианское издание 1498 г. из типографии Альда Мануция [Вернер, с. 51–53].

Предпочтение Киприановской редакции более ранним текстам красноречиво подчеркивает глосса к чтению 36: 11 **пра́ве^а^ницы же наслѣдя^т^ ѕе́млю**, где греч. πραεῖς 'кроткие' переведено иначе, чем в старших редакциях (**кротции** в Синайской, Симоновской, Норовской, Киевской псалтырях; **праведници** в Буслаевской Псалтыри, Геннадиевской Библии, Троицкой Псалтыри № 315): **в' гре́цкомъ кро́т'цый же**. Несмотря на указанное в глоссе точное соответствие старшего варианта перевода греческому, в строке интерлинеарного текста сохранено «киприановское» чтение.

Несколько глосс отмечают отличия славянского текста от греческого, характерные для всех редакций славянской Псалтыри и связывающие их с латинским текстом. Это чтения 64: 10, 88: 51, 95: 3 и 97: 3, которые отмечены на полях как «римское» или «латинское». Эти указания имеют под собой разные основания. Первые два чтения связаны с лексическими и синтаксическими расхождениями греческого и латинского текстов Псалтыри; глоссы на полях приводят совпадающие с Вульгатой старшие славянские чтения, однако перевод Максима отказывается от них, точно следуя подстрочному греческому тексту. В 64: 10 **ꙗ҆́ко та́ко ᲂу҆готова́нїе** латинский текст содержит глагол-связку est, отсутствующий в греческом, но имеющийся во всех предшествующих славянских редакциях, начиная с Синайской Псалтыри и заканчивая Геннадиевской Библией. Максимов перевод соответствует своему греческому подстрочнику, вынося **є҆́сть** с пометой «латинское» из строки в глоссу. В 88: 51 **є҆го̀ же ѻ҆бѣща́лъ є҆сѝ въ на́дрѣ моє́мъ** глагольная форма отвечает греч. ὑπέσχον от ὑπισχνέομαι 'обещать', тогда как традиционное чтение **ᲂу҆держа^х^** (также присутствующее во всех старших славянских редакциях, ср. continui в Вульгате) вынесено в глоссу с пометой **рі^м^скїи** и с соответствующим греческим переводом **є҆кратѝсас**. Эти глоссы Максима демонстрируют приобретенное в итальянский период его жизни владение основами текстологии и методами современной ему библейской критики текста.

Иначе поступает Максим Грек с двумя другими маркированными чтениями: не находящие соответствия в греческом фрагменты славянского текста оставлены без подстрочного перевода, но обозначены как «римское» в 95: 3 **въѕвѣсти́те въ ꙗ҆ѕы́це^х^. сла́вꙋ є҆го̀. во всѣ^х^ лю́де^х^ чюдеса̀ є҆го̀** (ἀναγγείλατε ἐν τοῖς ἔθνεσιν τὴν δόξαν αὐτοῦ; adnuntiate inter gentes gloriam eius in omnibus populis mirabilia eius) и в 97: 3 **помѧнꙋ́лъ мл҃ть свою̀, і҆а́ковꙋ. и҆ і҆́стинꙋ свою̀, до́мꙋ і҆и҃левꙋ** (ἐμνήσθη τοῦ ἐλέους αὐτοῦ τῷ Ιακωβ καὶ τῆς ἀληθείας αὐτοῦ τῷ Ισραηλ; recordatus est misericordiae suae et veritatem suam domui Israhel). Основанием для данных текстологических заключений Максима Грека о латинском происхождении фрагментов славянского псалтырного перевода послужил исключительно греческий источник Псалтыри 1552 г. В цитированных выше 95-м и 97-м псалмах (как и в некоторых других) издание Декадия отклоняется от чтений Textus Receptus (тогда как греческий текст Комплютенской полиглотты 1518 г. полностью соответствует старшим славянским переводам).

Приемы критической текстологии Максима Грека демонстрируют очевидный параллелизм с методами работы европейских библейских филологов XVI в.: с одной стороны, обращение к нескольким классическим языкам-источникам приносит значимые для библейской филологии результаты, с другой стороны, собственно текстологические достижения оказываются весьма относительными в силу доверия весьма ограниченному кругу текстов-источников.

Литература

Вернер И. В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 гг.: хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40–54.

К. В. Вершинин (ИРИ РАН)

СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД НЕИЗВЕСТНОЙ КАТЕНЫ НА ПСАЛТЫРЬ

В рукописи РГБ. Ф. 242. Собр. Г. М. Прянишникова. № 8 содержится неизученная толковая Псалтырь. Манускрипт середины XVI в. имеет признаки новгородского происхождения — смешение **и/ѣ**: **крипки** (Л. 25 об.), **хотилъ** (Л. 43 об.), **неповѣ́ныхъ** (Л. 42 об.), **разлѣ́нымъ** (Л. 113 об.); цоканье: **цлвци** (Л. 103)[1]. Псалтырь состоит из двух разнородных частей, граница между которыми проходит по Пс 84: 10 (Л. 306). Со второй половины указанного стиха (**Вселитъ славоу в ѕемлю нашю**) толкования выписаны из славянского перевода «Краткого комментария» Исихия Иерусалимского[2], известного под именем Афанасия Александрийского[3]. Вероятно, по этому толкованию был восполнен незавершенный перевод или дефектный протограф. Толкования на Пс 1–50 представляют собой катену из толкований Феодорита Кирского и Исихия Иерусалимского. Указание на авторство Феодорита встречается лишь единожды, притом с ошибкой: **ѳеѡдоръ** (Л. 15); отрывки из Исихия в начале рукописи часто надписываются (**їсюх** или **їсюхїи**), однако после Пс 37 и эти пометы почти исчезают. Изредка можно встретить фрагменты анонимных экзегетов (**инъ** или **инъж**). Пс 51–84: 10 сопровождаются полным текстом «Большого комментария» Исихия[4] — безусловной редкости уже в греческой традиции [Devreesse, p. 250–261]. Сличение отрывков Феодорита с полным славянским переводом его толкований на 150 псалмов показывает, что перед нами два разных перевода. В частности, имеются случаи, когда Прян. 8, в отличие от полного

[1] По ошибке счетчика листы, следующие за л. 129, обозначены как 230, 231 и т. д. Также два листа подряд обозначены как л. 11.

[2] CPG 6553.

[3] Издание см.: *Jagić V.* Psalterium bononiense. Vindobonae, 1907.

[4] CPG 6554. Сверка проводилась по мере возможности: греческий оригинал сохранился частично, издано еще меньше (PG 55. Col. 711–784; PG 93. Col. 1180–1340).

перевода, калькирует грецизмы. Ср.: **полꙋнощным варварѡмъ нашедшимъ на ны** (βαρβάρους; л. 25); в полном переводе: **сѣверьскꙋю чадь нашедшꙋ на ны** (РГБ. Ф. 173/I. Фундаментальное собр. библиотеки МДА. № 24. Л. 36 об.)[5]. «Большой комментарий» Исихия в полном переводе не засвидетельствован. Остается заключить, что содержимое рукописи до Пс 84: 10 представляет собой перевод одной из греческих катен. К сожалению, состояние изученности последних не позволяет указать конкретный оригинал.

Язык перевода древен, ср.: **не въхластаеши** Втор 25: 4 (Л. 231 об.), **гобезни** (Л. 103), **ѿ гобьзыа** (Л. 301 об.), **плищевати** (Л. 109). Встречаются редкие лексемы и гапаксы: **въжилаетсѧ** (Л. 241), **зоꙋбоѣденъ** (Л. 58 об.), **ѡсоꙋетить** (Л. 62 об.), **профитинъ** προφήτης (Л. 92 об.), **въ тность** (***тъность**) εἰς λεπτὸν (Л. 301 об.), **оутробоѣданиѧ** (Л. 99 об.), **хо[ꙋ]догоꙋють** (Л. 101). Представляет интерес слово ***пѣшьнѧ** (ср. современное *пешня*), употребленное как перевод греческого λαξευτήριον 'зубило, долото и т. п.' в Пс 73: 6: **Въкоупѣ сѣчиваны и пѣшьнами раздроушиша** (Л. 264)[6].

Наряду с характерными южнославянизмами: **в рѣснотоꙋ** (Л. 241), **ѡнъсѧго** (Л. 88 об.), **ѡшють** (Л. 69), **етеръ** (много раз) обнаруживаются русизмы, некоторые — в составе псалтырных стихов: **на нищаѧ доумаѧ** Пс 10: 4 (Л. 14); **Сребра своего не дасть в рѣзы** Пс 14: 5 (Л. 19)[7]. Встречается известное лишь древнерусскому языку скандинавское заимствование **ꙗкорь**, правда, в качестве дублирующего перевода: **анкоура бо ꙗкорь волноующимъ** (Л. 304 об.). Неясно, имеем ли мы дело с попавшей в текст глоссой, или с колебаниями переводчика (подобные случаи встречаются и в других местах, например: **артои хлѣби** (Л. 241 об.)). На протяжении всего текста для ввода или пересказа библейских цитат употребляется аорист **вѣща**, что является отличительной чертой русских домонгольских толковых переводов [Алексеев, с. 178–179]. Попадаются глаголы, построенные по восточнославянской модели с суффиксами **-ыва-/-ива**: **ѡмьглѧнивати** (Л. 127), **покладываеть** (Л. 14), **постраеваете** (***постраиваете**) (Л. 120), имперфект с приращением: **коушахоутьсѧ** (Л. 58 об.). Можно думать, что новооткрытая катена была переведена, подобно ряду других толковых текстов, русскими книжниками домонгольского времени.

Косвенное подтверждение датировки перевода можно усмотреть в комментарии к надписанию 6-го псалма — «о осмем» 'на восьмиструнном инструменте', где экзегеты издавна видели намек на «восьмую тысячу» лет — время после Второго пришествия Христова. Согласно толкованию из Прян. 8, **въ. ҂з҃. х҃. л҃. д҃. лѣт скончеваетсѧ миръ. в сѣми же соудитъ гсь вселенѣи. а въ и҃. овїи посылаеть. въ жизнь вѣчнꙋю. овии же в бесконечныѧ моукы** (Л. 7). Первая цифра в дате 7634 написана по выскобленному: ранее вместо **з** читалось **ѕ**, а следовательно, имелся в виду 6634/1126 г. Переписчик принял это место за предсказание и, заметив, что указанная дата прошла, исправил ее. Между тем ниже речь идет, очевидно, о «седьмой тысяче» лет, когда случится Второе пришествие (постановка надстрочной буквы говорит о непонимании текста: **в сѣм иже** вместо **в сѣми же**, где следует видеть числительное **семь**). В этом контексте уместно рассматривать дату 6634/1126 г. как обозначение времени, когда был создан перевод катены или его греческий антиграф[8].

Литература

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
Погорелов В.А. Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древне-болгарском переводе. Варшава, 1910.
Devreesse R. Les anciens commentateurs grecs des Psaumes. Vaticano, 1970.

[5] Считается, что этот перевод «обрывается на 144-м псалме» [Алексеев, с. 166], остаток же восполнен по Псевдо-Афанасию. Так обстоит дело в большинстве рукописей [Погорелов, с. 85–92], но можно указать по меньшей мере один (неизвестный В. А. Погорелову) список, где толкования Феодорита на псалмы доведены до конца: РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 444 (вторая половина XV в.).

[6] В рукописи ошибочно: **рараздроушиша**.

[7] См. об этих лексемах: [Пичхадзе, с. 111–112, 128–129].

[8] Дата едва ли имеет отношение к архетипу катены, который должен датироваться значительно более ранней эпохой. Компиляция использует фрагменты двух толкователей V в., не привлекая позднейших авторов.

Ф. Н. Веселов (СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ МИНИАТЮР ЛОНДОНСКОГО ЛИЦЕВОГО СПИСКА «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»[1]

В качестве объекта исследования выступает лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» (далее — Сказание), хранимый ныне в Британской библиотеке в Лондоне (далее — список Л)[2], и иллюстрирующие его миниатюры. Уникальность рукописи заключается в том, что уже в 1958 г., когда рукопись была введена в научный оборот, рядом ученых было указано на наличие у миниатюр XVII в. ранних оригиналов предыдущих столетий [IV Международный съезд славистов, с. 170–173]. Несмотря на то что в 1971 г. Л. А. Дмитриевым иллюстрации памятника были описаны и сопоставлены с миниатюрами других лицевых списков Сказания, ученый ограничился лишь кратким сравнением миниатюр списка с иллюстрациями Радзивиловской летописи, предоставив «проследить более тщательно и подробно совпадения и отличия миниатюр Л от других древнерусских миниатюр» другим исследователям [Дмитриев, с. 179].

До сих пор не представилось возможности исследовать манускрипт непосредственно, однако некоторые выводы о его основных характеристиках могут быть сделаны по итогам работы, выполненной в ходе его подготовки к

[1] Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 16-18-10137.

[2] The British library. Y.T. MS 51.

публикации в 2012 г.[3], и изучения in visu первой части лицевого сборника, в который рукопись входила. Первой частью является лицевая Александрия Сербской редакции, хранящаяся в библиотеке Честер Битти в Дублине[4]. Ее исследование было проведено в 2016 г. Предварительные результаты позволяют отнести появление сборника, содержавшего рукопись Л, по филиграням бумаги и почерку к середине XVII в.

Исследование иконографии миниатюр списка Л, сравнение содержания миниатюр с текстом Сказания, а также сравнение с миниатюрами, иллюстрирующими параллельные эпизоды текста в остальных лицевых списках Сказания, сопоставление с рядом лицевых рукописей, иконами и фресками Древней Руси, Византии и стран Византийского круга XII–XVII в. позволили прийти к следующим выводам.

Список Л точнее остальных списков отражает текст памятника. Это проявляется в конкретизации набора персонажей, участвующих в тех или иных сценах, в отличие от остальных списков, где действующие лица автоматически переносятся художниками с миниатюры на миниатюру. При этом в рукописи индивидуализированы не только главные действующие лица. Например, братья Ольгердовичи отличаются между собой наличием бороды у старшего из братьев — прием, которым пользовались византийские и древнерусские художники при изображении братьев Иосифа и Вениамина, мучеников Бориса и Глеба. Точнее переданы черты сложившейся к XVI в. иконографии св. Сергия Радонежского: с седой бородой, низкой прической без пробора, прямым лбом, в схиме.

Миниатюры списка характерны и внимательным отношением к содержанию произведения. По-видимому, работая с разными вариантами текста Основной редакции, художник протографа точно изображает оружие в копейном поединке Пересвета и «печенега», указывает географическое положение ряда мест (г. Кафа, г. Коломна, место ночной сторожи перед битвой), вносит иерархию символов духовной и светской власти.

Список Л характерен частичным сохранением на миниатюрах более сложного образного символического кода, чем в остальных списках. Это проявляется в использовании ранней, нехарактерной для миниатюр середины XVII в. схемы обозначения интерьерного действа с помощью велума; в воспроизведении более древней системы жестов при изображении этикетных сцен и сцен молитвы: благословение у митрополита в значении приветствия или поучения, молитвенные позы «оранта» и падения ниц. Знакомством художника миниатюр протографа с монастырским уставным чином о панагии может быть объяснено появление иконы Спаса Нерукотворного на сцене передачи Дмитрию Донскому богородичной просфоры перед битвой.

Только на миниатюрах списка Л изображаются демонические символы: крюки на длинных древках и хохлатые шлемы у воинов. Эти атрибуты бесов, перенесенные в Средние века на грешников и неправедных воинов, исчезают в XVII столетии [Антонов, Майзульс, с. 107]. Но стоит заметить, что копиист миниатюр не вполне понимал уже их смысл, наделяя ими и воинов Мамая, и русских богатырей.

Необходимо отметить и черты иллюстраций списка, которые роднят его с памятниками изобразительного искусства XVI в. Так, Успенский собор повторяет характерные особенности церквей, изображенных на выходной миниатюре «Лествицы» Герасима Замыцкого[5], клеймах иконы «Святитель Алексий» 1480-х годов[6], фресках Ферапонтова монастыря; орнамент зданий родственен украшениям храмов на иконе Видения Евлогия XVI в.[7] и на клеймах иконы Дмитрия Прилуцкого с житием кисти Дионисия[8]. На миниатюрах рукописи изображаются характерные ступенчатые горки, исчезающие в XVII столетии, а кроны деревьев воспроизводят традиционный для древней иконописи прием компоновки из нескольких пальмовых ветвей.

Особенности миниатюр списка Л указывают на то, что рукопись была скопирована с оригинала не только высоких художественных качеств, но обладавшего также рядом характерных изобразительных черт XVI в., глубоким символическим наполнением иллюстраций, что вкупе с высокой внимательностью художника к передаче текста позволяет отнести протограф Л если не к архетипу лицевого Сказания, то к списку, близкому к его первоначальному варианту.

Литература

IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики.

Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М., 2011.

Дмитриев Л. А. Лондонский список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 155–179.

[3] Сказание о Мамаевом побоище. Лондонский список: Препринт / Вступ. ст. Н. М. Кропачева; иссл. А. В. Майорова. СПб., 2012. (Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек. Т. 2).

[4] The Chester Beatty Library. W. 151.

[5] РГБ. Ф. 304/I. № 162. Л. 8 об.

[6] ГТГ. Инв. 013289.

[7] ГТГ. Инв. 21494.

[8] Вологодский областной краеведческий музей. Инв. 1593/1264 Д.

Т. Л. Вилкул (Ин-т истории НАН Украины)

ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ: УТОЧНЕНИЯ

К важнейшим направлениям изучения Галицко-Волынской летописи (далее — ГВЛ) относятся поиски хронографических заимствований в своде. Хотя «мейнстримом» до недавнего времени было исследование оригинального текста летописи, интересные находки сделаны уже в научной литературе XIX в. (ср. работы М. А. Оболенского, А. Н. Попова, И. И. Срезневского). В начале XX в. А. С. Орлов обобщил предыдущие наблюдения, добавив ряд собственных [Орлов]. Цитаты из хронографии в ГВЛ приведены у В. Н. Перетца, А. И. Генсерского, Н. А. Мещерского, в коллективном труде-издании «Истории Иудейской войны» 2004 г., у А. А. Пауткина, А. П. Толочко, автора данного доклада (см., например: [Пауткин; Толочко; Вилкул, 2007]) и др. Достигнутые успехи позволяют задуматься о создании полной карты хронографических и иных литературных

включений в летописи. Здесь я приведу только несколько вероятных новых параллелей к ГВЛ из хронографических текстов. Они относятся к микроцитатам, но, поскольку имеются и пространные точные цитаты из тех же текстов (большинство собрано в работе: [Орлов]), эти дополнительные следы также представляют интерес.

Несколько ведут к Александрии Хронографической. В Ал.2.37[1] проводники из рассказа о дальнем путешествии царя Александра предлагают повернуть назад: «обратимъся *да не в горьшая* мѣста *въпадемъ*». В ГВЛ под 1235 г. по Ипатьевскому списку, 778И[2], читаем близкое по тексту обращение князя к неверным боярам: «*да не во горьшая впадете*». Предполагалось влияние Евангелия, где сопоставления, впрочем, не дают текстуальной точности. См., например, Мк 5: 26 по Апракосу Мстислава л.61г.13 «и ничьсо же не оуспѣвъши нъ паче на *горьшее* пришьдъши»; Мф 12: 45 л.37г.5 «и будоуть послѣдьняя чл҃вка того . *горьша* пьрвааго». Далее в Ал.2.37 пассаж «идяхомъ *блоудяще* . гл҃хоу же *вожове* . яко *не вѣмы* камо идемъ» напоминает описание похода ГВЛ 1251 г., 812И: «наоутрея же *вожемь не* вѣдоущимъ *блоудящимъ* я». Кстати, само слово «вожь» далеко не частотно, и в ПВЛ, и у Флавия, например, используется в ином значении — 'предводитель'. Выше в речах царя Дария из Ал.2.20[3] помещено предостережение Александру: «егда како *вознесешися великою славою*» — аналогично в ГВЛ в описании литовского князя Миндовга 1262 г., 858И: «*вознесеся славою* и гордостью *великою*». Может быть, летописец знал также несколько воинских похвал из Александрии, таких как Ал.1.2[4] «*единъ* левъ *многи* еллени побѣж*аеть* . и *единъ* волкъ *мног*а стада паствы разлоуча*еть*». Этому близка похвальба из ГВЛ 1217 г., 736И: «*единъ* камень *мног*о . горньцевъ избив*аеть*».

Имеются дополнительные параллели из Хроники Малалы. В том числе ср. Мал.5.5 «*оубѣдиста* же . *сиречь оумолиста* (греч. προετρέψαντο δέ, ἤτοι ἐδυσώπησαν) . сия Отреовища цр҃я...» и, видимо, чуть выше «*събѣдив*'ша . *оумолиста* (вм. оубѣдивша? греч. προτρεπόμενοι καὶ ἐδυσώπησαν) . Пелея...»[5] — и ГВЛ 1241 г., 792И «Василко же ехавъ *оубѣди* и *рекше оумоли* и»; 1252 г., 816И «и *оубѣди* и дарми многими . *сирѣ*ч *оумоли* его» о «Рижьском мастере» Андрее. (Примеры ГВЛ 1241 г. и Мал.5.5 вошли в словарь А. А. Срезневского[6], но в работы А. С. Орлова, А. И. Генсерского и А. А. Пауткина не попали; отмечены в: [Вилкул, 2009, с. 134]).

Множественные заимствования из хронографических текстов в первой «галицкой» части ГВЛ повлияли, по-видимому, даже на язык летописи, который существенно архаизирован по сравнению с «волынской» частью, хотя между ними пролегает не более 30 лет (о разнице в языке обеих частей см., например: [Юрьева]). Это придает дополнительное значение исследованиям в данной области.

Литература

Вилкул Т. О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretasija. Vilnius, 2007. S. 17–28.
Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI — XIII вв. М., 2009.
Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126.
Пауткин А. А. Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.
Толочко А. П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. 2014. Т. 22. Ч. 2. P. 101–118.
Юрьева И. С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016.

[1] Цит. по: *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 77. Здесь и далее — первая цифра означает книгу, вторая — главу.
[2] ПСРЛ. М., 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись. С. 778. Далее ссылки на источник даются в тексте в таком формате.
[3] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. С. 69.
[4] Там же. С. 7.
[5] *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В. М. Истрина. М., 1994. С. 121–122; *Ioannis Malalae*. Chronographia / Ed. H-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini, Novi Eboraci, 2000. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 35). P. 71.
[6] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1120.

А. Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ), свящ. М. Желтов (ОЦАД, МДАиС)

КОНФЛИКТ АСКЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИК НА РУСИ В СЕРЕДИНЕ XII В.

XII в. принес с собой частичное переосмысление аскетических практик в византийском мире: усиление требований в вопросах личного благочестия (в том числе дисциплины соблюдения постов и, для мирян, семейной этики), появление новых молитвенных правил и т. п. Ключевую роль в этом сыграло монашество, приобретавшее все большую силу в Церкви и обществе и искавшее новые способы визуализации и распространения своих подвижнических идеалов.

Не осталась в стороне от этих тенденций и Древняя Русь. В ней продолжали господствовать традиции, восходившие к практике студийского монашества IX–XI в., главным проводником которых был Киево-Печерский монастырь. Однако уже во второй четверти XII в. авторитет этих традиций начал ставиться под сомнение, в том числе относительно поста. Так, в своих «Вопрошаниях» Кирик задает епископу Нифонту вопрос о том, следует ли поститься в среду и пятницу, если на них выпадают важные церковные праздники, — и тот, хотя и не отменяет старую практику, уже одобряет новую: запрет на разрешение поста. Более драматичный оборот этот спор приобрел после приезда на Русь в 1156 г. митрополита Константина I, который следовал подчеркнуто строгим аскетическим практикам, как это можно видеть из его завещания, где он предписал не погребать его тела после смерти, но бросить

его на растерзание псам. Такое шокировавшее черниговцев действо находит себе прямой прототип в византийском каноне на «душу судимую» и находится в русле обновленной монашеской духовности XII в.

Ставленники Константина I — Антоний Черниговский и Леон Ростовский — принялись активно распространять вышеописанный запрет на разрешение поста среды и пятницы, невзирая на праздники, даже на князей, что привело к конфликтам и их изгнанию с кафедр. Об остроте возникшего противостояния свидетельствует владимиро-суздальский летописец, назвавший такой запрет «Леоновой ересью». Тем не менее другой греческий митрополит Руси — Константин II — продолжил следовать линии Константина I и вступил на этой почве в конфликт с Поликарпом, архимандритом самого влиятельного на Руси монастыря: Киево-Печерского (в связи со сказанным нельзя исключать, что смена титула игумена этого монастыря на титул архимандрита была защитной реакцией могущественной обители на действия Константина I и его сторонников).

Начиная с П. Соколова в научной литературе утвердилось мнение, что в описанном противостоянии отражен конфликт двух практик: более мягкой «студийской» и более ригористической, исходящей от константинопольских патриархов, причем только по частному вопросу об отмене поста в определенных случаях. Наше исследование уточняет эту гипотезу: пришедшая на Русь практика строгого поста во всякую среду и пятницу отражает позицию не отдельных патриархов, а целой партии, главными представителями которой были Евергетидский монастырь и следующие его уставу обители. Вопрос о посте для представителей упомянутой партии был одним из ряда пунктов «новой аскетической программы», подразумевавшей переосмысление и развитие практик «личного благочестия», причем не только в среде монахов, но и у мирян (об этом прямо говорит в своем уставе, например, Георгий Пакуриан). Таким образом, Константин I и Константин II вместе со своими ставленниками пытались ввести на Руси постную практику «евергетидского типа», вовлекая ее тем самым в «евергетидскую реформу», как чуть позднее это удалось сделать в Сербии (после введения «евергетидского» устава в Студенице).

В связи с этим следует обратить внимание на то, как представители этой партии оберегали церковные интересы от того, что представлялось им внешним посягательством: действительно, независимость монастыря и его имущества от светских властей является краеугольным камнем уставов «евергетидского типа». Становятся вполне понятны в этом контексте и жесткие меры Константина I по отношению к ставленникам незаконного (с точки зрения греков) митрополита Клима Смолятича, и даже вероятное переосвящение им Св. Софии Киевской, аналогичное тому, что было произведено после ухода другого русского митрополита — Илариона — в 1052 г., равно как и жестокая расправа Константина II над Феодорцем. Устрожение канонических прещений видно и в «Ответах» патриарха Луки Хрисоверга, поставившего Константина II и отказавшего Андрею Боголюбскому в отзыве с кафедры Леона Ростовского.

Следует также учесть, что до поставления на Русскую митрополию Константин I был не рядовым монахом, а богословом-интеллектуалом, чья позиция легла в основу решений Константинопольского собора 26 января 1156 г., уточнившего важнейшие положения церковного учения о Евхаристической Жертве. На этом Соборе, чей исход был заранее неизвестен из-за сильного противодействия диаконов Св. Софии (в том числе Сотириха Пантевгена, нареченного патриарха Антиохийского), Константину удалось провести блестящий тактический ход: ссылаясь на факт скорого отъезда на Русь, он получил возможность высказаться первым и немедленно озвучил заранее заготовленный текст, а затем в его пользу сразу же выступил митрополит Эфесский Георгий Торник. Возможно, эта помощь была ответом на поддержку «митрополитом Росии» Торника, тогда еще диакона Св. Софии, в его конфликте с другими влиятельными константинопольскими клириками во главе с вышеупомянутым Сотирихом Пантевгеном, разгоревшемся из-за погребения патриарха Феодота. Конфликт этот имел место через 6 месяцев после смерти последнего, то есть где-то в 1154 г., скорее всего в патриаршество Неофита, который был как раз выходцем из Евергетидского монастыря. Вероятно, именно он и поставил Константина митрополитом Руси, причем не после взятия Киева Юрием Долгоруким в марте 1155 г., а уже заранее, ввиду неканоничности Клима Смолятича. Константинопольские связи Константина I и особенности поведения на Руси как его самого, так и его преемников проливают свет на его позицию в контексте развития византийской духовности в XII в., что позволяет глубже оценить причины русских церковно-княжеских конфликтов третьей четверти XII в.

В. Г. Вовина (ИИ СПБ)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОПИСАНИЯ XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ ДВОРЦОВОЙ ВОЛОСТИ (по материалам Кургомени)

Кургоминская волость — одна из волостей среднего Поморья (в составе Подвинской четверти Важского уезда). Важский уезд единственный из всего Поморья был почти полностью дворцовым. Исследователи северного крестьянства в основном занимались черносошными крестьянами. На этом материале получена бульшая часть итоговых показателей, когда речь идет о писцовых книгах и переписях, в том числе 1678, 1710 и 1717 г. (П. А. Колесников, Е. Н. Швейковская, О. Б. Кох и др.). Выдающимся исследователем Ваги был Ю. С. Васильев, но и его интересовала, главным образом, другая часть уезда: Поважье, а не Подвинье.

Кургомень в рассматриваемое время — удаленная от уездного центра волость в среднем Подвинье, на противоположном правом берегу Северной Двины. По данным второй половины XVII в., Кургомень была в два и более раз меньше соседних крупных для данной четверти Топецкой и Конецгорской волостей, но больше многих других (в особенности по числу деревень): Березницкой, Пянской, Усть-Ваенской, Тетеревичьи Слободки, Осиновской, Шиленской, Корбальской, Прилуцкой и Ваенской и др. Правда, некоторые приближались к Кургоминской волости по числу дворов. На одном уровне с Кургоминской и по числу деревень, и по дворности стояли Ростовская и Троицкая волости. Их можно считать средними по масштабам Подвинской четверти.

Переписные книги составлялись на основе сказок, подаваемых крестьянами. Оригиналов ранних писцовых книг по Важскому уезду не сохранилось, кроме нескольких сотных, среди которых нет материалов по Кургомени. Но

в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН имеется копия писцовой книги 7185—7188 г. письма Богдана Васильевича Яковлева и Авдея Карпова. Кроме того, в подлиннике дошли: переписная книга Подвинской четверти 1710 г. и ландратская книга 1717 г. (СПб ИИ РАН. Ф. Архангельской приказной избы). Указанная переписная книга 1710 г. использовалась в монографии П. А. Колесникова, но это были, с одной стороны, сводные данные по всей Подвинской четверти, а с другой — различные примеры без уточнения того, о какой волости идет речь. Кургоминская волость специально никогда не исследовалась.

Вопрос о достоверности переписных книг 1710 г. неоднократно поднимался в историографии. Общепринято мнение, что перепись 1710 г. не отражает реального количества населения того времени, поскольку имела место значительная утайка населения (за счет побегов и укрупнения дворов). Поэтому некритическое использование ее материалов, как это делалось сто лет назад (П. Н. Милюков, М. В. Клочков), считается некорректным. П. А. Колесников и Е. Н. Швейковская в монографиях, вышедших одновременно в 1976 г., а через десять лет и О. Б. Кох в кандидатской диссертации, написанной на материалах соседнего с Важским черносошного Двинского уезда, показали, что эта перепись, как и ландратские описания, ценны при исследовании миграции населения, а также отношений внутри волости и крестьянской семьи. Значение их сравнительного изучения повышается оттого, что в 1717 г. впервые стали учитывать не только мужчин и мальчиков, но также женщин и девочек. Это позволяет анализировать состав семьи, внутрисемейные отношения крестьян и отношения внутри общины. Наиболее удачный пример такого исследования — книга Е. Н. Швейковской 2012 г.

О. Б. Кох пришла к выводу, что степень достоверности переписных книг 1710 г. различна и требует более детального исследования. Мы можем заключить, что каждый уезд, а лучше каждая четверть и каждая волость должны быть исследованы отдельно. Именно данные, полученные О. Б. Кох (по соседнему уезду), наиболее подходят для сравнительного анализа, когда речь идет о Кургоминской волости.

В 1717 г. переписчики фиксировали все выявленные ими расхождения с предыдущими описаниями. Благодаря этому можно внести коррективы в показания переписи 1710 г. по Кургомени и выяснить, сколько дворов было тогда утаено, а узнав судьбу проживавших в них лиц, попытаться определить причину этой утайки в каждом конкретном случае, что вполне реально осуществить на материале одной волости или группы волостей. Из этого вытекает и другой вопрос — о размере реального (а не предъявленного переписчикам 1710 г.) запустения волости в начале XVIII в.

Еще один вопрос — о количестве крестьян, ушедших в это время в Сибирь. Анализ материала по отдельной волости позволяет обсуждать в каждом случае причину такого ухода. У нас имеются сводные поуездные данные П. А. Колесникова (в составленных им таблицах есть графы, указывающие причины ухода крестьян в Сибирь). Но в отдельной волости могла главенствовать какая-то одна причина, часто местного характера. На материалах Кокшеньгской четверти Важского уезда сюжет о дворовой пустоте и миграции населения исследовал В. А. Добрыднев.

Одновременное использование писцовых материалов второй половины XVII в., переписной книги 1710 г. и ландратского описания 1717 г. дает возможность приблизиться к реконструкции объективной картины жизни Кургоминской волости на протяжении более чем полувека.

И. А. Вознесенская (НИОР БАН)

«ИСТОРИЯ» МИХАЙЛЫ АВРАМОВА: ЛЕТОПИСНЫЙ ФЕНОМЕН ИСТОРИОГРАФИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Несколько лет назад нами были выявлены два списка ранее неизвестного сочинения о Петре I[1] [Вознесенская]. Компиляция, составленная на основе различных источников, начинается списком великих князей, царей и императоров российских по летописной традиции от Рюрика. Список выполнен в таблице с номерами и заканчивается «сущей дщерью Петра Великого» Елизаветой Петровной.

Продолжает текст хронологическое изложение жизни Петра также в таблице: «Объявление вкратце когда… император… Петр Алексеевич родися и на царство Всероссийского государства возведеся и коронован был…». Затем следует пространная история царствования Петра, начинающаяся словами: «Пятьдесят шестый сей всепресветлейший великодержавнейший первый император и первый Петр великий всероссийский самодержец…». История представляет собой компиляцию из различных сочинений, реляций, росписей и юрналов. Изложение до 1710 г. не имеет четкого деления. Начиная с 1710 г. появляются подзаголовки: Реляция о взятии города Выборга, О взятии города Риги, О взятии неприятельской крепости Арсенбурха, О взятии города Кехсгольма или Корелы, О взятии города Ревеля, О начатии Святейшего Синода, Торжественный вход его императорского величества и всемилостивейшей государыни императрицы от Дербеня града в Москву, Описание каким образом шаха персидского полномочный посол Исмаил бек имел въезд в Санкт Петербург, Описание коронации Екатерины Алексеевны, Описание регалий императорских.

Обращает на себя внимание, что большая часть текстов представляет собой издания петровского времени. В заключительной части присутствует своеобразное послесловие, в котором автор акцентирует внимание на одной очень важной заслуге Петра — заботе о «высокой его императорской фамилии». В отличие от прежних государей, которые «не соизволили от крови своей дочерей сочетовать законным браком», Петр дочь свою царевну Анну выдал замуж за иностранного монарха по примеру Константина Великого, Михаила Палеолога и Ярослава Мудрого.

Известно, что директор Петербургской типографии Михаил Петрович Аврамов составлял историю царствования Петра I [Серов, с. 142, 163, примеч. 29]. Д. О. Серов отметил, что в письме А. В. Макарову от 20 августа 1716 г.

[1] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 114. Д. 1 и РНБ. F. IV. 8.

Михаил Петрович просил кабинет-секретаря о присылке юрналов за 1713–1716 г. «По те годы с начала бытия Российского государства история у меня собрана»[2] [Серов, с. 164].

Михайло Аврамов был одним из ярких представителей петровской администрации [Серов, с. 22–23, 137–174]. В составе посольства А. А. Матвеева в течение трех лет он жил в Голландии, где учился живописи у художника Фридерика Шалка. В конце 1708 г. его перевели дьяком в Оружейную палату печатать архитектурные книги и чертежи и присматривать за художниками. Через два года для создания Оружейной канцелярии Михаил Петрович переезжает в Петербург, где в 1711 г. в собственном доме на Петербургской стороне организует первую петербургскую типографию. В октябре 1727 г. типография была закрыта, и Михаил Аврамов остался не у дел. В отставке 46-летний Михаил Петрович сблизился с кругом лиц, выступавших против архиепископа Феофана Прокоповича и ратовавших за возвращение патриаршества. В 1731 г. Михаил Аврамов был арестован по делу Маркела Родышевского. Его сослали в Иверский монастырь, а в конце 1738 г., уже после смерти Феофана Прокоповича, Михаил Петрович был приговорен к пожизненной ссылке в Охотск. В 1740 г. из-за конфликта с главным командиром Охотского правления, бывшим обер-прокурором Г. Г. Скорняковым-Писаревым Михаила Аврамова отправили в кандалах в Тайную канцелярию в Петербург. Вскоре по прибытии в столицу он был освобожден. В 1749 г. он снова был арестован и скончался в тюрьме в 1752 г.

Мы полагаем, что существующий в двух известных нам списках текст истории Петра I принадлежит Михайле Аврамову. Скорее всего, в 40-е годы XVIII в., находясь на свободе, он продолжил работу над историей, включив в нее елизаветинскую тему. Историографические принципы, использованные им при составлении Книги Марсовой, он в полной мере применил и к своему историческому сочинению, наполнив его изданными им самим текстами.

Начало пространной истории, «пятьдесят шестый», позволяет сделать предположение, что основанием для такой нумерации стала известная гравюра Алексея Зубова, изображающая Екатерину I в окружении портретов великих князей и царей, начиная с Рюрика и заканчивая Петром. Именно на этой гравюре Петр впервые получает номер 56. По списку, представленному в самой рукописи, император имеет номер 34.

Литература

Вознесенская И. А. Рукописная книга о Петре Великом из собрания ВИМАИВиВС // Современные проблемы археографии. Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 298–302.

[2] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 53. Л. 1–1 об.

Г. С. Гадалова (НБ ТвГУ)

ТВЕРСКОЙ СПИСОК ПОВЕСТИ О ЯВЛЕНИИ ОБРАЗА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ДОБРЫНСКОЙ ПУСТЫНИ

Николо-Добрынская пустынь была основана на месте Никольского погоста в Добрынях, существовавшего с 1581 г. на р. Величке близ правого берега р. Мологи в 60 верстах от Городецка (с 1766 г. – г. Бежецк). В Смутное время, после 1611 г., пустынь, разоренная литовцами, запустела, но в 1696 г. указом Петра I была возобновлена иждивением «доброхотных деятелей» [Зверинский, № 953].

Повесть об основании Николо-Добрынской пустыни известна с середины XIX в. благодаря исследованиям кашинского священника Иоанна Белюстина, работавшего со списком Повести с рукописи бежецкого хрониста Петра Воинова [Белюстин, с. 22–25], историка Н. А. Попова, исследовавшего «Хронологион» Воинова [Попов, с. 5–8], бежецкого священника Иоанна Постникова, в руках которого оказался список, найденный в шпиле пустынской церкви [Постников, с. 6–9]. Исследователями отмечено, что Повесть с 13 чудесами от явленного в Добрынской пустыни образа св. Николая Можайского Воинов переписал в 1746 г. с древнейшего списка памятника. Новый список Повести из Воскресенского собора г. Бежецка при изучении вопроса об иконе упомянул тверской краевед И. А. Виноградов [Виноградов]. В тверских хранилищах находятся два списка пересказов Повести (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2915; ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138). Архивный список принадлежал В. Самохвалову, вероятно, члену семьи бежецкого купца Н. Д. Самохвалова, музейный список – пересказ рукописи, принадлежавшей бежецкому купцу Г. М. Бардину.

В настоящее время в рукописной коллекции Государственного архива Тверской области выявлен не указанный в публикациях XIX в. список Повести (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1011). Рукопись в 4°, написана полууставом одним почерком на 25 л., на бумаге середины XVIII в. На нижнем поле л. 4 об.–7 сохранилась владельческая запись: «Сия книга принадлежитъ священику Алѣксию Яковлеву».

Заглавие списка – «Повѣсть о явлении образа иже во святыхъ отца нашего Николая, архиепископа Миръликиискаго Чудотворца, како явися новоявленная икона въ Добрынскои пустыни». В тексте Повести зафиксировано четыре чуда, последнее – о чудесном исцелении в 1712 г. некоей жены, одержимой расслабленным недугом, – завершает текст Повести. Далее идет статья «О чудесѣхъ новоявленных от чудотворнаго образа святаго отца Николая», в которой засвидетельствованы чудеса с 1710 по 1716 г. Судя по датировке чудес, Повесть была создана в период настоятельства в Добрынской пустыни игумена Рувима Гурского (1711/1712–1715). Однако заявления о его авторстве в современных исследованиях не обоснованы [Иванов; Дроздецкая]. Первый биограф Рувима известный путешественник Григорович-Барский не сообщает о его литературных трудах [Григорович-Барский]. Да и сам игумен Рувим о своих сочинениях ничего не говорил в «допросных речах» [Титов, с. 599–602]. Кроме того, из списка Воинова (гл. 6) ясно, что автором Повести был кто-то из иноков обители, знакомый с первым насельником пустыни Стефаном, которого Рувим не застал, ср.: «елика слышавша мы от прежде бывшаго

жителя Добрынския пустыни, мужа честна, именем Стефана, како ему явления быша, и елико сами с ним в пустыни в трудах пребыхом, подробно вама писанию предахом».

Следует отметить, что все чудеса в статье пронумерованы, однако в выявленном списке утрачены один лист с 7-м чудом и конец статьи, рассказ которой обрывается на последних словах 11-го чуда. Вместе с тем в списке есть ряд особенностей, отличных от других текстов. Например, в новоявленном списке Повести указана другая дата исцеления Стефана: «И въ [1]705-мъ году июля въ 19 день преждереченныи мужъ Стефанъ исцѣлѣ от болѣзни». Сравним: в музейном списке — «в 1705 году 19 мая», в архивном списке — «1705-м году в мѣсяце июле в 20-й день», в статье Постникова — 20 июля 1704 г. Таким образом, судя по заглавию, отсутствию цитат, характерных для списка Воинова, и наличию ряда разночтений с публикациями и пересказами, в тверском архиве выявлен список Повести, отличный от других известных редакций.

Сведения Повести о явлении чудотворного образа св. Николая в Добрынской пустыни выходят за рамки Городецкого уезда, так как содержат данные о почитании иконы Николая Можайского на территории Бежецкого Верха и за его пределами, о реальных лицах XVIII в. не только Новгородской земли, но и Тверской и Московской, о деятельности настоятеля Тихвинского Успенского монастыря Рувима Гурского — любимца митрополитов Стефана Яворского и Иова Новгородского, доверенного лица царицы Прасковьи Федоровны и царевича Алексея Петровича, спутника В. Г. Григоровича-Барского. Поскольку сведения Повести о Николо-Добрынской пустыни не вошли в справочные издания, а литературный памятник не известен в научных кругах, крайне важны его публикация и дальнейшее исследование.

Литература

Белюстин И., свящ. О древних монастырях // Тверские губернские ведомости. 1851. № 7, ч. неофиц. С. 22–25.
Виноградов И. А. Археологическая экскурсия в село Кожино, город Кашин, Краснохолмский Антониев монастырь, город Бежецк, сельцо Островки Вышневолоцкого уезда // Журнал 83 заседания ТУАК 19–20 июня 1901 г. в городе Кашине. Тверь, 1901. Приложение. С. 1–53.
Григорович-Барский В. Г. Путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке... СПб., 1778.
Дроздецкая Н. К. «Повесть о зачатии Добрынской пустыни» // Тверской вклад в Русское православие. Тверь, 2014. С. 139–156.
Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2.
Иванов П. С. Пустынь в Добрынях // Тверские ведомости. 2006. № 32. С. 5.
Попов Н. А. Исторические заметки о Бежецком Верхе XVII–XVIII вв. // ЧОИДР. 1881. М., 1882. Кн. 3, отд. 3. С. 1–74.
Постников И. История одного закрытого монастыря: (Добрынская пустынь и Добрынская икона святителя Николая в Бежецком городском соборе). Тверь, 1911.
Титов А. Из архива Александро-Невской лавры. За время царствования императора Петра Великого. Т. 2. 1717–1719 // Русский архив. 1911. № 8. С. 594–603.

Т. В. Гимон (ИРИ РАН, ГАУГН)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИЗ «ПАМЯТИ И ПОХВАЛЫ» ИАКОВА МНИХА И ЛЕТОПИСЬ[1]

В составе «Памяти и похвалы» князю Владимиру Иакова Мниха (далее — ПП) читается серия исторических заметок, где иначе, нежели в Повести временных лет (далее — ПВЛ), рассказывается о событиях конца X в., а также приводятся отличные от ПВЛ датировки.

Точку зрения о вторичности этих заметок по отношению к дошедшей до нас ПВЛ наиболее подробно обосновывает В. Ю. Аристов [Арістов]. Выдвинутые им аргументы, на мой взгляд, недостаточно убедительны и, главное, не отменяют сказанного другими учеными в пользу древности этих заметок. В ПП не просто присутствуют уникальные, не выводимые из ПВЛ сообщения и даты, но и — что важнее всего — отразилась «киевская», а не «корсунская» версия крещения. В. Ю. Аристов считает версию ПП вторичной, однако ее древность засвидетельствована самой ПВЛ (летописец указывает на нее как на ошибочную).

Сторонники древности исторических заметок ПП высказывали три мнения об их соотношении с ПВЛ:

1) заметки ПП — выписки из древнейшего памятника историописания, еще не имевшего погодной разбивки (А. А. Шахматов, Л. В. Черепнин, А. В. Назаренко и др.);

2) эти заметки — пример очень ранних кратких записей, использованных и в летописи (А. Н. Насонов, С. В. Бахрушин, С. М. Михеев);

3) ПП и ПВЛ восходят к прижизненной биографии Владимира (Н. И. Милютенко).

На мой взгляд, уверенно могут быть сказаны две вещи.

1) Несомненна связь между датами от Сотворения мира в ПВЛ и годами «по крещении» ПП. Согласно ПП, Владимир в 4-й год «по крещении» основал Десятинную церковь (в ПВЛ 6499 г.[2] — как раз 4-й, если за 1-й принять 6496 [988] г.), а в 9-й год — учредил десятину (в ПВЛ 6504 г.). Вряд ли случайно, что одним и тем же годом (5-м/6500) ПП и ПВЛ датируют строительство города (ПП — Переяславля, ПВЛ — Белгорода). Значит, у ПП и ПВЛ был общий источник, где события датировались годами «по крещении». После 9-го/6504 г. и в ПП, и в ПВЛ лакуна, а значит, здесь их общий источник заканчивался. Вероятно, он и был составлен в самом конце X в. при Десятинной церкви.

[1] Доклад подготовлен в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ).

[2] Здесь и далее даются даты по Ипат., Хлебн. и Н1мл. В Лавр., Радз. и М.-А. даты искажены.

2) Истинная дата похода на Корсунь (в ПП — 3-й год «по крещении») — 6497 (989) г. Как показал А. В. Назаренко [Назаренко, с. 616—627], проверяемы еще две даты эпохи Владимира: поход на Польшу в 6487 (979) г. и на хорватов в 6500 (992) г. В ПВЛ первое событие помещено со сдвигом на два года (6489 г.), а второе — со сдвигом на год (6501 г.; как и само крещение: 6496 вместо 6495 г.). В ПП обоих событий нет, но даты, под которыми они попали в ПВЛ, хорошо объяснила бы гипотеза о том, что первое было датировано в общем источнике ПВЛ и ПП «2-м годом по вокняжении Владимира», а второе — «6-м годом по крещении». Следовательно, в общем источнике ПП и ПВЛ было упомянуто больше событий, чем сейчас в ПП, а события языческого периода были датированы годами от вокняжения Владимира.

На остальные вопросы простых ответов нет. Как соотносятся между собой хронологические указания ПП и ПВЛ, касающиеся событий до крещения? Была ли в общем источнике ПВЛ и ПП абсолютная дата вокняжения Владимира (11 июня 6486 г.), читающаяся ныне в ПП? Когда к историческим заметкам ПП добавилось указание на смерть Владимира и 28 лет его жизни в крещении? Наконец, что представлял собой общий источник ПВЛ и ПП — обширное сочинение по истории Руси, краткую историческую заметку или жизнеописание Владимира?

Первый вариант требует уж очень сложной реконструкции истории рассказа о крещении (того, как «киевская» версия была заменена «корсунской»). Третий — плохо соотносится со стилистическим и языковым единством древнейшего пласта текста ПВЛ за IX—X в. Соображения научной экономии склоняют ко второму варианту: общий источник ПП и ПВЛ представлял собой краткий обзор деяний Владимира.

В первой половине XI в. в Киеве, по-видимому, велись краткие анналы. К ним восходит ряд известий ПВЛ, даты которых выдерживают проверку независимыми источниками, а также серия кратких сообщений о смертях начала XI в. [Назаренко]. Эти анналы начинаются практически там, где заканчивается общий источник ПП и ПВЛ. Не были ли они продолжением этого общего источника? Можно предположить, что после строительства Десятинной церкви был написан краткий обзор деяний Владимира, а затем он стал несистематически продолжаться погодными записями, с датировками уже от Сотворения мира.

Этот обзор вместе с продолжавшими его анналами послужил источником и для летописи (которой дал опорные даты), и для ПП (в которой из погодных записей была использована лишь одна: о смерти Владимира).

Литература

Арістов В. Походження історичних повідомлень *Пам'яті та похвали князю Володимиру* Якова Мніха // Ruthenica. Київ, 2016. Вип. 13. С. 50—82.

Назаренко А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год. М., 2016. С. 593—654.

А. А. Гиппиус (НИУ ВШЭ, ИСл РАН), С. М. Михеев (ИСл РАН)

НАДПИСЬ ОБ УБИЙСТВЕ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО ИЗ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ[1]

Во время реставрации 2015 г. были почти полностью раскрыты внешние поверхности стен Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском. На открывшихся древних белокаменных блоках во многих местах были обнаружены граффити. Среди найденных текстов выделяется по своему историческому значению надпись, посвященная одному из центральных событий политической истории Руси XII в. — убийству владимиро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского 29 июня 1174 г.

Граффито находится посредине стены южной абсиды на высоте 110 см над цоколем. В момент обнаружения (8 октября 2015 г.) оно было покрыто остатками поздней побелки. Расчистка, осуществленная Т. К. Федоренко, полностью вскрыла сделанную в две колонки надпись, обведенную прямоугольной рамкой, увенчанной голгофским крестом. Крест, судя по большей толщине линий, был добавлен к надписи позже.

Сильное разрушение поверхности камня затрудняет прочтение, особенно в нижней части надписи; тем не менее большая часть текста прочитывается уверенно. На сегодняшний день текст надписи может быть передан следующим образом.

ѳралъвич[ь]

Петръ : Амбалъ : Ꙗкы	мѣ҃ца июна [к]ѳ
Кꙋцковичь Оѳрѣмъ	оубиенъ бы҃ кн[а]⸗
(Мо)[и]зичь До[б]р[ы](н)[а] М(и)китич	зь Анъдрѣи
Оур-[мъ]------- [Ми]к[и]та	своими паробкы
П[е]тръ Иванковичь ѳрольць Ми⸗	овомꙋ вѣч[н]аꙗ па⸗
ръшька Пьтръко Стырата	мат(-) а симъ вѣчнаа
си сꙋть [ꙋ]б[и]їц[и] велика⸗	м[ꙋ]к[а] ачь кто в помы⸗
го кназа Анъдр[ѣа]	[ш]…
да бꙋд-[ть] прокла⸗	…… [до]лз[ѣ]
ти и въ …	…

Внестратиграфическая датировка по методике А. А. Зализняка дает интервал [1120—1200] (предпочтительно — [1160—1200]), что, с учетом terminus post quem в виде даты убийства, позволяет датировать надпись последней четвертью XII в. Это делает граффито древнейшим относительно точно датированным памятником письменности

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Северо-Восточной Руси (до сих пор таковым считалась рукопись Жития Нифонта 1219 г., РГБ. Ф. 304/I. Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 35).

Исторический контекст граффито создают пространные рассказы об убийстве Андрея Боголюбского, сохранившиеся во владимиро-суздальском и киевском летописании. Совпадает с летописной дата убийства — 29 июня. Ее неслучайность (Петров день — именины главного из заговорщиков) подтверждается присутствием в перечне убийц сразу трех Петров. Как и в летописном рассказе, Андрей назван в надписи великим князем. Поскольку в летописи он более нигде таким образом не титулуется, определение *великий* можно было бы счесть позднейшей редактурой; надпись показывает, что это не так. Сообщение о том, что князь был убит своими *паробками* (слугами), находит соответствие в Ипатьевской летописи: «и рече князь: о паробьче, не Прокопья», «и рече Кузмище: оуже тебе господине, паробьци твои тебе не знають».

Новую ценную информацию дает перечень убийц князя, намного более полный, чем его летописные версии. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях названы только три имени и указано общее число убийц: «Начальникъ же оубиицамъ Петръ Кучковъ зять, Аньбалъ Ясинъ ключник, Якымъ Кучковичь, а всѣхъ невѣрных оубиицъ числомъ 20». Те же три имени открывают и список убийц в граффито, но с некоторыми отличиями. Петр, упоминаемый в летописи как «Кучков зять», выступает без этого приложения, зато с отчеством, которое было поначалу пропущено и позже дописано над строкой поверх рамки. Амбал/Анбал, в летописи фигурирующий с указанием этнической принадлежности («ясин») и должности («ключник»), назван только по имени. Отчество Якима — *Куцковичь* — записано через *ц*, что весьма примечательно: точно так же оно пишется и в Московско-Академической летописи, где это написание — как и в граффито — не может объясняться отражением цоканья. Это означает, что прозвище отца Якима было в действительности не *Кучько*, а *Куцько* (от прилагательного *куць* 'куцый'). Вариант *Кучько* и его производные отражают, по-видимому, вторичное переосмысление антропонима как связанного со словом *куча*.

Четвертое имя — *Оврѣмъ* (*Мо*)*изичь*, отсутствующее в Лавр. и Ипат., имеется, между тем, в обоих списках Радзивиловской летописи (Радз. и Моск.-Акад.) и в Летописце Переяславля Суздальского. Поскольку независимая утрата этого имени в Лавр. и Ипат. маловероятна, его следует рассматривать как вставку в общем протографе Радз. и ЛПС, сделанную на основе традиции, отразившейся в переславской надписи. Отчество *Моизичь*, вопреки расхожему мнению о его еврейском происхождении, восходит к арабскому (мусульманскому) имени مُعز (*Muʕizz*, Му'изз, фонетически |*moʕizz*|, 'прославленный, благородный') (атрибуция В. С. Кулешова), которое могло принадлежать, например, выходцу из Волжской Булгарии.

Пятое лицо в списке, если его имя прочитано правильно, оказывается полным тезкой былинного богатыря Добрыни Никитича. Одним из сторонников Мстислава Ростиславича в междоусобной войне против Всеволода Юрьевича был ростовский боярин Добрына Долгий (погиб в битве на Юрьеве поле 27 июня 1176 г.), судя по прозвищу, отличавшийся выдающимся ростом.

Имя, начинавшееся на *Ур-*, и следующее за ним пока не поддаются прочтению. Остальные имена читаются однозначно. Характерно, что, в отличие от первой части списка, в которой все лица, кроме Амбала, названы с отчествами, в этой части с отчеством упомянут только Петр Иванкович — очевидно, для противопоставления его Петру Фраловичу, в то время как остальные названы только по именам, причем последние четыре — в уменьшительной форме: Фролец, Мирошка, Петрок (в бытовой орфографии — *Пьтръко*), Стырята (от корня *стыр-*, выступающего в прилагательном *настырный*).

Не может быть сомнений в том, что надпись была сделана на стене собора вскоре после убийства Андрея Юрьевича. Но когда именно? И почему надпись об убийстве князя, совершенном в Боголюбове, обнаруживается на стене собора в Переславле? Теоретически возможными представляются два объяснения. Во-первых, граффито могло появиться уже после того, как междоусобная война в Северо-Восточной Руси, вызванная убийством Андрея Боголюбского, завершилась вокняжением во Владимире Всеволода Юрьевича. В таком случае граффито может быть одной из копий официального извещения, разосланного по городам епархии и начертанного на стенах ее белокаменных храмов. Другая возможность заключается в том, что надпись была сделана еще до завершения усобицы, в 1175—1176 г., когда переяславский стол занимал Всеволод, посаженный на него вокняжившимся во Владимире братом Михалком. Убийцы Андрея в это время могли быть живы и выступать на стороне Ростиславичей, с которыми воевал Всеволод.

Из надписи мы впервые узнаем, что убийцы Андрея Боголюбского были подвергнуты церковному проклятию. Она оказывается таким образом древнейшим свидетельством анафематствования на Руси не только еретиков и врагов Церкви, но и государственных преступников.

О. В. Гладкова (ОИДР)

ТЕКСТ О СТРАШНОМ СУДЕ В СОСТАВЕ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА КОНЦА XVIII в. ИЗ г. КОВРОВА

Ковровский сборник (далее — *К*) — интереснейшая старообрядческая рукопись[1], в состав которой наряду с широко известными произведениями вошли редкие и даже уникальные памятники[2].

В частности, *К* содержит текст, имеющий заголовок **Что речетъ в писанїихъ** (нач.: **Єгда опустѣеть земля цр҃ь иЗнеможетъ**). По всей вероятности, это ранее неизвестное сочинение, скорее всего принадлежащее

[1] До 1998 г. *К* пребывал во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике (Фонд рукописной книги (Владимир), В-34125/Кр.-249), где было сделано его описание (см.: Научный инвентарь коллекции рукописных книг. Владимир, [б/г]. Кн. 2 (компьютерная распечатка)), затем кодекс был возвращен в Ковровский историко-мемориальный музей, где ныне хранится под шифром КМ-5346 [Гладкова, с. 113—115].

[2] Такие, например, как Пространная редакция Чуда архангела Михаила о пастухе Василии, Чудо Николая Мирликийского об обнищавшем монастыре и др.

автору-старообрядцу или, во всяком случае, бытовавшее в старообрядческой среде и рассказывающее о конце света и Страшном суде. Задача доклада — выявить источники и историю сложения этого сочинения, определить его семантику и особенности образной системы, ввести произведение в научный оборот.

Что речетъ в писанїихъ представляет собой по сути соединение трех текстов. Так, его начальная часть содержит Притчу о разлучении души от тела, встречающуюся во II редакции Измарагда [Архангельский, с. 93; Яковлев, с. 266–267; Федотов, с. 86–87]. В Притче рисуется картина всеобщего разрушения: пустеет земля, теряет силы царь, иссякают источники, перестают дуть ветры и т. д. Вся эта картина тотального распада завершается описанием царицы, сходящей со своего престола. Из последующего «толкования» становится ясно, что царь — это ум, силы — это мысли, источники — слезы, ветры — дыхание и т. д. Царица, сходящая со своего престола, — душа.

Вторая часть опирается на текст из лубочной карты начала XVIII в. «Книга глаголемая Космография, переведена бысть с Римского языка, а в ней описаны государства и земли…» [Полевой, с. 435–438]. В этой части рассказывается о разных странах и народах – об Иерусалиме, Синае, Вавилонском царстве, Аравии, Эфиопии, Индии, об островах, населенных людьми с песьими головами и василисками, и о неведомой «Вахмейской земле».

Третья часть восходит к «Слову о Втором Пришествии Христове…» Палладия мниха; наиболее близок третьей части текст «Слова», подвергшийся значительной переработке и обнаруживающийся на современных *К* иконах с изображением Страшного суда ([Зрелов, с. 52–53; Иванов, с. 314–315] и др.). В третьей части описывается устрашающая картина конца света и Божьего суда, когда праведники «взяты будут на облацех», а грешники и сам дьявол будут сожжены огненной рекой.

Три части этого компилятивного произведения оказываются связанными не столько сюжетно, сколько общими сквозными образами, ассоциативными связями (царь — царь и судия; деревья — листья; Иерусалим — рай; острова с верными, острова с неверными — возможно, праведники и грешники; разрушение — гибель царств — конец света и т. д.). Такое доминирование образности над сюжетностью делает текст **Что речетъ в писанїихъ**, детализирующий картину конца света и Страшного суда, своеобразной «иконой в слове», сходной с современными тексту иконами с изображением Страшного суда. Очевидно, что этому способствовало и происхождение двух последних частей не «из книг», а из изобразительных источников[3].

Рассмотрение компилятивного сочинения из *К* предоставляет возможность увидеть не совсем обычный процесс – редактирование текстов, осуществленное для соединения их со зрительными образами в карте и иконе, последующее слияние этих текстов и «возвращение» их в книгу уже в новом качестве. Столь непростая природа этого произведения, безусловно, требует комплексного подхода в его изучении: думается, что текст из *К* представляет собой достойный объект для приложения усилий медиевистов разных специальностей и направлений — как историков старообрядчества, так филологов и искусствоведов.

Литература

Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890. Вып. 4.
Гладкова О. В. Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX–XX веков. М., 2013.
Зрелов М., свящ. Троицкая церковь в Медушах // Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1885. Вып. 10. С. 50–58.
Иванов А., прот. Ильинская церковь // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 309–320.
Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 2.
Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. М., 2004. Т. 11: Русская религиозность. Часть II. Средние века. XIII–XV вв.
Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893.

[3] Обратный путь этих текстов вряд ли был возможен.

Э. А. Гордиенко (СПбИИ РАН)

КАМЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ИОАКИМА И АННЫ 989 Г. И РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРИДЕЛ В НОВГОРОДСКОМ СОФИЙСКОМ СОБОРЕ 1045–1052 г.

В 989 г. епископ Иоаким построил в честь святых покровителей домовую каменную церковь Иоакима и Анны. Исследовательское мнение единодушно в том, что храм располагался где-то поблизости от Софийского собора. Разделяя эту точку зрения, позволим предложить некоторые уточнения о месте нахождения церкви Иоакима и Анны.

Данные архитектурной археологии дают основание полагать, что до возведения больших галерей Софийского собора каменная церковь 989 г. располагалась на месте будущего Рождественского придела. По наблюдениям Н. И. Брунова и Н. Д. Травина, «стены его отчасти прикрывают наружные лопатки первоначального здания, оказавшиеся внутри самого придела и его апсиды».

Древняя Церковь Иоакима и Анны представляла собой небольшую однонефную базилику, подобную многочисленным бесстолпным храмам в византийских провинциях. В алтаре церкви находился каменный престол из белого известняка, фрагмент которого с характерным для предалтарной преграды орнаментом в 1045–1050 г. как вторичный материал был включен в кладку лестничной башни. Белый известняк не встречается в приильменских карьерах, и белокаменную алтарную преграду для церкви Иоакима и Анны мог привезти епископ Иоаким. С началом возведения боковых приделов церковь 989 г. разрушили, и материал ее был использован в дальнейшем строительстве.

А. И. Комеч, указывая на решающую роль боковых приделов в композиции собора, не находит мотивированных причин их возникновения. Возможно, причиной, обусловившей ширину не только боковых галерей, но и центрального нефа, стала церковь Иоакима и Анны, на месте которой расположился Рождественский придел. Но если внешние

боковые приделы исполняли еще и определенную служебную функцию, то узкие малые нефы галерей лишь отделяют основной объем храма от широких боковых приделов. Включение их в план нового собора позволило не разрушать сразу старый храм, служба в котором, как свидетельствуют летописи, продолжалась пять или даже семь лет.

В 1549 г. снесли стоявшую за алтарем Софии дьячую избу, на месте которой были обнаружены следы скудельницы XV в. Великий князь Иван Васильевич приказал поставить здесь церковь Иоакима и Анны в честь рождения дочери. Во исполнение приказа с восточной стороны южного малого нефа поставили придел Иоакима и Анны, возвратив тем самым и память о древнем храме. Царская семья уделяла особое внимание приделу, оставляя в нем памятные дары, среди которых большую ценность имел великолепный, покрытый серебряным окладом иконостас. В Софийском соборе ни один другой алтарь, за исключением главного, не мог сравниться с Иоакимовским по богатству наполнявших его произведений иконописи и шитья, серебряных сосудов, панагий, крестов, гривен басменых и витых, рукописных и печатных книг.

Но если южный придел был построен на месте церкви Иоакима и Анны, то почему он не был освящен, как предшествующий храм? Очевидно, первое посвящение и стало основанием для нового названия придела. Андрей Критский, Слово которого читалось на утрени, назвал Рождество Богородицы началом праздников, «дверью благодати и истине…», а концом «соединение Слова с плотью…». В этих словах раскрывается образ Дома Премудрости Божией, составляющей частью которого в новгородском Софийском соборе выступил Рождественский придел с предшествовавшей церковью Иоакима и Анны.

С. В. Городилин (ИРИ РАН)

ДИНАСТИЧЕСКАЯ MEMORIA КНЯЖЕСКИХ РОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIII–XV в.

Классикой медиевистики уже стали исследования в сфере memoria — комплекса представлений и практик, которые обеспечивали формирование «нерасторжимого сообщества живых и мертвых», поминающих и поминаемых, играя важнейшую роль в конституировании социальных групп. Впрочем, применительно к отечественной истории основное внимание привлекает пока лишь период уже раннего Нового времени с его мощной источниковой базой в виде монастырских архивов, а по поводу предшествовавшей эпохи звучат мнения, что «заупокойно-поминальный культ» («культура поминания») еще не обрел тогда «устойчивых форм», присущих «будущей целостной системе поминаний».

Представляется, однако, что включающие называние имени усопшего в церковных службах и почитание места его погребения поминальные ритуалы, которые обеспечивают «присутствие умерших» в мире живых и актуализацию памяти о них, играли не меньшую роль в жизни социума и для средневековой Руси. Некоторые сведения, касающиеся династических аспектов memoria, можно извлечь из летописных и житийных текстов, а также из отдельных сохранившихся актов и из упоминаний о несохранившихся. Особый интерес в этом смысле вызывает период XIII–XV в., когда источниковая база достаточно разнообразна, а развернувшийся процесс появления новых княжеских столов и выделения новых семейных княжеских групп позволяет выявить социальные и политические функции мемориальных практик. Приведем ряд примеров.

13 декабря 1278 г. умирает ростовский князь Глеб Василькович. Власть в Ростове переходит к детям его старшего брата Бориса — Дмитрию и Константину. Затем сообщается, что Дмитрий Борисович «отъималъ волости» у сына Глеба — Михаила — «съ грѣхомъ и съ неправдою», а в 1280 г. приехавший из Киева митрополит Кирилл «отлучи отъ службы» ростовского епископа Игнатия, так как узнал, что тот через 9 недель после кончины Глеба велел вынести ночью тело князя из собора Богородицы, где Глеб был погребен, и захоронить в пригородном монастыре Спаса. Епископ был прощен лишь после настойчивых просьб князя Дмитрия. Наиболее рациональным контекстом интерпретации этого казуса остается отрицание получившими власть в Ростове детьми Бориса прав на княжение там сына Глеба и его потомков, что и было закреплено удалением останков Глеба из кафедрального собора, где покоились члены правящей династии и происходило их поминовение.

18 сентября 1299 г., за день до кончины, смоленский и ярославский князь Федор Ростиславич принял постриг и схиму в монастыре Спаса в Ярославле, где и был похоронен. Это решение стало разрывом с традицией предшествовавшей династии, представители которой погребались в городском соборе Успения. Видится возможным связать его с особенностями статуса Федора на ярославском столе: в Ярославль смоленский князь попал в связи с женитьбой на последней представительнице пресекшейся ярославской ветви потомков Константина Ростовского Федосье Васильевне. Однако и Федосья, и их с Федором сын Александр, имевший бесспорные права на город как дедич Ярославля, к 1299 г. уже умерли, и княжение Федор передавал своему сыну от второго брака Давыду, не имеющему никакого отношения к прежней династии. Легитимации власти наследника и упрочению его связи с Ярославлем должно было служить то, что отец нового князя погребен в главном городском монастыре (вскоре обретшем и статус архимандритии) и как патрон обители[1], к тому же вступивший в ряды ее братии, поминается не только собственными потомками, но и всей иноческой общиной. Именно Спасский монастырь затем на протяжении веков остается местом погребения и поминания князей Ярославских.

В актах XIV–XV в. и описях архива монастыря Рождества Богородицы во Владимире содержатся известия о вкладах сел и земель, сделанных туда московскими князьями Юрием, Иваном и, судя по всему, Борисом Даниловичами. Вклады датируются в рамках первой четверти XIV в. Столь ярко выраженное внимание к обители за пределами собственного княжества находит объяснение применительно к претензиям Даниловичей на великое княжение: их отец должен был получить владимирский стол после своего брата Андрея Александровича, но

[1] Текст пожалования князя Федора «дому святого Спаса» известен, так как он стал основой для позднейшего акта, содержащего «ряд»-договор со спасским настоятелем внука Федора, Василия Давыдовича.

умер чуть раньше брата, так и не став великим князем. В итоге права сыновей Даниила на Владимир оказались под сомнением, и их решение все же вступить в борьбу с Михаилом Ярославичем за великокняжескую власть манифестировалось демонстрацией особого почитания владимирского монастыря, где покоился дед московских князей — прославленный великий князь Александр Ярославич. Актуализацию подчеркиваемого пожалованиями факта их происхождения от Александра нельзя не связать с политико-генеалогическим контекстом эпохи. Назначение этих вкладов именно как поминальных отражает и грамота митрополита Киприана 1399 г.: «по д(у)ши дано в память князя великого Александра». Последующие великие князья московского дома своими актами подтверждали пожалования предшественников к «гробу деда своего». Статья «А се князи русьстии» (первая четверть XV в.), упоминая «Александра великого храброго Невъского», прямо говорит, что «отъ сего князя Александра пошло великое княженіе Московьское»[2].

Таким образом, демонстрация связи с конкретными предками, выражаемая в выборе места погребения и в их поминовении, оказывается важным фактором формирования новых династических групп внутри генеалогического сообщества Рюриковичей и источником манифестации и легитимации их политических и правовых притязаний. Эти предки обретают закрепляющуюся за ними функцию покровительства: генеалогическая идентификация посредством актуализации памяти о них и обращения к их заступничеству перерастает в целостную систему представлений о таких предках как о гарантах прав и полномочий родственной группы. Они становятся патронами выделяющихся династических и иных связанных с ними социальных групп, обретая полномочия глав и защитников прав поминающих их сообществ.

[2] Характерно, что свидетельств особого почитания памяти Даниила Александровича — собственно, первого московского князя этой ветви — ранние источники не содержат, и даже традиция, считающая местом его захоронения Данилов монастырь, фиксируется лишь в середине XVI в.

А. А. Горский (ИРИ РАН)

ОРДЫНЦЫ И ДЕЛЮИ

В нескольких договорных и духовных грамотах московских князей второй половины XIV — начала XVI в. упоминаются, и часто рядом, две загадочные категории населения — *ордынцы* и *делюи*[1]. В историографии высказывались как мнение, согласно которому те и другие выполняли одинаковые функции, а именно обслуживание должностных лиц, приезжавших из Орды [Сергеевич, с. 302–306; Веселовский, с. 210], так и предположение, что обязанности у *ордынцев* и *делюев* были разные: *делюи* являлись дворцовыми княжескими слугами, жившими в подмосковных «станах», а *ордынцы* — категорией населения, ответственной за доставку дани в Орду [Черепнин, с. 346–351; Зимин, с. 287–289]. По мнению И. Г. Добродомова и В. А. Кучкина, военное сопровождение дани, отвозимой в Орду, было обязанностью, напротив, *делюев* [Добродомов, Кучкин].

Между тем до сих пор не обращалось должного внимания на то, что вместе *ордынцы* и *делюи* упоминаются почти исключительно в договорах великих князей московских с Владимиром Андреевичем Серпуховским и его потомками. В завещании Владимира Андреевича фигурируют только *делюи*, *ордынцев* среди его зависимых людей нет. Причем *делюи* проживают в пределах принадлежащей серпуховскому князю московской «трети» — в Москве и окологородных «станах»: они названы только в статье, говорящей о передаче этой «трети» старшему сыну Владимира Андреевича Ивану («А с(ы)на Ивана бл(а)г(о)с(ло)влаю на старешыи пу*т*(ь) ему в Москвѣ и в станѣ*х* конюшеи пу*т*(ь), бортници, садо*в*ници, [псари], бобро*в*ники, барыши и дѣлюи. А тѣ*х* бортникѡ*в*, или садо*в*ников, или псареи, или бобро*в*ников, или барышо*в*, делюе*в* не всхочет жы*т*(и) на тѣ*х* земл*х*, инъ земли лишо*н*, поиди проч(ь), а сами с(ы)ну, кн(а)зю Ивану, не надобѣ, на которо*г*(о) грамоты по*л*ные не бу*д*е*т*, а земли и*х* с(ы)ну, кн(а)зю Ивану»)[2]. Напротив, в завещании Василия II упоминаются только *ордынцы*, и тоже в составе московской «трети» — того, что передается старшему сыну, Ивану III («А даю ему треть в Москвѣ и с путми, с моими жеребьи, чѣмъ ма бл(а)гословил ѡт(е)ць мои, и Добратинским селом з бортью, и Василцовым стом, и числеными людми, и ѡрдинци»)[3]. Правомерно предположить, что *делюи* жили в московской «трети» Владимира Андреевича и его потомков, а *ордынцы* — в великокняжеской части Москвы и прилегающих «станов». Такому выводу, на первый взгляд, противоречит последнее по времени упоминание *делюев* (рядом с *ордынцами*) — в договоре Ивана III с братом Андреем Углицким (между 1464–1472 г.)[4], но противоречие здесь кажущееся. Дело в том, что к Андрею отошла, по завещанию его отца Василия II, московская «треть» Владимира Андреевича и его потомков (конфискованная великим князем после опалы внука Владимира — Василия Ярославича — в 1456 г.)[5]. То есть *делюи*, упоминаемые в договоре Ивана III с Андреем Углицким, — это бывшие *делюи* серпуховских князей, проживавшие в их московской «трети». Таким образом, можно полагать, что терминами *ордынцы* и *делюи* обозначались не разные по своим функциям категории населения, а одинаковые: разница между ними состояла в том, что те, кто выполнял эти функции в великокняжеской части Москвы, назывались *ордынцами*, а те, кто делал это в «трети» Владимира Андреевича и его потомков, — *делюями*.

В духовных грамотах Ивана Калиты данные категории еще не фигурируют, но договоры Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем прямо указывают на их существование при отцах договаривающихся князей[6], то есть при

[1] ДДГ. № 5. С. 20; № 7. С. 23; № 11. С. 31; № 13. С. 37; № 17. С. 46; № 27. С. 70; № 45. С. 130, 133, 136, 139; № 56. С. 170, 173; № 58. С. 181, 184; № 61. С. 194; № 66. С. 215; № 89. С. 354.
[2] Там же. № 17. С. 46.
[3] Там же. № 61. С. 194.
[4] Там же. № 66. С. 215.
[5] Там же. № 61. С. 195.
[6] Там же. № 5. С. 20; № 7. С. 23; № 13. С. 37.

Иване Ивановиче и Андрее Ивановиче. Таким образом, появились ордынцы и делюи в период между окончанием княжения Ивана Калиты (1340 г.) и смертью Андрея Ивановича (1353 г.). Учитывая явную связь названий этих категорий населения с Ордой (слово «ордынцы» происходит от слова «орда», а слово «делюи» является тюркизмом), их возникновение правомерно связывать с явлением, которое отмечается в московско-ордынских отношениях с 1340-х годов. Новацией в отношениях с Ордой в это время было то, что в Москву стали приезжать ханские послы. Первое сообщение о приезде ханского посла именно в Москву относится к 1347 г. (посол Кога); в следующем, 1348 г., посольство хана Джанибека также прибыло в Москву[7]. Поэтому вероятнее всего, что *ордынцы* и *делюи* стали группами населения, чьей обязанностью было обслуживание ордынских послов, появляющихся на территории Московского княжества.

Литература

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. 1.
Добродомов И. Г., Кучкин В. А. Делюи средневековой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 88–98.
Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.
Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1.
Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

[7] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 57–58.

Л. П. Горюшкина (МГУ)

БОГОМОЛЬЯ, ОБЪЕЗДЫ И ПОТЕХИ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ III И ИВАНА IV: ВЫБОР СРОКОВ

Выбор дней для государевых выходов привлекал внимание исследователей (см. работы Н. С. Борисова, А. В. Лаушкина, А. Е. Мусина, Е. А. Погосян и др.). Уделено оно было в основном военным походам, в то время как мирные выходы — богомолья, «объезды» — рассматривались реже.

Летописи сохранили точные даты (даты с точностью до дня) 54 различных мирных поездок государей в 1505–1567 г. Анализируя этот материал, хотелось бы выяснить: как выбирались дни для поездок на богомолья? Что оказывалось более существенным: «рамочные» даты начала и конца поездки или праздники, к которым она была приурочена и которые участники стремились отпраздновать в конкретном месте? Принимались ли в расчет дни недели?

Летописи по-разному называют мирные поездки государей: богомолья, объезды, потехи (поездки на охоту). В ряде случаев такие наименования вполне точны, но чаще — крайне условны, поскольку в рамках одного выезда нередко совмещались богомолье, объезд владений и посещение охотничьих угодий. Отсюда разная изначально символическая нагрузка поездок: от действительно насыщенных символикой действ до вполне рядовых мероприятий. Различными были в рассматриваемых событиях также степень активности государей и их отношение к происходящему: взрослый Василий III, несомненно, принимал большее участие в планировании поездок, нежели Иван IV в годы отрочества.

Летописями зафиксированы даты не всех государевых поездок. Для времени правления Василия III даты содержатся в известиях только о 12 поездках разного типа: богомольях, летованиях (когда государь часть лета проводил в каком-нибудь подмосковном селе), объездах и потехах. Большинство известий происходит из официального летописания, а о четырех поездках подробности известны только из летописания неофициального.

В организации поездок Василием III видны две сменяющие друг друга тенденции. Для значительной части его правления богомолья редки, между ними значительные перерывы. В то же время датам, в которые поездки организовывались, придавалось большое значение. Как правило, дни отправления и возвращения привязаны к двунадесятым праздникам, дням широко почитаемых святых или святых, чья память символична в контексте поездки, то же справедливо и для промежуточных точек маршрута. В конце правления принцип организации поездок постепенно меняется. Государь несколько лет подряд отправляется осенью на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а более значимым оказывается уже день, к которому государь стремится оказаться в обители (обычно — память преподобного Сергия). Отметим, что любимым днем начала поездок для Василия III было воскресенье, дни же возвращения из поездок выбирались несколько свободнее.

Для времени правления Ивана IV сохранились известия с точными датами о 42 различных мирных поездках. Перечень внушительный, но неполный: события первой половины 1550-х годов описаны глухо. Практически все известия происходят из официального летописания.

Свои первые поездки Иван IV совершал еще с отцом, после смерти последнего его начали вывозить спустя полтора года. Ранние поездки государя систематически фиксируются в официальном летописании. Маршрут их постоянен: Москва — Троице-Сергиев монастырь — Москва (лишь в одном случае из 11 ездили в Можайск), а продолжительность невелика — 6–9 дней. Структура организации поездки такова, что очевидно значим день, к которому стремятся попасть в монастырь. Под него подбираются дни выезда (как правило, за 4–5 дней при включающем счете), он является и логическим, и структурным центром поездки. Ездил государь в Троицу к памяти преподобного Сергия (25 сентября), Троице и Рождеству Предтечи (24 июня).

Когда государю исполнилось 13 лет, маршруты его поездок становятся разнообразнее, а продолжительность их возрастает (от 2 недель до 3 месяцев). Однако для значительной их части посещение Троицкого монастыря остается первым пунктом маршрута, а принцип выбора дня выезда в целом не меняется. Подобная ситуация будет сохраняться и в зрелые годы государя.

В выборе сроков для поездок Ивана IV заметны два предпочитаемых сезона: осенью последние недели сентября и октябрь и весной середина мая — июнь. Что касается выбора дней недели, то Иван IV был в этом вопросе гораздо свободнее отца.

Таким образом, внимание к «рамочным» датам поездки сменяется к концу правления Василия III вниманием к значимым дням в течение поездки. Такой способ организации государевых выходов будет взят за образец в годы малолетства Ивана IV и останется преобладающим в его зрелые годы.

А. И. Грищенко (МПГУ, ИСл РАН)

БИБЛЕЙСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД В ПРАВЛЕНОМ СЛАВЯНО-РУССКОМ ПЯТИКНИЖИИ И В ПОЛЕМИКЕ С ЕРЕСЬЮ ЖИДОВСТВУЮЩИХ[1]

Ветхозаветный юбилейный год (Лев 25: 8–17, 23–25), называвшийся на древнееврейском *yôḇēl*, в греческом Восьмикнижии передавался через ἄφεσις или ἀφέσεως σημασία, что в древнейшем славянском переводе было передано через *оставлениѥ* и *оставлениꙗ знамениѥ* соответственно. Семитизм ἰωβηλαῖον, буквально передающий др.-евр. yôḇēl, оказался известен более поздней греческой книжности, в том числе по памятникам, переведенным на славянский предположительно в симеоновскую эпоху: в «Заветах 12 патриархов» (передан неточно словом *родъ*) и в толкованиях Феодорита Кирского на Ветхий Завет (35-й вопрос-ответ к книге Левит). Именно во втором тексте встречается в славянском переводе гапакс *ѡвилѣѡво* (*лѣто*), не зафиксированный словарями и известный только в двух рукописях (Сборник последней трети XV в. ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 1395. Л. 170 об.; во втором списке форма дефектная).

Отождествление слова, восходящего к древнееврейской форме, с калькой *оставлениѥ* известно, согласно словарным данным, 1) в «Просветителе» Иосифа Волоцкого (в восьмом слове): Лѣто пѧтдесѧтое, еже изл҃тѧне нарекоша *овилео*, сказаемое оставление…; 2) в Кормчей Балашева XVI в. (БАН. 21.5.4. Л. 495): Отрищаюс<ь> всѧкоꙗ жидовскыꙗ вѣры и обрѣзаниꙗ… и праздника, иж<е> в нед<ѣ>лѧх, и *овилѣя*, и труб и кроплении; 3) в азбуковниках: *Овилео* — оставление. Еврее седьмое число и в седьмицах седьмиц и в летех праздноваху, нарицающе число то *овилео*, еже есть оставление… (по списку XVII в. БАН. Архангельское собр. Д.446. Л. 162 об.; аналогичная краткая статья есть и в более раннем, XVI в., азбуковнике РГБ. Ф. 173/I. Фундаментальное собр. библиотеки МДА. № 35. Л. 89: ж[идовьское] ѻ́вилеѿ, т[олкъ]. ѻ́ставле́нїе)[2].

Из какого источника были заимствованы приведенные выше формы? (Еще одна, указанная в словаре, *овилеюсъ* — с характерным латинским окончанием.) Могли ли они попасть в эти памятники из малоизвестного толкования Феодорита, где это слово имело начальное *и-* (в соответствии с греческим источником)?

Более правдоподобным выглядит заимствование из глосс и эмендаций славяно-русского Пятикнижия (старшие списки — конца XV в.), правленного по тюркскому (старокипчакскому) таргуму Масоретского текста [Алексеев, с. 182–184; Grishchenko], где в соответствии др.-евр. *yôḇēl* и караим. *йовэл* употреблены три разные формы: 1) *овилиско*(*е*) *лѣто* (Лев 25: 10 — киноварный заголовок на полях), 2) *иевель* (Лев 25: 13) и 3) *евель* (Лев 25: 30, 27: 21). Если две последние формы следует признать непосредственными гебраизмами (с естественным переходом начального *jo-* в *je-* на славянской почве), то прилагательное *овилиско*(*е*) может быть как продолжением старого грецизма *ѡвилѣѡво* (*лѣто*) с диалектным переходом *ě* > *i* и заменой суффикса, так и дальнейшим освоением непосредственно заимствованного гебраизма: др.-евр./караим. *jovel* > слав. *jevelь* > **jevěl'* (появление «второго ятя», который переходит в *i*) > *oviléi* (см. форму Кормчей Балашева; переход начального (*j*)*е* в *о* обычен при освоении заимствований, особенно имен собственных, на восточнославянской почве, ср. *Елена* > *Олена*, *Евстафий* > *Остап* и т. п.) > **ovilějskъ* > *oviliskъ* (переход *ě* > *i*). Второй путь, ввиду наличия исходной формы (*и*)*евель* в тех же глоссах и эмендациях Пятикнижия, выглядит менее надежным, однако обращение русских книжников, начиная с Иосифа Волоцкого, к этому библеизму в контексте полемики с жидовствующими объяснить иначе, чем через знакомство с правленым Пятикнижием, затруднительно.

Празднование юбилейного года в иудаизме прекратилось в древности, после разрушения Второго Храма, так что поминание «овилея» как иудейского обычая — дань книжной традиции, активизировавшейся при знакомстве русских книжников во второй половине XV в. в Киеве с иудейской экзегезой Библии и с ее переводами на караимский язык. Одно из доказательств тому — эмендация *до евъла* в заповеди о запрете отпускать раба с продырявленным ухом: *и да работеть емꙋ* [господину] *до евъла* (Исх 21: 6, РГБ. Ф. 299. Собр. Н. С. Тихонравова. № 453. Л. 162 об.) — вместо *ввѣкы* (исходный вариант там же на полях). Это чтение не соответствует ни греческому тексту (εἰς τὸν αἰῶνα), ни еврейскому (*lə-'ōlām* 'вовеки'), но содержится в тюркском таргуме: *da-qûllûq 'ēṭsîn 'agar yôḇēl-ga' dēgîn* 'и в рабстве да будет вплоть до юбилея' (по евпаторийскому изданию 1841 г. Мордехая Тырышкана), — оно было заимствовано сюда из средневековых толкований, в частности то же решение (*'ad ha-yôḇēl* 'до юбилея') предлагал Раши (конец XI в.).

Литература

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Grishchenko A. I. Turkic Loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs Edited According to the Masoretic Text // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2016. Vol. 61. Iss. 2. P. 253–273.

[1] Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук МК-1338.2017.6. В сборе материала по рукописям славянского Пятикнижия принимала участие Е. З. Вологина. Автор также выражает искреннюю благодарность К. В. Вершинину.

[2] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 222.

А. Л. Грязнов (НИЦ «Древности»)

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ МЕСТНОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛООЗЕРЕ В XV–XVI в.[1]

История Белозерья в XV–XVI в. делится на два основных периода. Первый — когда Белозерье входило в состав удела Андрея Дмитриевича Можайского, а затем было важнейшей частью удела его сына Михаила. Второй — в составе владений великих князей. Сначала на правах региона с особым статусом, для которого была издана специальная уставная грамота, а затем провинции.

В княжение Андрея Дмитриевича упоминаются его наместники Юрий Белосельский, Григорий Монастырев, а также Иван Борисович и Василий Иванович (вероятно, Плещеевы). Волостелем был Василий Васильевич Монастырев. С боярским званием никто прямо в актах не упоминается, но по родословным в Думу Андрея Дмитриевича входили Иван Александрович Монастырев и Борис Отяй. Дьяком был Захарий Ильин, происходивший из местного боярского рода. Таким образом, несмотря на очевидную и вполне закономерную связь с великокняжеским двором, заметную роль при Андрее Дмитриевиче играли крупные местные землевладельцы.

В правление Михаила Андреевича эта ситуация видна еще более отчетливо. В актах его боярами называются Александр Григорьевич Колычев, Василий Иванович Пушечников, Василий Васильевич Ромодановский и Василий Андреевич. Подписывали грамоты и, вероятно, были боярами Андрей Дмитриевич Монастырев и Григорий Федорович (Колычев?). Родословные добавляют к этому списку Василия Безноса Монастырева и Федора Отяева. Из белозерских наместников упоминаются Давыд Кемский и Григорий Андреевич. В качестве волостелей фигурируют Иван Ципля и Федор Монастыревы. Большая часть дьяков Михаила Андреевича изначально не была связана с Белозерьем. Исключение составляет Иван Ципля. Тем не менее прослеживается одна интересная тенденция. Для исполнения разовых административных поручений (суда, межевания и т. п.) часто привлекаются местные землевладельцы (Иван Ципля, Афанасий Внуков, Василий Безнос и Данило Блин Монастыревы).

После ликвидации белозерского удела порядок предоставления кормлений на Белоозере изменился. Наместниками и волостелями назначаются служилые люди из других уездов[2], а местные получают кормления за пределами Белозерья[3]. Таким образом, крупнейшие землевладельцы (Белозерские князья и Монастыревы) оказались в этом плане оторваны от региона. Это привело к серьезным подвижкам в системе управления. На первый план быстро выдвигаются роды, ранее занимавшие довольно низкое положение.

В 1490-е годы по слову великого князя разводил земли Иван Окинфов (Окишев). Его брат Тит фигурирует в 1497 г. как один из таможенных откупщиков, а другой брат Есип — в 1512 г. как муж на докладе у наместника. По всей видимости, они были детьми рыбника князя Михаила Андреевича Окиша. Гневаш Стогинин, сын посельского князя Михаила Андреевича Микулы, с 1501 г. выступает в качестве судьи (как самостоятельно, так и в составе писцовых комиссий). В 1515 г. он житничий приказчик. Внуками мелкого землевладельца были муж на докладе в 1512 г. Вешняк и городовой приказчик в 1530–1540-е годы Мясоед Семеновы д. Вислово. Городовыми приказчиками были и дети Гневаша Федор (в 1520–1530-е) и Третьяк (в 1540-е). Младший из братьев Гневашевых Яков в 1550-е сначала был дворским, а потом и городовым приказчиком. Из Окишевых городовыми приказчиками были Пахом Есипов (1548 г.) и его сын Меньшой (1567 г.). Компанию этой довольно сплоченной группе составили представители младшей ветви Монастыревых. Гридя Сапог еще в 1501 г. работал вместе с Гневашем, а его сын Афанасий в 1530-е был городовым приказчиком вместе с Мясоедом Вислым. Показателем значения для этих фамилий участия в административной деятельности является стремительный рост их земельных владений (в то время как у княжеских и бывших боярских фамилий родовые вотчины стремительно мельчают).

Губная реформа дала возможность вернуться в органы местного управления представителям старой знати. В 1540-х годах губными старостами были Владимир Вадбальский и Иван Андомский, Терентий Монастырев и Давыд Сапогов, в 1566–1571 г. Меньшой Лихарев. В 1555 и 1564 г. неким выборным старостой назван Иван Медведев (потомок дьяка Захарии Ильина). Однако значение Гневашевых настолько возросло, что вместе с Меньшим Лихаревым губным старостой был еще и Яков Гневашев.

Сложившийся порядок кардинальным образом изменился после Опричнины. С этого времени в качестве губных старост и городовых приказчиков фигурируют совершенно новые фамилии, ранее не связанные с Белозерьем.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-11-35002 «*Каталог белозерских актов XIV–XVI вв.*».

[2] Из наместников известны Тимоф. Мих. Плещеев, Мих. Вас. Горбатый, Ив. Сем. Воронцов, Мих. Фед. Барятинский. Волостели, получавшие кормления на территории Белозерья, перечислены в так называемой Боярской книге 1556 г.

[3] Первыми в этом плане фигурируют Ушак Арбужевский и Иван Согорский в Списке Двинских волостей.

Е. М. Гуреев (МГУ)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТИПОЛОГИИ ПОКЛОННЫХ КРЕСТОВ РУССКОГО СЕВЕРА XVI–XVII в.

Культура Русского Севера неоднократно становилась предметом множества научных исследований. Отмечались особенности формирования поморской культуры, взаимодействие с культурой северных соседей — норвежцев, датчан, рассматривались отдельные элементы поморской культуры. Так, наряду с архитектурными особенностями северного зодчества, технологическими новшествами промысловой культуры внимание исследователей привлекает и тема поклонных крестов. Поклонные кресты Поморья отличаются от аналогичных памятников духовной культуры иных регионов спецификой применения в сфере поморского быта.

Исследователи анализируют трансформацию внешнего облика северных крестов и храмовых комплексов через исследование изменения и соединения традиционных народных практик с христианскими [Орфинский, с. 51–53].

Еще одним вопросом, над изучением которого работают исследователи, является определение места креста в сакральной топографии Русского Севера и центров производства поклонных крестов. А. Б. Пермиловской установлена связь между процессами освоения Севера как сакрализованного пространства и развития символических маркеров, это пространство обозначающих. Так, на месте креста, устанавливавшегося на местах новых поселений, или же на месте обетного креста с течением времени могла быть возведена часовня, а затем и церковь [Пермиловская, с. 189]. Любопытен также и процесс «свертывания пространства к своему духовному центру», когда на месте сгоревшей церкви устанавливался крест.

П. Н. Филиным и Н. Н. Фризиным рассматривались те роли, которые выполняли поклонные кресты в обрядовом контексте социальной и духовной жизнедеятельности поморов. Исследователи приводят классификацию, согласно которой кресты устанавливались на тонях, становищах, иных местах промыслов, в связи с экстраординарными событиями, существовали кресты-вехи, «маяки», кресты в селах [Филин, Фризин].

Автором была проведена работа по выявлению крупных северных крестов, датирующихся XVI–XVII в. Под понятием «крупный» подразумеваются физические размеры креста. Внимание автора было обращено на кресты, мачта которых превышает 25 сантиметров. Данная цифра продиктована тем, что мачта наиболее близких поклонным крестам с точки зрения обрядового применения выносных и запрестольных крестов по своей высоте практически никогда не была меньше 25–30 сантиметров.

В результате проведенного анализа источников, к коим можно отнести собрание сочинений патриарха Никона[1], Житие инока Епифания[2], изучения материалов полевых исследований была составлена таблица, содержащая упоминания о сохранившихся крестах указанного периода в хронологическом порядке. Кроме того, отмечались форма креста, стилистические особенности, местонахождение, изначальное и текущее, если возможно.

Анализ имеющихся сведений показал, что количество упоминаний о поклонных крестах в разы меньше, нежели упоминаний о крестах закладных, напрестольных и храмозданных.

Поклонные кресты упоминаются в том случае, если они являются важными культурными объектами и создавались известными личностями, как, например, Кийский или Унский.

Согласно имеющимся сведениям можно сделать вывод, что сохранившиеся кресты в основном находились в помещении. Восьмиконечная форма была столь же распространена, как и четырехконечная, что является любопытным фактом, так как в XVII в. среди старообрядцев возникла тенденция, согласно которой четырехконечный крест является неверным с точки зрения канона. Многие кресты украшались серебром, золотом, драгоценными камнями, на них наносились также запись, содержащая информацию об авторе креста, иногда о том, для какого храма крест предназначался, имя заказчика.

Некоторые кресты, как, например, находящийся ныне в Архангельском краеведческом музее восьмиконечный крест 1683 г., предназначавшийся для Антониево-Сийского монастыря, изготавливались по особому заказу московскими мастерами и высылались в тот храм, то место, для которого они предназначались. Некоторые, как сосновый крест патриарха Никона, изготавливались прямо на месте. Известно, что в XIX в. на Севере существовали отдельные кресторезные регионы.

В XIX в. на Мезени было налажено ремесленное производство деревянных крестов. По полевым исследованиям А. Б. Пермиловской (2002–2007 г.) были установлены центры их изготовления – деревни Нисогора и Кельчемгора бывшей Юромской волости Мезенского уезда. После изготовления они сплавлялись по реке Мезени к местам назначения [Пермиловская, с. 195].

Таким образом, подобная структуризация упоминаний о памятниках позволяет определить основные сценарии применения крестов в духовной культуре поморов, выявить их стилистические и канонические особенности.

Литература

Орфинский В. П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 32–62.

Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург, Архангельск, Ярославль, 2013.

Филин П. Н., Фризин Н. Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический

[1] Патриарх Никон. Труды. М., 2004.

[2] Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой. Статьи, тексты, комментарии. СПб., 1993.

А. Г. Гуськов (ИРИ РАН)

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В 60–90-Е ГОДЫ XVII В.

Многогранность приказной системы находила отражение в широкой гамме компетенции различных ведомств, не только занимавшихся своими прямыми функциями (Посольский – международными делами, Поместный – поместьями землевладельцев, Стрелецкий – стрельцами и т. д.), но и ведавших определенными территориями и категориями людей, осуществлявших сбор денежных средств, судебно-следственные процедуры и пр.

Одной из важнейших прерогатив большинства приказов являлась судебная (в более широком смысле – судебно-следственная) деятельность. Помимо собственно судебных и судебно-розыскных приказов, отвечавших за подсудность большей части населения Московского государства (в разных сферах правовых отношений), в функции ряда учреждений входило право суда над подведомственными ему категориями населения (проживавшими на конкретной территории, занимавшимися определенной сферой деятельности или относящимися к некой социальной группе).

В рамках анализа судебной деятельности Посольского приказа на материалах второй половины XVII в. необходимо отметить значительную хаотичность и лапидарность источниковой базы по данному периоду. Сформировать достаточно репрезентативную картину судопроизводства помогают описи и книги «вершенным и невершенным делам», «судным делам», «челобитческим делам» и т. д.[1], позволяющие охарактеризовать состав и примерный объем правовой деятельности ведомства. На настоящий момент наибольший объем информации удалось извлечь из «Книги переписной... судным вершеным и невершеным делам... 203 (1695) г.», оставшейся после подьячего Посольского приказа Н. Венюкова[2].

Собранная статистика включает данные по 179 судебно-следственным случаям, в том числе о 155 судных делах, 3 делах по приставным памятям, 4 очных ставках и 17 записях судебных приговоров-решений по искам за период с 1647 по 1693 г. Основная масса инициирования разбирательств приходится на 1660–1680-е годы (60-е годы – 37 случаев; 70-е – 66 и 80-е – 67). Из них завершение дела фиксируется в 48 случаях, в том числе в 44 – официально обозначено окончание судебного делопроизводства («дело вершено», или ответчик «выдан взажив головою», или «в том иску истец с ответчиком помирились, и мировая челобитная у дела»). В 14 делах при наличии решения по основному вопросу отмечается либо отсутствие сведений об уплате пошлин, либо неполное погашение долга, либо нехватка какого-либо обязательного документа (например, мировой челобитной или записи о приеме денег). По 97 юридическим претензиям официальный итог (то есть с записью и наличием подтверждающих документов) на момент записи в книгу оставался неизвестен. Информация по 26 делам оказалась неполной, что не позволяет однозначно решить, «вершено» дело или нет, то есть отсутствует даже фиксация незавершенности.

Анализируемые материалы сообщают о 138 лицах, выступавших в качестве истца (9 коллективных исков), в том числе 88 иностранцев (35 голландцев, 3 англичан, 7 гамбуржцев, 18 греков, 5 московских иноземцев, по 3 шведа и датчанина, 4 выходца из восточных стран – «кизылбаши», «Индеские земли торговой иноземец» и др.) и 50 российских подданных (5 купцов, 14 посадских жителей, 11 приказных служащих, 2 крестьян, 3 стряпчих, 7 поверенных («человек») дворянства и пр.). Наибольшую активность проявили голландский торговец Вахромей Меллер (11 исков) и московский торговый иноземец Иван Еремеев (7 исков).

Среди 210 ответчиков преобладали российские жители – 146 человек (20 купцов, 105 посадских жителей, 11 приказных служащих, 4 крестьян, 2 стряпчих и пр.). Среди 64 иностранцев – 15 греков, 10 голландцев, 8 московских торговых иноземцев, по 6 – англичан и шведов, 4 гамбуржца и 4 представителя Востока. По нескольким (2–3) искам судились как иностранные купцы (Тимофей Фандымин, Вахромей Меллер, Франц Тимерман и т. д.), так и отечественные негоцианты и посадские жители (Тимофей Боков, Семен Карташев, Ивашка Кузьмин и др.).

В обоснование иска чаще всего использовалась кабальная запись – «по выданой заемной кабале», «по кабале» (81 случай); заемная память / заемное письмо (22) или «подрядная запись» (18). Кроме того, 14 дел были направлены против поручителей, а в 11 – требовалось возмещения «бесчестья» или «бою своего и увечья». Мотивировка челобитной могла включать: «по закладной кабале», «по счотному торговому письму», «за прием беглых», «за провоз недоплатных денег», «за взятое питье», «работных зажилых денег», «убытков и бессторжицы» и т. п.

Общий срок рассмотрения исковых челобитных зависел от многих обстоятельств и варьировался от 2–4 дней до нескольких месяцев. Само же дело, до момента исполнения приговора, могло длиться от 1–2 недель до нескольких десятилетий. Затягивание срока происходило в случае финансовых претензий и оспаривания иска ответчиком.

[1] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 13; Ф. 138. Оп. 1. Д. 9 (1649 г.), Д. 1 (1657 г.), Д. 9 (1658 г.), Д. 8 (1670 г.) и т. д.

[2] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 13. Л. 1–205.

Д. Г. Давиденко (ЦГАМ)

ПОЧИТАНИЕ ПРАЗДНИКА ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ И МОНАСТЫРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

Первым по времени церковным престолом Москвы, посвященным празднику Покрова Богородицы, был упомянутый в летописи под 1479 и 1488 г.[1] монастырь Покрова «в Садех» [Баталов, с. 18]. Он находился в начале современной улицы Маросейка (где известны и другие храмы «в Садех») и пользовался покровительством великого князя Ивана III. Позднее был преобразован в приход. По приговору 1551 г. «собор Покровской на Площадки» должен был стать центром одного из семи соборов (церковных округов) Москвы. Л. А. Беляев предположительно видит в нем «храм Покровского монастыря на Покровке» [Беляев, с. 250, примеч. 163]. В таком случае заметен его особый авторитет на фоне городских церквей, вероятно, связанный с бывшим в конце XV в. монастырским статусом.

В Духовной грамоте Ивана III упомянут «монастырь Лыщиково и з дворы»[2], отождествляемый некоторыми исследователями с Покровским монастырем, упомянутым в летописи под 1479 г. [Фехнер, с. 117–118]. Но «монастырь Лыщиково» отмечен без указания посвящения и среди объектов недвижимости, к тому же приобретенных у Андроникова монастыря. Принимая это во внимание и учитывая, что «монастырем» называли не только общину монахов с храмом и кельями, но и церковный двор[3], полагаем, что завещатель мог понимать Лыщиков монастырь как раз в этом смысле. Он отмечен и в Духовной Ивана IV[4]. В книге Патриаршего приказа за 1627/1628 г. указана церковь Покрова за Яузой, а в «Строельной книге» 1657 г. – церковь Покрова «на Лыщикове»[5]. Таким образом,

[1] ПСРЛ. М.–Л., 1949. Т. 25. С. 323; СПб., 1913. Т. 18. С. 272.

[2] ДДГ. С. 354. № 89.

[3] Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., 1881. Т. 2. И–О. С. 351; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 259.

[4] ДДГ. С. 434. № 104.

[5] РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2. Л. 260; Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884. Т. 1. Стб. 820; М., 1891. Т. 2. Стб. 220.

ее появление можно отнести ко времени с последней четверти XVI в. по первую четверть XVII в. и предполагать существование в Москве при Иване III одного Покровского монастыря — «в Садех».

В XVI в. почитание праздника Покрова в Москве отразилось на государевом храмоздательстве, но не монастырском, а соборном. Наиболее яркими примерами были устроение Покровского придела к Архангельскому собору Кремля и возведение собора Покрова на Рву.

Строительство Покровских храмов активизируется в 1620-е годы (церкви в селах Рубцово, Измайлово, Медведково, Фили и др.). Оно было вызвано желанием отметить отражение войск королевича Владислава, пришедшееся на 1 октября 1618 г. [Тарабарина, с. 101–108; Перевезенцев], и, возможно, подражать ктиторской традиции Рюриковичей, подчеркивая тем самым преемственность династий. С этим могло быть связано и появление Покровского престола в Даниловом монастыре, упомянутом в 1701 г., но, по мнению Л. А. Беляева, освященном (возможно, не впервые) около 28 сентября 1619 г. [Беляев, с. 144 и др.].

Фиксация Покровского храма «на Убогом дому» «за Яузою» с черным духовенством в книгах Патриаршего приказа за 1620-е годы[6] отмечает верхнюю границу времени его существования и заставляет пересмотреть принятые версии о его основании в 1635 г. или же в царствование Алексея Михайловича. Устроение монастыря могло быть связано с усилением внимания к празднику Покрова в московском зодчестве первой трети XVII в. Преемственность Покровских монастырей «в Садех» и «на Убогом дому» менее вероятна, ибо разрыв в их упоминаниях в источниках составляет почти 150 лет, а локализуются они в разных местах, к тому же разделенных р. Яузой.

Позднее в Москве активно возводились Покровские храмы, как приходские, так и монастырские [Кириллин, с. 23, примеч. 84–85; с. 26, примеч. 112; Перевезенцев].

Литература

Баталов А. Л. Храмы Ивановской горки и Кулишек в сакральной топографии Москвы // Церковная археология Москвы. Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек. М., 2007. С. 9–20.

Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV вв.) по данным археологии. М., 1995.

Кириллин В. М. Похвальное слово празднику Покрова Пресвятой Богородицы неизвестного древнерусского автора: особенности содержания, место и время составления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 13–27.

Перевезенцев С. В. Покровские храмы Москвы: история и смыслы (Доклад на конференции «Сорок сороков: град Москва под Покровом Богородицы». Российский православный университет. 8 января 2013 г.) // Слово. Образовательный портал [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/history/46361.php?sphrase_id=127043 (дата обращения: 10.05.2017).

Тарабарина Ю. В. Победа над королевичем Владиславом 1 октября 1618 г. и мемориальное храмостроительство 1620-х гг. // Сакральная топография средневекового города. М., 1998. С. 100–108.

Фехнер М. В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1949. Т. 12. С. 106–124.

[6] РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 1. Л. 74 об.; Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Т. 1. Стб. 839.

М. И. Давыдов (Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О МАЛОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

Специалистам хорошо известны две указные грамоты, направленные на Белоозеро и в Туринский острог в связи с введением в действие с 25 марта 1625 г. новой печати; ее отличали размеры («больше прежния») и собственно ряд графических новаций, а именно прибавление «в подписи в нашем государском именованьи “самодержец”» и помещенная «над главами у орла коруна»[1]. Впоследствии в литературе сложилась устойчивая традиция интерпретации этих сообщений в качестве свидетельства видоизменения тогда облика именно *малой государственной* печати; соответственно, возможность присутствия на оной титула «самодержец» в предшествующий период царствования Михаила Федоровича практически единодушно отвергалась (прямо или подспудно) подавляющим большинством исследователей.

С другой стороны, еще Н. П. Лихачев, в свое время обративший внимание на номенклатуру дел, которые надлежало запечатывать новой печатью (решения по челобитным, наказы, подорожные и т. д.), совершенно верно резюмировал, что в рассматриваемом случае речь, несомненно, шла о «прикладной, то есть односторонней, черновосковой печати» [Лихачев, с. 3]. Впрочем, данное ценное наблюдение осталось практически незамеченным и позже получило поддержку лишь однажды [Герб и флаг России X–XX века, с. 218, 219 (раздел написан А. Л. Хорошкевич)]. Наконец, совсем недавно Н. А. Комочев на материале жалованных вотчинных грамот, выданных в первые годы пребывания у власти царя Михаила Федоровича, убедительно показал, что в правление последнего титул «самодержец» стал постоянно употребляться на малой государственной печати самое позднее уже с июня 1613 г. [Комочев, с. 64–67].

Полагаем, прочно укоренившееся в историографии неправильное толкование ключевых положений процитированных выше указных грамот 1625 г. во многом объясняется отсутствием в литературе публикаций изображений малой государственной печати эпохи начала царствования Михаила Федоровича. Посему ниже мы помещаем прорись печати, что была привешена к жалованной несудимой грамоте, выданной 15 февраля 1614 г. Владимирскому Успенскому Новодевичьему монастырю на сельца Семязино, Тельмячеево и деревню

[1] Цит. по: СГГД. М., 1822. Ч. 3. № 70. С. 274.

Нежитино (в документе последняя ошибочно названа Жатино) во Владимирском уезде[2] (см. рисунок). Это — круглая красная воскомастичная печать очень хорошей сохранности (имеются лишь незначительные потертости на наиболее выступающих местах). На ее лицевой стороне помещен «ездец» (всадник), поражающий копьем змея; на оборотной — двуглавый орел, каждая из глав которого увенчана отдельной короной. Диаметр изображений — 50 и 51 мм (на лицевой и оборотной сторонах соответственно); толщина печати 9 мм. Шнур соломенного цвета, витой, шелковый, толщиной 6 мм; способ его соединения с грамотой — в виде «куриной лапы» через двуслойную прикрепу луковичной формы.

Прорись лицевой и оборотной сторон малой государственной печати. 1614 г.

Особо отметим присутствие определения «всеа Русі» /«всеа Русіи» в тексте круговой надписи на *обеих* сторонах печати (аналогичный признак присущ и печатям, проанализированным Н. А. Комочевым), тогда как на известном исследователям прежде более позднем (1625 г.) варианте малой государственной печати данного дефекта уже не имелось[3].

Надеемся, представленные выше данные послужат стимулом к дальнейшему изучению специалистами вопроса об эволюции малой государственной печати в эпоху царствования Михаила Федоровича.

Литература

Герб и флаг России X—XX века. М., 1997.
Комочев Н. А. Царские жалованные грамоты светским лицам (1613—1696): Источниковедческое исследование. М., 2016.
Лихачев Н. П. Земская печать Московского государства в Смутное время. М., 1914.

[2] Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. № В-4087.
[3] См. прорись малой государственной печати 1625 г.: СГГД. Ч. 3. С. 277.

А. В. Дедук (РГАДА), А. В. Шеков (Тула)

ПИСЦОВАЯ КНИГА АЛЕКСИНСКОГО УЕЗДА 1627/1628—1628/1629 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВЕРХОВСКИХ КНЯЖЕСТВ

Одной из неопубликованных писцовых книг остается описание 20-х годов XVII в. Алексинского уезда, который располагался на правом берегу р. Оки. Писцовая книга дошла до нас в подлиннике (нет начала писцового описания)[1] и в списке 1660—1670-х годов[2].

Среди многих пластов исторической информации источник содержит ряд уникальных сведений по исторической географии уделов Тарусского и Новосильско-Одоевского княжеств. Локализованный в итоге сопоставления данных письменных источников, топонимики и археологических исследований городской центр Волконского княжества — Тимофеевское городище — по писцовой книге, относилось к землям Березовского стана, а пустошь д. Тимофеевской — к Тимофеевскому стану [Шеков, с. 245, 248—251][3].

В писцовой книге «Тимофеевское городище вопче с Ываном Колычевым с товарыщы» было записано за Иваном Юрьевым сыном Владычкиным[4]. В состав поместья И. Ю. Владычкина в Березовом стане Алексинского уезда

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 2. Л. 1—742; Кн. 3. Л. 1—774.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10327. Л. 1—1926 (нумерация цифирью).
[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 3. Л. 1042 об.—1048 об.
[4] Там же. Л. 1054—1055, 1058, 1067 об., 1069 об., 1070 об., 1072 об., 1073.

входили половина с. Березова «да в трех пус(тошах) по жеребею»[5]. Важно, что по «даче 131-го, апреля в 10 день написано: Дано Ивану Юрьеву сыну Владычкину к торускому да х курмышьскому его поместью ко 150 четям в его оклад 350 чети в Олексине из княж Федоровы вотчины Волконского 100 четвертей, и всего за ним помесья 250 чети»[6]. Возможно, речь шла о бывших владениях князя Федора Ястреба Тимофеевича Волконского. Другая половина с. Березова и жеребья пустошей принадлежали Ивану Дмитриеву сыну Кондыреву.

Писцовая книга позволяет уточнить локализацию погоста св. Николая «на Черепоти», полученного «з деревнями и с починки» Г. М. Валуевым, согласно его духовной 1543/1544 г., в составе приданого за Акулиной Волконской из вотчины тестя Нечая Волконского, находившейся «в Олексинском уезде в Волкони»[7]. В составе земель Березовского стана Алексинского уезда упомянут «погост на речке на Ясенце, а в нем ц(е)рковь Николы древяна клетцкии»[8]. Ясенец (Ясеновка), на котором находилось сельцо Ясеновое (современная Ясеновая), впадает справа в верховья р. Черепети, в 17 км к юго-западу от Тимофеевского городища. Скорее всего, погост св. Николая на Черепети и погост св. Николая на Ясенце — один и тот же (ср.: [Шеков, с. 265; возможно, № 14 на карте 5]).

Близкими родственниками князей Волконских были князья Спашские. В своей родословной росписи 1686 г. князья Волконские писали, что «Волкона и Павшино — городищи великия в Олексинском уезде и доныне знатны» [Волконская, с. 778]. Поэтому центр Спашского удела был соотнесен Н. И. Троицким с городищем в с. Старое Павшино у впадения р. Рысни в р. Упу в 8 км к северо-востоку от Тимофеевского городища [Троицкий, с. 37, 38, 42, 43]. В связи с этим важно, что место перевоза через р. Упу на окраине с. Павшина в писцовой книге названо «Спаской переезд»[9].

Осенью 1473 г. «Любучане безвестно приидоша на князя Семена Одуевъского, он же бои постави с ними… и убиша ту князя Семена единого, а прочии же все здравии»[10]. По убедительным аргументам А. В. Антонова, князю С. Ю. Одоевскому принадлежал Веприн, упомянутый «что за одоевскими князми» в духовной грамоте великого князя Ивана III 1503 г. и позже ставший основой Вепринского стана Алексинского уезда [Антонов, с. 132–134]. По писцовой книге и «Ландкарте Тульской провинции Алексинского уезда» 1739–1740 г. можно уточнить локализацию Вепринского стана. Он располагался в бассейне верхнего течения р. Черепети, главным образом, ее правого притока — р. Черепетки[11]. На севере Вепринский стан граничил с Любуцким станом «Калужской приписи» Алексинского уезда, а на западе и юге с Лихвинским уездом, сформированным в 1560-е годы из бывших владений князей Одоевских. Расположение Веприна на границе между волостями, тянувшими к Любуцку, и землями удела князей Одоевских помогает понять суть конфликта 1473 г. Очевидно, князь Семен Юрьевич захватил часть любуцкой волости Веприн.

Таким образом, писцовая книга позволяет внести ряд уточнений в наши представления об исторической географии Верховских княжеств.

Литература

Антонов А. В. Историко-археологические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013.
Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.
Троицкий Н. И. Тульские древности. Тула, 2002.
Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012.

[5] Там же. Л. 1054–1058.
[6] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2002. Т. 3 / Сост. А. В. Антонов. № 550. С. 475.
[7] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подг. к печ. А. А. Зимин. М., 1956. Ч. 2. № 176. С. 172.
[8] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 3. Л. 1087 об.
[9] Там же. Л. 843 об., 913.
[10] ПСРЛ. М.–Л., 1949. Т. 25. С. 301; М.–Л., 1959. Т. 26. С. 252.
[11] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 3. Л. 1129–1185; БАН. Основное собрание карт. № 420.

Н. А. Демичева (МГУ)

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О НОВГОРОДСКОМ ПОХОДЕ ИВАНА III 1471 Г. В МАЗУРИНСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ПОЭТИКИ

Новгородский поход Ивана III 1471 г. является важным этапом процесса подчинения Новгорода Москве, поэтому он широко отразился в летописях конца XV — начала XVII в. На наш взгляд, следует выделять три точки зрения на поход Ивана III в летописании: московскую, новгородскую и псковскую.

Мазуринский летописец, дошедший в единственном списке, составлен в последней четверти XVII в. [Буганов, с. 3]. Краткая повесть о походе 1471 г. в Мазуринском летописце, как обосновала О. Ю. Чирейкина [Чирейкина, с. 81–83], генетически связана с повестью «О брани на Новгород» (в Типографской и Софийской II летописях), в которой отражена московская точка зрения на поход Ивана III. Однако мы установили, что анализируемая повесть имеет еще один источник — «Московскую повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород». Так, краткая повесть о походе 1471 г. в Мазуринском летописце начинается с рассказа о знамениях в Новгороде. Мы не можем согласиться с О. Ю. Чирейкиной в том, что это является особенностью данного текста и «…ни в каких летописных повестях о новгородских походах великого князя такого материала больше не встретилось» [Чирейкина, с. 83]. Рассказ о знамениях в Новгороде является важным элементом «Московской повести…», содержащейся более чем в 10 летописях. Кроме того, мы можем утверждать, что в краткой повести о походе 1471 г. в Мазуринском летописце находится рассказ о знамениях в Новгороде в редакции Степенной книги, где он помещен в отдельную главу «Сказаніе о знаменіихъ различныхъ»[1].

[1] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 1. С. 579.

Рассказ о знамениях в редакции Степенной книги завершается провиденциальной мотивировкой похода 1471 г. и придает тенденциозности краткой повести о походе 1471 г. в Мазуринском летописце: «…новгородцы начаша сугубо лукавновати великому князю, ему же и предаст их господь во всю волю его»[2].

В краткой повести о походе 1471 г. в Мазуринском летописце присутствует еще одно заимствование из «Московской повести…» (редакция Степенной книги) — сообщение о пророчестве Ионы Новгородского и Михаила Клопского о том, что Иван III «…разорит вся самовольная абычая людей новоградских…»[3]. Интересно, что после него автор добавляет: «…много новгородцы великому князю изменяше и зло делаша и многия на себя от великого князя казни и победы и разорение приимаше и ему, великому государю, добиваше челом»[4]. Очевидно, что в данном тексте создается негативный образ новгородцев и легитимизируется поход Ивана III.

В краткой повести о походе 1471 г. в Мазуринском летописце (как и в «Московской повести…», в «Словесах избранных…», повести «О брани на Новгород») акцентируется внимание на политическом и религиозном предательстве новгородцев: они хотят перейти под власть Казимира и принять католичество. Литовская партия характеризуется негативным эпитетом «крамолницы»[5].

Шелонская битва в краткой повести о походе 1471 г. в Мазуринском летописце описана достаточно сжато, что придает тексту динамичности. Отметим, что это описание не сопровождается цитатами из Священного Писания и мотивом Божьей помощи, характерными для других московских повестей о событиях 1471 г. Достаточно отстраненно в данном тексте рассказывается о расправе над новгородцами и окончании похода 1471 г. Опираясь на анализ стилистических особенностей этих фрагментов повести, О. Ю. Чирейкина делает вывод, что «изложение материала в данной редакции дано с достаточно независимой точки зрения, автор не декларирует свое отношение к событиям…» [Чирейкина, с. 80]. Однако проведенный нами анализ повести позволяет говорить о довольно ярко выраженной московской позиции автора. Помимо уже перечисленных особенностей обратим также внимание на то, что под 6980 г. в Мазуринском летописце помещен тенденциозный и риторически украшенный рассказ о возвращении Ивана III в Москву, взятый из «Московской повести…» (редакция Степенной книги). Иван III идеализируется и предстает в роли благочестивого князя, борющегося за объединение Руси и православную веру.

Таким образом, краткая повесть о походе 1471 г. в Мазуринском летописце отражает московскую точку зрения на новгородский поход 1471 г. Ивана III. Новгородцы здесь изображаются как отступники от православной веры и изменники. Данная повесть отличается стилистической неоднородностью: события самого похода излагаются в достаточно спокойном стиле (отсутствуют похвалы Ивану III, мало ругательств по отношению к новгородцам, нет провиденциальных мотивов, цитат из Священного Писания), однако фрагменты, заимствованные из Степенной книги, тенденциозны и риторически украшены.

Литература

Буганов В. И. Предисловие // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. С. 3–9.
Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках. Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.

[2] ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 111.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

И. В. Дергачева (МГППУ)

ВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ НА ПОСМЕРТНУЮ СУДЬБУ В ПРОПОВЕДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КИЕВСКОЙ РУСИ[1]

На протяжении веков эсхатологические представления древнерусских книжников следовали общехристианской традиции. Однако, в отличие от западноевропейских книжников, древнерусские авторы уже на заре возникновения оригинальной русской литературы более интересовались самим путем к бессмертию души, нежели образами «иного мира». Земная жизнь расценивалась как необходимый этап подготовки к жизни вечной, а задача книжников заключалась в том, чтобы научить своих читателей смотреть на жизнь «умными очами», выбирать узкий путь, ведущий в жизнь вечную через творимые при жизни добрые дела, через любовь, милостыню и аскезу.

Во всех текстах проповедей домонгольского периода центральное место занимает тезис о необходимости стяжать жизнь вечную и представлен некий набор рекомендаций для того, чтобы не оказаться в «ином» мире отягощенными земными грехами. Поэтому древнерусская литература с самого начала своего существования стала литературой нравственных исканий.

Первый русский епископ Лука Жидята написал «Поучение к братии», «которое было включено в летопись под 1058 г. после сообщения об оправдании владыки на митрополичьем суде» [Дергачева, Мильков, Милькова, с. 56]. По жанру оно относится к проповеди, особенно популярному жанру раннего периода древнерусской литературы, приобщавшего новообращенных христиан к знанию вечных христианских истин и этики. Монолог святителя носит ярко выраженную модальность — уверенность в том, что исполнение изложенных им правил дарует его пастве «жизнь вечную», описание способов достижения «жизни вечной» после гибели бренного тела становится гипертемой проповеди: «Веруите ж Въскр(ес)енію и жизни вѣчнѣи, и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣи» [Дергачева, Мильков, Милькова, с. 162]. После ряда практических наставлений о путях достижения бессмертия души епископ Лука апеллирует к теме Vanitas, Суеты сует, столь популярной в западноевропейской макабрической литературе: «буести не имѣите, ни гордости, ни прилѣплѧиса инѣх творити, помнѧ, яко оутро будемъ смрад и гнои, и червіе» [Дергачева, Мильков,

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-00523.

Милькова, с. 163]. Нравственный кодекс, охватывающий самые разные жизненные ситуации, предложенный в проповеди новгородцам, представлен как необходимость соблюдения определенных правил для снискания жизни вечной, как некий эсхатологический сакральный хронотоп церковного дискурса.

Иларион, современник святителя Луки, как и последний, по праву считается одним из основоположников русской литературы. «Слово о законе и благодати» является первым известным нам памятником русского церковного торжественного красноречия. Оно было составлено Иларионом до настолования, между 1037 и 1050 г. Тема спасения и воздаяния за праведную жизнь пронизывает весь текст «Слова» Илариона: «истина же и благодѣть слуга будущему вѣку, жизни нетлѣннѣи. Яко законъ привождааше възаконеныа къ благодѣтьному крещению, крещение же сыны своа прѣпущаеть на вѣчную жизнь». Похвала князю Владимиру, совершившему подвиг Крещения Руси, занимает центральное место в Слове, Иларион говорит, что князь «сынъ бывъ нетлѣниа, сынъ въскрѣшениа. Имя приимъ вѣчно, именито на роды и роды, Василии, имже написася въ книгы животныа въ вышниимъ градѣ и нетлѣннѣимъ Иерусалимѣ». Иларион восхищен мудростью князя, вопрошая, «где [он] испил сладкую чашу понимания будущей жизни?». Знаменательно, что именно знание эсхатологических догматов ценится автором Слова особенно высоко.

Аналогичные примеры эсхатологических представлений обнаруживаются и в других Словах и Поучениях домонгольской эпохи — Поучениях митрополита русского Никифора, Поучении Владимира Мономаха, Послании Фоме прозвитеру Климента Смолятича, Словах киево-печерского мниха Иакова и святителя Кирилла Туровского.

Литература

Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М., 2016. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. IX.)

А. В. Доронин (ГИИМ)

ЧТО ЗНАЛИ О РУСИ НА ЗАПАДЕ НА РУБЕЖЕ XV–XVI В.?

От «Бертинских анналов» (сер. IX в.) до хроник Титмара Мерзебургского (до 1018 г.), Адама Бременского (ок. 1075 г.), Хельмольда из Босау (1071 г.), Арнольда Любекского (до 1209 г.) Древняя Русь неизменно, пока не распалась в XIII в., была в поле зрения летописцев Священной Римской империи. После юго-западные земли Руси стали частью Великого княжества Литовского и Польского королевства (в XVI в. Речи Посполитой), попав в сферу влияния Империи. А северо-восточные, оказавшись под властью монголов, стали своего рода буфером между Ордой и католической Европой. Их политическая зависимость от Орды, при терпимости ханов к православию и неприятии этой частью Рюриковичей «латинства», свели в XIV–XV в. контакты северо-восточных земель бывшей Руси со Старым Светом практически на нет. Но к концу XV в. Великое княжество Московское, собиравшее русские земли под своей властью, укрепилось и стало искать контакты с Западом. Через обмен посольствами было положено начало политическому диалогу московских Рюриковичей с Габсбургами. А опыт торговых связей Ганзы на новгородско-псковском направлении и сведения, полученные о восточнославянском мире через польских хронистов, Византийскую и Османскую империи, стали дополнительными, хотя и не прямыми, каналами, по которым информация о нем шла на Запад.

В германских землях тогда мало что знали о Московии. Представления о ней (ее климате, природных богатствах, дикости) основывались, главным образом, на рассказах Геродота и Птолемея, Плиния и Тацита, других античных авторов о Скифии и Сарматии, в то время как (устаревшие и обесцененные) хроники 300–400-летней давности лишились своего авторитета. Вплоть до Герберштейна Московия пребывала во многом *terra incognita* для Запада, хотя именно в этот период историческая карта Европы (да и карта мира вообще) была подвергнута радикальной ревизии. Несмотря на развитую сеть контактов между гуманистами, новые знания о восточных славянах не становились общим интеллектуальным достоянием Западной Европы, не прирастали публично. Вероятно, потому еще, что Московия, оставаясь вдали от актуальных проблем политической и культурной жизни Священной Римской империи, лежала на периферии ее интересов, пусть Империя и была склонна в тревожной ситуации заключить союз скорее с русью-схизматиками, чем с турками.

На рубеже XV–XVI в. ренессансные гуманисты вписали все известные им европейские народы в ее изначальную историю, гармонизируя и легитимируя тем самым единое латино-греко-еврейское (библейское) культурное пространство перед лицом турецкой угрозы. «In Europa, id est in patria, in domo propria, in sede nostra», — так манифестировал его Эней Сильвий Пикколомини (папа Пий II) в «De Europa» (1458, впервые напечатано в 1490 г.). После падения Константинополя (1453 г.) уже и адептов «греческой веры» стали рассматривать как его неотъемлемую часть.

Ренессансные гуманисты исходили из этнокультурной преемственности европейских народов, включая рутенов и московитов. Нить их родства они тянули к сарматам и (или) скифам, отождествляя их с современными жителями Восточной Европы. Правда, с московитами, которых на карте Европы они локализовали неуверенно и обособленно, дело обстояло сложнее — рассчитывать на подсказку Птолемея или Геродота им не приходилось.

Удивительным образом нередко славяне оказывались в раннемодерной модели *origo nationis* в кровном родстве с немцами *ab antiquo*. Эти попытки встроить подобным образом русь и московитов (вместе и порознь) в наново прочитанную раннюю европейскую историю, в ее нарождающиеся модерные национальные версии, в частности мифологему Великогермании, симптоматичны для этого периода. Историческая география оставалась принципиальнейшим аргументом политической легитимации, каковым, впрочем, всегда и была.

Мой доклад посвящен тому, как Московское княжество закреплялось на западной исторической и когнитивной *mental map* эпохи Возрождения. Что сообщали немецкие гуманисты про русских и московитов? Насколько глубоко укореняли их начало? Различали ли Русь (Russia), Рутению (Ruthenia) и Московию? Как вписывали Московию

в новый миропорядок модерного *origo nationis*? Ренессансный когнитивный дискурс о руси будет рассмотрен диверсифицированно. В нем выделены разные линии: культурная энциклопедическая (Эней Сильвий Пикколомини — Хартманн Шедель — Иоганн Кохлей), нарождающаяся раннемодерная национальная (Джованни Нанни — Конрад Цельтис — Иоганн Авентин — Альберт Крантц), конфессиональная полемическая эпохи Реформации (Иоганн Фабри), космографическая/картографическая (Птолемей — Мартин Вальдзеемюллер и Маттиас Рингманн — Себастьян Мюнстер), lectionis historiarum (Иоахим Вадиан, Вилибальд Пиркгеймер, Беат Ренан) и др. Скудные представления о Руси и Московии по-разному были вчитаны в заальпийский ренессансный дискурс о восточных славянах. Притом зачастую их интерпретации могли больше сказать о самум заальпийском ренессансном дискурсе, его эволюции, нежели о Руси и Московии.

А. В. Духанина (ИРИ РАН)

О КРАТКИХ РЕДАКЦИЯХ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Корпус текстов, посвященных Стефану Пермскому, включает Епифаниевскую редакцию Жития Стефана Пермского (далее — ЖСП), Службу святителю и целый ряд кратких редакций Жития. В текстологическом отношении все эти произведения исследованы слабо, хотя изучение их важно и для истории становления почитания святителя Стефана, и в целом для истории древнерусской книжности.

Даже известное епифаниевское Житие до сих пор не имеет полного текстологического описания[1]. Текстологией Службы святителю занимался только В. М. Яблонский (см.: [Яблонский, с. 189–192]), наблюдения которого нуждаются сегодня в уточнении. Что касается кратких редакций, то они вообще оказались вне поля зрения исследователей. Пожалуй, всё, что сегодня известно о них, сводится к упоминанию Н. П. Барсуковым двух таких редакций без их атрибуции, с указанием нескольких списков [Барсуков, стб. 547–548]. В Словаре книжников и книжности Древней Руси в статье «Епифаний Премудрый» сообщается о том, что известно более 30 списков по-разному сокращенного, в том числе краткого проложного, текста епифаниевского Жития [Прохоров, с. 214].

На данный момент выявлено 13 кратких редакций ЖСП: пять проложных, три краткие редакции в составе сборников, четыре редакции Святцев, а также одна минейная — Соловецкая, созданная в начале XVII в. (см.: [Духанина, 2015]), и представлены они более чем 70 списками. Несомненно, перечень этот неокончательный.

Старшая Проложная редакция ЖСП, основанная на Епифаниевской редакции, встречается в некоторых рукописях вместе со Службой Стефану Пермскому (в составе или после нее)[2], созданной Пахомием Сербом в 1472–1473 г. по заказу епископа Пермского и Вологодского Филофея (другие краткие редакции ЖСП вместе со службой не встречаются). Из кратких редакций эта старшая — она известна в списках, датируемых уже концом XV в. Эти факты, а также целый ряд параллелей с агиографическими сочинениями Пахомия Серба позволяют уверенно атрибутировать данную редакцию ЖСП Пахомию Сербу, тем самым расширив перечень его сочинений.

Проложная Пахомиевская редакция ЖСП является основной среди кратких редакций Жития: сегодня можно назвать более 50 ее списков.

В XVI в. на основе епифаниевского текста была создана новая краткая редакция, которая в XVII в. была включена в печатный Пролог. В настоящее время выявлено более 10 ее списков XVI–XVIII в. Текст этой редакции ЖСП примерно в полтора раза больше по объему, чем текст Пахомиевской редакции, и содержит больше исторических подробностей, почерпнутых у Епифания.

Остальные краткие редакции ЖСП представлены единичными списками XVI–XVII в. Они известны как в составе прологов, так и в составе сборников или торжественников. При их создании за основу мог браться и собственно текст Епифаниевской редакции, и текст Проложной Пахомиевской редакции, последний мог сокращаться или, наоборот, дополняться с привлечением материала Епифаниевской редакции. В некоторых редакциях XVII в. в текст добавляется также чудо о Стефане из Жития Сергия Радонежского.

Таким образом, исследование текстологии Жития Стефана Пермского показывает, что оно было распространено гораздо шире, чем представлялось ранее. Хотя уже в начале XV в. появился пространный текст — Епифаниевская редакция ЖСП, для местного (а затем и общерусского) почитания был необходим краткий текст, который и был создан в 70-е годы XV в. Пахомием Сербом и с конца XV в. стал включаться в Прологи. Эта редакция была востребована и активно переписывалась, что, однако, не стало препятствием для создания на основе епифаниевского текста новых кратких редакций, которые появляются на протяжении XVI–XVII в., причем в печатный Пролог была включена как раз одна из таких поздних кратких редакций.

Литература

Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.
Духанина А. В. Текстологическая классификация списков Жития Стефана Пермского и проблема восстановления первичных чтений // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2010–2011. М., 2011. С. 263–289.
Духанина А. В. Соловецкая редакция Жития Стефана Пермского // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 104–126.
Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 211–217.
Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

[1] В частности, специальная работа, посвященная классификации списков этой редакции, основана на материале 16 списков [Духанина, 2011], однако сегодня нами выявлено уже более 30 списков Епифаниевской редакции ЖСП, а также около десятка отрывков XV–XVII в., текстологическую характеристику значительной части которых еще предстоит дать.

[2] Редакция обнаруживается в служебных минеях, трефологиях и богослужебных сборниках в сочетании со Службой, а также отдельно — в торжественниках, четьих минеях, сборниках разного состава, прологах, что и позволяет назвать ее проложной.

М. С. Егорова (СПбГК)

ТОПИКА В АГИОГРАФИИ И ГИМНОГРАФИИ: «ЖИВОНОСНАЯ МЕРТВОСТЬ» И «ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ» СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Универсальность, жанровая поливалентность средневековой топики, неоднократно отмеченная медиевистами, и одновременно функциональная и семантическая дифференцированность топосов как неких «литературных констант» [Pratsch, s. 355] при взаимной противоречивости этих свойств являлись активным инструментом текстопорождения в восточнохристианской традиции. Структура топоса как сложноорганизованного семантического комплекса, реализующегося в некотором множестве вербальных формул, обнаруживает амбивалентность, которая заключается в постоянном напряжении между смысловым «ядром» топоса и его «периферией». Это напряжение возникает при столкновении «фрагментов» значений, одни из которых тяготеют к максимальной обобщенности, недифференцированности семантики (что делает возможным в принципе существование топоса как универсальной единицы смысла, доступной для неоднократного повторения), а другие связаны с уточнением смысла в зависимости от контекста, функции, типологических особенностей и жанровой принадлежности текста. Таким образом, один и тот же топос, например топос «живоносной мертвости» (νέκρωσις ζωήφορος) с его первоначально христологической семантикой, не существует в традиции как жестко ограниченный, однозначный элемент с фиксированным смыслом, но за счет своей межтекстовой природы формирует широкий круг контекстов, в которых с разной степенью интенсивности актуализируются и центральные, ключевые, и периферийные, возможно, окказиональные значения. Сравнительное исследование текстов разных типов, в частности, средневековой русской агиографии и гимнографии демонстрирует как различия между жанрами с точки зрения функционирования в них общих топосов, так и универсальные закономерности, обусловленные семантической природой топоса.

Богослужебная гимнография минейного круга и агиографическая литература, связанные единым литургическим контекстом и общим для них концептом святости, в равной степени используют фонд стереотипных литературных мотивов. Для данного исследования нами были выбраны топос подвижника как «живого мертвеца» в древнерусских монашеских житиях, описанный Т. Р. Руди [Руди], и гимнографический топос «живоносной мертвости» в службах святым по русским рукописям XVI–XVII в. По мнению Т. Р. Руди, распространенные в русской агиографии мотивы «плача родителей о будущем иноке как о мертвом» и «монашеского пострига — умертвия миру» «с противоположных позиций отражают представление о монашестве как социальной смерти» [Руди, с. 10], осмысляемой как путь к спасению и вечной жизни. Сопоставление фрагментов преподобнических текстов обоих жанров показало, что «нарративный» топос плача родителей о принимающем постриг не востребован в гимнографии, тогда как словесные формулы типа «плотское мудрование / страсти телесныя умертви», соответствующие агиографическому топосу умерщвления плоти, использовались гимнографами достаточно часто, например, в стихирах, тропарях канона и седальнах русских служб преподобному Пафнутию Боровскому, Савве Сторожевскому, Дмитрию Прилуцкому или в переводных чинопоследованиях Кириаку Отшельнику, Феодору Трихине, Савве Освященному и др. С другой стороны, мотив «живого мертвеца», по мнению Т. Р. Руди, представлен в Житии Варлаама Важского в виде типичной для богослужебной поэзии и редкой в агиографии формулы «в живоносную мертвость облечеся» в характерном аскетическом контексте подчинения плоти духу.

Анализ широкого круга переводных и оригинальных русских гимнографических текстов, зафиксированных в русских богослужебных книгах XVI–XVII в. (Минеи служебные, Трефологии, богослужебные сборники, канонники, певческие книги — Стихирари и Трезвоны), показывает, что топос «живоносная мертвость» является своеобразным «гиперонимом» по отношению к топосу «живого мертвеца» в житиях святых, в том числе византийских. Источником семантики мертвенности, дающей жизнь, являются песнопения Великой Субботы и Пасхи, в которых воспеваются смерть и воскресение Спасителя, вербальная формула «живоносная мертвость» использована в тексте субботнего канона об усопших октоиха 4-го гласа в тех контекстах, где речь идет именно о Христе. Новозаветная библейская основа обоих топосов и христологическая семантика (ср. 2-е Послание апостола Павла к Коринфянам, гл. 4, ст. 10) с максимальной полнотой эксплицированы в гимнографии, где не только преподобные, но и мученики, священномученики, преподобномученики, «одеваясь» в «живоносную мертвость», уподобляются Христу. Антропологический аспект топоса в богослужебной поэзии оказывается не ограничен тематикой «социальной смерти» и сугубо монашеской аскезы, например, ветхозаветное облечение Адама и Евы в «кожные ризы», толкуемое святоотеческой традицией как подверженность смерти, преодолевается смертью, несущей жизнь, в которую «одевается» святой.

Структура общего для агиографии и гимнографии топоса, таким образом, предполагает как дифференциацию, сужение семантики, обусловленные жанровой функцией, так и чрезвычайно широкий смысловой горизонт, формируемый интертекстом, взаимодействие же «ядра» топоса с его периферийными значениями и возникающее при этом напряжение служат созданию насыщенного художественного образа.

Литература

Руди Т. Р. «Живые мертвецы» древнерусских житий (из истории агиографической топики) // Текст и традиция: альманах, 4. СПб., 2016. С. 7–19.

Pratsch Th. Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin; New York, 2005.

К. Ю. Ерусалимский (РГГУ)

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО: АРХЕОГРАФИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ[1]

Посольские сочинения Ивана Грозного невозможно изучать в отрыве от писем, присланных ему и другим официальным лицами Российского государства из-за рубежа. При этом российские переводы заграничных писем нуждаются при издании в установлении исходного текста, систематическом сравнении этого текста с переводами и публикации в составе корпуса дипломатической корреспонденции. Наметим ключевые, на наш взгляд, принципы, которых следует придерживаться при реконструкции посольских посланий.

1) Проблема архетипа. Архетип посольского послания восстанавливается на основе всех наиболее ранних чтений в оригиналах посланий, чистовых копиях и переводах. Поскольку каждое послание сохраняется как минимум в двух оригинальных версиях, архетип мыслим, прежде всего, как графическая репродукция устно-письменного текста. Основу чистовых копий в посольских книгах, сводах посольской метрики и т. д. также составляли оригиналы или списки с оригиналов. Реконструировать архетип послания Сигизмунда II Августа Ивану IV от лета 1568 г. удается в сопоставлении оригинала из Вильнюсского рукописного собрания со списком Посольской метрики[2]. Сравнение чистовых списков является также необходимой и выполнимой задачей, если послание сохранилось только в двух и более чистовых версиях (например, послание константинопольскому патриарху Дионисию II от января 1551 г. сохранилось в составе двух посольских книг[3]).

2) Языки посольских грамот. Основным языком посольской переписки Ивана Грозного был московский русский. В исключительных случаях послания составлялись одновременно на нескольких языках (см., например: [Толстой, с. 33–34, 66, 85, 90–91]). Немецкий язык считался в Москве в правление Ивана Грозного международным и выполнял функцию делового «койне» в отношениях с германскими и скандинавскими государствами, Англией, Веной и Ватиканом. В чистовых копийных книгах Посольского приказа откладывался только русский оригинал или русский перевод («перевод з грамоты»). Не переводились вновь только грамоты на любом другом кириллическом языке. Копирование московских грамот кириллицей при европейских дворах говорит о том, что обращение к оригинальным текстам было важным элементом дипломатической борьбы[4]. Послание Карлу V от 21 апреля 1547 г. создано, видимо, с прицелом на отправление именно немецкоязычной версии, известной ныне по списку Венского архива[5]. Подобный редкий пример — послание Ивана Грозного английскому королю Эдуарду VI от февраля 1554 г. известно только на английском [Толстой, с. 3–6]. Как представляется, этот перевод должен рассматриваться как основной для публикации текста и как ближайший список к архетипу гипотетической русской версии.

3) Переводы грамот как культурный феномен. Современные переводы оказывали непосредственное влияние на дипломатию. Посольские службы опирались в первую очередь на свои версии, которые нередко подвергались существенной переработке по сравнению с текстом оригинала. Соборная грамота Иоасафа II 1560 г. была сначала переведена близко к греческому тексту, а затем существенно отредактирована [Фонкич]. Можно предположить, что исправления, носящие характер идеологической цензуры, были сделаны уже в Посольском приказе. Послание Ивана IV, направленное после взятия Полоцка в 1563 г. Сигизмунду II Августу, было переведено на польский, немецкий и латынь и использовалось в антимосковской мобилизационной пропаганде [Janicki].

4) Опыт составной реконструкции. В дискуссии вокруг переписки Ивана Грозного с князем А. М. Курбским и Т. И. Тетериным определились на сегодня оптимальные, на наш взгляд, стратегии издания. Чтения Первого послания Курбского восстанавливаются на основе перекрестного сравнения ранних чтений Первой и Второй редакций, которые и образуют его наиболее вероятный архетип. Проверить точность этой работы позволяют также цитатные отрывки из этого текста в Первом послании Ивана Грозного и сходные чтения в других сочинениях Курбского. Исследование документации Посольского приказа позволяет ответить и на вопрос о том, как отреагировал Иван Грозный на Третье послание Курбского. Ранее высказывались несходные предположения о судьбе этого составного письма. По нашему мнению, послание Ивана Грозного королю Стефану Баторию от 1 октября 1579 г. отвечает не только на послание короля от 16 сентября, но и на Третье послание князя А. М. Курбского царю Ивану от 15 сентября [Уо][6].

Литература

Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею: 1553–1593: Грамоты, собранные, переписанные и изданные Ю. Толстым. СПб., 1875.

Уо Д. К. Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Степану, королю польскому» // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 357–361.

Фонкич Б. Л. Греческие грамоты советских хранилищ. 2. Из истории утверждения царского титула Ивана IV. Соборная грамота 1560 г. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С.

Grala H. Dyplomacja z upominkami w tle: (wokół ceremoniału poselskiego w stosunkach polsko-moskiewskich na przestrzeni XVI–XVII wieku) // Skarby Kremla. Dary Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Warszawa, 1998. S. 39–89.

Janicki M. A. Tłumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004. Kraków, 2006. Cz. 2. S. 73–86.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 16-18-10091.

[2] Vilniaus Universiteto Biblioteka. Rankraštų skyrius. F. 48. b. 32877.

[3] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. № 1. Л. 70–71 об.; Ф. 89. Оп. 1. № 1. Л. 397 об.–399 об.

[4] Riksarkivet Stockholm. Muscovitica 671; Archiwum Państwowe w Szczecinie. Archiwum Książąt Szczecińskich. № 1/866; ср.: Haus- Hof- und Staatsarchiv Wien. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 1. Konv. C. F. 52–53v; см. также: [Grala, s. 78].

[5] HHStA Wien. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 1. Konv. B. F. 1–12v.

[6] Ср.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 11. Л. 192 об.–194 об.

Н. В. Жилина (ИА РАН)

ДРЕВНЕРУССКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ РЕЗЬБА: ХРОНОЛОГИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

На основании стилистических параллелей в русской живописи, миниатюре, каменной резьбе и ювелирном искусстве удалось выделить основные этапы развития орнаментики, подтверждаемые датированными произведениями искусства и археологическими материалами [Жилина, 2014; Жилина, 2016].

Из археологических материалов большое значение для хронологии имеют материалы по деревянной резьбе из Новгорода Великого с точными до десятилетий стратиграфическими (дендрохронологическими) датами [Колчин]. Наряду с изделиями, близкими народному искусству, среди них есть художественные произведения, отразившие типичную стилистику рассматриваемого времени. Следовательно, данный комплекс материалов можно привлекать для стилистического сравнения с произведениями других видов искусства.

Важной задачей с этой точки зрения является стилистический анализ произведений деревянной резьбы и построение истории стилистического развития их орнаментики с опорой на точные даты. Это может стать фундаментом общей датировки этапов развития древнерусской орнаментики.

Во второй половине XI — первой половине XII в. на новгородских деревянных изделиях растительные мотивы геометризованы: ручка чаши 1006–1025 г.; цера, колонна, туес 1096–1116 г., ложка 1134–1161 г.; зооморфные мотивы сочетают геометризованность и плавную моделировку: навершия XI в., игрушка, гусли первой половины XII в. Плетеный узловатый орнамент колонн и булавы 1096–1116 г. сохранил традиции скандинавских стилей аналогично орнаментике черни, миниатюр, архитектурных росписей. Распространяется регулярное плетение в византийской традиции. Роспись ложки (1134–1161 г.) выполнена четким завитковым орнаментом.

Аналогичные черты характерны и для орнаментики ювелирных изделий, где сказываются также статика и аскетизм передачи христианских сюжетов. Параллели есть и в каменной резьбе Киева и Чернигова конца X — начала XII в., собора Рождества Богородицы в Боголюбове и Успенского собора во Владимире (1150–1160-е годы).

Середина XII в.

Резной рисунок на деревянных гуслях первой половины XII в. плавной линией передает естественные силуэты льва и птицы. Криволинейное изображение растений и птиц композиции процветшего креста пряничной доски 1161–1177 г. аналогично изображениям в эмали и черни. Регулярный в целом плетеный орнамент сохраняет некоторую узловатость, свойственную скандинавской стилистике: короб 1134–1161 г.; копылы, планка, ложки 1161–1177 г.

И на ювелирных украшениях зооморфные, растительные и антропоморфные мотивы с естественными пропорциями переданы криволинейно, что придает им естественность.

Аналогичные стилистические черты отмечены для рельефов собора Покрова на Нерли 1165 г., Успенского собора во Владимире 1185 г. В живописи возросли динамика и экспрессия за счет линейной стилизации и языка жеста.

Конец XII — первая треть XIII в.

В деревянной резьбе конца XII — начала XIV в. антропоморфные изображения более выразительны: резная голова 1224–1238 г. с удлиненно-утрированными пропорциями; правильные монументальные фигуры воинов на домонгольской чаше и ложке Ивана Варфоломеевича, динамичная фигура всадника на вздыбленном животном, развевающиеся волосы в рисунках на ложке и чаше 1299–1313 г. Зооморфные мотивы двигаются от плавной моделировки (навершие 1177–1197 г.) к более свободной трактовке изгибающимися кривыми (скульптура и чаша 1299–1313 г.).

В орнаментике ювелирных украшений данного периода также используются пышные элементы утрированно криволинейной формы и усложняются, уплотняются все виды орнаментов.

Яркие параллели имеются в каменной резьбе Дмитриевского и Успенского соборов во Владимире конца XII в., Рождественского собора в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве Польском первой трети XIII в. В живописи и миниатюре при динамике и линейной стилизации формы побегов и силуэты животных усложнены и более натуралистичны.

В итоге на основании стилистического анализа археологически известных деревянных изделий удалось получить твердую хронологическую основу для подтверждения основных этапов стилистического развития древнерусского орнаментального искусства. Это один из соединительных «мостов» между археологией и историей искусства.

Литература

Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014.

Жилина Н. В. Стилистические параллели: ювелирные украшения, архитектурная резьба и живопись Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 129–142.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. (Свод археологических источников. Е1-55).

О. Ф. Жолобов (КФУ)

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В СЛОВАХ-ПРОПОВЕДЯХ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО[1]

Проповеди Кирилла Туровского (1130 — около 1182 г.) «отличает продуманность композиции, умелое введение элементов живого диалога, обилие риторических приемов (амплификация, антитеза, сравнения разных типов, яркие метафоры). Творчество К[ирилла] явилось одним из наивысших достижений литературы XII в.» [Творогов, с. 220]. Самая ранняя рукопись, в составе которой дошли Слова-проповеди Кирилла Туровского, — это Толстовский сборник второй половины XIII в. (РНБ. F. п. I. 39. 184 л.; далее — СбТол XIII_2). Рукопись не издана и не изучена.

[1] Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 15-04-00283.

В Казанском федеральном университете ведется подготовка машиночитаемого интернет-издания Толстовского сборника для включения в Казанскую электронную коллекцию славяно-русских рукописей XII–XIV в., которая в настоящее время содержит 8 кодексов (см.: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

В сборник включены восемь проповедей Кирилла Туровского (первая — без начала), которые посвящены событиям новозаветной истории и чтениям церковного годового круга. Проповеди помещены в начале сборника, занимая листы с 1-го по 48-й, записанные в один столбец. Примыкающее к ним Слово-притча о премудрости к творениям Кирилла Туровского не может быть отнесено.

Хотя, по мнению Карла Бюлера, «даже историк литературы должен быть грамматистом», грамматическое описание проповедей Кирилла отсутствует [Бюлер, с. 29], при том что имеются исследования стиля писателя. Между тем именно в выдающихся творениях литературы лучше и точнее всего проявляется функциональный и эволюционный потенциал грамматических единиц.

Употребление темпоральных форм глагола в Словах-проповедях Кирилла Туровского отличается яркими особенностями, ряд которых наблюдается также в «Слове о полку Игореве». Так, у Кирилла Туровского довольно обычными являются формы настоящего исторического, которые признаются весьма редкими как в старославянской, так и в древнерусской письменности вплоть до XV в., исключая «Слово о полку Игореве» (см.: [Бондарко, с. 569 и др.; Мишина, с. 151; Новикова, с. 103]). Такие формы у Кирилла наблюдаются не только в однородных предикативных цепях, но и отдельно от них на фоне претеритальных форм: дастьсѧ бо дш҃амъ нхъ дх҃овьнаꙗ дьрзость познаннїемь своѥго вл҃кы · ꙗко ѡбнажн прѣдъ всѣмн своꙗ ребра · н гвоздннїнꙗ ꙗзвы на рукоу н ногоу **показаѥть** фомѣ · не бо бѣ фома съ оученїкы въ пьрвын прнходъ вндѣлъ г҃а (СбТол XIII2. Л. 3 об.); н посаднвъ ѡц҃ь с҃на на престолѣ · н своѥю вѣнуа ѥго десннцею · въспѣвающемъ снце серафнмомъ · положнлъ ѥсн на главѣ ѥго вѣнець ѡ҃ каменнꙗ драгаго · славою н ч҃тью вѣнуалъ ѥсн · славоу н вельлѣпотоу възложнлъ ѥсн на нь · по семь **съвьршаѥть** помазаннїемь б҃нꙗ соущьства (Л. 36 об.) и под.

Не менее яркой параллелью является употребление простых претеритов в форме 2 л. ед. числа. Подобное употребление аориста отмечается в ряде ранних источников — таких, как «Повесть временных лет» и перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, а также в «Слове о полку Игореве», — в отличие от более поздней традиции замены аориста 2 л. ед. числа перфектом [Зализняк, с. 107–114]. У Кирилла Туровского в этих случаях отмечается не только аорист, но изредка и имперфект, а частотность подобных форм превосходит все другие источники. Особенно показательны примеры, в которых простые претериты во 2 л. ед. числа соседствуют с формами перфекта, поскольку они демонстрируют функционально-семантические различия данных форм в полном соответствии с положениями соссюрианской теории, а не нейтрализацию соответствующей оппозиции. См.: нъ съхранн тѧ ѡ҃ тѣхъ ісъ ѥгоже ты **хранѧше** тѣло · не оубоꙗвъсѧ гнѣва жндовьска · не прещенны жреуьска · нн напрасно оубнвающнхъ воннъ **не оустрашнсѧ** · **не пожалнсн** по мнозѣмь б҃атьствѣ · чаꙗ трнд҃невнаго въскр҃нннꙗ · Нъ паче всѣхъ ст҃ъ бо҃лжнъін ноѡнфе · н паче всѣхъ нмашн дерзновеннїе къ х҃оу (СбТол XIII_2. Л. 15 об.). В отличие от простых претеритов, которые обозначают исторические факты, перфектом обозначен надысторический смысл действий, названных простыми претеритами.

Литература

Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного вида в славянских языках (1958) // Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 425–608.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2000.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.

Мишина Е. А. Типы употребления презенса совершенного вида в восточнославянских памятниках XI–XV вв. Дисс. … канд. филол. наук. М., 1999.

Новикова М. В. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII–XVII вв. Дисс. … канд. филол. наук. М., 2016.

Творогов О. В. Кирилл, епископ Туровский // СККДР. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). С. 217–221.

А. Е. Жуков (БАН, СПбГУ)

ОБ ОДНОЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТИ ЛОНДОНСКОГО СПИСКА ВОЛОГОДСКО-ПЕРМСКОЙ ЛЕТОПИСИ[1]

Лондонский список Вологодско-Пермской летописи (Cotton MS, Vitellius F.X. (Collection Area: Western Manuscripts)) отличается от других списков памятника одной текстологической особенностью: в нем вне хронологической последовательности в начале рукописи помещен ряд летописных статей [Буганов, с. 159][2].

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137.

[2] В Лондонском списке вне летописной хронологии вынесены рассказ Повести временных лет о расселении племен (Л. 3–8 об.), Послание новгородского архиепископа Василия тверскому епископу Федору о Рае (Л. 8 об. –11 об.), Мучения Бориса и Глеба (Л. 11 об.–14 об., 20–23 об., 15–19 об., 62–62 об.), Рассказ о пренесении мощей святых мучеников Бориса и Глеба (Л. 62 об.–63 об.), список новгородских архиепископов (Л. 64 об.–65), Рассказ об испытании веры князем Владимиром под 6494 г. (Л. 65–69 об., 75–75 об., 74–74 об., 73–73 об., 72–72 об., 71–71 об., 70–70 об.), Рассказ о взятии Корсуня и о крещении Владимира с продолжением известий за 6499–6501 г. (Л. 76–80 об.), известия 6415 и 6420 г. о походе Олега на Царьград и договор с греками (Л. 80–85), Сказание об убиении князя Михаила Черниговского в Орде под 6753 г. (Л. 85–90), Повесть о битве на Калке (Л. 90–93 об., 37–38 об., 34–35 об., 24–24 об.), известия о нашествии Батыя (Л. 24 об.–29 об., 37–38 об., 34–35 об.), Повесть о взятии Царьграда фрягами (Л. 35 об.–36 об., 30–32 об.).

Необходимо установить, были ли указанные известия выделены в Лондонском списке или в его протографе. К данному вопросу мы и обратимся в настоящей работе.

Существует мнение, что размещение известий вне хронологической последовательности является уникальной особенностью Лондонского списка [Майоров, Афанасьева, с. 47–49]. Однако следы подобного расположения летописных статей можно обнаружить и в других списках данного памятника. Так, в Академическом списке пропущено известие о смерти Александра Невского, которое в Лондонском списке помещено вне хронологии[3]. В Чертковском списке Вологодско-Пермской летописи отсутствует текст «Мучений святых великомученик Бориса и Глеба», который помещен в Лондонском списке вне хронологической последовательности[4]. Таким образом, можно предположить, что статьи, расположенные вне хронологической последовательности, присутствовали уже в архетипе Вологодско-Пермской летописи.

Кроме того, известия, помещенные отдельно, присутствуют в ряде памятников русского летописания, близких к Вологодско-Пермской летописи. В Летописи И. Лавровского[5] после основного текста расположены Повесть о битве на р. Калке, известия о походах Батыя, начало «Повести о взятии Царьграда фрягами», а также известия «О иконе пречистои Одегитрие во Цареграде» и «О Ризе Пресвятеи» [Буганов, с. 164][6]. В Музейном летописце в самом начале помещены «Повесть о взятии Царьграда фрягами» (без дополнительных повестей «О иконе пречистой Одигитрии» и «О Ризе Пресвятей»), Повесть о Битве на Калке и известия о походах хана Батыя за 6745–6748 г.[7]

В историографии неоднократно отмечалось то обстоятельство, что Музейный летописец и Летопись И. Лавровского содержат ряд более ранних чтений по сравнению с Вологодско-Пермской летописью [Буганов, с. 164; Лурье, с. 129–135; Клосс, Лурье, с. 185–186; Клосс, с. VII–VIII]. Следовательно, статьи, помещенные вне хронологической последовательности, присутствовали уже в общем протографе Музейного летописца, Летописи И. Лавровского и архетипа Вологодско-Пермской летописи. Более точная реконструкция данного летописного свода будет возможна только после тщательного анализа взаимоотношений рассматриваемых памятников. Здесь же хотелось бы отметить то обстоятельство, что наиболее полно состав известий, помещенных вне хронологии, передан в Вологодско-Пермской летописи (Лондонский список).

Литература

Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1968. С. 158–165.

Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2006 г. // ПСРЛ. М., 2006. Т. 26. С. V–XV.

Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. С. 78–139.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Майоров А. В., Афанасьева Т. И. Состав рукописи // Вологодско-Пермская летопись. Лондонский список. СПб., 2013. Кн. 1. С. 45–49.

[3] ПСРЛ. М., 2006. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. С. 89.

[4] Там же. С. 33.

[5] Нам известно четыре списка Летописи И. Лавровского: Львовская национальная научная библиотека им. В. Стефаника НАН Украины. Собр. Оссолинских. № 2126, 2178; Собр. Баворовского. № 526; Собр. Народного дома. № 217.

[6] ЛННБ. Собр. Народного дома. № 217. Л. 328–344 об.

[7] РГБ. Музейное собр. № 3271. Л. 66–88 об.

Л. И. Журова (ИИ СО РАН)

СЛОВА И ПОСЛАНИЯ МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА (К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЖАНРОВ)[1]

Проблема генезиса жанра посланий в творчестве Иосифа Волоцкого и Максима Грека современными исследователями решается по-разному [Алексеев, с. 262–308; Синицына, с. 53; Буланин, с. 117–123; Журова, 2008, с. 60–102]. Актуальна постановка вопроса о роли эпистолярного наследия митрополита Даниила в истории публицистики XVI в. Послание и Слово как основные содержательные формы письменной культуры церковного писателя в рукописной традиции функционируют преимущественно в своем прямом назначении, практически не подвергаясь модификациям, которые были характерны для литературной практики, например, Максима Грека.

«Соборник» Даниила (основной текст РГБ. Ф. 173/I. Фундаментальное собр. библиотеки МДА. № 197) составлен из 16 Слов, строение которых чрезвычайно единообразно. Время его составления (20-е годы XVI в.) исследователи привязывают к истории создания Сводной Кормчей Даниила, подготовленной к Собору 1531 г. [Клосс, с. 77]. Но текстуальные совпадения двух памятников приходятся на некоторые выписки прецедентных текстов, помещенные в «свидетельствах» только одного сочинения, а именно, Слова 8 «Яко подобает къ властем послушание имѣти и честь въздаати, и еже на врагы Божиа». Кодикологический анализ рукописи и история текста Слова 8 позволяют отнести время составления «Соборника» к 30-м годам XVI в., до 1539 г.

«Соборник» Даниила – законченный авторский проект, в котором представлен накопленный опыт работы публициста. Однотипная трехчастная структура всех Слов (историко-богословская часть, «свидетельства», «наказание»), стандартное оформление «Соборника», традиционное функционирование предисловия и вступления к книге указывают на одновременный, монографический процесс создания свода в период архипастырства Даниила.

Послания следует рассматривать в динамике творчества церковного публициста. Безусловно, они создавались в

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00503/17-ОГОН.

разное время, но были собраны, видимо, автором в единый свод, сохранившийся в так называемом Сильвестровском сборнике и насчитывающий 13 (14) Посланий (Первоначальная редакция РНБ. Софийское собр. № 1456; Распространенная редакция РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1149). Анализ элементов, имеющих обрядовое назначение, указывает на степень зависимости Посланий и Слов. Так, формула «Собрано от Божественных Писаний» появляется в названиях ряда писем, где приведено множество цитат из прецедентных текстов. В Словах «Соборника» подобные обширные выписки упорядоченно изложены в разделе «свидетельств». Авторская интенция Даниила обусловлена систематизацией «чужой речи» [Журова, 2014, с. 136–143]. Примером переходного этапа в эволюции жанров служит история Послания 13 «О целомудрии и о чистотѣ, и о хранении дѣвьства».

На основе изучения межтекстовых связей датированных Посланий (Дионисию Звенигородскому, князю Юрию Ивановичу Дмитровскому, Окружного послания) и Слов «Соборника» установлены некоторые закономерности в развитии литературного стиля Даниила.

Бульшая часть Посланий хронологизации не поддается, адресаты не известны. Общий сегмент содержания Слов и Посланий — нравственное богословие. Ему посвящены Слова 9–16 «Соборника». Например, рассуждения о целомудрии стали основной темой в нескольких посланиях митрополита, а в «Соборнике» они заняли периферийное место, но приобрели смысловую завершенность и структурную четкость. Если главы «Соборника» включили в себя ряд проблем, волновавших митрополита (христианское вероучение, догматы, власть и общество, нравственность), то Послания в основном посвящены вопросам этическим, в том числе и в устройстве монашеской жизни.

В Посланиях, адресованных некоему человеку («возлюбленному брату»), советы Даниила носят предметный характер: воздержание от чревоугодия, пьянства, избежание прелюбодеяния («самаго видѣниа лицъ женьскыхъ и отрочятъ юнныхъ»), кроткое поведение («любить бледность лица, очи долу иметь и выю преклоненную»), скромное одеяние, отсечение лукавых помыслов и т. д. В Словах, обращенных к пастве («Възлюбленая чада о Христѣ»), нравственные наставления архипастыря приобрели вид богословского поучения, основной пафос которого: «не стяжати земных благ, а иметь попечение о будущем житии».

Таким образом, результаты изучения межтекстовых связей Посланий и Слов Даниила, развития авторского замысла и способов его реализации, истории формирования авторских сводов и их структуры позволяют считать Послания первичным опытом в творчестве писателя.

Литература

Алексеев А. А. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. СПб., 2010.
Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.
Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Новосибирск, 2008. Ч. 1.
Журова Л. И. «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32). С. 130–156.
Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

Н. З. Зайц (Словенская Академия наук и искусств)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЯЗЫКЕ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА И О СОБРАНИЯХ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

Сохранились три варианта составленных преподобным Максимом Греком лично полных собраний его сочинений, известных под названиями: Иосифовское, Хлудовское, Румянцевское. Каждое из них представляло собой свод избранных им авторских сочинений. К выявленным можно добавить и так называемое Нижегородское собрание сочинений, которое хранится в Национальной библиотеке в Париже и является в некотором роде особым, то есть отдельным, собранием его сочинений[1].

Известно, что преподобный свои сочинения собирал, составлял и правил собственной рукой три раза. Но, возможно, таких собраний было четыре. Имеется в виду рукописное собрание сочинений Максима Грека, которое хранится в Национальной библиотеке в Париже. Н. В. Синицына, следуя за С. Белокуровым, это собрание называла Нижегородским [Белокуров, № 234; Синицына, с. 34]. Существование этого собрания не только освещает, но и осложняет некоторые вопросы, связанные с собраниями сочинений Максима Грека, поскольку поднимает проблему авторской воли, а также его славянского автографа.

Находка некоторых сочинений Максима Грека в так называемой парижской рукописи может послужить разъяснению взаимоотношений прижизненных собраний его сочинений. Иначе говоря, несмотря на то что эта рукопись представляет собой позднее собрание его сочинений, датированное второй половиной XVI в., состав ее произведений кажется очень полным. А сам факт, что в начальную часть входят и два сочинения, которые были до сих пор известны только в Румянцевском собрании, говорит о том, что последовательность произведений начальной части рукописи может быть отражением сознательной воли автора. Более того, парижская рукопись свидетельствует о том, что существует возможность чтения авторских сочинений несколько иным способом. Поэтому чтение, которое сохраняется в рукописи Славе 123, позволяет «второе» чтение основного текста произведения. Замеченное подтверждается следующим.

1. В сравнении с известным текстом собраний сочинений преподобного Максима Грека[2] порядок слов изменен и допускает иное прочтение не только словосочетаний, но и фраз. Возможно, что ударение выражения, то есть

[1] Издание: *Langeler A.* Maksim Grek, byzantijn en humanist in Rusland. Amsterdam, 1986.
[2] Собрание сочинений преподобного Максима Грека. М., 2008. Т. 1; Преподобный Максим Грек. Сочинения (Рукописные памятники древней Руси). М., 2014. Т. 2.

содержательная нагрузка отдельных слов, меняется в направлении более правильного с точки зрения богословия порядка слов.

2. Многие слова имеют окончания, которые отличаются от окончаний, засвидетельствованных в других собраниях сочинений преподобного Максима Грека. Эти окончания отражают более архаичные фонологические особенности славянских языков, в том числе южнославянских.

3. Хотя ряд так называемых авторских чтений, сделанных как правка рукой самого автора в парижской рукописи не сохранились, тем не менее в этой рукописи наличествуют вставки, дополнения и исправления, которые отсутствуют в рукописях, хранящихся в России, что позволяет рассуждать о тексте протографа собраний сочинений преподобного.

Поэтому необходимо отметить следующее: во втором томе Собрания сочинений преподобного Максима Грека, вышедшем под редакцией Н. В. Синицыной в 2014 г., где используется в качестве материала для сравнительного текстологического изучения также Нижегородская рукопись, не учтено правильное деление словесного выражения на предложения (абзацы). В результате теряется сообщение, приведенное в источнике, и не передаются ни правильное членение текста, ни тематическое вычленение (субстанциальное подчеркивание) отдельных словоупотреблений. Все упомянутое не соответствует критериям научного издания средневекового текста, но важнее всего — есть основания полагать, что авторская воля преподобного Максима Грека не соблюдена.

Литература

Белокуров С. О библиотеке московских государей. М., 1899.

Синицына Н. В. Творчество преподобного Максима Грека 30–50 гг. XVI в. и собрание избранных сочинений из 47 глав // Преподобный Максим Грек. Сочинения (Рукописные памятники древней Руси). М., 2014. Т. 2. С. 12-45.

В. В. Игошев (ГосНИИР)

ТИПОЛОГИЯ ПСКОВСКИХ ОКЛАДОВ ЕВАНГЕЛИЙ XIV–XVII В.

В музейных собраниях и библиотеках сохранились различные типы окладов богослужебных книг, которые являются не только ценными историческими памятниками, но и замечательными произведениями древнерусского искусства. Тема изучения типологии переплетов богослужебных книг актуальна и важна для кодикологов, реставраторов, историков, искусствоведов. Наряду с исследованием рукописной и печатной книги внимание уделяется простым обиходным или роскошным окладам кодексов. Изучение типологии позволяет локализовать группы памятников и распределить их по определенным адресам, отнести к тому или иному художественному центру — по месту создания. Сложность исследования и атрибуции таких предметов заключается в том, что переплеты книг часто переделывались. При постоянном использовании в ходе богослужения они изнашивались, терялись и добавлялись отдельные детали. Со временем вносились изменения в их конструкцию, увеличивались или уменьшались размеры, менялся характер декора переплета. Отдельные псковские переплеты книг опубликованы: Л. И. Лифшицем (2005 г.), В. В. Игошевым (2005, 2008 г.), И. Д. Соловьевой (2010 г.), И. С. Родниковой (2013 г.). Часть переплетов не изучена или опубликована с ошибочной датировкой.

Можно выделить три группы таких памятников.

К **первой** группе относятся оклады Евангелий XIV–XVII в., у которых на верхней деревянной крышке в заглубленном ковчеге имеются иконописные изображения: «Распятие» или «Положение во гроб». Такая конструкция окладов Евангелий, вероятно, восходит к византийским традициям и обусловлена их назначением при богослужении. Евангелие, лежащее на престоле, во время службы выносилось из алтаря лицевой стороной к верующим, поэтому его верхняя крышка непременно украшена священными изображениями и становилась иконой. Подобный тип Евангелия отмечен по документам 1617 г. в новгородском Никольском храме Вяжищского монастыря: «евангилье апракос, на верхней цки распятие господне на золоте».

Самый ранний памятник этого типа — Евангелие XIV в. (РГБ. Ф. 256 № 109). На верхней деревянной крышке в заглубленном ковчеге прямоугольной формы — иконописное изображение «Положение во гроб» на золотом фоне. Особенности стиля и техники позволяют причислить это изображение к работе псковского иконописца XIV в.

В конце XIV — первой четверти XV в. на деревянной крышке Четвероевангелия (ГИМ. Синодальное собр. № 742) сделано тиснение по коже, а в заглубленном ковчеге прямоугольной формы — живописное «Распятие» с предстоящими на золотом фоне. Живописное изображение, тисненые узоры на кожаном переплете и фурнитура сделаны одновременно псковским иконописцем и переплетчиком.

В конце XV — начале XVI в. на деревянной крышке Евангелия (РГБ. Ф. 256. № 119) в центре вырезано заглубление в форме киота с килевидным верхом, где темперой написано «Распятие» с двумя фигурами предстоящих. Доска обтянута тканью, а по углам крепятся басменные наугольники в форме глаголей с изображением евангелистов. Своеобразие стиля и техники письма «Распятия», а также особенности типологии басменных наугольников позволяют причислить их к псковской работе конца XV — начала XVI в.

К первой группе относятся также оклады Евангелия из Псковского музея-заповедника и Русского музея. Это серебряный оклад Евангелия первой трети XVI в., происходящий из Елеазаровского монастыря (ПМЗ. Инв. № 612). В центре на верхней деревянной крышке книги в прямоугольном ковчеге — иконописное «Распятие» (под поздней записью). Оклад украшен просечной серебряной басмой и круглыми хрусталями, характерными для псковского серебряного дела XVI в.

В последней четверти XVI в. изготовлен серебряный оклад Евангелия с живописным «Распятием» в заглублении на верхней деревянной крышке (ПМЗ. Инв. № 612). По углам крепятся серебряные медальоны с резными изображениями символов евангелистов, которые известны и на других памятниках работы псковских мастеров. Серебряный оклад — разновременный.

В последней четверти XVI в. сделан аналогичный серебряный оклад с живописным «Распятием» в заглублении на верхней крышке Евангелия (ГРМ. Инв. № БК-3076). Оклад выполнен в технике оброна и украшен эмалью, имеет поздние добавления. Живопись — под записью XVII в.

В последней четверти XVII в. изготовлен аналогичный оклад Евангелия в технике чеканки и гравировки (ПМЗ. Инв. № 624). Чеканный орнамент и гравированные изображения в киотцах, обрамляющие иконописный средник, аналогичны произведениям псковских мастеров XVII в.

Ко **второй** группе псковских окладов Евангелий можно причислить предметы, украшенные с лицевой стороны металлическими дробницами (литыми, басменными), сделанными из серебра или медного сплава. В последней четверти XV в. сделан оклад Евангелия, состоящий из четырех литых наугольников в форме глаголей с евангелистами и средника — литого изображения Спаса на престоле и двух литых фигур предстоящих (БАН. Софийское собр. № 4).

В конце XV в. на верхних крышках двух Евангелий псковским мастером в технике басмы выполнены идентичные серебряные оклады: ромбовидный средник с «Распятием» с двумя херувимами и наугольники с евангелистами (Псково-Печерский монастырь) (ПМЗ. Инв. № 632). Два аналогичных басменных наугольника в форме глаголей, украшенных по контуру мелкими бусинами, имеются на сборном окладе Евангелия (РГБ. Ф. 178. № 4077).

К **третьей** группе относятся оклады, которые полностью закрывают переплет книги. Это золотой чеканный оклад Евангелия псковской работы последней четверти XVI в. (Псково-Печерский монастырь). На его верхней крышке чеканено рельефное «Распятие» с двумя фигурами предстоящих, помещенных в крупном среднике-киотце, по углам — четыре медальона с символами евангелистов, а вокруг киотца — шесть дробниц с черневыми изображениями.

К этому же типу можно причислить серебряный оклад Евангелия 1681 г., сделанный псковским мастером, с гравированными изображениями, орнаментом и надписями (ПМЗ. Инв. № 1681).

И. В. Исланова (ИА РАН)

ПОСЕЛЕНИЕ ВОЛЧИНО НА ЮГО-ВОСТОКЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ (ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

В берестяных грамотах № 789 и 902, обнаруженных при раскопках в Великом Новгороде, встречается термин «Волчино». Он помещен в завершающую часть текста грамоты № 789, стратиграфическая дата которой — вторая четверть XI в.: «...В Городецке в Волчине за Рокишем 6 кун Ламе». В грамоте № 902, стратиграфическая дата которой — конец XI — начало XII в., речь также идет о территориях в бассейне Верхней Мологи: «От Домагоста к Хотену. В Езьске разверстали сорок пять гривен. Да я вот сижу тут, а в Волчино-то пошли другого человека».

Комментируя эти грамоты, В. Л. Янин предполагает, что здесь указаны река Волчина и (или) податной округ на р. Волчине, притоке р. Мологи. [Янин, 2001, с. 49, 66]. По мнению А. А. Зализняка, под термином «Волчино» имеется в виду «либо населенный пункт, либо прилегающая к реке волость» [Зализняк, с. 245–247].

В отличие от интересующего нас Волчина, Городецко и Езьск известны и в других письменных источниках как пункты Бежецкого Ряда. Эти поселения существуют (естественно, увеличившиеся в размерах) и в настоящее время. Городецко — это центральная часть современного города Бежецка. Городище расположено на правом берегу р. Мологи при впадении р. Похвалы. Езьск — современное село Еськи, лежащее на левом берегу р. Мологи при впадении в нее р. Осень [АКР, 2010, с. 12–14, 30]. Эти и другие поселения перечислены в приписке к Уставу князя Святослава Ольговича: Бежичи, Змень, Езьск, Городецко, Рыбаньск, Изьск [Янин, 1977, с. 90]. Пять первых пунктов хорошо локализуются, так как и сейчас здесь расположены одноименные пункты. Следы новгородских древнерусских населенных мест здесь четко прослеживаются и археологически. Эти пункты имеют схожий набор признаков: достаточно крупное поселение с культурными отложениями, начиная с конца I тыс. н. э.; вблизи поселений находятся (или ранее находились) крупные курганно-сопочные могильники; при раскопках курганов были обнаружены древнерусские погребения преимущественно по обряду трупоположения с многочисленным инвентарем, реже — по обряду сожжения.

Река Волчина впадает слева в р. Мологу в 10 км от д. Рыбинское (бывш. Рыбаньска). Свое начало водоток берет в озере Волчине. Берега этой реки неоднократно обследовались археологами [АКР, 2010, с. 54–88, 97–104, 176, 181, 183–185; АКР, 2012, с. 283–284, 269–271, 344], но детальное обследование — дело будущего. Поэтому о древнерусских комплексах иногда можно говорить только на основании известных могильников, вблизи которых должны быть поселения, которые археологам еще предстоит выявить.

На р. Волчине известны древнерусские комплексы: Овсище (Урвитово), Ватутино, Карзово, Воронцово, Столбиха, Астафьево, Селище. Имеются сведения еще о трех небольших курганных могильниках (Покров, Макчеевское, Никольское); однако дата их неясна. На оз. Волчине и в верховьях р. Волчины древнерусские памятники неизвестны. Здесь находится несколько объектов (поселение и могильник) культуры псковских длинных курганов, этнокультурная принадлежность которой остается предметом дискуссий.

Из перечисленных комплексов, расположенных на берегу р. Волчины, выделяются памятники у д. Воронцово. Это два древнерусских селища 1 и 2, два курганно-сопочных могильника и два курганных могильника. При раскопках могильников в XIX — начале XX в. были обнаружены захоронения по обрядам сожжения на стороне и трупоположения, датируемые с конца I тыс. н. э. по XII в. На селище Воронцово 1 собран представительный вещевой и керамический материал, пять дирхемов VIII и X в. (определение В. С. Кулешова). По сообщению П. Г. Гайдукова, с этого же селища происходят находки новгородских печатей.

Археологический комплекс у д. Воронцово является самым крупным для конца I — начала II тыс. н. э. на р. Волчине и схож с памятниками Бежецкого Ряда. На основании характера, местоположения и датировки, вне всякого сомнения, селище Воронцово 1 можно идентифицировать с пунктом (погостом?) Волчино берестяных грамот.

Литература

Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3 / Авт.-сост. Кашкин А. В., Комаров К. И., Король Г. Г., Нефедов В. С., Патрик Г. К., Янишевский Б. Е. М., 2010 (АКР, 2010)

Археологическая карта России. Тверская область. Часть 4 / Авт.-сост. Исланова И. В., Комаров К. И., Король Г. Г., Нефедов В. С. М., 2012 (АКР, 2012)

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Й. Комендова (Ун-т им. Палацкого в Оломоуце)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТАТЕКСТ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И «ЧЕШСКОЙ ХРОНИКЕ» КОЗЬМЫ ПРАЖСКОГО

«Повесть временных лет» и «Чешскую хронику» Козьмы Пражского объединяет не только время создания, но прежде всего общий замысел их создателей — оба текста представляют собой попытку изложить происхождение своего народа (origo gentis), описать его историю с древнейших времен до современности и обосновать появление нового государства с новой династией на политической карте Европы. Несмотря на неоспоримость данных аналогий, между обоими текстами существуют и явные различия в области жанра, роли авторского субъекта в тексте и понимании сути историографической работы.

Одним из методов изучения данной проблемы является исследование таких отрывков текста, в которых автор выходит за рамки исторического повествования и комментирует самого себя, свой собственный текст или его читателей. Данные части текста можно обозначить как историографический метатекст и подразделить его на несколько типов: метатекст самопрезентации автора, метатекст рецепции произведения, метатекст источников информации и структурообразующий метатекст.

Хотя Козьма не приводит почти никаких биографических данных о самом себе, авторский субъект выражен в хронике очень ярко, преимущественно в духе самопрезентации авторов античного историописания [Třeštík, s. 96—115]. В отличие от «Чешской хроники», в «Повести временных лет», как и в более поздних древнерусских летописях, метатекст авторской самопрезентации встречается исключительно редко, что, несомненно, связано с принципиально различным пониманием роли автора в латинской хронике и древнерусских летописях [Конявская, 2000а, с. 13—27; Конявская, 2000б].

Второй тип метатекста — метатекст рецепции произведения — включает в себя высказывания, связанные с образом реципиента, то есть кто является адресатом текста, каким он должен быть, как ему следует понимать суть произведения, какова цель прочтения текста. В отличие от Козьмы, для которого важно не только поучение, но и развлечение читателей [Kolář, s. 74; Švanda, s. 332], древнерусские летописцы подчеркивают в первую очередь религиозно-дидактический смысл своего труда: они стремятся предостеречь читателя от греховного поведения или неверных суждений, что чешскому хронисту полностью чуждо.

Третью область в рамках авторского метатекста представляют собой ссылки на источники информации и комментарии к способам, какими автор работал с полученной информацией. Хотя авторы в большинстве случаев не приводят свои источники, в обоих текстах встречаются и высказывания, доказывающие, что автору в данном случае было особенно важно сослаться точно на некие устные или письменные источники и таким образом убедить читателей в ценностности и правдивости этих утверждений (к ПВЛ ср.: [Иванайнен, с. 184]).

Четвертый тип представляет собой структурообразующий метатекст, то есть авторские комментарии к структуре повествования, ссылки на предыдущие или последующие части текста. Хронологически построенное повествование, к которому относятся оба анализируемых памятника, не нуждается в развитом структурообразующем метатексте, однако в момент, когда автор выходит за рамки чисто анналистической наррации, нарушая соответствие временной оси и нарративной линии, структурообразующий метатекст помогает читателю ориентироваться в тексте как целом.

Сравнение «Повести временных лет» и «Чешской хроники» Козьмы Пражского показывает разительные различия в объеме и характере авторских комментариев к своему историографическому труду. По характеру историографического метатекста «Повесть временных лет», как и древнерусские летописи последующих столетий, гораздо более близка чешским историческим трудам XII—XIII в., которые в науке известны под названием «Первые продолжатели Козьмы» (то есть *Canonici Wissegradensis Continuatio Cosmae u Monachi Sazaviensis Continuatio Cosmae*), а также «Второму продолжению Козьмы», исторической компиляции XIII в., что проливает свет и на более широкую проблему типологических параллелей между древнерусским летописанием и жанрами латинского средневекового историописания. Несмотря на факт, что историографический метатекст представляет собой лишь один из ряда критериев для такого сравнения, он, несомненно, имеет свою информативную ценность.

Литература

Иванайнен О. В. «Азъ» летописца, его варианты и функции в «Повести временных лет» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3 (37). С. 182—185.

Конявская Е. Л. Автор в литературе Древней Руси (XI—XV вв.). М., 2000. [Конявская, 2000а]

Конявская Е. Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 65—76. [Конявская, 2000б]

Kolář A. Kosmovy vztahy k antice // Sborník Filozofické fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě 3. Bratislava, 1925. С. 3–98.

Švanda L. K recepci antiky v Kosmově kronice // Graeco-Latina Brunensia 14, 2009. S. 331–340.

Třeštík D. Kosmova kronika. Studie k počátkům českého dějepisectví a politického myšlení. Praha, 1968.

Е. Л. Конявская (ИРИ РАН)

СМОЛЕНСКИЕ РОСТИСЛАВИЧИ И ИХ ВЛАДЕНИЯ В РАННЕМ ЛЕТОПИСАНИИ

Летописные известия дают немало сведений о владениях смоленских Ростиславичей в Киевской земле в XII в. Ипатьевская летопись сообщает, что в начале 1161 г. Рюрик Ростиславич идет на помощь отцу, осажденному в Белгороде Изяславом Давыдовичем. Сказано, что он «поиде ис Торцьского». По-видимому, город был дан Рюрику отцом, но, как оказалось, ненадолго — уже в 1162 г. Ростислав Мстиславич заключает мир с Мстиславом Изяславичем и возвращает ему города, в числе которых назван и «Торьскъи». В дальнейшем Рюрик взамен получит Вручий (Овруч), но уже в 1190-е годы Торческ окажется во владениях его сына Ростислава, а после временной передачи его Рюриком Роману Мстиславичу он вернется к Ростиславу уже из рук Всеволода Большое Гнездо.

Давыд систематически до своего вокняжения в Смоленске фигурирует как княжащий в Вышгороде, куда он попадает по последним распоряжениям отца. В рассказе Ипатьевской летописи о событиях 1169 г. упоминается, что в Вышгороде был подожжен «дворъ тысячкого Дв҃да Радиловъ»[1]. О том, что резиденция Давыда находится в Вышгороде, ясно и из того, что в 1170 г. Мстислав Изяславич для изобличения Владимира Мачешича «послаша къ Дв҃дви Въшегороду», чтобы тот прислал свидетеля Василя «на тяжю»[2]. Наконец, можно понять, что неподалеку от Вышгорода произошло нападение на отправившегося на ловы Давыда со стороны Святослава Всеволодовича в 1180 г. Это означает, что он сохранял за собой Вышгород вплоть до начала своего смоленского княжения. Кроме того, под 1165 и 1166 г. о Давыде говорится как о витебском князе.

Мстислав Ростиславич в 1161 г. был посажен отцом в Белгороде. Так же как в случае с Торческом, Белгород был возвращен Мстиславу Изяславичу в 1162 г., но впоследствии мы снова обнаруживаем его во владениях Мстислава.

В явной форме говорится о местах княжения Ростиславичей в Киевской земле в перечислении участников похода на Киев 1169 г.: идут «Романъ . и Смоленьска», «Рюрикъ изъ Вроучего», «Дв҃дъ из Въшегорода . брат҃ его Мьстиславъ»[3].

Означает ли это, что Ростиславичи, кроме занимаемого братьями поочередно смоленского стола, не имели владений в Смоленском княжестве, получая все это в Киевской земле? Сведений о смоленских владениях Ростиславичей немного. Ясно, что Роман был при отце в самом Смоленске, а после его смерти получил Смоленское княжение. Под 6660 г. имеется сообщение: «Изяславъ поиде к Новугороду . и ту приде к нему Сѳославъ Всеволодичь и Романъ Ростиславич҃ сн҃овечь ег҃ . и Смоленьска . с полкъы своими»[4]. Данный текст дает понять, что у Романа были свои полки, а стало быть, и владения, причем смоленские. Роман к этому времени был женат.

В 1157 г. Изяслав Мстиславич идет на «Ꙗрославича к Турову и с нимъ иде Ꙗрославъ из Лучьска и Андрѣевичь Ꙗрополкъ. и Галичьскаꙗ помочь . и Ростиславич҃ Рюрикъ . съ Смолнянъı . и Володимиръ Мьстиславич҃»[5]. Здесь нет прямых указаний относительно принадлежности полков, но более вероятно, что смоленские силы были полками самого Рюрика. Подобные упоминания встречаются и под более поздними годами. Известно, что после смерти Ростислава Мстиславича Рюрик дает родившемуся у него сыну имя деда (Ростислава) и город Лучин (1172 г.). Очевидно, таким образом, что сам Рюрик владел этим городом[6].

В известии 1170 г., когда в поход на Новгород отправляются братья Роман и Мстислав вместе с сыном Андрея Юрьевича Боголюбского, о братьях сказано: «Романъ и Мьстислав съ смольняны и съ торопьцяны»[7]. Наличие торопецких полков и упоминание двух князей, один из которых, как известно, должен был идти со смольнянами, указывает на то, что Мстислав получил торопецкий княжеский стол.

Нельзя не заметить, что относительно владений Ростиславичей в «Русской земле» летописные указания являются прямыми и регулярными, о смоленских же мы узнаем лишь по косвенным данным. Андрей Боголюбский, разгневавшись на Романа, говорит ему: «Романови не ходиши в моеи воли сь братьею своею . а поиди с Киева . а Дв҃дъ исъ Вышегорода . а Мьстиславъ из Бѣлагорода . а то вы Смоленескь . а темь сѧ подѣлите»[8]. Делить Смоленскую землю Ростиславичи не собирались. Казалось бы, слова Андрея Юрьевича были вполне логичными: делите между собой то, что изначально принадлежало вашему отцу. Но сам князь Андрей, когда во Владимирскую землю съехалось большое количество отчичей, их выгнал. Длительную борьбу за главный стол вели черниговские князья, в распрях по поводу претензий на Полоцкий стол приходилось участвовать самим Ростиславичам. На этом фоне их нежелание дробить княжество не выглядит немотивированным упрямством. Как видно из речей Мстислава Ростиславича (в ответ на приглашение в 1179 г. на новгородский стол), политические притязания Ростиславичей простирались далеко за пределы Смоленска: «не могоу ити . изъ ѡч҃нъı своєѣ . и со братьєю своєю розоитисѧ . прилѣжно бо тщашетьсѧ . хотѧ страдати ѿ всего срд҃ца . за ѡт҃чино свою»[9]. Понятно, что здесь отчина — не Смоленск или Торопец, а все те земли, которые так или иначе контролируются братьями. Неслучайно он неоднократно повторяет, что не может разойтись с братьями и если будет здоров, то не забудет «Роускои землѣ» (а не Смоленской). Однако отражает ли такая приоритетность владений Ростиславичей в «Русской земле» перед смоленскими их устремления либо это связано с по преимуществу «киевскими» интересами летописца — остается вопросом.

Характерно, что в XIII в. потомки Ростиславичей продолжат их политику — и в стремлении к Киевскому столу, и в удержании и приумножении владений в Киевской земле. Смоленский же стол, как и прежде, будет замещаться, видимо, по договоренности, без конфликтов и борьбы.

---

[1] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 534.
[2] Там же. Стб. 535.
[3] Там же. Стб. 543.
[4] Там же. Стб. 459.
[5] Там же. Стб. 491.
[6] Локализация города вызывает споры.
[7] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 33.
[8] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 569–570.
[9] Там же. Стб. 607.

А. Л. Корзинин (СПбГУ)

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ СОСТАВА ОСОБОГО ДВОРА В 1573–1584 г.[1]

Анализ динамики изменений персонального состава Особого двора Ивана Грозного после упразднения опричнины не подвергался специальному исследованию. Мы располагаем источниками по изучению Особого двора 1573–1584 г. Речь идет о разряде царского полка в Калуге в апреле 1576 г., привлеченном С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским для реконструкции двора в период правления Симеона Бекбулатовича [Мордовина, Станиславский]. Для восстановления состава Особого двора 1573–1575 г. нами были использованы список дворовых марта 1573 г. и разряд царского полка в Серпухове в апреле 1574 г. [Корзинин]. Особый двор после 1577–1584 г. можно изучить на основе анализа смешанного земско-дворового разряда Ливонского похода, начавшегося в апреле 1577 г., и дела о приезде А. Поссевино в 1581 г.[2] Еще одним документом, позволяющим реконструировать Особый двор в конце жизни Ивана Грозного, является отрывок списка дворовых, приказных и служилых людей разных чинов, опубликованный В. Н. Сторожевым[3]. Издатель датировал список приблизительно 1582 г., но его появление, очевидно, было связано с приемом в Москве английского посла Е. Боуса[4]. Во-первых, этот посольский прием был самым значительным после 1580 г., и на нем присутствовали как земские, так и удельные дворовые, упоминаемые в списке. Во-вторых, записанный в нем как боярин князь П. И. Татев получил высший думный чин в июле 1583 г. Другой фигурант, окольничий Ф. В. Шереметев, был пожалован боярским титулом весной 1584 г. В декабре 1583 г. Шереметев принял участие в походе на черемису и должен был покинуть столицу [Зимин, с. 87, 96, 97, 113]. Следовательно, список был составлен после июля и не позже декабря 1583 г., точнее, в конце октября — ноябре 1583 г.

Всего нами было выявлено не менее 800 дворовых царского удела 1573–1584 г. Сравнение состава Особого двора в различные периоды его существования (в 1573–1575, 1575–1576, 1577–1584 г.) позволяет прийти к следующим выводам. Часть царского двора в 1573 г. набрали из числа прежних опричников, но все же в нем преобладали выходцы из малоизвестных и незнатных фамилий. Состав Особого двора отличался от Опричного. Значительное число представителей опричных фамилий (Блудовы, Бороздины, Бутурлины, Волынские, Воронцовы, князья Вяземские, Грязные, Копнины, Мишурины, Молчановы, Наумовы, князья Охлябинины, Писаревы, Писемские, Плещеевы, Полевы, Поливановы, князья Пронские, Пушкины, князья Приимковы, Салтыковы, князья Сицкие, Совины, Тыптыковы, князья Телятевские и Хворостинины, Хитрово, князья Хованские, Хлоповы, князья Черкасские, Шейдяковы и Щербатовы) после 1572 г. было включено в земщину. Особый двор к 1575 г. подвергся пересмотру, из него убрали многих худородных дворян, получавших жалование «з городы», и некоторых знатных феодалов. Не остались на дворовой службе худородные Бабкины, Бастановы, Болкошины, Болотниковы, Бунаковы, Бунковы, Бутиковы, Васильевы, Волжинские, Волковы, Вороновы, Востинские, Всеславины, Вырубовы, Готовцевы, Григорьевы, Дубасовы, Евреевы, Казнаковы, Кобылины-Макшеевы, Кобыльские, Косицкие, Краснослеповы, Крекшины, Кушелевы, Леонтьевы, Лехчановы, Маматовы, Мокеевы, Мокшеевы, Панафидины, Свиридоновы, Туровы, Усково, Хрипуновы, Чубаровы. Были включены в земщину либо попали в опалу князья Борятинские, Васильчиковы, Головины, князья Козловские, Колычевы, Моклоковы, Овцыны, Судимантовы, Сунбуловы, Татищевы, князья Тулуповы. Особый двор 1576–1584 г. по знатности и численности уступал Земскому двору, но отличался стабильным, хотя и пестрым составом. Ряд фамилий служили в «особном» дворе непрерывно с 1573 до 1584 г. Из опричников это Алферьевы-Безнины, Нащокины (с 1576 г.), Бельские, Благие, Булгаковы-Денисьевы (с 1576 г.), Годуновы, Головленковы, В. Г. Зюзин, князь Д. М. Кубкеев, Микулины, Нагие, Осорьины, Панины, Пивовы (с 1576 г.), князья Трубецкие, Черемисиновы. Из прочих родов — Безобразовы, Биркины, Вахрамеевы, Воейковы, князь И. М. Глинский, Ельчаниновы, Жеребцовы, Ивановы, Извековы, Канчеевы, Качаловы, Киндыревы, Клешнины, Культашевы, Милославские, Петровы-Соловые (с 1574 г.), Скобельцыны, Фофановы, Хлоповы (с 1577 г.), князья Шуйские.

Литература

Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.
Корзинин А. Л. К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573–1575 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 49–60.
Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153–193.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-12013в.
[2] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 437–440; Т. 2. Ч. 3. С. 441–458; *Лихачев Н. П.* Дело о приезде Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1903. Вып. 11. С. 44–46, 57.
[3] *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 55–63.
[4] Сборник Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38. С. 80–123.

М. А. Корзо (ИФ РАН)

КАК ЕВФИМИЙ ЧУДОВСКИЙ ПЕРЕВЕЛ ИСПАНСКОГО ИЕЗУИТА ФРАНЦИСКО ТОЛЕДО

В одном из своих прошений на имя патриарха московского Адриана Евфимий Чудовский рассуждает о необходимости издания душеполезных книг, которые не только послужат целям религиозного просвещения, но и будут противодействовать распространению в московских пределах различные еретических учений. Последний момент представлялся московскому книжнику весьма насущным, ибо противники православной веры «полскпя книги преводятъ на славенскпй нашъ языкъ: и темъ людпе прелщаются: зане книги полскпя весма ереси латінскпя наполнены». И потому Евфимий просил Адриана: «…воспрети государь, и возбрани… преводити полскихъ книжищъ бредни…». Книжник был также обеспокоен тем обстоятельством, что не только польские, но и издаваемые

в «Малой Росспи» сочинения были изрядно искажены «иезуитскими вымыслами» (ГИМ. Синодальное собр. № 346. Л. 7, 8).

В этих высказываниях московского книжника, а также в его активной переводческой деятельности явно просматривается определенная программная установка: препятствовать доступу на московский книжный рынок «еретической» латинской литературы и наполнить этот самый книжный рынок «правильными» переводами с греческого языка.

Несмотря на проговоренную Евфимием установку, католические книги не только читались московскими грекофилами, но и входили в тот корпус памятников, которые переводились на церковнославянский язык, что позволяет сделать вывод об активном проникновении католических заимствований в православную литературу конца XVII в.

Я остановлюсь лишь на одном примере, когда перевод католического текста был ранее осуществлен в Киевской митрополии, а московский книжник работает с уже готовым переводом, но при этом не знает о латинском оригинале или, по крайней мере, не знает о том, *какой конкретно* латинский текст был использован.

Речь идет о компиляции «Книга о тайнах седми» (ГИМ. Синодальное собр. № 668), которая если и не была составлена самим Евфимием, то, по крайней мере, им редактировалась. Рукопись посвящена последовательному объяснению семи церковных таинств по определенной, заявленной во вступлении к рукописи схеме.

Проставленная на полях рукописи буква «М» с указанием страниц, а также замечание самого Евфимия в послесловии свидетельствуют об обращении компиляторов к киевскому сочинению «Мир с Богом человеку» (1669). Встречающаяся на полях буква «Н» была ложно проинтерпретирована в библиографии как «Небо Новое» Иоанникия Галятовского (Львов, 1665) [Горский, Невоструев, с. 445–448; Strakhov, p. 171–172]: в действительности речь идет о «Науке о седми тайных церковных», изданной в Вильно около 1617 г., которая и стала основным источником при составлении московской компиляции.

В основу виленской «Науки» был положен трактат испанского иезуита Франциско Толедо (1534–1596) «Summae De Instructione Sacerdotum», выросший из курса по моральной теологии, который Толедо читал в *Collegium Romanum* в Риме. Изданный впервые в 1599 г. в Лионе, данный труд потом многократно переиздавался с измененным названием и в несколько расширенном составе. Виленская «Наука» позаимствовала из пространного компендиума испанского иезуита всего лишь один тематический блок — сакраментологию. Параллельное сравнение сочинения Толедо с «Наукой» и отредактированной Евфимием компиляцией показало, что посредством виленского памятника в московскую рукопись попали значительные порции текста испанского иезуита.

С какой целью понадобилось переводить в Москве виленскую «Науку»? К этому моменту уже существовал корпус переведенных с греческого языка памятников по сакраментологии: самим Евфимием были переложены или отредактированы сочинения Николая Вулгара, Дионисия Ареопагита, Симеона Фессалонитского. В распоряжении московских книжников был и перевод «О святых тайнах» митрополита Филадельфии Лидийской Гавриила Севира, опубликованный в сборнике «Скрижаль» 1656 г.

Обращение к памятникам Киевской митрополии тем более интересно, что Евфимий не мог не разглядеть в них следов католических влияний — тех самых католических влияний, которые он так яростно обличал. Евфимий, конечно же, не знал, что в основе «Науки» — трактат Толедо. Того самого Толедо, которого московский книжник в своем критическом разборе вероучительного компендиума Симеона Полоцкого «Венец веры» отнес к числу латинских авторов — «еретиков» (ГИМ. Синодальное собр. № 396. Л. 32–32 об.).

Литература

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3.

Strakhov O. B. The Byzantine Culture in Moscovite Rus'. The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). Köln; Wien, 1998.

М. В. Корогодина (БАН)

ОТ ПОУЧЕНИЯ К УСТАВНОЙ СТАТЬЕ: СУДЬБА «ПРАВИЛА МИТРОПОЛИТА МАКСИМА» В XIV–XVI в.[1]

От XIV столетия до нас дошло мало постановлений русских иерархов, причем имена авторов появляются в списках, отстоящих на полтора-два столетия от времени жизни архиерея. Одно из поучений, вошедшее в состав Чудовской редакции Кормчей книги, сохранило имя митрополита Максима[2]. В Кормчей поучение распадается на две части, которые порой переписывались отдельно в сборниках или включались в состав иных древнерусских поучений. Возможно, поучение митрополита Максима представляет собой не единовременно созданный авторский текст, но состоит из независимых статей, к которым неизменно обращались русские иерархи.

Основная часть поучения, известного как «Правило митрополита Максима», посвящена регламентации постов по средам и пятницам. Вторая часть представляет собой небольшое увещевание о венчании и церковном браке; заканчивается поучение благословением. Поучение открывается и завершается обращением к «чадам», полностью сохраняя структуру пастырского поучения.

Постановление о постах мы находим среди русских правил в Рогожском сборнике середины XV в. (РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 253), где выписаны ответы Константинопольского собора на вопросы епископа Сарского Феогноста; отрывок из «Правила митрополита Максима»; отрывок из поучения митрополита

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15–31–01017 «Славяно-русские рукописи первой половины XVI века Библиотеки Российской Академии наук: исследование и подготовка каталога».

[2] РИБ. СПб., 1880. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. Стб. 139–142, № 13.

Петра; постановления о третьем браке (близкие к «Заповеди исповедающимся сыном и дщерям» [Смирнов, с. 132, № 19: 165]) и правила о епитимьях русского происхождения, в которых предлагается выкупать пленных у «поганых» (Л. 195 об.–198 об.). Все эти правила относятся к концу XIII – XIV в., хотя имена митрополитов в Рогожском сборнике не упоминаются. Статьи в Рогожском сборнике близки к епитимийным правилам; вероятно, именно в таком виде они бытовали первоначально, а в поучениях иерархов мы находим их литературную обработку. В пользу этого говорит то, что так называемое «Правило митрополита Петра» о вдовых священниках еще в XVI в. приводилось в кратком виде (наиболее ранний список с именем митрополита Петра – РНБ. F.II.80; в нем правило сопровождает постановления собора 1503 г.). Таким образом, можно полагать, что правила обоих митрополитов основаны на более ранних кратких епитимийных постановлениях.

Поучение митрополита Максима входит в сборник второй четверти XV в. БАН. Архангельское собр. Д. 617. Л. 206–208 об. Сокращенный текст утратил имя митрополита, но имеет форму пастырского поучения, воспроизводя основную часть о постах. Ряд признаков указывает на вторичность поучения: замена формы первого лица на третье; сокращение цитат из стихир и характерной формулировки «аще ли въсхотять человеци... и се не есть удръжано». В сборнике текст о постах завершается словами: «Се же все написах по середе и от пятнице, аминь», так что продолжение о церковных браках, читающееся в Кормчих, выглядит искусственным прибавлением.

Краткая выдержка о постах в среду и пятницу обнаружена Е. Л. Конявской в Прологе; старший список начала XV в. [Конявская, с. 8–9]. В Прологе текст, основанный на Кормчей, имеет самостоятельный заголовок, причем в сочинении не делается акцент на пост в среду и пятницу. Из пространного поучения в Пролог выбраны указания на главные посты в году, почти без упоминания среды и пятницы. Несмотря на сокращения, текст сохранил следы архиерейского поучения («Ведомо буди вам, о чада...»).

Наконец, поучение о среде и пятнице было переработано для уставных целей, утратив форму пастырского поучения и получив заглавие «Устав о среде и пятнице». Текст вошел в сборники смешанного содержания XV–XVII в.; наиболее ранний список – Трифоновский сборник конца XIV в. (РНБ. Софийское собр. № 1262. Л. 125б–125г). Здесь исключены обращения к пастве, тексту придана жесткая форма уставного сочинения, он обезличен («Буди ведомо всем...» вместо «Ведомо буди вам, чада...»), дополнен глухими упоминаниями епитимий за нарушение поста и запретами на «питие» и «блуд» в среду и пятницу. Все это говорит о позднем характере переработки. В конце XV в. переработка была присоединена к другим уставным текстам, посвященным трем главным постам (кроме Успенского), составив устойчивый блок текстов о постах. Позднее устав получает рубрикацию, позволяющую быстро находить указания на определенный период.

Самостоятельное хождение правил о посте наряду с традицией объединять постановления разных авторов говорит о том, что в «Правиле митрополита Максима» отразились более ранние постановления, регламентирующие пост в среду и пятницу, а заключительная часть «Правила митрополита Максима» о венчании взята из иного поучения.

Литература

Конявская Е. Л. К истории сложения проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 5–14.

Смирнов С. И. Материалы для изучения древнерусской покаянной дисциплины: Тексты и заметки. М., 1912.

В. В. Коршаков (ЕУСПб)

К СИМВОЛИКЕ ЧИСЕЛ В ЗНАМЕНСКОЙ ЛЕГЕНДЕ

Летописный рассказ о походе Андрея Боголюбского на Новгород в 1170 г. и различные переработки этого рассказа в древнерусской литературе, известные в науке как Знаменская легенда [Янин, с. 243] или легенда о Знаменской иконе [Конявская], содержат указания на численность новгородцев и их противников, имеющие символическое значение. В разных версиях легенды эти указания различаются; мы рассмотрим числа, приводимые в «Слове о Знамении святой Богородицы», наиболее ранние списки которого относятся к первой половине XV в. [Лосева, с. 202].

Численность князей, выступивших против Новгорода, определена одинаково во всех трех древнейших списках проложного сказания: 72 [Лосева, с. 329]. Л. А. Дмитриев, ссылаясь на устное замечание Д. С. Лихачева, трактовал 72 как «полдюжины дюжин», то есть «эпическое число» [Дмитриев, с. 102]. Е. Л. Конявская предположила, что число заимствовано из рассказа о разделении единого народа на 72 языка Повести временных лет или Толковой Палеи. По мнению исследовательницы, древнерусский автор стремился подчеркнуть «не только многочисленность войск, двинувшихся на Новгород, но и “представительство” всех княжеских родов» [Конявская, с. 77]. Второе объяснение, предложенное в той же работе, предполагает, что это число появилось в результате ошибки переписчика.

Предположение о цитировании выглядит вполне обоснованным. В этом случае, однако, возникают определенные сложности с толкованием текста. Высказывание «и смѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и рассѣя по всеи земли»[1] относится в ПВЛ не к славянским народам и даже не к потомкам Иафета, а ко всему послепотопному человечеству в целом. Было бы возможно рассматривать этот оборот как разновидность гиперболического высказывания «весь мир ополчился на Новгород», если бы речь шла о 72 полках или 72 землях, вставших на Новгород, но 72 князя заставляют искать другие текстологические параллели.

Вероятно, автор сказания заимствовал этот оборот из Жития Андрея Юродивого, святого, чье почитание неотделимо от праздника Покрова Богородицы: «В то время отворить Господь врата, сущая въ Индолии, яже есть затворилъ Александръ Макидоньскыи, и изиидуть цесарве 72 и с людьми своими, наречаемеи нечистии языци. И

[1] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 5.

разидутся по всимъ землямъ плоть человецьку живу ядуще, а кровь пьюще, и псы, и мухы, и жабы ядуще, и всю скверну мира сего, да горе вселении всеи, кудеже они поидуть»[2].

Заметим, что как минимум в одном из списков позднейшей (XVI в.) Службы Андрею Юродивому древнерусский автор прямо называет святого новгородцем [Иванов, с. 242]. Именно в Новгороде с 1371 г. существовал единственный, по-видимому, в Древней Руси храм, посвященный Андрею; для Новгорода характерно особенное внимание к событиям Покрова [Кириллин, с. 112–114]. Кроме того, в литературе было отмечено сходство молитвы архиепископа Иоанна с каноном Покрову Богородицы [Плюханова, с. 34].

Число суздальцев в битве, предшествовавшей походу, определяется одинаково и в «Слове», и в раннем рассказе Новгородской первой летописи — 7000, число новгородцев в варианте НПЛ и «Слова» — 400 и 500 соответственно. А. Н. Насонов отметил, что это редактирование связано с увеличением числа концов Новгорода. К XV в. их стало пять, что потребовало внесения изменений в повествование для того, чтобы каждый конец по-прежнему был представлен одной сотней воинов [Насонов, с. 255].

Сведения о числе суздальцев в литературе до сих пор воспринимаются как достоверное сообщение. Чтобы примирить число погибших новгородцев и их противников (15 и 1300) со здравым смыслом, в недавней диссертации было сделано предположение, что новгородский летописец указал среди убитых только знатных новгородцев [Агафонов, с. 33]. Это, однако, не объясняет блистательной победы 400 воинов над 7000, как и то, почему для сбора дани суздальцами вообще могло быть отправлено войско такой величины.

Вероятно, число 7000 в Знаменской легенде используется для обозначения некоего неопределенно большого числа воинов. Корни этого образа следует искать в Библии. Как пишет западноевропейский хронист XII в., «семь тысяч человек — число, которое в Священном Писании часто употребляется для несчетного множества»[3]. То же указано в академическом комментарии к соответствующим местам Библии: «семь тысяч — т.е. очень много» [Лопухин, с. 563].

Литература

Агафонов И. С. Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2015.
Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.
Иванов С. А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005.
Кириллин В. М. О книжности, литературе, образе жизни Древней Руси. М., 2013.
Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 68–86.
Лопухин А. П. Толковая Библия. М., 2009. Т. VII.
Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV вв. М., 2009.
Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951.
Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

[2] РГАДА. Ф. 381. Библиотека Московской синодальной типографии. № 182 (XIV в.). Л. 66, цит. по публикации: *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 418.

[3] *Оттон из Фрейзингена.* Хроника, или История о двух Градах. Книга первая / Пер. М. В. Семиколенных. URL: http://turba-philosophorum.narod.ru/transl/sources/Otto/Chron_4_Bk1.html (дата обращения: 10.05.2017).

Н. Ф. Котляр (Ин-т истории НАН Украины)

К ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА РУСИ

Города испытывали потребность в сильной княжеской власти, прежде всего, для защиты от врага, и князь с дружиной обязан был служить в этом горожанам. Для Киева особенно необходимой была оборона от хищных половецких ханов, которые начиная с 1068 г. почти двести лет угрожали стольному граду державы. Летописцы неоднократно подчеркивают важность пребывания князя в Киеве. Киевская летопись под 1154 г. отметила: «Они же [киевляне] боячеся половець, зане тогда тяжко было кияномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ».

Не меньше был нужен князь во времена народных волнений и бунта криминальных элементов. Когда в 1113 г. в Киеве вспыхнуло восстание, вызванное неправдами и притеснениями только что умершего князя Святополка и его приспешников, богатая верхушка города, напуганная разгромом дворов тысяцкого, сотских и состоятельных купцов, поспешила призвать на княжение знаменитого полководца и опытного государственного деятеля Владимира Мономаха.

С наступлением удельной раздробленности государства, когда особенно возросла роль общин и вечевых собраний в социальной жизни Киева и других крупных городов, горожане начинают сами избирать себе князей или, по меньшей мере, решающим образом влиять на занятие тем или иным Ярославичем стола. Избрание или изгнание князя было одним из главных признаков вольного города, первым среди которых на Руси был Киев.

Особенно активно действовала киевская городская община в деле замещения киевского великокняжеского стола во время феодальных войн на Руси 40–50-х годов XII в., когда речь шла о первенстве того или иного князя в Русской федеративной державе.

Во время ожесточенной борьбы за Киев и великокняжеский стол между Изяславом и его дядей Юрием Долгоруким (1146–1151 г.) городское вече последовательно поддерживало Изяслава, могущего, по их мнению, лучше обеспечить вольности горожан. В 1150 г. вечники заявили Изяславу: «Ты наш князь, поѣди же къ святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего» (Киевская летопись). В том же году Долгорукий еще раз вытеснил Изяслава из города, но вече не поддержало князя Юрия и вновь, уже в четвертый раз, позвало Изяслава княжить.

После смерти Изяслава Мстиславича в 1154 г. киевская община откликнулась на предложение себя в князья его младшего брата Ростислава. Но вскоре Ростислава выгнал из стольного града черниговский князь Изяслав Давидович, предложивший вечу свою кандидатуру. Княжил он в Киеве недолго, буквально несколько месяцев. Его вытеснил оттуда в начале 1155 г. Долгорукий, упрекнув, что он узурпировал великокняжеский престол в обход законного претендента, коим он считал себя. Вече Киева продолжало сажать и сбрасывать князей, по меньшей мере, до начала XIII в.

Но не только города нуждались в присутствии князя для защиты от врага и соблюдения вольностей. Сами по себе города представляли для князей первостепенный политический, социальный и общественный интерес. А существование городских ополчений делало правящую верхушку городов, прежде всего Киева и Новгорода Великого, немалой силой, которую князья стремились использовать в своих интересах. Киевские князья опирались на вече и общину городов в борьбе за собственные интересы и даже (обычно на словах) за объединение Руси.

Это нетрудно понять, если принять во внимание то обстоятельство, что дружины князей состояли обычно из нескольких десятков воинов, пусть даже прекрасно экипированных и обученных, тогда как городские ополчения Киева, Новгорода, Галича и Владимира на Клязьме насчитывали по нескольку тысяч (а то и десятков тысяч) людей, пусть и уступавших дружинникам в вооружении и воинском умении.

Можно считать вероятным свидетельство «Повести временных лет» о том, что уже в княжение Владимира Святославича (978–1015 г.) в государственный совет страны входили киевский тысяцкий, сотские, а также главы общин других крупных городов страны. Верхушка Киева привлекалась иногда к участию в княжеских съездах, вошедших на Руси в практику с конца XI в.

В тех случаях, когда князь и его администрация сотрудничали с общиной города, возникала возможность даже передавать вольные города в наследство. В конце XIII в. волынский князь Владимир Василькович, не имевший сына, передал как свою собственность вольный город Владимир с волостью избранному им преемником двоюродному брату Мстиславу Даниловичу. Община города не возражала. Но к Киеву это не относилось. Влиятельная и сильная община стольного града державы сама решала свою судьбу.

Д. М. Котышев (Троицкий краеведческий музей)

К ВОПРОСУ О ДИНАСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЧЕРНИГОВСКИХ КНЯЗЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Политическое развитие Южной Руси в первой половине XII в. определялось совокупностью ряда факторов. Одним из наиболее существенных можно назвать династическую политику отдельных княжеских кланов — Мономашичей, Мстиславичей, Ольговичей и др.

Эта политика, сталкиваясь с интересами князей-конкурентов, с обструкцией или поддержкой со стороны городов-политий Древней Руси, формировала определенный вектор политического развития. Немалую роль в этой панораме событий играла династическая политика черниговского клана Святославичей-Ольговичей.

Для того чтобы выяснить основное содержание данной политики, ее характер и особенности, следует обратиться к решениям, принятым Любечским съездом в 1097 г., решениям, определившим развитие Русской земли на десятилетия вперед.

Ключевым решением Любечского съезда, на мой взгляд, стала передача черниговского стола Давыду Святославичу; это означало не только изменение родового статуса Олега Святославича, но и фактическое устранение всего потомства Святослава из числа претендентов на киевский стол. Создавшаяся ситуация привела к превращению черниговских династов, по сути, в князей-изгоев [Назаренко, с. 283], что с неизбежностью означало их борьбу за возвращение статуса и восстановление отчинных прав на Киев.

Не случайно поэтому в 1127 г. Всеволод Ольгович изгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича, о чем сообщает и киевское, и переяславское летописание[1].

Бывший в это время киевским князем Мстислав Владимирович не воспрепятствовал этому захвату, чем открыл дорогу Всеволоду к борьбе за киевский стол. Двенадцать лет спустя, воспользовавшись кончиной Ярополка Владимировича и непрочностью позиций его брата Вячеслава, Всеволод добился-таки киевского стола[2], покончив с изгойством черниговской династии.

Оказавшись на киевском столе, Всеволод Ольгович уступил черниговский стол не младшему брату Игорю, а племяннику Владимиру Давыдовичу[3]. Следующим шагом Всеволода стала попытка реализации собственной концепции «киевского сеньората» — установление контроля за Русской землей силами черниговской династии[4]. Однако эти попытки Всеволода Ольговича натолкнулись на сопротивление Мономашичей и Мстиславичей, что вынудило Всеволода к заключению мира.

К этому же времени относится стремление младших братьев Всеволода, Игоря и Святослава, добиться своей доли в Черниговском княжении[5]. Перевод Святослава Ольговича из Новгорода-Северского в Белгород можно расценивать, с одной стороны, как стремление поставить под контроль беспокойного брата, а с другой — усилить свое влияние в Киевской земле, контролируя один из ее главных пригородов. Однако мелкие пожалования Игорю и Святославу в Киевской земле не удовлетворили их — братья требовали серьезных территориальных уступок в «отчинных» черниговских землях[6].

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296; Т. 2. Стб. 290.
[2] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 303–304.
[3] Там же. Стб. 304.
[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 308.
[5] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310.
[6] Там же. Стб. 312.

Для укрепления своих позиций в Киеве Всеволоду пришлось пойти на союз с Мономашичами и Мстиславичами. Подтверждением этого союза стал размен, осуществленный Всеволодом после смерти Андрея Владимировича в Переяславле — Вячеслав Владимирович был переведен в Переяславль, а Туров достался сыну Всеволода Святославу[7].

Вероятно, вокняжение Вячеслава в Переяславле было воспринято как подтверждение гарантий Мономашичей на киевский стол. Попытка Игоря и Святослава Ольговичей выбить Вячеслава Владимировича из Переяславля не увенчалась успехом (правда, для этого Всеволоду пришлось создавать коалицию с Мстиславичами, а также призывать печенегов под предводительством Лазаря Саковского)[8].

В конечном итоге, Ольговичи, потерпев поражение, удовлетворились городами по периферии Киевской земли. Вячеслав, не надеясь далее удержаться в Переяславле, с согласия Всеволода уступил город своему племяннику Изяславу Мстиславичу, а сам вернулся в Туров[9]. Согласие Всеволода Ольговича на такой размен объясняется, на мой взгляд, тем, что в руках киевского князя оказывался Владимир-Волынский, где обосновался Святослав Всеволодович.

Подобная политика Всеволода вызывала резкое недовольство младших братьев[10]. В итоге возникла серьезная угроза для Всеволода в виде создания против него объединенной коалиции Ольговичей и Давыдовичей, недовольных его политикой. Всеволоду пришлось проявить незаурядные дипломатические способности[11]. Меры, предпринятые Всеволодом Ольговичем, сработали — союз Давыдовичей и Ольговичей распался.

В качестве предварительных итогов можно сказать, что династическая политика Всеволода Ольговича, несмотря на черты традиционализма (борьба против «изгойства», борьба за киевский стол как общединастическое наследие), демонстрирует новые черты. В первую очередь, речь идет об отказе от корпоративно-клановой солидарности, стремлении создавать выгодные военно-политические коалиции без оглядки на родовые и клановые традиции. Эта тенденция впоследствии наберет силу и проявит себя в середине XII в., когда за право обладать киевским столом сойдутся в схватке две коалиции — Юрий Владимирович (из рода Мономашичей) и Святослав Ольгович (последний из Ольговичей, младший брат Всеволода) против Мстиславичей (Изяслава, Святополка и Ростислава).

Литература

Назаренко А. В. Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. М., 2006. С. 279–290

[7] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 308, 309; Т. 2. Стб. 310.
[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 308, 311; Т. 2. Стб. 312.
[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 308, 311; Т. 2. Стб. 313–314.
[10] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 314.
[11] Там же.

К. А. Кочегаров (ИСл РАН)

РУЖНОЕ ЖАЛОВАНЬЕ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ И ДРУГИМ КИЕВСКИМ ХРАМАМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

После перехода Украины в 1654 г. под царскую власть в Киеве появились воеводская администрация и гарнизон, а также храмы, духовенство которых окормляло многочисленную общину великороссиян. Это были ружные церкви, содержавшиеся за счет воеводской казны.

В России руга возникла как ежегодные выплаты из княжеской, а затем царской казны тем храмам, которые находились на дворцовых землях или были основаны членами правящей династии, удельными князьями. В XVII в. круг ее получателей значительно расширился за счет городских, приходских храмов [Стефанович, с. 172–183].

Когда впервые была проведена выплата руги киевским церквям, точно не известно. На первых порах главным ее получателем стала Десятинная церковь. Уже в 1654 г. прибывшие в город воеводы выделили средства на внутреннее убранство храма в связи с его освящением [Оглоблин, с. 578]. Впоследствии стараниями российских властей к церкви были пристроены трапезная и придел св. апостолов Петра и Павла [Голубев, с. 431–432].

Из позднейших выписок следует, что за 1659/1660 и 1660/1661 г. киевский воевода В. Б. Шереметев выплатил киевскому протопопу и одновременно настоятелю Десятинной церкви Василию Бабскому «годовой руги» 244 руб., а всего, учитывая 316,5 руб. «за хлебное жалованье», — 560,5 руб. В год это составляло 122 руб. денежного жалованья и 158,5 руб. «за хлеб»[1]. Прибывший в 1665 г. в Москву Василий Бабский, добиваясь выплаты руги, заявлял, что Десятинная церковь «слывет русская, пение в ней по московскому» [Эйнгорн, с. 270, примеч. 120]. 26 апреля 1665 г. последовал царский указ о выдаче киевскому протопопу «жалованья против прошлого» 1659/1660 г. В дальнейшем руга выплачивалась более-менее постоянно (сумма ее менялась), хотя для ее получения киевскому духовенству приходилось прикладывать определенные усилия, напоминая московским властям, что Десятинную церковь основал св. Владимир, который и сам хотел там «успокоиться», а десятина в ее пользу некогда шла от всего государства [Эйнгорн, с. 742]. Летом 1684 г. протопоп Десятинной церкви Василий Дмитриев вновь обращался в Москву с челобитьем о продлении выплат и получил согласие правительства[2].

Между тем число храмов, получавших царскую ругу, росло. В выписках начала XVIII в. фигурируют уже три храма и монастырь. Помимо Десятинной церкви это были Троицкая и Георгиевская церкви, а также Софийский девичий монастырь. О времени, когда им начали выплачивать ругу, данных нет, однако известно, что Георгиевская

[1] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 174. Л. 2.
[2] Там же. Л. 3–9.

церковь была построена стараниями воеводы Ю. П. Трубецкого на месте разрушенного храма XI в. в 1675 г. [Алферова, Харламов, с. 52].

Выплата руги в целом по России была обременительна для царского бюджета. В связи с этим в правление Федора Алексеевича она была ограничена, а затем значительно сокращена в 1699–1700 г. Петром I [Стефанович, с. 183]. Отразилось это и на киевских ружных храмах. Еще в январе 1705 г. церкви «верхнего города» в Киеве получили ругу (около 144 руб. в год деньгами и 97 четвертей ржи) сполна, однако уже 10 марта последовал указ о ее сокращении вдвое и об отправке второй половины в Москву. В январе 1706 г. священники трех церквей и игуменья Софийского монастыря били челом губернатору А. Гулицу о выплате руги «ис киевских доходов»[3]. В итоге за 1706 и 1707 г. руга была выплачена наполовину от прежнего оклада. Однако уже в феврале-мае 1707 г. ее дальнейшую выдачу из киевской казны было решено прекратить, в связи с передачей управления русскими гарнизонами в украинских городах из Малороссийского приказа в Разряд. Из последнего в Киев были направлены указания, что ругу должен теперь платить Малороссийский приказ, который по-прежнему «ведает» киевское духовенство. В Москву пошли челобитья священников ружных церквей верхнего города. Однако оказалось, что «на те вышеписанные дачи жалованья денег в Приказе Малыя Росии нет и ниоткуды брать». Дьяки написали «в поход» П. П. Шафирову и в марте 1708 г. получили указ, чтобы «указ» о руге был-таки дан из Разряда с выплатой ее в Киеве «ис тамошних доходов», как и ранее. Окончательно это решение было утверждено в мае[4]. Выплата руги была возобновлена[5].

Существование ружных церквей в Киеве во второй половине XVII — начале XVIII столетия является еще одним малоизвестным штрихом, характеризующим взаимное культурное сближение русского и украинского обществ в первые десятилетия после объединения в едином государстве.

Литература

Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII века. Киев, 1982.
Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. (Опыт церковно-исторического исследования). Киев, 1898. Т. 2.
Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей о Киеве XVII в. // Киевская старина. 1889. № 5–6. Т. 25. С. 210–212.
Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии в XVII веке. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899.

[3] РГАДА. Ф. 124. 1706 г. Д. 4. Л. 1–5 об.
[4] РГАДА. Ф. 124. 1708 г. Д. 34. Л. 1–17 об.
[5] РГАДА. Ф. 124. 1710 г. Д. 11.

Н. А. Кочековская (РГГУ)

«ИНО ТО ИЗВѢЧНОЕ ВЕЛИКОЕ КОРОЛЕВСТВО»: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО С ДАНИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ (СТАТУСЫ И РИТОРИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ)[1]

Источниковую базу исследования составляют хранящиеся в РГАДА две посольские книги сношений России с Данией (Ф. 53. Оп. 1. № 1, 2) и три посольские книги сношений России со Швецией (Ф. 96. Оп. 1. № 1, 2, 3), а также книга, содержащая списки посланий Ивана IV, хранящаяся в Стокгольмском государственном архиве (Riksarkivet. Muscovitika. № 671).

В первую очередь, представляет интерес использованное Иваном в послании Юхану III от 1572 г. выражение, напоминающее формульное, — «ино то извѣчное великое королевство»[2], употребленное по отношению к королевству «даскому» и означавшее, что «даский» всего лишь может переписываться с Иваном напрямую, в то время как Юхан должен ссылаться только с его наместниками. Еще одним источником, относящимся к дипломатической переписке, говорящим об особенности статуса Дании и Швеции, оказываются послания Ивану датского принца Магнуса[3], который прямо называет себя «голдовником» Ивана. Это открывает сложные соотношения статусов, основанные на братских связях: брат датского короля Фредерика II оказывается «голдовником», и это понижает его статус. Такое понижение статуса также вписывается в один из главных дискурсов дипломатии Ивана о подчинении ему Казани и Астрахани как характеристике его собственного статуса: этот дискурс находил параллели в том, что с Данией произошел обратный процесс — из-под ее власти ушли и Швеция, и земли принца Магнуса[4]. Этот уход стал основным контраргументом Ивана датским королям, указывающим на прецедент их высокого статуса в переписке с Иваном III и Василием III, в то время как Иван пытался свести их статус в том числе и к подчиненной формуле gepeten, «бить челом» [Щербачев; Ульфельдт] и утверждал, что «царство казанское и царство азстороханское таковы ж господарьства, как и королевство датцкое»[5]. Отдельный вопрос здесь представляет случайность или преднамеренность с целью подчеркивания статуса отправления в Данию Петра Совина, прежде направлявшегося в Ногайскую орду[6].

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта — К. Ю. Ерусалимский.
[2] Riksarkivet. Muscovitika. № 671. Л. 153 об.
[3] РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. № 3. Л. 139–141; Ф. 53. Оп. 1. № 2. Л. 101 об.–103 об., 107 об.–108, 108–108 об., 116–117 об., 219 об.–221 об.
[4] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. № 1. Л. 318.
[5] Там же. Л. 319.
[6] Там же. Л. 286–287; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. № 5. Л. 1; *Рогожин М. Н.* Посольские книги конца XV — начала XVIII вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html#agents (дата обращения: 23.03. 2017).

Посольские книги сношений с Данией и Швецией также содержат информацию о судьбе такого дипломатического топоса, как совместная борьба христианских правителей против османского султана. Эта формула получила очень большое распространение в связи с первым польским бескоролевьем, она употребляется в посланиях в Данию как обоснование требования не пропускать Генриха Валуа в Речь Посполитую и сообщать новости о его перемещениях: «А то, приятел наш, можеш розсудити, толко франской проѣхав будет на коруне Полской и на великом княжствѣ Литовском, сложас з бесерменским господарем, с турским салтаном, с одного, и каково будет то нашему царскому величеству и брату нашему Максимилияну цысарю и всѣм крестьянским господарям к убытку и х кроверозлитю всего крестьянства»[7]. Характерно, что «дружественность» французского короля османскому султану имела подтверждение в реальных событиях первой половины XVI в., то есть не была выдумана непосредственно в связи с элекцией; это подтверждает мнение Б. Н. Флори о том, что проект антиосманской лиги играл очень важную роль в политических категориях Ивана, так что упоминания «турского» не могут считаться простой риторикой [Флоря]. Тем не менее эта формула встречается гораздо раньше, в послании шведского короля Густава II от 1 июля 1556 г.: «А не велиш единачества учинит, ино нам в том помешку учиниш, что мы хотим нынече христьянским господарем помогати противу турского»[8]. Используется этот аргумент и узурпировавшим власть Эриком, стремившимся наладить мирные отношения с Иваном[9]. Эта помощь зачастую выражалась в призыве «не держать без ведома»[10], когда извещение о происходящем становилось альтернативой военному конфликту и в каком-то смысле оказывалось основой для статуса «второстепенных» с точки зрения иерархии посольского приказа правителей.

Литература

Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой. М., 2002.
Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
Щербачев Ю. Н. Два посольства при Иоанне IV Васильевиче. СПб., 1887.

[7] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. № 2. Л. 79 об.–80.
[8] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. № 1. Л. 28.
[9] Там же. Л. 214 об.–215.
[10] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. № 2. Л. 80 об., 103; Ф. 96. Оп. 1. № 1. Л. 149 об.

М. С. Крутова (РГБ)

МАРГИНАЛИИ В ПСАЛТИРИ ЦАРЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО

Псалтирь царя Иоанна Васильевича Грозного является уникальным памятником древнерусской письменности последней трети XIV в. Это следованная псалтирь, написанная уставом нескольких почерков. Она была подарена царем Иоанном Васильевичем в Троице-Сергиеву лавру, о чем свидетельствует вкладная надпись: «Вкладу царя и великаго князя Иоанна Васильевича» (л. I). Книга в настоящее время хранится в собрании Ризницы Троице-Сергиевой лавры Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ (Ф. 304/III. № 7)[1]. Н. Н. Зарубин при реконструкции библиотеки царя Иоанна Грозного высказал мысль, что данная книга была пожертвована царем из своей библиотеки «по князе Василии Ивановиче Шуйском из рода Скопиных-Шуйских» [Зарубин, с. 49].

Несмотря на то что эта уникальная книга обращала на себя внимание археографов [Леонид (Кавелин), с. 24–26; Лёвочкин] и исследователей ([Пуцко; Ухова, с. 155–156; Крутова] и др.), она до сих пор не изучена в полной мере. Так, недавно нами были выявлены в этой книге необычные маргиналии, которые другие рукописные Псалтири этого времени, насколько нам известно, не содержат.

Они находятся на полях рукописи в конце надписаний к псалмам и представляют собой краткие толковые надписи, вписанные в киноварные геометрические фигуры: круги, треугольники, прямоугольники, квадраты. Такого рода маргиналии сопровождают все псалмы, кроме 81, 116, 118.

Маргиналии содержат надписи: «*Славословие*» (пс. 1, 9, 20, 22, 28, 29, 33, 45, 46, 47, 64, 65, 80, 88, 92, 94, 102, 103, 105, 107, 112, 117, 120, 121, 123, 125, 133–135, 137, 143–150); «*Молитва*» (пс. 3–7, 12, 16, 21, 24, 30, 34, 37, 42, 50, 53, 55, 56, 58–60, 62–63, 66–70, 73, 75, 76, 78, 79, 84, 85, 87, 101, 108, 119, 122, 129, 130, 136, 139–142); «*Учение*» (пс. 8, 10, 11, 13–15, 17–20, 22, 23, 25, 26, 31, 32, 35, 36, 38–44, 48, 49, 51, 52, 57, 61, 72, 74, 80, 82, 83, 86, 89, 90, 93, 96–100, 104, 106, 110, 111, 113–115, 123, 124, 126–128, 131, 132, 138); «*О страсти*» (пс. 2); «*О лихоимстве*» (пс. 25); «*О иереех*» (пс. 28); «*На врага / враги*» (пс. 35, 51, 108); «*О Спасе и Богородице*» (пс. 44); «*Спаса нашего*» (пс. 68); «*О Рожестве Христове*» (пс. 71); «*О жидех*» (пс. 77); «*Похвала*» (пс. 91); «*Пророчество*» (пс. 109). При некоторых псалмах имеются 2 маргиналии: «Учение», «Славословие» (пс. 22); «Учение», «О лихоимстве» (пс. 25); «О иереех», «Славословие» (пс. 28); «Учение», «На врага» (пс. 35) и др. Данный факт свидетельствует о многозначности псалмов. Следует отметить также грамматическую и фонематическую вариантность приведенных надписей.

В соответствии с содержанием обычно «делят псалмы на 1) хвалебно-благодарственные; 2) молитвенные и 3) учительные. Выделяют, во внимание к важности содержания, еще псалмы мессианские в отдельную четвертую группу» [Толковая Псалтирь, с. 47]. Однако маргиналии в Псалтири царя Иоанна Грозного гораздо шире как по содержанию, так и по функциональному назначению.

Наличие системы маргинальных обозначений в следованной псалтири последней трети XIV в. представляется явлением весьма важным, требующим всестороннего изучения.

[1] Рукопись опубликована на сайте: http://riznitsabook.ru.

Литература

Зарубин Н. Н. Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982.

Крутова М. С. Текстологические и лингвистические особенности Псалтири царя Иоанна Васильевича Грозного // Сб. трудов кафедры библеистики Московской духовной академии. М.—Сергиев Посад, 2015. № 2. С. 163—196.

Леонид (Кавелин), архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой лавры. М., 1981.

Лёвочкин И. В. Псалтирь царя Иоанна Васильевича Грозного как памятник русского средневекового искусства // Очерки по истории русской книги XI—XVII вв. М., 2009. С. 207—219.

Пуцко М. Псалтирь Грозного и некоторые вопросы изучения новгородского книжного искусства XIV века // Музеі применьене уметности. Београд, 1975/1976. Зборник 19—20. С. 61—78.

Толковая Псалтирь (с подстрочным комментарием и краткой историей) / По Толковой Библии под ред. проф. богословия А. П. Лопухина и его преемников; Сост.: свящ. Александр Глаголев, свящ. Александр Петровский, В. М. Гавриловский. М., 2003.

Ухова Т. Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1960. Вып. 22.

О. Ф. Кудрявцев (МГИМО МИД России)

ЗАМЕТКИ О РУСИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ САБЕЛЛИКО (1504 г.)

Имя Маркантонио Коччио Сабеллико (Marcantonio Coccio Sabellico, 1436—1506 г.), одного из самых ранних описателей русских земель, известно мало. Ближайшие его преемники охотно пользовались его материалами и цитировали их, но об авторе почти не упоминали.

В начале 90-х г. XV в. Сабеллико взялся за создание всеобъемлющего труда по всемирной истории — от сотворения мира до его времени. В 1498 г. вышли из печати в Венеции в качестве первой части шестьдесят три книги, или семь «эннеад», описывающие историю до захвата Рима готами, а в 1504 г. — там же вторая часть, включавшая материал до 1503 г. Весь труд, названный «Исторические рапсодии» (Rapsodiae historiarum enneadum ab orbe condito ad annum salutis humanae 1504. Parisiis, 1504), посвящен дожу Леонардо Лоредану. Трехтомное собрание сочинений Сабеллико появилось в 1560 г. в Базеле.

В «Исторических рапсодиях», главном труде Сабеллико, в духе ренессансных космографий исторический материал перемежается заметками этнографического, лингвистического, политико-экономического и естественно-научного характера. В подобном виде сшитым из лоскутков разнородной информации предстает и фрагмент о Руси/России[1].

В ряде случаев автор сообщает, откуда берет приводимые им сведения — это папа Пий II, русские послы 1499—1500 г. в Венецию и Рим Дмитрий Ралев и Митрофан Карачаров и один, по-видимому, итальянец, проживший в России двенадцать лет, — Франческо Бизио Бергомас. Похоже, однако, что какие-то данные Сабеллико черпал из других мест, им не отмеченных, и пополнял ими материалы указанных источников. Например, фрагмент о Руси, который имеется у Пия II, Сабеллико изложил обстоятельнее, рассказав о ее границах и протяженности.

Для своего времени сведения Сабеллико о Руси были, пожалуй, самыми представительными и полными и, во всяком случае, самыми доступными. Уже в силу того, что написаны они были на латинском языке, известном любому образованному европейцу, а произведение, их содержащее, в ближайшее время после выхода из печати в 1504 г. несколько раз переиздавалось — в 1509 г. (Париж), 1513 г. (Париж), всего же до конца века выдержало восемь публикаций[2]. Их широкому распространению способствовал и труд Боэмуса «Нравы, законы и обычаи всех народов»[3], который вышел в 1520 г., воспроизводя значительную часть фрагмента о Руси Сабеллико, через такое посредство оказавшего заметное влияние на последующую космографическую традицию — прежде всего на сочинения Франка, Пиркгеймера, Мюнстера[4].

Сабеллико рассматривает Русь/Рутению как единую страну, а равно и народ, ее населяющий, рутенов, как одно целое. Хотя он ведет речь преимущественно — и в этом нет сомнений — о Московской Руси, тем не менее некоторые его сведения, например о великом плодородии почв, о Днепре, касаются в большей мере других ее частей. И все же ни о каком делении страны на разные политические образования, или, иными словами, ни о каком вхождении отдельных русских территорий в состав других государств, нет ни малейшего намека, а ведь Сабеллико не мог не знать об огромных русских землях, захваченных Литвой и Польшей. Как нет у него намека и на попытку отрицать единство русской народности, которую он воспринимал в качестве прямого исторического преемника скифов.

[1] В первом издании фрагмент о Руси см.: *Sabellicus Marcus Antonius Coccius*. Rapsodiae historiarum. X.III. Venetiis, 1504. Secunda pars. P. CXLrv; Sig. fiirv.

[2] См.: *Mund St.* Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde „russe“ en Occident à la Renaissance. Genève, 2003. P. 358, 467.

[3] *Boëmus I.* Omnium gentium mores, leges et ritus. III. 6. Augsburg, 1520. F. 47, 48.

[4] *Mund St.* Orbis Russiarum. P. 396, 419.

О. А. Кузнецова (МГУ)

ВИРШИ XVII в. В КОНТЕКСТЕ СБОРНИКОВ ПОСЛОВИЦ

Большую часть виршей первой половины XVII в. составляют стихотворные послания, которым свойственны открытость (возможность при переписывании добавлять и сокращать фрагменты, компилировать) и афористичность (включение зарифмованных паремических рядов, нравоучительных иносказательных формул, к которым апеллирует автор для доказательства своей точки зрения). В качестве отрывков и законченных стихотворений вирши встречаются в разножанровых рукописных сборниках конца XVII столетия, в составе которых получают широкое распространение и алфавитные собрания пословиц. По-видимому, у составителей и читателей этих сборников могло

формироваться примерно одинаковое отношение как к виршам, так и к пословицам. Косвенно на это указывает существование стихотворных компиляций, в которых теряется изначальная идея стихотворения и на первый план выходят рифмованные афоризмы. Одна из таких компиляций завершается и вовсе прозаическим фрагментом:

«Не есть тайна, еже не открыется,
И мудрость, еже не разумеется.
Мудрость и храбрость почтенна бывает не многолетием,
Но твердым умом»[1].

Пословицы из рукописных сборников восходят к самым разным книжным источникам, от Священного Писания («Не копай под другом яму, сам ввалишься»[2] (ср.: Екл 10: 8) до басен Эзопа («Жаба гласом устрашает льва»[3]) и притч из Физиолога («Ехиднино племя: отца убить, а матку съесть»[4]). Пословицы как наиболее «демократический» пласт словесности часто могут нести элементы иронического осмысления переводных реалий, фигурирующих и в виршах: «Исус Сирахов насказал много страхов»[5] — ср.: «Яко же глаголет премудрый Исус Сирах, // Понеже всегда богатый убогому бывает страх»[6]; «Иуда удавился, Фараон утопился»[7] — ср.: «Помяни, за что фараон в мори потоплен // И со всем своим воинством водою покровен»[8].

Однако наиболее частотны случаи, когда пословица и в содержательном отношении созвучна фрагменту виршей: «Милостивый человек подобен милостивому богу»[9] — ср.: «Ущедри свое благонравное сердце и буди въместо бога, // Да сподобищися стати у самого его небеснаго чертога»[10]; «Нажил богатство — забыл и братство»[11] — ср.: «Надеется на тленное свое богатство // Того ради презираетъ неимущее то братство»[12]; «Рад госпоже что мед на ноже»[13] — ср.: «Понеже друг лестен аки нож помазан медом, // Приводит бо всегда к душевным вредом»[14].

Интересно наблюдать, как широко употребляемое высказывание из Священного Писания превращается в стихотворное двоестрочие, формулу, неоднократно воспроизводимую в виршах, и посредниками подобных «превращений» вполне могли выступать пословицы, известные и до XVII в.:

формула из виршей	пословица	Острожская библия
Воистинну тако неложно, Противу рожну прати невозможно[1].	Истинно не ложно против рожну прат невозможно[2].	Жестоко ти есть противу рожну прати (Деян 9: 5)
И сам господь глаголет: не сыплите бисер пред свиниями, да не попрут их ногами[3].	Не сып бисеру перед свиньями да не попрут ево ногами[4].	ни пометайте бисер ваших пред свиниями да не поперут их ногами своими (Мф 7: 6)

[1] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). С. 191.
[2] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 109.
[3] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). С. 291.
[4] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 124.

Возможно, именно через паремию с классической фольклорной рифмой «крепко» — «лепко» высказывание из Книги Иисуса Сираха «Друг верен кров крепок» (Сир 6: 14), часто цитируемое в древнерусских памятниках, легло в основу стихотворной формулы: «И паки друг верен — покров крепок, // А неверен аки оплот лепок, // Оперетися на него крепце — и он повалится, // А верный аки столп крепок зрится»[15]. В другом варианте этой формулы есть ссылка на неопределенный письменный источник: «Писано есть: друг верен — покров крепок, // А не верен — аки плот лепок. // Оперетися на него крепко, и он поволится, // А о добром друзе аки о потпоре человек держится»[16]. Посредником для широко распространенной в виршах XVII в. формулы «Яко земныя плоды от лета до лета рождаются, // А добрии друзи по вся дни пригождаются»[17] может быть вариант пословицы «Рожь да пшеница годом родится и верен друг всегда пригодится»[18].

Пословицы, воспроизводимые как в устной, так и в письменной формах, можно рассматривать как своеобразную «школу стиха» для виршей XVII в. Не исключено, что это касается и случаев, содержательно не соотносимых с

[1] РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД. Л. 347 об.
[2] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1–2. С. 124.
[3] Там же. С. 104.
[4] Там же. С. 99.
[5] Там же. С. 110.
[6] Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 38.
[7] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 110.
[8] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). С. 36.
[9] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 120.
[10] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). С. 89.
[11] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 129.
[12] РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД. Л. 285.
[13] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 136.
[14] РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД. Л. 282–283.
[15] РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД. Л. 304 об.
[16] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). С. 187.
[17] РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД. Л. 283.
[18] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 136.

пословицей, где соответствие проявляется лишь на уровне рифмы: «Жена мужу пластырь, а он ей пастырь»[19] — ср.: «Росийскаго царствия народом богоданный пастырь, // благочестия державным целомудрия пластырь»[20]; «Жаба да баба квогчут да клохчут»[21] — ср.: «Наипаче сокочут язычныя бабы, // досаждающе паче, неже овы жабы»[22]. Впрочем, объяснением последних соответствий может быть и предсказуемость самих рифм, зазвучавших в голосе эпохи.

[19] Там же. С. 100.
[20] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). С. 111.
[21] *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. С. 103.
[22] *Симеон Полоцкий*. Избранные сочинения / Подготовка текста, статья и комментарий И. П. Еремина. СПб., 2004. С. 45–46.

А. В. Кузьмин (ГУАГН)

РЮРИКОВИЧИ ИЛИ ГЕДИМИНОВИЧИ? ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКО-ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ XIV – НАЧАЛА XV в. В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIV–XVII в.

Одной из актуальных проблем в изучении истории военно-служилой знати Великого княжества Литовского и восточнославянских земель Короны Польской является поиск и идентификация подчиненных власти ее правителей русско-литовских (литовско-русских) князей. Решение этих задач по объективным причинам затрудняется фрагментарностью сохранившихся источников XIV–XVII в. по генеалогии титулованных групп семей, служивших в основном в ВКЛ.

Несмотря на богатую историографическую традицию XIV – начала XXI в., по-прежнему есть круг разных по составу княжеских фамилий, точное происхождение предков которых является дискуссионным или не считается общепризнанным (например, князей Друцких, Крошинских, Курцевичей, Лукомских, Несвижских, Острожских, Острожецких, Ружинских, Соломерецких, Стародубских, Степаньских, Четвертинских и др.). Отсутствие в державе Ягеллонов, в отличие от России, устойчивой традиции составления родословных книг в XVI–XVII в. (как государственного, так и частного характера) в итоге привело к созданию в шляхетской среде Речи Посполитой всего лишь гербовников, в основном посвященных фамилиям нетитулованных родов. Авторы и составители этого вида источников далеко не всегда опирались на достоверную и генеалогически верную информацию. Поэтому по гербовникам нечасто можно выяснить, каким первоначально было этническое происхождение тех князей ВКЛ XIV в., которых еще помнили во второй половине XVI – XVII в. Известная по письменным источникам более раннего времени личная геральдика этой группы знати также не всегда объективна при рассмотрении данного вопроса.

Исследование генеалогии князей ВКЛ XIV – начала XV в., когда из их семей шло формирование многих фамилий, возможно лишь при максимальном расширении круга привлекаемых видов источников. При анализе содержания подлинных актов этого времени необходимо выяснять иерархию всех князей в ВКЛ и причины ее изменения в отношении каждого конкретного удельного и служебного князя и его семьи из рода Гедимина, Рюрика и других титулованных лиц (прежде всего, православных литовских княжеских семей Гольшанских и Ямонтовичей).

Благодаря перечням этих лиц, упоминаемых в основном в публичных актах правителей ВКЛ XIV – начала XV в., а также в поручных грамотах их князей 1386–1401 г., можно выяснить следующий черед записи имен в документах. Сначала в порядке старшинства в них записывались удельные Гедиминовичи. Первенствующее место среди них занимали дети великого князя Ольгерда. В 1392 г. они уступили его князю Витовту. После этих лиц в перечни попадали члены удельных и служилых родов ВКЛ. Среди них на первых местах были Острожские из Волыни и Друцкие из Витебщины. В грамотах старшие представители этих двух родов упомянуты выше детей удельных Гедиминовичей в те годы, когда последние еще не имели личных владений.

Благодаря установлению этого принципа, можно выяснить, что, вопреки мнению ряда исследователей (Ю. Пузыны, С. М. Кучиньского, Н. Н. Яковенко и др.), по мужской линии Острожские и Друцкие не были Гедиминовичами. Верность этого вывода надежно подкрепляется сведениями древнейших синодиков, имеющих перечень предков этих фамилий.

Правитель Городецкого княжения Давыд Дмитриевич (потомок турово-пинских Рюриковичей) был женат на княжне Марии Ольгердовне. Возможно, поэтому он считался старше младших членов семей князей Евлашковичей и Острожских. В поручных грамотах представители этих двух семей, как и князья Степаньские, писались выше Четвертинских и Несвижских. В 1387 г. слуцкий князь Юрий упоминался перед степаньским князем Семеном Ивановичем. Поскольку эти удельные правители стояли ниже Острожских и Друцких, можно сделать вывод, что жившие во второй половине XIV – начале XV в. князья Слуцкие, Степаньские, Городецкие, Четвертинские и Несвижские также были Рюриковичами.

Бесспорно, Рюриковичем был и стародубский князь Александр Патрикеевич. По ошибке в историографии его часто считают сыном служилого князя в Великом Новгороде Патрикия Наримонтовича и напрасно пишут об Александре Патрикеевиче как предке рода князей Корецких. Между тем в 1387–1388 г. в числе поручителей за полоцкого боярина Братошу фигурирует князь Александр Патрикеевич. В грамоте он записан после князя Ольгимонта Гольшанского. В конце XIV в. такое невысокое положение среди титулованной знати ВКЛ для Гедиминовича было невозможно. Данный вывод подтверждается сведениями нескольких списков так называемого Любецкого синодика, где были записаны стародубский князь Патрикий Давыдович, отец князей Ивана, Александра Стародубского и Федора Рыльского, дядя последних — новгород-северский князь Константин Давыдович и сын последнего — Тимофей Константинович.

Предложенная методика позволяет отказаться от давно устаревшего «метода подбора князей» по сходству их имен и отчеств, которую предлагал Ю. Пузына, пришедший в итоге к парадоксальному выводу о том, что подавляющее большинство князей ВКЛ в XIV – начале XV в. были Гедиминовичами, а не Рюриковичами. Несомненно, он нуждается в пересмотре.

С. С. Кутаков (ТГОМ, ГАУГН)

АКТОВЫЙ МАТЕРИАЛ ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ТВЕРСКОМ УЕЗДЕ XVI в.[1]

В историографии высказывалось мнение об особом пути включения территории бывшего Тверского великого княжества в состав Московского централизованного государства [Зимин; Флоря]. Дальнейшее изучение этого вопроса видится в комплексном изучении феодального землевладения в тверских землях в XVI в., в котором важное место занимают материалы землевладельческих актов.

Множество актов, характеризующих феодальное землевладение в Тверском уезде, находится в собрании грамот Коллегии экономии, состоящем из документов, отобранных у монастырей во время секуляризации и ныне хранящихся в РГАДА[2]. Эти материалы были опубликованы С. А. Шумаковым в конце XIX в.[3] Советскими исследователями были предприняты публикации архивов отдельных духовных корпораций. Опубликованы акты из архива Иосифо-Волоколамского и Троице-Сергиева монастырей конца XV — начала XVI в., среди которых обнаруживаются документы, связанные с Тверским уездом[4]. Работа по систематизации актов из архива Троице-Сергиева монастыря продолжается[5]. А. В. Антоновым выявлено 158 актов светских землевладельцев Тверского уезда[6].

Древнейшая тверская жалованная грамота относится к 60-м годам XIV в. и адресована Тверскому Отрочу монастырю. Она не фиксирует земельные владения, но отмечает тверские монастыри, которые «тянут» к Отрочу[7]. К 1470-м годам относятся 3 грамоты тверских удельных князей, связанные с разделом отчины Отъездец, отложившиеся в архиве Троице-Сергиева монастыря[8].

Проникновение на тверские территории земельных владений крупных монастырей Московского княжества — Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского — происходит после аннексии Твери Иваном III. До этого монастыри получали от тверских князей лишь право беспошлинной торговли. В XVI в. у них появляются первые земельные владения в Тверском уезде и собственные дворы в Твери. Особенно хорошо прослеживается развитие вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря, которая формировалась на территории волости Хорвач и в Микулинском стане преимущественно за счет пожертвований тверских вотчинников.

Отдельные грамоты реконструируют состав землевладений, не имеющих описания в тверских писцовых книгах. Иосифо-Волоколамский монастырь регулярно получал тарханные грамоты на свои новые приобретения в уезде. Вероятно, что эти тарханы позволили ему не участвовать в дозоре 1551—1554 г., результатом которого стало наиболее полное из сохранившихся поземельных описаний Тверского уезда XVI в.[9] При описании вотчины монастыря отмечено: «письма не дали»[10]. Однако акты монастырского архива позволяют реконструировать недостающие топонимы, концентрирующиеся вокруг отдельных вотчинных центров, например с. Турова[11]. Аналогично отражен в источниках состав вотчины князя С. И. Микулинского с центром в с. Борисоглебском, которая упоминается в дозорной книге 1551—1554 г., но при этом не описана. Деревни, относящиеся к ней, определяются по данной грамоте княгини Евдокии, пожертвовавшей это село с деревнями Иосифо-Волоколамскому монастырю около 1562—1563 г.[12]

Некоторые акты позволяют реконструировать местные административные границы, восходящие, вероятно, ко времени самостоятельности Тверского княжества: вотчина Отъездец[13], Шиловский стан Микулинского уезда[14]. Описание монастырского архива в описной книге Старицкого Успенского монастыря упоминает грамоту Ивана IV на «волостьку Загостенье» в Микулинском уезде[15].

Таким образом, привлечение актового материала дополняет писцовые описания Тверского уезда и позволяет проследить динамику развития феодального землевладения в уезде в XVI в.

Литература

Зимин А. А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI века // История СССР. 1973. № 3. С. 124—142.

Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 281—230.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01074.

[2] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии (коллекция). Оп. 18. Ед. хр. 12494—12799 (грамоты, датированные XVI в.: № 12494—12564).

[3] *Шумаков С. А.* Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1. Акты 1506—1647 гг.; Тверь, 1897. Вып. 2. Акты 1649—1761 гг.

[4] Акты Русского государства. 1505—1526 гг. М., 1975.

[5] Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505—1537. М., 2007.

[6] *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8.

[7] АСЭИ. Т. 3. С. 152—153. № 116.

[8] АСЭИ. Т. 1. С. 359—361. № 474—476.

[9] Дозорная книга Тверского уезда 1551—54 гг. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 144—310.

[10] Там же. С. 206, 256.

[11] АФЗХ. Т. 2. С. 134. № 137; С. 227. № 226.

[12] Там же. С. 313—314. № 301.

[13] АСЭИ. Т. 1. С. 359—361. № 474—476.

[14] АФЗХ. Т. 2. С. 320. № 302.

[15] Описная книга Старицкого Успенского монастыря // Тверская старина. 1911. № 9. С. 22.

В. А. Кучкин (ИРИ РАН)

МОСКОВСКО-СЕРПУХОВСКИЕ ДОГОВОРЫ ВТОРОЙ – НАЧАЛА ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV в.

Отношения между двумя древнейшими линиями московского княжеского дома: собственно московской (великокняжеской) и серпуховской (удельнокняжеской) — нашли отражение в составленных по сути дела в первой половине XV в. четырех договорных грамотах. Впервые эти грамоты были обнаружены, описаны и предварительно датированы Н. Н. Бантыш-Каменским в 1765–1767 г. В 1775 г. все четыре договора были напечатаны Н. И. Новиковым в IX части Древней Российской Вивлиофики (№ 48, 49–52, 53–54, 63–64). С тех пор до настоящего времени были осуществлены еще две публикации этих грамот по подлинникам: СГГД. М., 1813. Ч. I. № 45, 71–74, 78–79, 84–85; ДДГ № 27, 45, 56, 58. Разное количество номеров документов, опубликованных в разных изданиях, объясняется тем, что сохранилось неодинаковое количество копий этих документов. Начиная со второй четверти XV в. для каждой из договаривавшихся сторон изготавливались в княжеских канцеляриях по два списка договорной грамоты: от великого князя к удельному и от удельного князя к великому — всего четыре текста. Но сохраниться мог только один экземпляр договора, например, из казны великого князя, и тогда документ мог быть представлен только двумя списками. А иногда мог уцелеть только один список, например, текст договора, составленный от лица великого князя и адресованный удельному князю. Издатели нумеровали то каждый сохранившийся список, то заключенный договор, включавший от одного до четырех списков.

Из четырех дошедших до нашего времени московско-серпуховских договоров второй — третьей четвертей XV в. ни один не имеет точной даты. Даты всех договоров приходится устанавливать на основании упоминаемых или не отмеченных в их текстах исторических фактов. Так, самый ранний договор серпуховского князя Василия Ярославича с великим князем Василием II (ДДГ № 27) в последней публикации 1950 г. датирован январем-февралем 1433 г. Однако в его тексте совершенно не упоминается семья самого Василия II, не говорится о его детях даже в будущем времени. Василий II женился 7 февраля 1433 г. на родной сестре Василия Ярославича Марии. С этим событием ряд исследователей и связывал заключение первого договора между серпуховским и великим князьями, ставших родственниками. Надо, однако, иметь в виду, что Серпуховское княжество в конце 20-х годов XV в. имело особый статус. Оно находилось под опекой московских князей — наследников Дмитрия Донского. В Серпуховском княжестве жили внуки местного князя Владимира Андреевича, но они были малолетними. В 1428 г. ни одному из них не было 12 лет, когда по понятиям тех времен княжичи становились князьями. Поэтому было бы правильнее датировать первый московско-серпуховский договор временем после 11 марта 1428 г. и до осени 1432 г., когда наследнику владений Владимира Андреевича Василию исполнилось 12 лет, а Василий II оказался помолвлен с Марией Ярославной и в договоре можно было бы говорить о его будущих детях. Но они там не упомянуты.

Второй договор Василия II с Василием Ярославичем был заключен после рождения у Василия II сына Андрея (13 августа 1446 г.), но до рождения сына Семена (1 сентября 1447 г.). Поскольку статья 17 этого договора требовала от серпуховского князя «А чего, б(о)гъ дасть, достанем вотчин| своих недругов, и в то ти сѧ, брате, не въступати», очевидно, что сам договор был составлен в момент борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским. Однако 19 июня 1447 г. между Иваном и Василием II было заключено мирное соглашение. Следовательно, договор между Москвой и Серпуховом был оформлен между 13 августа 1446 г. и 19 июня 1447 г. После вологодской ссылки Василий II появился в Москве только 17 февраля 1447 г. Этим временем вплоть до 19 июня 1447 г. и нужно датировать этот договор.

Датировка двух последующих договоров Василия Ярославича с Василием II облегчается тем обстоятельством, что в обоих текстах говорится о целовании креста за своих сыновей Ивана и Юрия Василием II. Такого не могло бы быть, если бы старший из них достиг 12-летнего возраста. Князья в 12 лет целовали крест самостоятельно. Иван (будущий Иван III) родился 22 января 1440 г. Следовательно, третий и четвертый договоры Василия Ярославича с Василием II были составлены до 22 января 1452 г. Между тем в ДДГ грамота № 56 датирована 1450 — 1454 г., а грамота № 58 — 1451–1456 г. Казалось бы, сделанное в свое время замечание С. М. Соловьева, что упоминание в статье 12 договора ДДГ № 58 Можайска как владения Василия II (можайский князь Иван Андреевич летом 1454 г. бежал из своей столицы в Литву, и в Можайске были посажены московские наместники) ведет к признанию того факта, что упомянутый договор был заключен не ранее 1454 г. Так, вслед за С. М. Соловьевым, считали многие исследователи. Однако из летописных описаний событий 1446 г. следует, что можайский князь Иван Андреевич потерял контроль над своим главным городом в конце 1446 г. Наиболее ясно выразил это новгородский летописец: «Князь велики Василеи выбѣже во Тферь, и приехаша к немоу князи и бояри и Татари; и слышавъ князь Дмитрии и князь Иванъ Можаискии, и выехаша за Волгу в Галичь и на Кострому и на Вологду, и стояху противу себе о рѣцѣ о Волгѣ…». Длительное время противники Василия II были отрезаны от своих основных центров. Судя по договору ДДГ № 58, они были захвачены Василием II. В этом отношении характерно, что в статье 12 упомянутого договора назван и перешедший к Москве Звенигород — главное владение Дмитрия Шемяки. 13 апреля 1449 г. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский, нарушив соглашение с Василием II, начали осаду Костромы. На помощь осажденным поспешил Василий II. Противники, перейдя Волгу, встретили его у ярославского села Рудина. Московское войско было велико, и Иван Можайский понял, что на успех в борьбе с великим князем рассчитывать нельзя. Помогли и уговоры родного брата верейского князя Михаила, союзника Василия II. Иван Можайский изменил Шемяке и перешел на сторону Василия II. Великий князь принял его, вернув отчину и придав к ней Бежецкий Верх, прежнее владение Шемяки. Эти данные позволяют датировать договор ДДГ № 58 временем после 19 июня 1447 г. и до 13 апреля 1449 г. (осада Костромы и переход на сторону Василия II Ивана Можайского).

В соответствии с этим последний московско-серпуховский договор XV в. (ДДГ № 56) должен был быть составлен после 13 апреля 1449 г. и до 22 января 1452 г. По этому договору Василий Серпуховский получал от великого князя только земли «Суходола Вышегородские волости и с Красным селом». Никакие недодачи великокняжеской власти серпуховскому князю («што есмь тебѣ не додалъ твоеѣ дѣдины, оудѣла дѣда твоего, кн(ѧ)жа Володимерова Ѡндрѣевич(а), Ꙋглеча с волостми, Городцѧ с волостми, Козелска с мѣсты, да Гоголѧ, да Олексина, да Купли Пересвѣтовы, да Лисина») не признавались, и строго запрещалось серпуховскому князю и его

окружению покупать села во владениях Василия II и держать там своих людей. Последнее наводит на мысль, что у Василия Серпуховского появились серьезные финансовые средства. А в таком случае логично думать, что Дмитров был не отнят, а выкуплен у него великим князем.

Ю. А. Лабынцев (ИСл РАН)

КИРИЛЛОГРАФИЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ УНИЙНОЙ КОНСТИТУЦИИ «MAGNUS DOMINUS» 1595 г.

Процесс подготовки, принятия и начала распространения Брестской церковной унии можно, пожалуй, считать одним из наиболее изученных во всей ее истории. Однако и здесь еще немало крупных белых пятен, а порой и совершенно противоположных трактовок, казалось бы, вполне конкретных фактов. К этому числу принадлежат и все события, связанные с созданием и утверждением папской унийной конституции «Magnus Dominus et laudabilis nimis». Данный важнейший для всего хода продвижения унии латиноязычный документ после официального ее провозглашения осенью 1596 г. в Бресте нуждался в широком распространении в местном сообществе, прежде всего наиболее образованном, в том числе и среди духовенства. В 1597 г. в анонимном виленском издании «Справедливое ѡписанье Поступку, и справы сынодове, и ѡборона згоды и единости съвершенное, котораѧ се стала на сыноде берестескомъ. В року 1596, Напротивъ ꙗвного фальшу, и потвары сыноду ꙗкогось змышленого А радше съборища покутного Геретыческого в дому прыкатъномь геретыческомъ ѿправованого» появляется краткий перевод-пересказ текста конституции «Magnus Dominus». Анонимным автором издания, написанного, как указано на титульном листе, «Черезъ ѡдного зъ преложоныхъ духовныхь церкви руское», без сомнения, является один из главных идеологов и организаторов унии будущий митрополит Ипатий Потей. Он же и, так сказать, ответственный переводчик и публикатор кириллографичного текста важнейших, с его точки зрения, мест папской унийной конституции, которые необходимо было как можно скорее и шире обнародовать у себя на родине. «А ижъ бысъ, — пишет Ипатий Потей, — в том нижкое вонтыпливости не мелъ, ѡтомъ тутъ выписалъ с привильѧ папезского власные слова потверьженьѧ Его, на которыхъ все залежить» (С. 26). Правда, пока публикатору достаточно объемной унийной конституции («привильѧ»), текст которой в будущем появится «в друку», приходится ограничиться при переводе «з латиньского на руское» лишь выбранными ее местами, он их «толко тутъ выписалъ», ибо именно от них «увесъ кгрунтъ залежитъ» (С. 26).

Публикатор особо выделяет слова о вечности и нерушимости постановлений «Magnus Dominus» «ѡ прыверъненью и зъедночеью народу росийского до костела рымъского», иерархов, «духовенъства», всего «народу руского, которые до паньства и деръжавы дочасное намильшого сына нашего, Жикгимонъта польского, и швецького Королѧ належатъ ку чти и фале светое и неразделимое троицы ѿца и сына и духа светого ку розмноженю и подьвышъшенью веры христиѧньское на лоно церкви католическое, и до единости светаго рымъского костела, ꙗко члоньки наши ѡ христе прыимуем съединѧемъ, прылучаемъ, спрѧемь...» (С. 26–27). При этом унийная конституция гарантирует: «вси светые ѡбрядьки и церемонии, которыхъ руские Епископове и духовеньство ихъ, водлугъ постановленьѧ светыхь ѡтецъ греческихь въ служъбе божои, и въ ѿправованью пресветое жерътвы, литуръгии, и иныхъ сакраменътовъ и ѡбыходовъ светыхъ ужывали, только бы правде и науце веры католическое не были противни и сполечности з рымъскою церъковью... тымъ же Епископомь рускимъ з ласкавости Апостольское дозволѧемъ. А тому не маетъ перекажать нижкое постановенье апостольское ꙗкоежъ кольвекъ противное» (С. 27–28).

Римский епископат и сам католический первосвященник благословляют «руских» делателей унии («благословени сутъ братиѧ наша») во главе с митрополитом Михаилом Рогозой: «Михаило АръхиЕпископъ митрополитъ, И инъшые епископы Его руские, которые ушью своихъ не затулили на голосъ господень... да сохранѧетъ и утверъжаеть их в томъ предъсе взѧтью зо всимъ духовенъствомъ и верънымь народомъ абы пребывали въ любве, и послушенъстве светое рымское церъкви матере своее» (С. 29). Эти слова переведены практически дословно с латинского оригинала, как и ряд других опубликованных выдержек из текста «Magnus Dominus», в том числе и почти полностью его концовка, в которой выражено затаенное желание «прыкладомъ руси нехаи всихъ и грековъ, которые ѿ старожытное веры заблудили, и тыхъ всихъ которые ихъ в блуде наследують взрушивъшы, которые в томъ съединению мели бы были передъ русью предковать... абы се навернули до насъ... и абы была Едина ѡвъчарьнѧ и Един пастыръ» (С. 30).

Так, в 1597 г. «у Вильни» впервые в переводе с латинского «на руское» была напечатана унийная конституция папы Климента VIII, утвержденная в Риме 23 декабря 1595 г.

М. Л. Лавренченко (Музей архитектуры им. А. В. Щусева)

ПО СЛЕДАМ «БОРИСОВОЙ ЧАДИ»

Подробному изучению внутренних конфликтов новгородцев, которые могли принимать форму противостояния сторон, концов, улиц или же спора приверженцев того или иного князя, препятствует отрывочность информации о составе и родственных связях боярских групп. Тем интереснее рассмотреть историю одной из таких групп, сведения о которой отличаются сравнительной полнотой. Речь идет о новгородцах первой половины XIII в., называемых в историографии сторонниками черниговского князя Михаила Всеволодовича [Хорошев, с. 734], хотя точнее их было бы назвать противниками влияния в Новгороде суздальского князя Ярослава Всеволодовича и его семьи [Янин, с. 138–139].

Сведения о представителях этой группы носят противоречивый характер: описание грабительских, подчас авантюрных действий Семена и Глеба Борисовичей (как, например, совместный с немцами захват Изборска[1]) с трудом согласуется с храмовым строительством небывалого размаха и захоронением посадника Семена в Юрьевом монастыре[2]. Последний факт позволил А. А. Гиппиусу предположить принадлежность Семена Борисовича к одному

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова (далее — НПЛ). М., 1950. С. 72.
[2] Там же. С. 70.

из древнейших посадническихродов Мирошкиничей, потомков Добрыни Рагуиловича (Рогволодовича) [Гиппиус, с. 104]. До Семена здесь были похоронены его дед и дядя — посадники Мирошка Несдинич и Дмитр Мирошкинич[3]. Деятельность Мирошки и Дмитра шла вразрез с интересами суздальского князя Всеволода Юрьевича и закончилась разгромом усадеб Мирошкиничей в Людине конце в 1209 г.[4] [Янин, с. 118], после чего их потомки перебрались на Славно [Гиппиус, с. 104]. В 1215 г. племянник Дмитра, Семен, уже упоминается в составе посольства к Ярославу[5], в 1219 г. становится посадником[6], а под 1224 г. говорится о грандиозном храмовом строительстве в Славенском конце: Борисовичи основали церкви св. Павла, Симеона Богоприимца, св. Константина и Елены[7], о богатстве усадеб свидетельствует рассказ об их последующем разграблении[8].

На новом месте Борисовичи продолжают традиционное для Мирошкиничей противостояние с суздальскими князьями и родом Степана Твердиславича с Прусской улицы. Однако в благоприятный период появления Михаила в Новгороде и стремительной потери позиций конкурентами упоминаний о Борисовичах в летописи нет, что может быть связано с их паломничеством в Константинополь, где в соборе Св. Софии сохранилась надпись с именами Семена и Глеба Борисовичей [Артамонов, Гиппиус, с. 46]. Новым посадником становится Внезд Водовик, вероятно, родственник Семена (ср. получение этой должности Твердиславом во время отсутствия Дмитра Якунича[9]), в таком случае имя Внезд могло быть родовым, так как его носил и дядя Бориса, Внезд Несдинич.

В очередном конфликте со Степаном Твердиславичем и сторонниками Ярослава Всеволодовича Семен погибает[10], а его брат, Глеб, появляется вместе с Петром, сыном Внезда, среди бояр, сопровождающих из Чернигова в Новгород Святослава Всеволодовича. После неудачной попытки задержаться в Пскове происходит обмен заложниками: тысяцкого Ярослава — на боярских жен, среди которых упомянута и «Глебовая»[11]. Бояре изгоняются псковичами и здесь впервые обозначены как «Борисова чадь»[12].

Это название могло быть дано по имени тысяцкого Бориса Негочевича (хотя Глеб Борисович имел несравненно более знатное происхождение), но не исключено, что оно сформировалось ранее как указание на сыновей и людей Бориса Мирошкинича (ср.: поход отца Бориса, Мирошки, к Всеволоду — «Мирошьчина чадь»)[13].

В 1233 г. мы видим «Борисову чадь», помогающую Ярославу Владимировичу вместе с немцами захватить Изборск. После того как город был отбит псковичами, бояре могли быть увезены в заточение в Переяславль[14], но затем Глеб обосновывается в Торжке, где и умирает от рук монголов в 1238 г.[15] Тогда же в Славенском конце Новгорода вдова Семена Борисовича основывает монастырь «у св. Павла», что говорит о том, что жизнедеятельность Борисовичей в Славенском конце полностью не прекратилась[16].

Таким образом, потомки влиятельного рода Мирошкиничей, одного из древнейших в Новгороде, после двух политических неудач и разгромов усадеб оказываются в положении, близком к маргинальному. Продвигая интересы собственной семьи против Твердиславичей и увеличивая число конкурентов их покровителя Ярослава Всеволодовича, Борисовичи последовательно поддерживают в городе трех князей и вовсе не являются сторонниками исключительно черниговской линии Рюриковичей. Политическая деятельность братьев не ограничена одним Новгородом, но включает также Чернигов, Псков, Медвежью голову (Отепе), Торжок и даже Константинополь.

Литература

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. Древнерусские надписи Софии Константинопольской // Славянский альманах 2011. 2012. С. 41–52.
Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства // Slavica Helsingiensia Helsinki, 2006. № 27. С. 93–108.
Хорошев А. С. Семен Борисович // Древняя Русь в Средневековом мире. М., 2014. С. 734.
Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

[3] Упоминание о Борисе Мирошкиниче: НПЛ. С. 50.
[4] НПЛ. С. 50–51.
[5] Там же. С. 54.
[6] Там же. С. 59.
[7] Там же. С. 63.
[8] Там же. С. 70.
[9] Там же. С. 52.
[10] Там же. С. 69–70.
[11] Там же. С. 72.
[12] Там же.
[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415.
[14] Там же.
[15] Там же. С. 76.
[16] Там же. С. 74.

А. В. Лаушкин (МГУ)

ВХОДЫ НОВОПОСТАВЛЕННЫХ НОВГОРОДСКИХ ВЛАДЫК В СВОЙ ГОРОД: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (XII–XIII в.)

С начала XII в. в Новгородской I летописи начинают регулярно появляться сообщения о прибытии в город местных владык после их епископских хиротоний. До конца XIII в. (когда резиденция русских митрополитов была перенесена из Киева в Суздальскую землю) отмечены все десять событий такого рода. Речь идет о входах в Новгород епископов/архиепископов Иоанна Попьяна, Нифонта, Аркадия, Илии, Гавриила, Мартирия, Митрофана, Антония, Спиридона и Климента (одиннадцатый владыка той поры, Далмат, был хиротонисан в самом Новгороде). В девяти случаях из десяти летописцы посчитали необходимым датировать рассматриваемые факты с точностью до дня,

и лишь сообщение о прибытии на берега Волхова архиепископа Антония осталось под 6719 г. без точной даты. Настойчивость этой хронологической информации заставляет приглядеться к ней внимательнее. (При уточнении дней недели и переходящих праздников мы опирались на работу Н. Г. Бережкова [Бережков].)

В большинстве случаев владыки приурочивали свои приезды в город к церковным торжествам: воскресным дням (4 случая), канунам крупнейших церковных праздников или даже самому дню такого праздника (3 случая). Так поступил епископ Аркадий (13 сентября 1158 г., суббота, канун Воздвижения), архиепископы Илия (11 мая 1165 г., вторник, канун отдания Пасхи, за два дня до Вознесения), Гавриил (31 мая 1187 г., воскресенье), Мартирий (16 января 1194 г., воскресенье), Митрофан (14 сентября, пятница, Воздвижение), Спиридон (19 мая 1230 г., воскресенье, память Отцов I Вселенского собора) и Климент (2 августа 1276 г., воскресенье).

Не столь очевидна приуроченность двух оставшихся событий — самых ранних в изучаемом ряду. Епископ Иоанн Попьян вошел в Новгород 20 декабря 1110 г., во вторник, за пять дней до Рождества Христова, в день памяти св. Игнатия Богоносца. Его преемник Нифонт — «на обедьнюю» 1 января 1131 г., в четверг, на праздник Обрезания Господня и память свт. Василия Великого. Эти дни по торжественности богослужений уступают перечисленным выше. Данное обстоятельство заставляет либо предполагать, что традиция выбора дня для входа в город по церковному календарю возникла у новгородских владык не сразу, либо допускать какие-то иные хронологические мотивы в действиях двух названных епископов. Более сложным представляется случай с Иоанном. О каком-либо особом почитании в Новгороде св. Игнатия Богоносца, равно как и мц. Иулиании, память которой праздновалась на следующий день после входа владыки, нам ничего не известно. Правда, допустить некую отмеченность дня св. Игнатия и для новгородцев, и для княжившего тогда у них Мстислава Владимировича все же можно. Если доверять хронологическому свидетельству Лаврентьевского списка Повести временных лет (вопреки версии Ипатьевского списка), то именно 20 декабря (на память св. Игнатия) за восемь лет до того новгородцы с князем Мстиславом одержали большую политическую победу в Киеве, не согласившись в ходе жаркой «при» на замену в Новгороде «въскормленного» ими Владимировича на сына великого князя Святополка (под 6610 г.). Что же касается входа в город епископа Нифонта на память свт. Василия Великого, то в другой работе мы указали на повышенное внимание к этому дню в домонгольской Руси и постарались связать это внимание с почитанием в среде Рюриковичей не прославленного еще Церковью князя Владимира, чьим небесным покровителем был каппадокийский святитель [Лаушкин, с. 47–50, 52–57]. Если принять предложенные комментарии, то нетрудно заметить, что в обоих случаях владыки стремились выбрать для входа в город такие дни, которые были значимы для местного князя.

Остается неясным, какие обряды сопутствовали входу новопоставленных владык в Новгород (см.: [Желтов, с. 125–127]). Летописцы при описании события обычно ограничивались лаконичной конструкцией «приде [владыка] въ Новъгородъ/Новугороду». Лишь один из них, рассказывая о встрече архиепископа Климента, высказался подробнее: «прииха ис Кыева въ свою епископью, и введоша его честно въ святую Софѣю весь Новъград съ кресты и пѣснми» (Комиссионный список, под 6784 г.). (Похожее праздничное шествие нового архиерея и горожан во главе с князем от границ города до кафедрального собора с дальнейшим введением владыки в собор и, чего нет в процитированном известии о Клименте, занятием им своей кафедры — «сѣде на столѣ своем» — описано в Лаврентьевской летописи под 6739 г. в рассказе о возвращении из Киева ростовского епископа Кирилла II.) Выявленная приуроченность входов новгородских владык к церковным праздникам и памятным дням позволяет думать, что церемония (в чем бы она ни заключалась конкретно) имела торжественный характер не только в случае с одним Климентом и предполагала участие в ней большого числа верующих.

Литература

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Желтов М. С. Интронизация // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 124–131.
Лаушкин А. В. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 45–57.

Ж. Л. Левшина (РНБ)

КОНВОЙ 16 СЛОВ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА В РУКОПИСИ № 989 ИЗ СОБРАНИЯ М. П. ПОГОДИНА

Созданная в Кирилло-Белозерском монастыре в 1479 г. и содержащая коллекцию 16 Слов Григория Богослова рукопись № 989 из собрания М. П. Погодина имела протографом сербский кодекс, который был привезен на Русь в конце XIV в. Она фигурирует в целом ряде научных публикаций и прежде всего привлекала внимание исследователей выходной записью на л. 340 об.–343 об. (публ.: [Лихачев, с. 3–9; Иванова, с. 166–168; Гальченко, с. 125–126 (№ 141); Романчук, с. 83–86]).

С одной стороны, интерес этот был вызван тем, что в достаточно пространном тексте подробно изложена история создания рукописи, а с другой — несоответствием зафиксированной даты окончания работы над кодексом и названным именем писца — небезызвестного Олешки Палкина ([Иванова, с. 159–161; Ljevčenko, p. 255–261; Романчук, с. 79, примеч. 38, 82–88] и др.). На сегодняшний день весьма убедительно доказано, что кодекс не является автографом Олешки, а запись скопирована с предшествующего списка, к которому, по-видимому, и имел прямое отношение этот кирилловский книжник. Для того, в свою очередь, оригиналом послужил список, выполненный Достофеем (при помощи Симона и Спиридония) непосредственно с сербского оригинала, привезенного «от сербьские земли» Кассианом Румянцевым. Таким образом, между древнерусским по месту происхождения списком Погод. 989 и сербским протографом было еще два списка, которые, по-видимому, не сохранились.

Лишь в двух из известных нам работ затронут вопрос о текстах, сопровождающих 16 Слов Григория Богослова в данной рукописи [Иванова, с. 163–165; Буланина, с. 98]. Но в них обеих не отмечено, что по окончании 16-го

Слова располагается подборка из четырех небольших статей: «Того же Б(о)гослова к Филагрию ѿтвѣтно», «Того ж(е) Б(о)гослов(а) еж(е) ѡ Кесарии брате», «Ѡ корона, г[ла]с [6], Григории Б(о)гословесныи», «[Свята]го Великаго Василья Кесариискаг(о)».

Нам неизвестен другой список литургической коллекции Слов великого каппадокийца с таким же конвоем. Лишь первые две статьи более или менее регулярно сопровождают древнерусские списки 3-й редакции этого памятника [Буланина, с. 97–98; Буланин, с. 601–602]. А третья и четвертая известны по рукописям другого содержания. Уже в XV в. эти элегии присоединяются в летописных источниках к Духовной грамоте митрополита Киприана; кроме того, они присутствуют в русской Минее Четьей начала XV в. РГБ. Ф. 304/I. Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 758, близкой по орфографии к болгарским памятникам письменности [Прохоров, с. 123–124; Буланин, с. 601–602, 604–606].

Все четыре, расположенные вместе и в такой же последовательности, эти философско-поэтические статьи имеются лишь в Сборнике Ефросина ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 894 (4°). После еще двух небольших выписок книжник указал дату окончания работы: «Кончах в лето 6982 зиме» (1473/1474 г.). Таким образом, Ефросиновский список на несколько лет старше Погодинского. Однако последний важен для исследования рукописной традиции данной подборки, поскольку отражает южнославянский (сербский) прототип, созданный не позднее конца XIV в.

Вопрос о появлении названных четырех статей на русской почве и их дальнейшей судьбе рассматривался Д. М. Буланиным [Буланин, с. 601–608]. Исследователь сделал вывод, что все они пришли на Русь через южнославянское посредство и что болгарско-русская рукопись ТСЛ 758 и Увар. 894, имеющие большое число общих чтений, наиболее точно отражают архетипные варианты третьей и четвертой статей.

Однако введение в научный оборот Погодинского списка позволяет внести некоторые коррективы.

Появление подборки на Руси, совпавшее с началом Второго южнославянского влияния, связано не только с болгарской, но и с сербской традицией. Прежде всего, текстологически Уваровский (Ефросиновский) список элегий оказывается ближе к Погодинскому, нежели к Троицкому. Это неудивительно, поскольку рукописи созданы в одной обители и с разницей всего в несколько лет. Но тогда возникает вопрос об источнике, которым пользовался Ефросин для своих выписок. Таковым мог быть список, предшествовавший Погодинскому, то есть рукопись Олешки Палкина. Этой версии противоречит только отсутствие сербизмов в списке Ефросина, которые должны были присутствовать в списке Олешки, поскольку они есть и в Погод. 989. С другой стороны, Ефросин вполне мог преодолеть сложности «русификации» орфографии.

В любом случае, сербская рукопись конца XIV в. внесла свою лепту в распространение на Руси названных четырех статей, составляющих конвой литургической коллекции Слов Григория Богослова в списке Погод. 989.

Литература

Буланин Д. М. Приложения. Текстологические и библиографические арабески // Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 435–626.
Буланина Т. В. Первое в славянских литературах определение искусства ритора и трех родов красноречия // Старобългарска литература. София, 1987. Кн. 20. С. 95–111.
Гальченко М. Г. Записи писцов в датированных рукописях XIII–XV вв. // Palaeoslavica. 2003. Т. 11. С. 68–141.
Иванова К. Историята на един южнославянски ръкопис в руската книжнина през XV в. // Старобългарска литература. 1977. Кн. 2. С. 158–168.
Лихачев Н. П. Летописи и надписи в рукописях и на книгах как генеалогический материал. СПб., 1899.
Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
Романчук Р. Книжник Александр-Олешко Палкин и общежительно-педагогические реформы в Кирилло-Белозерском монастыре при игумене Трифоне (1430–1440-е гг.): К вопросу о православной монашеской образованности // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 72–93.
Ševčenko I. Oleško Palkin's Colophon in RNB, Pogod. 989. Textological Concerns and Erudition of a Late Fifteenth-Century Muscovite Bookman // Palaeoslavica. 2003. T. 11. P. 255–261.

А. Ф. Литвина (НИУ ВШЭ), Ф. Б. Успенский (ИСл РАН)

СУДЬБЫ ВАРЯЖСКОЙ СЕМЬИ НА РУСИ XI В.

Исследователь, да и просто заинтересованный читатель, обращающийся к истории культуры Древней Руси X–XIII в., неизбежно сталкивается со своеобразным парадоксом — с одной стороны, роль выходцев из Скандинавии в русской политической и церковной жизни домонгольской поры трудно переоценить; с другой стороны, известия собственно русских письменных источников об этих переселенцах не слишком обильны и весьма фрагментарны.

Примеров такой отрывочности можно привести множество. В самом деле, «Повесть временных лет» достаточно радикально сообщает о варяжском происхождении новгородцев: «суть людьє Нооугородьци ѿ рода Варѧжьска»[1], однако в дальнейшем ни здесь, ни в Новгородской первой летописи мы не найдем ни одного непосредственного указания на скандинавскую родословную какого бы то ни было из живущих в Новгороде семейств. Еще более недвусмысленно древнейшие летописи говорят о варяжском происхождении Рюрика, основателя династии, которой предстояло править Русью на протяжении шести ближайших столетий. При этом никаких сведений о родителях, не говоря уж о более отдаленных скандинавских предках Рюрика и его братьев, Синеуса и Трувора, летописец не сообщает, что в высшей степени странно на фоне того внимания к генеалогии, которое проявляет скандинавский нарратив, повествующий о событиях этого времени.

Если говорить об XI столетии, то мы знаем, например, что Ярослав Мудрый, праправнук Рюрика, был женат на

[1] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 20.

дочери шведского конунга Ингигерд (Ирине), а их дочь была отдана в Норвегию, за конунга Харальда Сурового. Однако все эти сведения почерпнуты отнюдь не из русских источников, здесь какие бы то ни было данные о семейных связях Ярослава со скандинавским миром попросту отсутствуют. Ничуть не больше интересовали летописцев и скандинавские браки его праправнучек, приходящиеся уже на XII столетие.

Россыпь скандинавских имен, прямые и очевидные лексические заимствования, отдельные упоминания об участии варяжских дружин в военных предприятиях русских князей, некоторые общие для двух культурных традиций повествовательные мотивы и сюжеты, которые мы обнаруживаем в текстах, созданных на Руси, дают достаточно обильную почву для соотнесения с показаниями иностранных источников, но сами по себе сколько-нибудь последовательной и связной картины скандинаво-русского взаимодействия X–XII в. не формируют. Эта картина успешно достраивается усилиями множества исследователей, но ни на каком этапе не может быть избавлена от весьма заметной доли гипотетичности.

Такое положение дел окажется не столь удивительным, если вспомнить, что IX–XII в. — времена, на которые пришлись интересующие нас контакты, — отчасти непосредственно предшествовали, а в значительной степени попросту совпадали с эпохой грандиозных сдвигов и перемен в истории Руси и Скандинавии. Распространение христианства, крещение отдельных правителей и их окружения, а затем и целых народов, становление единовластных династий и формирование собственного круга почитаемых святых шли бок о бок с возникновением письменной культуры нового типа, которая была порождением и частью этих инновационных процессов. Неудивительно поэтому, что в ее недрах большее отчасти погребло под собой меньшее — некогда судьбоносное взаимодействие с близкими соседями интересовало книжников лишь постольку, поскольку оно соответствовало этим новым перспективам. Иначе говоря, письменная традиция парадоксальным образом оказывается одновременно и зеркалом, в котором можно разглядеть контуры интересующей нас близости, и барьером, нуждающимся в преодолении.

На таком фоне тем более ценны любые отрезки связности в свидетельствах о варягах, обнаруживаемые непосредственно в самих древнерусских источниках. На всем пространстве повествования о X–XII в., если не считать рода Рюриковичей, здесь можно обнаружить, как ни странно, одну-единственную семью, для которой прямо указывается ее варяжское происхождение, отмечается ее тесная близость со Скандинавией и при этом сообщаются сведения о трех поколениях ее представителей. Речь идет о варяге Якуне, его племяннике Шимоне (Симона) и сыне Шимона по имени *Георгий*. В докладе подробно рассматривается судьба этих людей, отражение которой позволяет говорить о существовании неисчезающего пунктира варяжского родословия в древнерусских письменных источниках, относящихся к домонгольскому времени, и предпринимается попытка продемонстрировать, сколь определяющую роль в сохранности исторической памяти о представителях этого рода могла сыграть вовлеченность Якунова племянника Шимона в жизнь Киево-Печерского монастыря именно в ту пору, когда выходцы из этого важнейшего центра русской книжности имели прямое и непосредственное отношение к составлению русской летописи.

П. В. Лукин (ИРИ РАН)

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ОЛИГАРХИЯ? СУДЬБЫ «НАРОДНОГО СОБРАНИЯ» В НОВГОРОДЕ И ВЕНЕЦИИ

В современной отечественной историографии Новгородской республики тотально господствует то, что условно можно назвать «демократическим дискурсом». Отношение к новгородской социально-политической «модели» у исследователей при этом может быть очень разным. Фундаментальным является представление о благости демократии, понимаемой как господство большинства населения или, во всяком случае, как активное участие низов общества в отправлении власти. Позиции ученых расходятся лишь в том, была ли в Новгороде «настоящая демократия», или это была только фикция, прикрывающая олигархический режим. С ответом на этот вопрос, как правило, связывается в сознании историков оценка новгородской государственности в целом и ее перспектив в частности.

В высшей степени существенно, что историки, с одной стороны, оценивающие диаметрально противоположным образом степень новгородского «демократизма», с другой — исходят из одной и той же парадигмы, идеализируя при этом сам принцип «народовластия» [Янин, с. 490; Петров, с. 302–303].

Между тем известны средневековые республиканские города-государства, просуществовавшие значительно дольше независимого Новгорода, вплоть до конца XVIII — начала XIX в. Как там обстояло дело с народовластием? Если отстранение от власти рядового населения закономерно приводит к кризису и падению республики, то почему этого не произошло, например, в Венеции, где правящая аристократия довольно рано превратилась по сути дела в замкнутую касту? Для этого нужно предпринять попытку сравнительного исследования, в центре которого будет ключевая проблема — судьба народного собрания как наиболее «демократического» политического института и становление городских советов как наиболее «олигархических» органов власти.

Результаты такого исследования показывают, что Новгород и Венеция, имея между собой немало общего в том, что касается самого типа средневековой республики, пришли к разным результатам. В Новгороде сложилось разделение на территориальные и социальные группы при сохранении вечевой «демократии». Попытки ограничить *de facto* полномочия веча предпринимались, но не носили институционального характера и к полному успеху не привели [Лукин]. В Венеции в раннее время (в X–XII в., в до- и раннекоммунальный периоды) народное собрание (*arengo*, *contio*, *placitum*) также играло серьезную роль в политической жизни: избирало дожа и принимало решения по другим важнейшим для венецианцев вопросам [Fiastri; Gasparri].

Политическое развитие Новгорода и Венеции пошло разными путями, хотя оно и имело определенные сходства. И там, и там постепенно образовался олигархический орган — правительственный совет. Но если новгородская господа́ действовала как бы «за кулисами» веча и степень ее институционализации довольно сомнительна, то в Венеции все произошло иначе. Впервые совет, возглавляемый «мудрыми мужами» (*viri sapientes*), упоминается в

1143 г.[1] Считается, что это первое упоминание венецианского «малого совета» — еще до возникновения знаменитого «большого совета» — возможно, первоначально как временной структуры [Tanzini, p. 6; Gasparri, p. 820]. В любом случае, совет уже обладал немалой властью, и «народ Венеции» (*Venetie populus*) был обязан ему подчиняться. Впоследствии в Венеции сложилась разветвленная система коллегиальных органов власти, от участия в которых рядовое население было отстранено. Что касается «народного собрания», то оно в XIII в. было существенно ограничено в своих правах, его роль постепенно сводилась к чисто ритуальной (формальная аккламация избранного дожа), а потом оно фактически перестало существовать. Это получило отражение в постановлении Большого совета 1423 г.[2] В Венеции произошла консолидация элиты поверх кланово-территориальных противоречий; она стала персонифицированной выразительницей идеи республики и монополизировала власть. Символичным выглядит то обстоятельство, что если в Новгороде вечевой колокол был снят и увезен завоевателем — московским великим князем, то в Венеции нечто подобное осуществили сами республиканские власти: «Далее, мы не будем соглашаться, чтобы колокола колокольни [собора] святого Марка звонили, и чтобы в них били, кроме как в предназначенное для этого время и в определенные часы» (*promissio* дожа Франческо Фоскарини)[3].

Было ли это «хорошо», или «плохо»? Постановка таких абстрактных вопросов не имеет смысла. Страдали ли рядовые венецианцы от того, что их лишили права принимать на *arengo* политические решения? Источники таких данных не содержат. Напротив, есть основания полагать, что никаких протестов эволюция политического строя Венеции у них не вызывала. Тут надо учесть следующие обстоятельства. Средневековая «демократия» не предусматривала никаких гарантий проигравшему меньшинству, которое могло быть подавлено вплоть до физического уничтожения.

Трудно совместима она была и с политической стабильностью, поскольку, даже если повседневное управление осуществляла знать, само признание за вечем верховной власти всегда грозило превращением его в арену кровавого противостояния между различными кланами и политическими группировками.

В рамках коммунальной ментальности противоречий между представлениями о *communitas* как о единстве равных и тем обстоятельством, что в реальности за всех правит некоторая часть, не было [Keller, s. 599, 604–605]. Такие представления имплицитно могут быть обнаружены и в Новгороде: *de facto* и отчасти *de iure* власть там принадлежала аристократической элите. Однако этой элите не хватило решительности или у нее не было достаточных ресурсов и возможностей для того, чтобы довести дело до конца. В частности, притушив введением коллективного посадничества межклановые противоречия или организовав «господу», ее члены не смогли устранить власть веча и, соответственно, потенциальный соблазн той или иной части элиты воспользоваться вечевой стихией (как это было перед присоединением Новгорода к Москве).

Тем самым говорить о том, что лучше или хуже — «новгородский» вариант развития средневековой республики или «венецианский» — не имеет смысла. Однако то, что «венецианский» вариант оказался более жизнеспособным, представляется несомненным.

Литература

Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.
Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.
Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.
Fiastri G. L'Assemblea del popolo a Venezia come organo costituzionale dello stato. P. I // Nuovo archivio veneto. 1913. T. XXV. № 1. P. 5–48.
Gasparri S. Dagli Orseolo al comune // Storia di Venezia. Roma, 1992. Vol. I. P. 791–826.
Keller H. "Kommune": Städtische Selbstregierung und mittelalterliche "Volksherrschaft" im Spiegel italienischer Wahlverfahren des 12.–14. Jahrhunderts // Person und Gemeinschaft im Mittelalter. Karl Schmid zum 65-en Geburtstag / Hrsg. von G. Althoff et al. Sigmaringen, 1988. S. 673–616.
Tanzini L. A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma; Bari, 2014.

[1] Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia / Per cura di R. Cessi. Bologna, 1950. Vol. I. P. 236.
[2] *Kretschmayr H.* Geschichte von Venedig. Gotha, 1920. Bd. II. Die Blüte. S. 577.
[3] Francesco Foscari Promissione ducale 1423 / A cura di D. Girgensohn. Venezia, 2004. P. 73.

Д. А. Ляпин (ЕГУ им. И.А. Бунина)

РАССЛЕДОВАНИЕ ВОЕВОДОЙ М. А. ВЕЛЬЯМИНОВЫМ ДЕЛА О КОЛЛЕКТИВНОМ УБИЙСТВЕ В 1638 Г.[1]

Документальные материалы о расследовании уголовных преступлений показывают специфику взаимоотношений власти и общества в России первой половины XVII в. [Глазьев]. Подобные дела, кроме того, демонстрируют особенности социальной организации местного «мира» и отражают реалии повседневной жизни сельского населения. Хорошим примером в этой связи может быть история расследования убийства, совершенного 8 июня 1638 г. в деревне Ситной Воронежского уезда.

В воскресенье 9 июня 1638 г. местные крестьяне обнаружили на берегу реки труп неизвестного человека. Они сообщили об этом в Воронеж воеводе М. А. Вельяминову[2]. В понедельник 10 июня воронежский воевода написал отчет в Разрядный приказ об этом происшествии. Согласно этому документу, 9 июня воевода со стрельцами сразу прибыл на место обнаружения тела. Осмотр установил, что человек был зарезан ножом. Изучив местность, воевода убедился, что тело было брошено в воду неподалеку от места убийства. М. А. Вельяминову удалось обнаружить

[1] Работа выполнена по гранту РФФИ и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц.
[2] Государственный архив Воронежской области. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 7. Л. 4–12.

свежий след, оставшийся на земле после того, как труп тащили к реке. Это позволило установить, что тело убитого было вынесено из ворот заднего двора помещика П. Турмышова.

Допросы П. Турмышова и его соседей показали следующее. В пятницу 7 июня 1638 г. в деревню Ситную приехал крестьянин Митрофан Голенской. Он остановился переночевать на дворе у П. Турмышова вместе со своим сыном Аксеном. Вечером в избе собрались местные крестьяне и помещики, по сложившейся традиции, для распития спиртного. Во время застолья М. Голенской начал приставать («сильничать») к жене местного жителя С. Мамонтова и был за это зарезан ножом. Обвиняемый сразу сознался в содеянном. М. А. Вельяминов спросил у подозреваемых о том, кто тащил труп к воде, на что получил ответ, что тело решил выбросить в воду сын покойного — Аксен, который затем бесследно скрылся. Этим показаниям воронежский воевода не поверил и решил применить пытки, которые, однако, не дали результата.

В это время стольник князь А. И. Воротынский получил письмо своего приказчика П. Иевлева из Лебедянского уезда, в котором сообщалось, что поехавший на Дон покупать лошадей крестьянин Митрофан Голенской с сыном Аксеном не вернулись назад. Между тем у них были с собой деньги — 72 рубля. А. И. Воротынский сделал запрос в Разрядный приказ и выяснил, что М. Голенской найден убитым и денег при нем не было обнаружено. Тогда А. И. Воротынский отправился в Воронеж, получив разрешение участвовать в расследовании.

Тем временем М. А. Вельяминов, проведя опрос всех жителей деревни Ситной, нашел ключевого свидетеля. Им оказался шестнадцатилетний мальчик-пастух В. Иванов, который «жил наймом», бродя по деревням и селам и предлагая услуги пастуха. Он сообщил, что убили М. Голенского по сговору сразу семь человек, они же убили и его сына Аксена, тело которого также бросили в воду.

М. А. Вельяминов немедленно арестовал всех подозреваемых и приступил к пыткам и допросам. В итоге воеводе удалось восстановить следующую картину.

М. Голенской приехал в деревню в четверг вечером, 6 июля. Местные жители предположили, что с собой у него была крупная сумма денег. Тогда было решено пригласить его на обед в избу Турмышова и зарезать вместе с сыном. После осуществления замысла тела убитых вынесли через задние ворота и выбросили в реку. Подвело убийц только то, что воды реки вынесли тело прямо на то место, куда ходили жители деревни за водой.

В это время в Воронеж приехал князь А. И. Воротынский вместе со своим приказчиком. В итоге все подозреваемые признали свою вину, но выяснить, кто задумал убийство и кто нанес смертельную рану ножом, так и не удалось. Приезд А. И. Воротынского и его личное вмешательство ускорили процесс. Князь оценил ущерб в 75 рублей, а тело убитого отправил в Лебедянский уезд. Вмешательство А. И. Воротынского смягчило итоговый приговор: «доправить с убийцов поголовных денег 8 рублев», а награбленные деньги были возвращены князю вместе с суммой, компенсирующей потерю крестьянина[3].

В этом деле мы можем увидеть специфику местного общества южнорусской деревни первой половины XVII в. Трудности повседневной жизни стирали социальные различия, превращая местное общество в сплоченный «мир», который мог действовать весьма эффективно в своих интересах: на войне с татарами, в распашке земель «дикого поля» или в коллективном убийстве. Только случайные обстоятельства и упорство воеводы помогли раскрыть это преступление.

Это дело интересно не только как занимательный сюжет, рассматриваемый нами на уровне микроистории, оно наглядно иллюстрирует специфику южнорусского пограничья XVII в., общественного сознания русского человека раннего Нового времени. Подобные документы позволяют нам окунуться в повседневную жизнь помещиков и крестьян, определить особенности их поведения и понять факторы, влияющие на их поступки.

Литература

Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

[3] Там же. Л. 12.

Е. А. Ляховицкий (РНБ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТИПАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ПИСЬМА В РУССКОЙ АРХЕОГРАФИИ И ПАЛЕОГРАФИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.[1]

Терминология, применяемая для характеристики письма в исторических трудах XVIII в., характеризуется большой степенью неопределенности. Так, В. Н. Татищев, А. И. Мусин-Пушкин, М. Н. Карамзин используют термины «древнее письмо», «древнее письмо с юсами», «старое письмо», «письмо новейшее» и т. д. [Татищев, с. 61–64; Мусин-Пушкин, с. 61; Карамзин, с. 80, 86 и др.]. А. И. Богданов в своем незаконченном труде по истории русской письменности намеревался рассмотреть «словенские письмена» трех типов: «церковные», «гражданские» и «скорописные»[2].

Формирование современной системы понятий о типах древнерусского письма связано с именами А. Л. Шлетцера и И. Г. Бакмейстера. Последний в своем изданном в 1776 г. труде, посвященном Библиотеке Академии наук, предпринимает, по-видимому, первую попытку систематизации терминов, бытовавших в библиотечных описях XVII – начала XVIII в., выделяя привычную современным палеографам триаду типов древнерусского письма (которой разнообразие древнерусской терминологии не исчерпывалось). В схеме И. Г. Бакмейстера отсутствует попытка хронологического разграничения типов письма. Из данных им характеристик следует, что с точки зрения графики резко различаются «уставное письмо», для которого свойственны большой размер букв, одинаковое расстояние между ними, красота и сложность форм, однообразие начертаний (от почерка

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 16-01-00210 «Генезис “московского” полуустава. Развитие русского полууставного письма в XV – первой половине XVI веков», руководитель – М. А. Шибаев.

[2] См. БАН. 32.12.7. Л. 63 об.

к почерку), несвязность, большое количество сокращений, и «скорописное письмо», которое характеризуется свободой писцов, изображавших «хвосты и головы» в соответствии со своими прихотями. «Полууставное письмо» отличается от «уставного» только меньшей эстетичностью и размерами, оно, по словам И. Г. Бакмейстера, «как бы минускульное» [Bacmeister, p. 23].

Следующий этап в развитии представлений о типах древнерусского письма связан с работой Е. Болховитинова о Мстиславовой грамоте, вышедшей в 1818 г. Характеризуя письмо, Е. Болховитинов отметил, что «…почерк письма в граммате есть совершенно уставный, у нас так называемый, а у западных дипломатиков litterae unciales…». Эта аналогия позволяет выстроить типы древнерусского письма в соответствии со схемами развития греческого и латинского письма: в XIV в. устав, письмо, состоящее «из заглавных угловатых и некоторых округлых букв», сменяется «полууставом», состоящим «больше из округлых, нежели прямолинейных букв», к которому в XV в. добавляется скоропись [Болховитинов, с. 225–226].

Несколько иное понимание типов древнерусского письма содержится в описании собрания Ф. А. Толстого, изданном в 1825 г. К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым. Археографы добавили к трем основным типам «полуустав, переходящий в скоропись», имеющий «буквы полусвязные» (данный термин к моменту выхода «Обстоятельного описания» уже имел хождение в исследовательской среде) [Калайдович, Строев, с. LV]. Несмотря на то что определения типов письма касаются только связности и формы букв, на практике для К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева важное значение имел формат письма: «полууставными» они называют ряд рукописей с относительно небольшим форматом, которые, на взгляд современного исследователя, могут быть уверенно отнесены к «уставу», например известный Толстовский Апостол (РНБ. Q.п.I.18) [Калайдович, Строев, с. 4, 211, 213]. Археографы воздержались от того, чтобы определить хронологические рамки для обозначаемых типов письма. Впрочем, в других работах они отмечали «полууставное» письмо как признак относительно позднего происхождения рукописи.

Более выраженное хронологическое разграничение типов письма дано в предисловии к фундаментальному «Описанию русских и славенских рукописей Румянцевского музеума» А. Х. Востокова 1842 г., который, в основном, повторил суждение Е. Болховитинова [Востоков, с. II], окончательно закрепив его схему в литературе.

Литература

Востоков А. Х. Описание русских и славенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
Евгений (Болховитинов). Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. 1818. Ч. 100. № 15–16. С. 201–254.
Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника графа Ф. А. Толстого. СПб., 1825.
Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794.
Карамзин М. Н. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2.
Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами черезъ тритцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ. М., 1767. Кн. 1. Ч. 1.
Bacmeister J. Essai sur la Bibliotheque et le Cabinet de curiosites et d'histoire naturelle de l'Academie des Sciences de Saint Petersbourg. СПб., 1776.

И. И. Макеева (ИРЯ РАН)

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ В «СЛОВЕ О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО[1]

Кириллу Туровскому, древнерусскому писателю XII в., достоверно принадлежит восемь риторических произведений. Их источники рассмотрены М. И. Сухомлиновым и В. П. Виноградовым [Сухомлинов, с. XIII–LXI; Виноградов].

Источниками «Слова о снятии тела Христова с креста и о мироносицах, и похвала Иосифу» Кирилла Туровского В. П. Виноградов, отчасти вслед за М. И. Сухомлиновым, называет семь сочинений византийских авторов. Это Слово Георгия (Григория) Никомидийского на великий пяток (отсюда взята идея плача Марии); канон Симеона Логофета «О распятии Господнем и на плач Пресвятой Богородицы» (источник прямых заимствований в плаче Марии); Слово Епифания Кипрского (нач. «Что се днесь безмолвие много на земли…»; взяты идеи речи Иосифа Аримафейского к Пилату и «обращения к Иосифу с ублажениями», а также структура «ублажений»); Слово Иоанна Златоуста (Псевдо-Златоуста) о женах-мироносицах и Поучение с начальными словами «Возлюбленнии, солнце по облаком…»[2] (заимствовано согласование евангельских разногласий о женах-мироносицах). Для еще одной структурной части сочинения Кирилла Туровского — речи ангела к мироносицам — источниками послужили два творения Иоанна Златоуста: Слово на Пасху (нач. «Радуйтеся о Господе…»; заимствована форма параллелизмов) и Слово на великий пяток (нач. «Наутрия еже есть по пятце…»; взяты «господствующая мысль» и начальная и конечная фразы).

В итоге В. П. Виноградов приходит к выводу, что «…способ Кириллова построения поучений путем более или менее удачного и естественного сцепления в одном и том же предложении и в одном и том же отделе

[1] Работа выполнена по гранту РФФИ № 16-04-00127а «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».
[2] В русских рукописях оно обычно названо «Поучение о Иосифе и о мироносицах» и может быть приписано Иоанну Златоусту.

различных идей, мыслей, образов, выражений и отдельных слов, заимствованных из разных источников и измененных, дополненных по-своему, соответственно общей задаче поучения, весьма характерен для понимания оригинальной индивидуальности проповеднического творчества древнерусского витии». Творчество Кирилла Туровского имеет компилятивный характер; «...это художественная мозаика. Здесь отдельные мелкие элементы, как драгоценные камни, взяты готовыми из различных источников; оттуда же берется и самый план, канва... но выбор их, взаимосочетание, наконец, слияние их с канвою нового плана — все это выполнено самостоятельно и высокохудожественным образом...» [Виноградов, с. 121, 176–177].

С выводом, согласно которому в творчестве Кирилла Туровского собственно авторским считается только соединение заимствованного, трудно согласиться. В. П. Виноградов обратил внимание на сходство произведений, оставив в стороне различия.

Гомилии как жанр имеют своим источником византийскую литературу, как и содержавший их древнейший Торжественник. Кирилл Туровский при создании Слов не мог не следовать византийским образцам, в которых использовались те же сюжеты.

Древнерусский писатель задумал «Слово о снятии тела Христова с креста» как произведение, в котором события переданы через Иосифа Аримафейского. Поэтому появились речь Иосифа к Пилату, плач Иосифа, его «ублажения» и — в заключении — просьба-молитва к нему о помощи. Кирилл Туровский ориентировался на два наиболее близких византийских сочинения: уже названное Слово Епифания Кипрского и не упомянутое В. П. Виноградовым «Слово на погребение Христово и на святое воскресение» Григория Антиохийского. Речь к Пилату и плач Иосифа в сочинении Кирилла Туровского навеяны аналогичной речью в Словах Епифания Кипрского и Григория Антиохийского и авторским обращением к Иосифу в произведении Епифания Кипрского, где оно переходит в «ублажения». При этом речь Иосифа к Пилату в Слове Кирилла Туровского в основном содержит цитаты из Священного Писания, чего нет у византийских авторов. Кирилл Туровский не использует характерные для них языковые приемы. Стилистически его текст ближе к Слову Григория Антиохийского.

Основной замысел построения «Слова о снятии тела Христова с креста» обусловил отсутствие в произведении плача Марии после снятия тела (заменен на плач Иосифа), который есть в других предполагаемых источниках — каноне Симеона Логофета и Слове Георгия Никомидийского. Последнее вообще не стоит включать в число источников, даже на уровне идеи, поскольку оно не имеет сходства со Словом Кирилла Туровского. Древнерусский писатель и на уровне идеи, и на уровне конкретных реализаций ориентировался на канон Симеона Логофета. Перечисленные В. П. Виноградовым совпадения не исчерпывают содержания плача Марии, значительная часть которого явно не восходит к указанному канону.

Литература

Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1915. Вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы.

Сухомлинов М. И. Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. Т. 2: Памятники словесности. Вып. 1.

А. В. Малов (ИРИ РАН)

ГОЛОВЫ И АТАМАНЫ, СОТНИКИ И ЕСАУЛЫ: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ ЧИНОВ И СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ

Социальная и военная история Московского государства давно привлекает внимание исследователей: история служилых людей, сословно-служилых групп, элиты — двора, управленческих структур составляет огромный историографический массив. Исследования далеко продвинули наши знания о великокняжеском/царском дворе, приказных людях, служилых «городах», стрельцах, казаках, служилых людях пушкарского чина. Однако в отношении командиров среднего звена Вооруженных сил и не принадлежавших к титулованной аристократии лидеров военно-сословных страт России XVI–XVII в. достижения историографии не столь значительны. Здесь в историографии есть весьма большие лакуны и существенные расхождения историков, а порой и немалая путаница, переносимая даже на страницы справочников и тиражирующая прямые ошибки, основанные зачастую на историографии XIX в. [Государственность России, кн. 5, ч. 1, с. 41–42, 111–112, 193–195, 323–324; ч. 2, с. 273–274, 338–339]. Основную часть таких командиров среднего звена составляли различные категории голов и сотников, а также казачьи атаманы и есаулы и татарские и черемисские тарханы.

В докладе 2013 г. [Малов, 2014] нами была поставлена проблема внутренней структуры отрядов служилых татар и их непосредственных командиров на поле боя. Несколько ранее был рассмотрен вопрос о соотношении казачьих голов и казачьих атаманов [Малов, 2008, с. 124–125]. Здесь мы постарались вычленить и перечислить по возможности все категории голов и сотников, атаманов и есаулов, командовавших отрядами различных ратных людей за период конца XVI — первой половины XVII в., исходя из контекста упоминаний, выделить общее и специфическое для разных категорий этих воинских командиров. Для успешного решения подобной амбициозной задачи требуется репрезентативный комплекс однородных или близких по типу массовых документальных источников, в котором нашли бы отражение службы низших категорий ратных людей Московского государства за непрерывный период хотя бы в несколько лет. Таким базовым комплексом для нас стали расходные книги московских приказов за 1613–1621 г.[1] Их материалы, дополнили столбцы Московского и Новгородского столов Разрядного приказа о назначениях,

[1] *Забелин И. Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д. Н. Блудова собранныя из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613–1634 гг.) Часть первая. М., 1882; Приходо-расходные книги Казенного приказа / По инициативе и на средства сотр. АК кн. Г. Д. Хилкова // РИБ. СПб., 1884. Т. 9 / Отв. за том член АК А. И. Тимофеев. С. 1–381; Приходо-расходные книги московских приказов / Подг. к печ. С. Б. Веселовский // РИБ. СПб., 1912. Т. 28; Приходно-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С. Б. Веселовский, подг. к печати Л. Г. Дубинская, А. Л. Станиславский. М., 1983; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С. Б. Веселовский, подг. к печ. Н. К. Ткачева, отв. ред. Б. В. Левшин. М., 1994; РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 203, 204, 205, 206, 277, 278, 279, 280.

пожалованиях и службах командиров среднего звена и опись-регест ранних документов архива Устюжской четверти, которые позволили расширить хронологические рамки исследования вглубь до конца XVI в. и вверх до 1630-х годов. Наши наблюдения над чинами командиров среднего звена старых, ставших уже традиционными родов войск будут актуальны по крайней мере до второй половины — конца 1650-х годов, когда развитие в России армии новой модели окончательно сделало ее основой военной организации Московского государства.

Проведенное изыскание позволило выявить следующие чины голов ратных людей Московского государства:

голова осадный,
голова сотенный,
голова (служилых) иноземцев (служилой литвы, служилых немец),
голова татарский,
голова ертаульный,
голова объезжий,
голова московских стрельцов,
голова казачий,
голова стрелецкий (городовых стрельцов),
голова табунный,
голова станичный (заставской — на заставе),
голова станичных татар.

Сотники:

сотник московских стрельцов,
сотник стрелецкий (городовых стрельцов),
сотник солдатский (перевод чина),
сотник казачий (городовых казаков),
сотник черкасский,
сотник татарский,
сотники черемисские и чувашские (кокшайские, уржумские, козьмодемьянские, яранские, цывильские), вогульские (сибирских ясачных людей).

Характеристика этих чинов, а также сопоставление их с чинами атамана, есаула, тархана позволяет прояснить структуру и систему организации отрядов ратных людей традиционных для России XVII в. «строев».

Литература

Государственность России: словарь-справочник / Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. М., 2005. Кн. 5: в 2 т.

Малов А. В. Ратные люди Великих Лук после Смуты и разбор служилых «городов» 1621/22 г. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 90–126.

Малов А. В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Росийского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа конца Смуты. 1613–1619 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Научный ежегодник. Казань, 2014. Вып. 6. С. 224–232.

А. А. Манохин (МГУ)

О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ СВОДНОЙ КОРМЧЕЙ

В литературе существует два мнения относительно датировки Сводной Кормчей митрополита Даниила [Клосс, с. 59–62; Плигузов, с. 177–178]. Б. М. Клосс предлагал датировку 1524–1531 г. на основании того, что в Сводной Кормчей есть перевод толкований Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, сделанный в 1524 г., а в ее написании принимал участие Исак Собака, осужденный в 1531 г. А. И. Плигузов в своей книге выдвинул иную датировку — 1531–1539 г. Использование полного электронного альбома филиграней Пиккара[1] дало возможность определить 18 филиграней. Все найденные филиграни относятся к промежутку 1530–1536 г. Необходимо отметить, что первая часть памятника, л. 13–70 (за вычетом вставки л. 64–65), вероятно, сделана позднее остальной части. Таким образом, я присоединяюсь к мнению А. И. Плигузова.

М. В. Корогодиной выявлено 6 списков Сводной Кормчей [Корогодина, с. 458, примеч. 624]. Сверка их состава не позволяет предполагать существование более раннего списка, чем список из собрания В. М. Ундольского. Следовательно, остается в силе утверждение, что принадлежавший В. М. Ундольскому список необходимо считать протографом. Вероятнее всего, Сводная Кормчая в своем протографе, списке РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 27 [Ундольский, стб. 31–32], была создана в 1531–1539 г.

Что касается участия Исака Собаки в написании Сводной Кормчей, то Б. М. Клосс указал, что он писал л. 527, 528, 542 об., 543 об.–545, 545 об., 546 об. Бумага этих листов имеет филигрань «рука/перчатка под короной, на ладони литеры РО», 1533 г. Известно, что Исак Собака был осужден заочно на соборе 1531 г. и приговорен к ссылке в новгородский Юрьев монастырь, откуда был переведен в «митрополичь монастырь на Волосово»[2] [Плигузов, с. 177]. Однако добрался ли писец до мест своей ссылки, а если и добрался, то как долго там пребывал? Исак Собака мог продолжать работу, находясь в митрополичьем монастыре. А. И. Плигузов также предполагал, что Исак Собака «вполне мог работать в митрополичьем скриптории и после суда 1531 года» [Плигузов, с. 177]. Следовательно, Исак Собака мог участвовать в написании Сводной Кормчей и в промежуток 1531–1539 г.

Касательно неполноты Сводной Кормчей А. И. Плигузов пишет, что она «в современном виде утратила правила Карфегенского собора» [Плигузов, с. 157], а именно 71-е правило этого Собора содержало важные положения о

[1] URL: https://www.piccard-online.de.

[2] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Ред. С. О. Шмидт. М., 1971. С. 129.

безбрачии епископов. Однако при проверке нумерации тетрадей в списке В. М. Ундольского не обнаруживается больших утрат, кроме одного листа между л. 526 и 527.

Есть и другой принцип расстановки правил «по Соборам», в соответствии с тем, как Соборы, их издавшие, указаны во 2-м Трулльском правиле. То есть правила шести из Поместных Соборов обычно расположены после правил Никейского (Первого Вселенского) Собора. Но никакого разрыва между правилами нет и здесь. Правила Константинопольского (Второго Вселенского) Собора начинаются на л. 224. На л. 202 обрезан номер 25, а на л. 242 сохранился номер 30. Это 5 тетрадей по 8 листов, итого 40 листов, все листы и все тетради на месте.

Таким образом, правил Карфагенского Собора, как и вообще правил Поместных Соборов (кроме двух последних) и всех отеческих правил, в Кормчей могло не быть изначально. Встает вопрос: был ли доведен до конца замысел составителей? Скорее всего, Кормчая просто не дописана, но изначально состав Сводной Кормчей был именно таким, каким он сохранился до наших дней, без правил восьми Поместных Соборов и всех Отцов Церкви. Маловероятно, что митрополит Даниил просто отложил в сторону свой труд. Сводная Кормчая являлась самым масштабным его проектом, где автор обосновывает свою позицию по очень многим вопросам, включая вопросы о монастырском землевладении, наказании еретиков и безбрачии епископата. Известна и его реакция на Кормчие Вассиана (Патрикеева) и Нифонта (Кормилицына): тематический принцип был осужден именно за саму возможность пропуска каких-либо правил. Таким образом, наиболее вероятным следует счесть то, что митрополиту не удалось завершить свой труд. Самая вероятная причина — свержение митрополита Даниила с кафедры. После низложения в 1539 г. митрополит вернулся в Иосифо-Волоколамский монастырь, оставив саму Сводную Кормчую и многие из ее источников в Москве. Это служит еще одним аргументом в пользу датировки Сводной Кормчей 1531–1539 г.

Литература

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII вв. как исторический источник. Дисс. … докт. истор. наук. СПб., 2015.
Плигузов А. И. Полемика в русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й. М., 1870.

А. В. Мартынюк (Белорусский гос. университет)

«ДОЧЬ КОРОЛЯ РУСИ» И ЕЕ АВСТРИЙСКИЕ И СЕЛЬДЖУКСКИЕ РОДСТВЕННИКИ

В монографии «Древняя Русь на международных путях» Александр Васильевич Назаренко обратил внимание на чрезвычайно интересный эпизод, связывающий историю Руси, Германии и сельджуков в Малой Азии. В «Славянской хронике» Арнольда Любекского рассказывается о паломничестве в Иерусалим саксонского герцога Генриха Льва из династии Вельфов (1172 г.). На обратном пути из Святой земли состоялась встреча герцога с сельджукским султаном Кылыч-Арсланом II, «который обнял и расцеловал его, говоря, что они — кровные родственники». На закономерный вопрос герцога последовал такой рассказ: «Некая знатная дама из Немецкой земли вышла замуж за короля Руси, который родил от нее дочь, чья дочь оказалась в нашей земле — от нее-то я и происхожу» [Назаренко, с. 643].

А. В. Назаренко предложил свою интерпретацию сообщения «Славянской хроники», связав его с браком князя Святослава Ярославича (князь черниговский и великий князь киевский в 1073–1076 г.) и немецкой принцессы Оды, заключенным в 1070 или 1071 г. Вопрос о происхождении Оды (и ее матери Иды из Эльсдорфа) породил обширную литературу в немецкой и российской историографии. Нам представляется хорошо обоснованной версия, высказанная австрийским историком К. Лехнером и развитая А. В. Назаренко, согласно которой Ода была дочерью маркграфа Леопольда из австрийской династии Бабенбергов [Назаренко, с. 506–522]. Этот Леопольд не получил от историков номера в династии, так как был маркграфом не собственно Баварской восточной марки (Австрии), а недолго просуществовавшей Венгерской (или Новой) марки [Lechner, s. 73].

После смерти великого князя Святослава в 1076 г. Ода вместе с сыном Ярославом вернулась в Германию. По предположению А. В. Назаренко, кроме сына Ярослава у князя Святослава и Оды могла быть и дочь. Эта дочь осталась на Руси и могла быть впоследствии выдана замуж в Византию, а оттуда она сама или уже ее дочь могли попасть к сельджукам [Назаренко, с. 643–647]. Известие «Славянской хроники» получает, таким образом, непротиворечивую интерпретацию в контексте династических связей Руси и германских земель.

Нам представляется чрезвычайно плодотворной гипотеза А. В. Назаренко, но мы позволим себе предложить иную возможность для попадания «дочери короля Руси» в Малую Азию. Ключом к решению вопроса может стать принадлежность ее матери Оды к династии Бабенбергов. Для этого надо обратить внимание на судьбу другой знатной дамы из Австрии, маркграфини Иды, вдовы умершего в 1095 г. маркграфа Леопольда II. Воодушевленные успехом Первого крестового похода, отдельные группы крестоносцев в 1100 и 1101 г. двинулись в Святую землю. К одному из таких отрядов присоединилась и маркграфиня Ида. В сентябре 1101 г. войска крестоносцев были разгромлены в Малой Азии сельджукским султаном Кылыч-Арсланом I; сама маркграфиня Ида погибла или попала в плен к сарацинам (эту версию приводят анонимная «История Вельфов» и «Иерусалимская история» Альбрехта Ахенского).

Альбрехт Ахенский сообщает, что Ида попала в плен вместе с тысячей других женщин, сопровождавших войско крестоносцев. Многочисленные пленницы оказались в руках султана Кылыч-Арслана I — родного деда Кылыч-Арслана II. Вероятно, некоторые женщины попали в гаремы сельджукских султанов и их вельмож. Дочь одной из немецких пленниц могла стать женой или наложницей султана Масуда (сына Кылыч-Арслана I) и матерью Кылыч-Арслана II. Таким образом, события 1101 г. могли стать основой для появления родственных связей между сельджукскими султанами и немецкими герцогами.

Осталось выяснить, может ли иметь отношение к событиям 1101 г. «дочь короля Руси» — предполагаемая дочь князя Святослава и Оды. Такая возможность устанавливается без труда: Ода была двоюродной сестрой маркграфа Леопольда II, мужа Иды. После смерти Святослава в 1076 г. Ода с сыном Ярославом вернулась в Германию (вероятнее всего к своим родственникам — в Австрию). Если у нее была дочь, логичным будет предположение, что она уехала вместе с матерью, а не осталась на Руси. Вполне возможно, что неизвестная нам по имени «дочь короля Руси» приняла участие в походе 1101 г. вместе со своей теткой маркграфиней Идой, тем более что у нас есть прямое свидетельство Альбрехта Ахенского о большом количестве женщин в войске крестоносцев. После поражения «дочь короля Руси» могла попасть в плен к сельджукам. Она была достаточно молодой (родилась в первой половине 1070-х годов), чтобы иметь дочь, которая, в свою очередь, могла быть матерью Кылыч-Арслана II (время рождения неизвестно, самостоятельное правление с 1156 г.). С учетом этих данных генеалогическую схему можно представить следующим образом:

Адальберт
I
Леопольд + Ида из Эльсдорфа — Эрнест
I — I
Ода + Святослав — Леопольд II + Ида
I
«дочь короля Руси»
I
дочь + Масуд
I
Кылыч-Арслан II

Таким образом, мы разделяем гипотезу А. В. Назаренко о «дочери короля Руси», но предлагаем иной путь ее попадания в Малую Азию. Преимущество предложенной нами версии в том, что она связывает сведения султана Кылыч-Арслана II о своей «немецко-русской» родословной с конкретным историческим событием — поражением войска немецких крестоносцев в 1101 г. В рассказе об этом событии источники («История Вельфов», «Иерусалимская история» Альбрехта Ахенского) прямо упоминают знатных пленниц, попавших в руки сельджуков. В заключение прочеркнем, что все эти построения имеют право на существование только при условии, что Ода, жена князя Святослава Ярославича, была из рода австрийских Бабенбергов и имела дочь от русского князя.

Литература

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX—XII веков. М., 2001.
Lechner K. Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Österreich 976–1246. Wien, Köln, Weimar, 1994.

С. А. Маслова (ИРИ РАН)

УСТАНОВЛЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

В результате похода монгольской армии на запад 1236—1242 г. Русь оказалась под властью завоевателей. Присоединенные к Монгольской империи русские земли вошли в состав улуса Джучи и оказались под управлением Бату. При этом до 60-х годов XIII в. верховным правителем единого государства являлся монгольский император. О степени участия центральной власти в процессе становления системы управления русскими землями позволяет судить комплекс административных мероприятий, проведенных монголами в первые десятилетия своего господства.

Принципиально важным решением новых властей стало сохранение местных правителей — князей. В 1243 г. Бату утвердил в качестве великого князя Ярослава Всеволодовича. Сын Ярослава Константин отправился к императору и вернулся от него в 1245 г. «с честью». Инициатива сохранения власти русских князей могла принадлежать Бату как руководителю похода 1236—1242 г. и правителю вновь завоеванных территорий. В странах, захваченных монголами до Руси, применялся совершенно иной принцип организации власти. В Северном Китае, Средней Азии, Иране местные династии теряли свои полномочия. Новые принципы управления требовали санкций верховной власти. Успешная поездка Константина Ярославича подтвердила решение Бату.

Основные мероприятия монголов были направлены на организацию эффективной системы сбора дани в свою пользу. Есть основания считать, что уже в конце 1245 — начале 1246 г. в Киевской земле была проведена перепись населения и установлена система налогообложения [Горский]. Чиновник, руководивший мероприятием, принадлежал к администрации императора Гуюка и действовал с согласия Бату.

Зимой 1257—1258 г. состоялась перепись в Суздальской, Рязанской и Муромской землях. Точная административная принадлежность численников, чиновников, осуществивших перепись, неизвестна. В 1250-е годы такого рода мероприятия прошли по всей территории Монгольской империи. Очевидно, перепись в Северо-Восточной Руси была проведена по распоряжению верховной власти. О заинтересованности монгольского императора в русских землях свидетельствует назначение в 1257 г. императором Менгу некоего Китая «даругачи по умиротворению и охране порядка у русских»[1]. О приезде подобного представителя монгольской администрации на Русь сведений нет, однако в далеком центре, при дворе императора Менгу, вполне мог существовать чиновник, отвечающий перед императором за положение дел в русских землях.

[1] Юань-ши. Цз. 3 // Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. III. С. 195.

К администрации верховного правителя принадлежал особый чиновник — титям, «поспехом» которого творил безобразия в землях Северо-Восточной Руси мних Изосима. В 1262 г. жители Ростова, Владимира, Суздаля и Ярославля выгнали из своих городов откупщиков монгольской дани и расправились с их пособником, бывшим мнихом Изосимой. Система откупов получила широкое распространение на подвластных монголам землях. Очевидно, та же система сбора дани применялась и на Руси. Городские восстания начала 60-х годов XIII в. свидетельствуют о непростых взаимоотношениях улуса Джучи и центральной монгольской власти. В это время за верховную власть боролись два претендента — Ариг-Буга и Хубилай. Правитель улуса Джучи Берке поддержал Ариг-Бугу, но в 1264 г. окончательную победу одержал Хубилай. После этого улус Джучи вышел из состава Монгольской империи и фактически стал независимым государством.

До этого времени улус Джучи подчинялся политике центральной власти. Источники свидетельствуют о соблюдении субординации. Все административные мероприятия по установлению монгольской власти на Руси проходили с ведома или по инициативе Монгольской империи. На Руси была установлена привычная для монгольской администрации фискальная система. Новым порядком явилось сохранение власти местных правителей, однако назначение великих князей контролировалось императором.

Литература

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. М., 2014. Т. 10 [157]. С. 63–64.

Т. А. Матасова (МГУ)

КЕМ БЫЛ ДО ПОСТРИГА ТВЕРСКОЙ ЕПИСКОП НИЛ?

О тверском епископе Ниле († 1521) известно, что он был греком, причем Псковская I летопись сообщает, что он был «того же роду»[1], что и братья Юрий и Дмитрий Траханиоты, прибывшие на Русь в свите Софьи Палеолог. Поначалу служение Нила было связано с Москвой: не позднее 1506 г. он стал игуменом столичного Богоявленского монастыря, а с 1509 г. был поставлен на тверскую кафедру. В источниках содержатся сведения, позволяющие думать, что Нил принадлежал к числу влиятельных церковных иерархов: с посольством 1515 г. к патриарху Пахомию от его имени были отправлены изысканные дары. Из содержания сохранившихся посланий епископа следует, что он был человеком широкой эрудиции: заметно его сугубое внимание к святым местам Палестины, Кипра и особенно Афона [Брюсова, с. 183–185]. Есть мнение, что до приезда в Россию Нил был монахом одной из афонских обителей [Буланина, с. 127].

Вопрос о том, кем был Нил до принятия монашеского пострига и как именно он был связан с семьей Траханиотов, в науке не ставился. В данной работе предпринята попытка восполнить этот пробел.

До недавнего времени было известно о трех представителях семьи Траханиотов, связавших в XV в. свою судьбу с Россией: упомянутые Дмитрий и Юрий, а также Юрий «Малой» — сын Дмитрия. Последние исследования доказали историчность еще одного Траханиота — Мануила Дмитриевича, переводчика, упомянутого в нескольких поздних рукописях «Прения Афанасия с Арием» [Матасова, Воробьев, с. 264–266]. Существование Мануила Дмитриевича предполагал еще Д. М. Буланин [Буланин]. Мануил был братом Юрия «Малого» и входил — как и другие его родственники — в «геннадиевский кружок». Думается, именно Мануил Траханиот и стал тверским епископом, тогда как его брат сделал блестящую придворную карьеру.

Происходя из семьи образованных греков, нашедших пристанище в России и связанных с итальянскими гуманистами и обосновавшимися в Италии греками, Мануил был в курсе их интересов. «Прение Афанасия с Арием» относилось к числу текстов, читавшихся в гуманистической среде. Его текст на латинском языке был издан в Виченце в 1482 г. Идея перевода «Прения» на русский язык возникла в рамках борьбы с «ересью жидовствующих»: «Прение» — уникальный образец живой дискуссии святого с еретиком[2].

В России униат Дмитрий Траханиот, проведший юность в Италии, переориентировался на православную традицию и стал признанным «консультантом по богословским вопросам», к которому прислушивался архиепископ Новгородский Геннадий. Дмитрий вполне мог приобщить своего сына Мануила не только к ренессансным штудиям, но и к традициям греческого православия. Объяснением особого внимания епископа Нила к духовной истории святогорских обителей может стать воспринятая им мысль кардинала Виссариона о важности сохранения греческой культуры (влияние идей Виссариона на московских Траханиотов несомненно, см., например: [Плюханова, с. 464–467]). На рубеже XV–XVI в. Афон оставался, по существу, единственным на всей бывшей греческой территории оплотом неоскверненной православной культуры. В образе Афона будто соединились две дорогие московским грекам идеи: чистоты православия и торжества греческой культуры (в Великой Лавре, о которой у Нила сведений больше всего, в это время шло активное строительство). Не случайными представляются в этом контексте и отмеченные исследователями заимствования Максима Грека из послания Нила [Брюсова, с. 184–185]. Внимание Нила к Афону могло быть обусловлено и особым интересом к творениям святителя Афанасия Александрийского в «геннадиевском кружке» [Фонкич, с. 33–35], и упрочением связей России со Святой Горой в первой трети XVI в. (известны пожертвования Василия III в афонские обители). Примечательно, что подробности о монастырях Святой Горы содержатся в послании Нила к некоему вельможе Георгию Дмитриевичу, которого А. А. Турилов отождествляет с Юрием «Малым», братом епископа [Турилов, с. 467].

Другое послание епископа Нила было обращено к князю Юрию Дмитровскому — второму сыну Ивана III и Софьи Палеолог. Мануил Траханиот был вхож к Софье [Матасова, Воробьев, с. 263]. Юрий с детства был

[1] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 74.

[2] Этот текст не принадлежал перу святителя Афанасия, однако на Руси рубежа XV–XVI в. воспринимался таковым.

знаком с Мануилом и знал его ученость, а потому — как следует из источника — решил попросить у него совета. Отмеченные в науке «добрые отношения» [Брюсова, с. 182] Юрия и Нила могли быть обусловлены не только щедрыми пожалованиями Юрия тверской кафедре.

Литература

Брюсова В. Г. Тверской епископ грек Нил и его послание князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 180–187.
Буланин Д. М. Мануил Дмитриевич // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 2. Л–Я. С. 100.
Буланина Т. В. Нил, епископ Тверской // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 2. Л–Я. С. 127–128.
Матасова Т. А., Воробьев Г. М. Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // ВВ. М., 2016. Вып. 100. С. 256–270.
Плюханова М. Б. «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 452–488.
Турилов А. А. «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, како наречена бысть Святая Гора и коих вин [дел] ради тако прозвася» // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 467–468.
Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М., 1977.

В. Н. Матонин (САФУ имени М.В. Ломоносова)

МОРЕХОДНАЯ КНИГА «РѢКА КУШЕРЕЦКА»: ФЕНОМЕН БЕЛОМОРСКОЙ ЛОЦИИ XVII–XVIII в.

«Рѣка Кушерецка» — возможно, одна из самых древних сохранившихся беломорских лоций[1]. Древнейшее описание северных морей содержится в «Книге Большому чертежу» XVII в., составленной в Разрядном приказе[2]. Здесь собраны сведения о реках, устьях, погостах и становищах, но почти нет информации, необходимой для мореплавания. Впервые беломорские лоции были изданы в 1866 г.[3] Редакция журнала «Морской сборник» получила лоцию от поручика В. Г. Козлова, заведующего Кемским шкиперским курсом, и опубликовала текст под названием «Расписание мореходства» с дополнением «Лоция беломорских поморцев». В том же журнале опубликована лоция капитана I ранга А. Ф. Фрейганга «Наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей по Мурманскому берегу и данному владению в подробном описании становищ и расстояний». Тексты этих лоций частично совпадают, но каждая книга является самостоятельным произведением [Гемп, с. 10–11].

В 1876 г. в журнале «Яхта» под названием «Книга мореходная с означением мест, сколько от одного до другого расстояния и приметы становищам по Терскому берегу и Российской Лапландии» напечатана лоция жителя Архангельска А. В. Тошакова.

В 1909 г. Н. В. Морозовым опубликована «Мореходная книга, или Лоция Беломорских поморов», составленная в Сумском посаде[4]. Она принадлежала В. Ф. Пашину, списавшему текст с ветхого оригинала, последняя запись в котором датируется 1809 г.

В Архангельском областном краеведческом музее хранится «Книга мореходная» О. А. Двинина из села Кузомень. К. П. Гемп опубликовала ее отдельным изданием с комментариями, историографическим очерком и словарем [Гемп, с. 19–45].

В 1930 г. В. П. Кальданов нашел в старообрядческом селе Койда на Зимнем берегу Белого моря список лоции XVIII в., вероятно, сделанный с оригинала XVII в. Еще одна лоция досталась по наследству жительнице села Сорока А. Щепетовой, которая на своем паруснике ходила за рыбой в Норвегию. Мореходная книга сопровождалась молитвой и наставлениями мореплавателям. В 1959 г. дом А. Щепетовой сгорел, вместе с ним утрачена лоция.

В Институте русской литературы хранится рукопись «Книга щетная морская и ходовой журнал крестьянина Вадаева», в которой преобладают хозяйственные записи [Алимова]. В Центральном военно-морском музее находится лоция из села Кушерека «Мореходная книга для ходу по Белому морю и Норвежскому берегу». В 1965 г. она была принята на хранение Русским музеем от Ф. И. Кузнецовой.

«Рѣка Кушерецка» в ряду сохранившихся беломорских лоций является, по-видимому, самой древней. Для языка лоции характерно отражение оканья во всех слогах, независимо от ударения. Встречается характерная для архангельских говоров диалектная форма дательного и предложного падежей существительных I склонения, совпадающая с родительным: «на губы» (Л. 6 об.), «на сухой воды» (Л. 9 об.). Л. П. Комягина, выполнившая палеографический анализ текста, считает, что «Рѣка Кушерецка» была составлена не позднее начала XVIII в.

Композиция «Рѣки Кушерецкой» отличается универсальностью. В ней прослеживаются несколько морских путей. Текст состоит из указания направлений и расстояний (вводная часть), описания направлений движения при наиболее благоприятном ветре и навигационных опасностей, сведений о прохождении от села Кушерека до

[1] Владелец подлинника лоции А. М. Кононов (1915 г.р.) в начале 1990-х годов приехал в Архангельск с намерением отдать семейную реликвию в один из местных музеев, библиотеку или архив. Ни одно из государственных учреждений не имело даже незначительных средств на приобретение рукописи. С оригинала была сделана ксерокопия, которая хранилась у архангельского краеведа Л. А. Варфоломеева. Он передал текст автору настоящего исследования для изучения и последующей публикации. Дальнейшую судьбу подлинника «Рѣки Кушерецкой» и его нынешнего владельца установить не удалось. Изд.: «Рѣка Кушерецка»: мореходная книга XVIII века / Подг. текста В. В. Тропиной; науч. ред., ст. В. Н. Матонина; палеограф. опис. Л. П. Комягиной. Архангельск, 2011.

[2] Книга Большому Чертежу. М.–Л., 1950.

[3] *Шундалов И. Ю., Савинов М. А.* Поморские лоции как исторический источник // Соловецкое море. 2007. № 6. С. 31–42.

[4] *Морозов Н. В.* Мореходная книга, или Лоция Беломорских поморов // Записки по гидрографии. СПб., 1909. Т. XXX. С. 269–306.

острова Жижгин, на Терский берег и в Норвегию. Особое внимание уделяется описанию фарватера на пути к Архангельску. Один из «морских ходов» озаглавлен «Становища указанныя, како в нихъ заходить, и како примечать». Кушерецкие крестьяне еще в середине XVI в. на Терском берегу и на Мурмане промышляли треску, зубатку, палтус. До 1764 г. Кушерека была вотчиной Соловецкого монастыря. После секуляризации торговые интересы местных промышленников связаны с норвежскими городами Тромсе и Хаммерфестом («Онега — та же Норвега») и с Архангельском.

«Рѣка Кушерецка» хранилась в семье священников Кононовых, родоначальником которых был Епимах Кононов, рукоположенный в 1694 г. архиепископом Афанасием, к их роду принадлежал последний настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Вениамин, прославленный как новомученик. Между тем еще в начале XX в. Кушереку именовали «гнездом раскола». Священники Кононовы не прибегали к репрессивным мерам для увещевания своей паствы и жили общими интересами с местными крестьянами, участвуя в морских промыслах. Книжная старообрядческая культура сочетается в «Рѣке Кушерецкой» с культурой поморского мореплавания.

Литература

Алимова Т. А. Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. СПб., 1976. Т. 31. С. 390–392.
Гемп К. П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980.

Е. А. Мельникова (ИВИ РАН)

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОЛЮДЬЕ И ДРЕВНЕНОРВЕЖСКАЯ ВЕЙЦЛА

Сопоставление древнерусского полюдья (в пред- и раннегосударственный периоды) и древнескандинавской вейцлы, казалось бы, напрашивается из-за сходства внешней формы их проявления: объезда правителем подчиненных ему территорий с целью присвоения части прибавочного продукта, произведенного на местах [Гуревич, 1958, с. 148, примеч. 223; Гуревич, 1967, с. 106–108; Кобищанов, Беляев, Василик]. Однако более внимательное обращение к каждому из институтов показывает их существенное различие на том этапе, на котором их ретроспективно застают письменные источники. Как справедливо отметил П. С. Стефанович, институт полюдья эволюционировал, вплоть до XIII в. он был полифункционален и «соединял в себе и прокормление, и сбор дани, а вероятно, и другие действия (суд и пр.)» [Стефанович, с. 53]; значительно большее разнообразие функций, среди которых, по его мнению, доминировала ритуальная, отмечал И. Я. Фроянов [Фроянов, с. 448–484], при этом полюдье перерастает в XII в. в налог, собираемый в дальнейшем уже не непосредственно князем, а передаваемый им своим агентам или учреждениям. Все письменные источники конца IX – X в. описывают полюдье как сбор правителем натурального продукта во время личного объезда подвластных земель. Наиболее ранние — восточные источники (Ибн Русте, опиравшийся на так называемую «Анонимную записку о народах Восточной Европы» последней четверти IX в., и др.[1]) подразумевают добровольно-принудительный характер этих сборов: «царь отбирает» имущество, но слово, которым оно обозначается, *хал'ат*, обычно переводимое как 'платье', имеет также значение 'дар, приношение' [Новосельцев, с. 403]. Константин VII Багрянородный в середине X в. характеризует полюдье как «прокорм, кормление» (διατρέφω 'прокармливать, питать, содержать')[2]. Летописные сообщения о событиях середины X в. (но записанные в конце XI — начале XII в.) говорят о полюдье как о более или менее фиксированной принудительно собираемой «дани». При всей специфике представлений о полюдье писателей из разных регионов в их сообщениях, как кажется, отражены последовательные этапы развития института и просматривается его эволюция на протяжении конца IX – X в. от полудобровольных приношений (даров) к фиксированным поборам, которыми сопровождалось «кормление» князя и его дружины.

Древнескандинавская вейцла, изучаемая почти исключительно на норвежском материале, также претерпевает развитие от X к XIII в., когда она становится формой налога (сообщения о вейцлах в Швеции и Дании отражают именно этот этап). Королевские саги — основной источник сведений о вейцле в X–XI в. — характеризуют ее исключительно как «гостевание» конунга и его дружины в усадьбах местной знати и зажиточных бондов (*veizla* дословно 'угощение, званый пир', ср.: *brullaupsveizla* 'свадебный пир', *blótveizla* 'жертвоприносительный пир', *jólaveizla* 'пир на праздник йоль' и др.: [Palsson, p. 45–92]). Вейцлы X–XI в., как любые пиры того времени, носили полифункциональный характер. В ходе них конунги совершали жертвоприношения, рассматривали жалобы местных жителей и спорные судебные дела, устанавливали новые или закрепляли старые связи, привлекали на свою сторону верхушку местного общества, то есть служили и формой социального общения, и социально-политическим инструментом, а также играли первостепенную роль в содержании самого конунга и его дружины наряду с собственными усадьбами конунгов — *hus(a)by*. Вейцлы могли продолжаться по нескольку недель. Организация вейцлы могла быть как добровольной, так и принудительной: лендрмен Эрлинг Скьяльгасон сам приглашал на пиры с участием ярлов и конунгов до двухсот человек, а сын Эйрика Кровавая Секира «потребовал оплаты своего содержания» на время сбора тинга, на котором должен был решаться вопрос об избрании его конунгом. «Но бонды предпочли устроить вейцлу для конунга… и конунг… ездил по стране, посещая вейцлы с частью своего войска…»[3]. Как видно из последнего примера, в обеспечении вейцлы для конунга продовольствием и пивом участвовали все местные бонды на добровольно-принудительной основе. Таким образом, вейцлы являлись, наряду с собственным хозяйством конунга, средством материального обеспечения (прокормления) конунга и его дружины.

[1] Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. С. 54.
[2] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 50–51.
[3] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 151.

Вместе с тем пиры-вейцлы не сопровождались сбором дани, что принципиально отличает их от полюдья. Подарки, делаемые хозяином гостям в завершение пира, были традиционным обычаем и требовали «отдара». Другое важное отличие вейцлы заключалось в ее нерегламентированности. Если полюдье совершалось в зимний период, то вейцлы устраивались в любое время года. Ни длительность пребывания конунга, ни маршрут поездок не были упорядочены. Не было регулярности и в «гостевании» конунга в подвластных ему землях: норвежские правители проводили бóльшую часть времени на юге, в Вике и Вестфольде, и на западе, в Трёндалёге; во внутренние области Норвегии они приезжали редко.

Таким образом, норвежская вейцла IX–XI в. представляла собой форму прокорма конунга и его дружины, тогда как полюдье — не только форма прокормления князя, но в первую очередь — способ сбора дани с подвластного населения.

Литература

Гуревич А. Я. Древненорвежская вейцла // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 3. С. 141–160.
Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
Кобищанов Ю. М., Беляев Д. Д., Василик В. В. Полюдье: всемирно-историческое явление. М., 2009.
Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX — первой половины X в. (полюдье) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 400–404.
Стефанович П. С. Об эволюции древнерусского полюдья // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2013. С. 50–56.
Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. VI–X вв. СПб., 1996.
Palsson V. Power and Political Communication. Feasting and Gift Giving in Medieval Iceland. Berkeley, 2010.

В. В. Менщиков (КГУ), Н. В. Перцев (Муз.-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского, КГУ)

РОЛЬ УСТЮГА В РАННЕМ ПРОНИКНОВЕНИИ РУССКИХ НА УРАЛ: ПИСЬМЕННЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

В отечественной историографии считается, что главным участником ранней русской колонизации Урала и Сибири был Новгород. Но этим умаляется значение других центров Древней Руси в данном процессе, например Устюга. Впервые особое положение этого города в движении русских на северо-восток подметил С. Ф. Платонов, заметив, что строительством города «низовские» князья преградили путь новгородцам [Платонов, с. 26]. Многие источники повествуют как минимум о равной доле в этом процессе ростово-суздальских князей. Возможно, спор о правах на далекие территории являлся одной из причин конфликтов между Новгородом и Ростово-Суздальскими князьями (например, конфликт 1169 г.)[1]. Обратим внимание на прекращение военных операций Новгорода в Югре в XIII в., из чего можно сделать вывод о возникновении какого-либо препятствия, которым и мог стать Устюг. Типичными являются два случая столкновения между двумя городами в начале XIV в. Новгородская первая летопись под 1323 г. фиксирует ограбление устюжанами новгородцев, возвращающихся с Югры[2]. Причина устюжской агрессии не указана, однако замечание «докончаша мир по старой пошлине» позволяет предполагать, что устюжане затребовали большие, чем ранее, выплаты за проезд новгородских купцов. Уже под 1324 г. новгородская летопись фиксирует ответный поход новгородцев на Устюг, и, главное, возглавленный великим князем Юрием Даниловичем, бывшим с 1322 г. и князем Новгородским. Юрий воспринимает агрессию как личное оскорбление [Штыков, с. 148–149]. Кроме того, Новгород был нужен, так как торговля давала деньги, которые шли в Орду (Юрий, кстати, после разгрома Устюга сразу направился туда, не возвращаясь в Новгород). В 1329 г. устюжане «избиша новгородцов, которые были пошли в Югру» [Штыков, с. 342]. Ответа не последовало, так как отношения между Новгородом и Москвой к 1330 г. охладились.

Для решения вопроса о роли Устюга в ранней русской колонизации необходимо привлечение археологических источников. Так, В. А. Оборин и А. Ф. Мельничук отмечают маршруты двух путей русской колонизации северо-востока, которые смыкались в Устюге [Мельничук, Оборин, с. 79], что подчеркивает особый статус города. Историками приводится археологический материал, имеющий вероятное происхождение из Владимиро-Суздальской Руси [Мельничук, Оборин, с. 80]. Анализ археологических источников с р. Юг, проведенный Л. Д. Макаровым, дал основание утверждать не только о равнозначности новгородского и ростовского потока колонизации, но и о большей интенсивности последнего [Макаров, с. 79]. Иная ситуация наблюдается на территории Прикамья. Так, в археологических материалах выявлены многочисленные предметы русского импорта, имеющие аналогии именно в новгородских древностях [Крыласова, с. 31]. Данные археологии позволяют говорить, что Устюг, возникший на перекрестке торговых путей, мог играть роль не только «стража», но и базы для продвижения. А. Г. Ивановым колонизация Прикамья была разделена на два потока: новгородский и ростово-суздальский с доминированием первого [Иванов, с. 150–151].

Таким образом, Устюг занимает не менее важное место в русском продвижении на северо-восток, чем Новгород. С момента своего возникновения он связывает собой основные пути этого движения, что подтверждается письменными и археологическими источниками.

[1] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 28.
[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 339.

Литература

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейн р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998.

Крыласова Н. Б. Начало «древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета. Пермь, 2014. Вып. 9. С.

Макаров Л. Д. Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1984. С. 66–86.

Мельничук А. Ф., Оборин В. А. Связи финно-угорских племен со славянами в XI–XV вв. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 79–81

Платонов С. Ф. Прошлое русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин, 1924.

Штыков Н. В. Оборона Новгородских границ в контексте московско-тверских отношений рубежа XIII – XIV вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 345–350.

В. В. Мильков (ИФ РАН)

РЕДАКЦИИ «СКАЗАНИЯ О МАКАРИИ РИМСКОМ» И ИХ ИДЕЙНО-РЕЛИГИОЗНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ[1]

При характеристике памятников, имеющих долгую традицию бытования, приходится учитывать идейные трансформации их текстовой основы в процессе переделок. Примером является «Сказание о Макарии Римском», известное в трех редакциях: Полной, Сокращенной минейной и Краткой проложной. Редакции сложились на греческой почве и через неоднократно осуществлявшиеся переводы получили распространение на Руси.

Древнейшие славяно-русские списки Полной редакции представлены в рукописях ГИМ. Хлуд. № 195. Л. 240–247 (XIV в.) и РНБ. Кир.-Бел. № 4/1081. Л. 147 об.–168[2]. Они восходят по А. И. Никифорову к болгарскому оригиналу [Никифоров, 1923, с. 132], который соответствует греческому протографу[3]. Русские копии Полной редакции представлены списками РНБ. Собр. ОЛДП. Q.234. Л. 193–212 (XVII в.); РНБ. О.1.64 (XVII в.)[4]; РНБ. Сол. № 639/805. Л. 456 об.–471 об. (1558 г.)[5]; БАН. 13.3.19[6]. О популярности текста в православном мире свидетельствует повторный перевод с греческого (РНБ. Q.XVII.213. Л. 319–332) [Никифоров, 1923, с. 132], распространение списков молдавского и южнославянского происхождения [Лавров, с. 82–106], а также два последовательных перевода, осуществленные в конце XVII – начале XVIII в. уже с латинской версии апокрифа: КДА. О.4.86. Л. 33–47 (XVII в.) [Никифоров, 1916]; Киево-Печерская лавра. № 82 (XVIII в.) [Никифоров, 1923, с. 120–124]; ГИМ. Син. № 1243 (XVIII в.); ГИМ. Син. № 1441. Л. 83–100 (XIX в.); РГБ. Тих. № 281. Л. 258–281 (XVIII в.).

В Полной версии повествуется о путешествии трех иноков на край света, где в 20 поприщах от рая они встречают отшельника Макария, поведавшего им историю своей жизни. Сюжетно произведение имеет составной характер. Хождение в нем соединено с житием. Обе части выражают идею локализации рая в земном пространстве. Красочное описание трудностей пути совмещает установку на бегство от суетного мира с верой в достижимость райских пределов. Миновав испытания, путники попадают в места благодатные: горы там поднимаются выше небес, воды озаряет мощное световое сияние, воздух наполняется благоуханием. Долгий путь приводит в сакральную точку физического пространства, которое оказывается на стыке доступного и недоступного. В хождении внутреннее устройство рая открывается инокам во сне, а в житийной части апокрифа рай описывается со стороны как город, окруженный железной и медной оградой. Концепт рая является смыслозначимым с точки зрения переклички мотивов между хождением к раю и житийным образом обители праведных. Но мотив земного рая во второй части – это лишь компонент достаточно цельного и законченного житийного повествования, прославляющего аскетическое подвижничество святого. Согласно этому повествованию жизненный путь отшельника воспринимается аллегорически, как путь святости. Однако в глазах читателей из содержания апокрифа прежде всего актуализировался концепт земного рая, о чем можно судить по «Посланию о рае» Василия Калики.

Сокращенная версия апокрифа, восходящая к Минейной греческой редакции, представлена двумя независимыми переводами. Древнейший тип: РГБ. Бел. № 54. Л. 98–104 (кон. XIV – нач. XV в.); Тр. № 704. Л. 64 об.–66 об. (XVI в.); Тр. № 709. Л. 255 об.–261 (XVII в.); РНБ. Сол. № 453/488. Л. 85–90 (XVII в.); Сол. № 560/949. Л. 405–413 (XVI–XVII в.); БАН. 21.10.10. Л. 222–225 (нач. XVIII в.); ГИМ. Син. № 3778. Л. 182 об.–185 (XVI–XVII в.); РГБ. Тих. № 143. Л. 124–134 (XVIII в.). Вторая Минейная редакция представлена списками: РГБ. Бел. № 54 (кон. XIV – нач. XV в.); Тр. № 704 (XVI в.); Тр. № 709 (XVII в.); РНБ. Сол. № 453/488 (XVII в.); Сол. № 560/949 (XVI–XVII в.); БАН. 21.10.10 (нач. XVIII в.); ГИМ.

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-04-00523а «Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации».

[2] Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. II. С. 59–66; Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3: Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. С. 135–142; *Попов А.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 396–404.

[3] *Vassiliev F.* Anecdota Greaco-Byzantina. I. Mosquae, 1893. P. 135–165; Жития византийских святых. СПб., 1995. С. 95–111; Византийские легенды. Л., 1972. С. 37–45.

[4] Памятники отреченной русской литературы. С. 66–77.

[5] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. II. С. 481.

[6] *Яцимирский А. И.* Из славянских рукописей. М., 1898. С. 34–35.

Син. № 3778 (XVI–XVII в.); РГБ. Тих. № 143[7]. Обе версии Минейной редакции воспроизводят почти исключительно текст житийной части апокрифа. Из них исключены все красочные обстоятельства хождения трех иноков и лишь упоминается об испытаниях странников на пути. Повествование превращается в рассказ, написанный по классическим агиографическим лекалам (уклонение от брака; борьба с соблазнами и искушениями; победа над плотскими устремлениями, истязание плоти). Мотив земного рая не вербализован, хотя он еще окончательно не нейтрализуется житием. В смысловом плане соседство аскета с необычным святым местом прочитывалось как стремление достичь средствами самоограничения и уединения состояния, подобного райскому блаженству. Соответственно, в такой редакции герой повествования воспринимался не как странник, приблизившийся к раю феноменально, а в некоем ментальном аллегорическом ключе идеалов развоплощения.

Среди Кратких проложных версий А. И. Никифоров выделяет три разновидности, которые отличаются друг от друга по степени сокращения. Наиболее пространный вариант представлен РНБ. Пог. № 60 (XIII в.)[8]; I.F.48 (1432 г.)[9]; ГИМ. Син. № 990. Л. 1337–1378 (XVI в.); РНБ. F.I.684. Л. 424–424 об. (XVI в.); F.I.685. Л. 148 об.–149 (XVI в.). В этой проложной версии кратко изложена история бегства Макария из дома и его перемещения к райским пределам. Подвиг святого объясняется любовью к безмолвию и уединению. Еще более краткий вариант читается в РНБ. Q.XVII.211, он знакомит с обстоятельствами перемещения анахорета в удаленную часть мира [Никифоров, 1923, с. 135, 186]. Краткое обобщение сути апокрифа в трех предложениях дает РНБ. Соф. № 1325. Л. 110–111 (XIV в.) [Никифоров, 1923, с. 135–136, 184]. Проложная редакция, как и Минейная, через житийный компонент сокращенного апокрифа фокусировались на апологетике отшельничества и аскетике.

В конце XVII или в начале XVIII в. появилась оригинальная русская переработка текста, которая в принципе игнорирует его житийную часть и сосредотачивает все внимание на описаниях неведомых земель (РНБ. Q.XVII.309. Л. 68–74). Герои повествования действуют в обстановке топографической определенности. Рай предстает пред ними в облике чудесного золотого города за непроходимой водной преградой.

Сопоставление идейно-смысловых линий разных редакций апокрифа свидетельствует о смещении акцентов в двусоставном произведении с одной части на другую. Можно говорить о двояком восприятии апокрифа в процессе его бытования на Руси: 1) с точки зрения наивного реализма, смешанного со сказочной мифопоэтической чувственностью; 2) как выражение монашеского аскетического идеала. В хождении трех иноков обосновывалась мысль о посюсторонности и доступности рая, соответственно, герои действуют в реальном географическом пространстве. При вытеснении хождения житием отшельника формировался идеал ухода от мира. Аскетическая смысловая установка при воспроизведении сокращенных версий апокрифа в книжности преобладала. Но есть пример развития темы с упором на описание феноменальности рая, подтверждавшийся историей о достижении его пределов ходоками из мира реального.

Литература

Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1911. Т. II. Ч. 2.
Лавров П. А. Апокрифические тексты. СПб., 1899.
Никифоров А. И. Характеристика Жития Макария Римлянина // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев. Киев, 1916. С. 110–111.
Никифоров А. И. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русских переводах // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1923. Т. 32. Вып. 2. С. 131–164.

[7] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. С. 139, 149, 294; *Vassiliev F.* Anecdota Greaco-Byzantina. P. 23; [Голубинский, с. 301; Никифоров, 1923, с. 134–135].
[8] *Яцимирский А. И.* Из славянских рукописей. С. 184–185.
[9] Памятники отреченной русской литературы. С. 135.

С. М. Михеев (ИСл РАН)

НОВЫЕ АТРИБУЦИИ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ РЮРИКОВИЧЕЙ

Рассматриваются две группы источников: (1) княжеские знаки с сопровождающими их подписями (перечень которых расширен по сравнению с работой [Михеев]) и (2) печати с тамгами на одной стороне и изображением небесного патрона на обороте.

Три знака на древнейших русских монетах уверенно связываются с Владимиром Святославичем и его преемниками Святополком и Ярославом.

Ц-*образные знаки с крестами на зубцах*. Знак на печати черниговского происхождения атрибутируется Олегу-Михаилу Святославичу по подписи на родственной печати № 40г. По наблюдению И. А. Жукова, изображение св. Михаила на обороте этих печатей выполнено одним резчиком[1].

Близкий знак на распространенных печатях № 289 и 289Аа с изображением св. Кирилла, по-видимому, принадлежал сыну Олега Всеволоду-Кириллу.

Ц-*образные знаки с отрогами-завитками*. А. А. Гиппиусу и П. Г. Гайдукову удалось прочитать подпись к княжескому знаку на печати № 283д с изображением св. Георгия как ПТѦ РЪСТИСЛАЛЬ, то есть *пятьнъ Ростислаль* ‘тамга Ростислава’. Лингвистические особенности надписи и места находки печатей позволяют установить, что эта булла принадлежала Ростиславу Юрьевичу, княжившему в Новгороде в 1138–1142 г.

Аналогичная тамга с более простой формой ножки представлена на многочисленных буллах, большинство из которых имеет на обороте изображение св. Георгия, что дает возможность атрибутировать этот знак Юрию

[1] См. [Жуков, с. 38]. Здесь и ниже используется нумерация печатей В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова [Янин; Янин, Гайдуков].

Долгорукому. Тамга Юрия была нанесена на стену Успенского собора в Старой Ладоге до его росписи [Новоселов], что позволяет уточнить датировку этого храма.

Знак на печатях № 292а, 293, 293а, 294, 294а с изображением св. Андрея, осложненный по сравнению с тамгой Юрия дополнительным завитком, следует атрибутировать Андрею Боголюбскому.

ʏ-образные знаки. Тамга на многочисленных предметах из разных уголков Руси (Золотые ворота во Владимире, киворий в Боголюбове, печати № 297 и 298 со свв. Николаем и Миной, перстень из Галича Южного), в одном случае подписана как «пятьнъ Ростиславль» [Торшин]. Охват деятельности владельца данного знака позволяет установить, что он принадлежал Ростиславу Мстиславичу, внуку Владимира Мономаха.

Такой же знак без отворота на левом зубце представлен на различных предметах из Киева, Канева, Владимира, Новгорода и Пскова, а подобная тамга с раздвоенной ножкой — на печати с изображением св. Пантелеймона. Имя этого святого носил в крещении Изяслав Мстиславич, следовательно, перед нами его княжеский знак, а распространенная тамга с более простой ножкой принадлежала Мстиславу Великому.

Тамга Изяслава вместе с близкородственным знаком с горизонтальной чертой на конце прямой ножки представлена на плинфе из раскопок церкви Дмитрия Солунского во Пскове. Судя по всему, данная церковь была построена в новгородское княжение Святополка Изяславича при участии его старшего брата Изяслава, княжившего в Переяславле Южном, а затем в Киеве.

Знаки иных очертаний. По печати с двумя знаками, подписанными именами ДЪМИТРИОС и ПЕТРОС, устанавливаются тамги Изяслава-Дмитрия Ярославича и его сына Ярополка-Петра [Сорокин].

Ш-образная тамга с подписью ВАЧЕСЛАВ[Ъ] на единичной печати, известной только по предварительной публикации [Алфьоров, с. 29], могла принадлежать Вячеславу Ярославичу, судя по близости знака к трезубцу Ярослава Мудрого и двузубцу Изяслава Ярославича.

Всего удается идентифицировать тамги примерно полутора десятков князей. Знаки детей обыкновенно либо развивали, либо варьировали знаки отцов. При этом тип княжеского знака служил для различения между князьями разных ветвей Рюриковичей: насколько можно судить, знаки потомков Святослава Ярославича имели на одном из зубцов крест, тамги всех потомков Всеволода Ярославича — отроги-завитки, а все атрибутированные ʏ-образные тамги принадлежали потомкам Мстислава Великого.

Печати с тамгами на одной стороне и изображениями небесных покровителей на обороте были княжескими буллами. Этот тип булл, вероятно, изобрел Олег Святославич, а затем использовали Всеволод Ольгович, Изяслав Мстиславич, Юрий Долгорукий, Ростислав Мстиславич, Андрей Юрьевич. Возможно, данная традиция дожила до начала XIII в.

Благодаря атрибуции княжеских знаков удалось датировать 1142–1148 г. строительство псковской церкви Дмитрия Солунского (а также псковского собора Иоанновского монастыря и архитектурно близкой к последнему Воскресенской церкви в Переяславле Южном).

Получила подтверждение гипотеза о датировке строительства Успенской церкви в Старой Ладоге непосредственно после постройки церкви св. Климента, заложенной в 1153 г.

На стенах двух построек Андрея Боголюбского во Владимире и Боголюбове вырезана тамга Ростислава Мстиславича, что позволяет судить о союзных отношениях Андрея с его старшим кузеном в середине 1160-х годов.

Литература

Алфьоров О. Молівдовули київських князів другої половини XI — кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної колекції О. Шереметьєва) // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2012. Вип. II. С. 5–74.

Жуков И. Княжеский знак на уникальной вислой печати Новгород-Северского князя Олега (Михаила) Святославича (1097–1115 гг.) // Нумізматика і фалеристика. Київ, 2012. № 1 (61). С. 38–39.

Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Новоселов Н. В. Княжеский знак на церкви Успения в Старой Ладоге и «пятн Ростиславль» // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2001. Вып. 4. С. 128–135.

Сорокин И. Ю. К атрибуции личных княжеских знаков Рюриковичей второй половины XI века // Русь. Литва. Орда. В памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 3. М. (в печати)

Торшин Е. Н. Новая находка изображения княжеского знака в Смоленске // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2005. [Вып.] LXIII. С. 42–49.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X — начала XIII в. М., 1970.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.

М. В. Моисеев (РГГУ)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛЯРА ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО В КРЫМСКОЕ ХАНСТВО[1]

Дипломатическая переписка Московского государства с Крымским ханством давно привлекает внимание исследователей (см.: [Филюшкин, с. 82–84]). Наша работа будет посвящена анализу начального протокола посланий Ивана IV Васильевича в Крымское ханство.

Анализ начального протокола посланий приводит нас к следующим наблюдениям. В посланиях до 1560-х годов invocatio вообще отсутствовало[2]. Очевидно, впервые богословие в русских посланиях в Крымское ханство

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-10091 (рук. проекта — К. Ю. Ерусалимский).

[2] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8. Л. 62–62 об., 64 об. –65 об., 66 об., 67, 82 об., 272, 290, 302 об., 309 об., 311а, 322, 325, 332, 333, 379, 463 об., 479, 481 об., 495 об.; Кн. 9. Л. 2, 6 об., 7 об., 9.

появляется в октябре 1562 г.[3] А. И. Филюшкин выделяет две богословские формулы «Божиею милостию…» и «Бога всеми владующаго милостию…» и полагает, что вторая формула стала основной с 1563 г. [Филюшкин, с. 82–83]. Впрочем, какой-то стабильности в использовании богословия не было. Так, в посланиях 1560–1570-х годов временами используется «Божиею милостию…»[4]. Встречаются послания после 1562 г. и вовсе без invocatio[5]. Свидетельствует ли это о полном отказе от invocatio в крымских посланиях? Отнюдь. В том же апреле 1578 г. формула «Божиею милостию…» открывает послание царевичу Алп-Гирею[6], в посланиях, отложившихся в посольской книге за 1571–1578 г., богословие не используется только в грамотах хану, но есть в письмах калге и другим представителям ханской семьи[7]. При этом если из посланий хану богословские формулы исчезли, то в инструкциях послам рекомендовалось говорить хану: «Божьею милостию царь и великий князь…»[8].

Заметные изменения претерпели формулы intitulatio. Для посланий 1530–1540-х годов характерно использование «От великого князя Ивана Васильевича Всеа Руси…»[9]. Встречается и уничижительная формулировка «…князь великий Иван челом бьет»[10]. С 1560-х годов intitulatio выглядело так: «…великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии…»[11]. При этом в переписке с Крымским ханством титул с полным набором властных определений и вовсе не использовался. Редкий случай использования титула с властными определениями фиксируется в сеунче, отправленном хану Девлет-Гирею в октябре 1562 г.[12] Интересными особенностями посланий в Крымское ханство является использования формул «челом бьет» (подробно рассмотрена А. И. Филюшкиным [Филюшкин, с. 84–85]), и «слово то». Этот формант исследователи связывают с «сёзюм» — прерогативой ханских посланий [Усманов, с. 194; Трепавлов, с. 192]. В 1530-х годах «слово наше то» используется только в посланиях крымским бекам и их детям[13], в 1560-х годах эту формулу мы встречаем и в посланиях хану[14], однако после трагедии 1571 г. из ханских посланий «слово» пропадает, но сохраняется в остальных письмах.

Анализ начального протокола посланий в Крымское ханство демонстрирует, что их формуляр был довольно «подвижным». А. И. Филюшкин пишет о его «калейдоскопичности» и объясняет это тем, что в 1570-е годы «…были утрачены какие-то ориентиры…» [Филюшкин, с. 84]. Соглашаясь с этим наблюдением, хотелось бы зафиксировать следующее: сам начальный протокол представлял собой странную смесь приниженности и властности. Сначала этот формуляр отражал этикетное неравенство московского великого князя и крымского хана, хотя по отношению к остальным крымчакам великий князь выступал как доминирующий адресат. После покорения Казани и Астрахани, победоносных крымских походов русский царь и крымский хан этикетно равны, но драматические события 1571 г. вернули хану призрачное верховенство. Однако не следует обольщаться этикетными формулировками начального протокола посланий. Речи русских посланников, то, как их разрабатывали в Москве, уже отражали коренные изменения в самой сути отношений.

Литература

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.
Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
Филюшкин А. И. Формулы самопрезентации высшей власти в invocatio посольских грамот Ивана IV // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 76–90.

[3] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 10. Л. 12.
[4] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. (далее — КПК-13) / Отв. редактор М. В. Моисеев; под. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; статьи, коммент. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев. М., 2016. С. 136, 291–305.
[5] КПК-13. С. 137, 202; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. (далее — КПК-14) / Отв. ред. И. В. Зайцев; под. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова, Г. А. Тарасова; статьи, коммент. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; приложения А. М. Галенко, И. А. Мустакимов. М., 2016. С. 104, 109, 110, 163, 242, 272; РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 15. Л. 107, 126 об., 275, 287 об., 289 об.
[6] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 15. Л. 291 об.
[7] КПК-14. С. 112, 115, 116, 117, 166, 167, 249, 252.
[8] См., например: КПК-14. С. 241.
[9] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8. Л. 62 об., 64 об., 65–65 об., 65 об.–66, 67, 272, 290, 302 об., 309 об., 311а, 322, 325, 332, 333, 479, 481 об.; Кн. 9. Л. 2, 6 об., 7 об., 9.
[10] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8. Л. 62, 82 об., 379, 463 об., 495 об.
[11] КПК-13. С. 136, 291–305.
[12] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 10. Л. 12.
[13] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8. Л. 64 об., 65 об., 67.
[14] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 10. Л. 12; КПК-13. С. 136, 291–305.

Г. А. Мольков (ИЛИ РАН)

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КНИЖНИКОВ КИПРИАНОВСКОГО КРУЖКА

Язык переводов, осуществлявшихся в Московской Руси под руководством митрополита Киприана, был по ряду параметров ориентирован на нормы, представленные в болгарской книжности XIV в., в том числе на уровне орфографии. Особый интерес для истории проникновения южнославянских орфографических черт на Русь представляют рукописи, непосредственно связанные с деятельностью книжников Киприановского кружка, переписанные в конце XIV в.

К числу таких рукописей принадлежит список Евхология Великой Церкви (ГИМ. Син. 675). В нем помимо минимального (в терминологии М. Г. Гальченко) круга орфографических болгаризмов представлены отдельные черты из расширенного и максимального набора, что для древнерусских рукописей конца XIV в. нетипично в целом, а также необычно и для более поздних списков произведений, не имевших среднеболгарского протографа.

Рассмотрение всей совокупности болгаризмов в орфографии Син. 675 показывает, что отбор этих черт является

результатом сознательной попытки ввести новую орфографическую систему, соответствующую статусу нового перевода. Болгарские орфограммы были отобраны на едином основании: писец Син. 675 использует только те новые южнославянские написания, которые не требовали введения в письмо новых графем или аллографов. В частности, по этой причине в рукописи не представлен такой признак из максимального набора, как использование буквы **ѫ**, но в то же время последовательно применяется **ѣ** на месте ['a] (типа **всѣкъ**).

О системном характере новой орфографии свидетельствует факт редкого использования в рукописи написаний с **ѣ** в основах с рефлексом сочетания **tert* (типа **врѣдъ**). По-видимому, переписчик избегает этой группы книжных написаний, поскольку «книжный слог» **рѣ** у него уже задействован для передачи звучания [r'a] (типа **олтарѣ**).

Подобная орфографическая система существовала параллельно с ее ослабленным вариантом, не использовавшим **ѣ** на месте ['a]. Такой вариант представлен в Исидоровом Служебнике (Vat. Slav. 14), относившемся, вероятно, к тому же комплекту литургических рукописей, что и Евхологий по списку Син. 675.

Возможно, разработка описанной орфографической системы принадлежит непосредственно Киприану и была задумана специально для новых производившихся на Руси переводов.

Б. Н. Морозов (ИСл РАН)

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК ХРОНОГРАФА КУБАСОВА С ОРИГИНАЛЬНЫМИ ДОПОЛНЕНИЯМИ XVII в.

Частная коллекция М. С. Бывшева в Москве недавно пополнилась редким памятником русской хронографии и летописания XVII в. — пятым списком так называемого Хронографа Сергея Кубасова (местонахождение еще двух списков, описанных в XIX в., не известно, но их приметы с новым не совпадают [Зиборов, с. 9–18]). Он выделяется среди существующих списков и своим парадным оформлением, и оригинальной обработкой текстов, и, возможно, наиболее ранней датировкой.

Рукопись в лист, на 512 л. написана довольно крупным каллиграфическим полууставом, характерным для больших скрипториев второй половины XVII в. (это уже обращает на себя внимание — большинство Хронографов этого времени писано скорописью). Кроме киноварных инициалов и заголовков, в том числе вязью, рукопись украшена заставками растительного орнамента (близкого к старопечатному) в красках и одной листовой красочной миниатюрой с изображением Константина Великого. Вероятен заказной характер списка.

Датировка рукописи определяется по двум параметрам. В ее конце (на л. 501–511) помещен краткий летописец: «Выпись из Гранографа сиречь из Летописца вкратце скорости ради» (последнее известие — воцарение Алексея Михайловича в 1645 г.). Летописец имеет непосредственную связь с основным текстом рукописи и отражает ряд известий, характерных как для Хронографа Кубасова в целом, так и для оригинальных дополнений данного списка. При этом приведен расчет всех (!) известий по 1671/1672 г., а на л. 511 об. в конце текста сделано примечание: «Писаны сие Летописи по выкладке по 7000 по 180-й год» (возможно, эти расчеты имели учебную цель). Дата 1671/1672 г. коррелируется с филигранями рукописи: 1) Герб Амстердама с литерами GD, близкий знак с теми же литерами — Дианова, 1998, № 5 — 1674 г. (это основной знак рукописи); 2) тот же знак, но с литерами ED, знака с этими литерами у Диановой нет, но оба знака близки по типу к знакам Дианова, 1998, № 3 и 4 — 1670 и 1671 г.

По нижним начальным листам рукописи идет владельческая запись 1754 г. (плохой сохранности) канцеляриста Сибирской губернской канцелярии (действовала в Тобольске). Известно, что до поступления в московскую коллекцию книга продолжала бытовать в Сибири (поздний переплет содержит записи старообрядцев XIX–XX в.).

Этот факт, естественно, ставит вопрос о возможной связи рукописи с предполагаемым составителем данного вида Хронографов особого состава «тобольским сыном боярским Сергеем Кубасовым», служившим в сибирской столице с 1668 г. Однако на него нельзя дать однозначного ответа. Список содержит кардинально переработанный хронографический (начинается с разделения царств после смерти Александра Македонского и продолжен до смерти Ивана IV) и летописный текст (начинается со Сказания о Словене и Русе), представленный в других, во-видимому, более поздних списках (1680–1690-х годов), но в то же время он, очевидно, основан на их общем протографе. Так, он содержит ту же оригинальную хронологию в первой неисследованной Хронографической части (по нашему мнению, она имеет аналоги в «Хронографии» Феофана Исповедника, которая не переводилась на славянский язык). С другой стороны, составитель данной рукописи располагал не дошедшими до нас памятниками по истории Смуты и ее преодоления, фрагменты которых есть в других редких Хронографах особого состава. Не имея возможности дать более подробное описание состава списка, остановимся на наиболее интересных статьях начала XVII в.

Летописная часть Хронографа Кубасова, имеющая общую нумерацию глав с Повестью князя И. А. Катырева-Ростовского, был сначала продолжена русскими известиями XVI в. из Хронографа редакции 1617 г., а затем Повесть Катырева-Ростовского (без описания царей и вирш) была продолжена летописными записями и выписками из разных памятников (в том числе неизвестных) за 1613–1649 г.

Наше особое внимание привлекла небольшая статья на л. 484 об. под киноварным заголовком «О владении болярском»: «По сем боляре же и воеводы и все стратизи Московскаго государства начаша на Москве властьвовати. И разсуждение просящим комуждь подавати. Людие же в то время строптиви и обуреваеми, бе же в них распря бысть промеж себе, и разсуждению их не бысть успех. Владения же болярского бысть 4 месяца. Яко единеми усты глаголаша, да изберут на Великое Московское государство царя и великого князя от родичей царьских. Тако же Благодавец Господь Бог и совершил».

Данный текст, описывающий положение в Москве в конце 1612 —начале 1613 г., после освобождения Кремля ополчением Минина и Пожарского, дает непредвзятый взгляд современника на предвыборную борьбу перед избранием нового царя и может быть сопоставлен с Повестью о Земском соборе 1613 г. Наши предположения, что данные тексты являются частью большого сочинения о Смуте, связанного с Иным сказанием, подтверждаются следующим на л. 485–486 об. панегирическим текстом о воцарении Михаила Романова, близким к Иному сказанию, но более подробным. Также на л. 489–490 под заголовком «О войне турского царя на Литовскую

землю» помещена статья из Иного сказания — часть легендарного сочинения на турецкую тему, сохранившегося в полном виде в рукописи с текстом Повести о Земском соборе 1613 г. (см.: [Морозов]).

Литература

Зиборов В. К. Хронограф Сергея Кубасова как исторический источник. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1984.
Морозов Б. Н. Царь Василий Шуйский перед польским королем (новый памятник турецкой темы с легендарной перепиской польского короля, турецкого султана и царя Михаила Федоровича) // Славяноведение. 2012. № 2. С. 102–106.

Л. В. Мошкова (РГАДА)

НЕИЗВЕСТНЫЙ КАНОН МИХАИЛУ ЧЕРНИГОВСКОМУ И БОЯРИНУ ФЕДОРУ СО СЛАВЯНСКИМ АКРОСТИХОМ

При подготовке третьего выпуска «Каталога славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА» в сборнике-конволюте смешанного содержания была обнаружена служба Михаилу Черниговскому и боярину его Федору с буквенным акростихом в первом из канонов[1]. Часть рукописи, в которой содержится памятник, датируется по филиграням третьей четвертью XVI в. Акростих, проходящий по всем тропарям, включая богородичны (кроме 9-й песни), поврежден, но без труда восстанавливается: «Стихи сия Михаиле и Феодоре вам приношу». Основная причина порчи — неправильно написанные киноварные инициалы в начале песнопений: вероятно, писец ставил их, не заглядывая в антиграф. После находки канона с акростихом в рукописи РГАДА были выявлены еще два списка: один в Минее служебной на сентябрь первой половины XVII в. из собрания Троице-Сергиевой лавры[2], другой в Сборнике служб русским святым XVI в.[3] (см.: [Описание, с. 195]). А. В. Горский и К. И. Невоструев указали, что часть стихир и первый канон отличаются от помещенных в печатной минее, и привели инципит первого тропаря, но наличие акростиха не отметили[4]. Датировка выявленных списков дает основание предполагать, что найденный канон был написан не позднее середины XVI в.

Основу службы Михаилу и Федору в двух рассматриваемых рукописях составляют песнопения, написанные примерно в третьей четверти XV в. Пахомием Логофетом. Действуя методом исключения, к творчеству неизвестного гимнографа XVI в. помимо канона можно отнести несколько стихир, а также два кондака и икоса. Кроме того, один из тропарей 9-й песни второго канона Пахомия включен в канон неизвестного автора и участвует в составлении акростиха.

Структура службы в рукописях РГАДА и РГБ (список ГИМ пока не исследован) довольно сильно различается, но «новый» канон в обоих случаях помещен первым. Совершенно очевидно, что созданные песнопения вливались в «старую» службу. Однако вопрос о том, сделал ли это сам автор, или безымянные книжники (которым приходилось выбирать из нескольких текстов), пока остается открытым.

А. А. Турилов предположил, что автор анонимного канона с акростихом Лев Аникита Филолог, написавший Похвальное слово Михаилу и Федору[5] (см.: [Дмитриева, с. 5]). Однако сравнение этих памятников не позволило подтвердить высказанную гипотезу: в обоих произведениях Михаил и Федор предстают как мученики и исповедники, но в литургическом тексте, подчинявшемся законам иного жанра, отсутствуют те образы и мотивы, которые могли бы подтвердить авторство Льва Филолога. Более плодотворным оказалось обращение к сербской гимнографии, а именно к канонам Феодосия Хиландарца. Некоторое сходство первого тропаря канонов Михаилу и Симеону Сербскому о мироточении не может быть значимым аргументом. Однако использование общих принципов построения канонов — более весомое свидетельство. К ним можно отнести, во-первых, упоминание имен прославляемых святых (и Руси как государства) в богородичных канона черниговским мученикам и, соответственно, святителей сербских (и «земли нашеи») в каноне Симеону[6]. Во-вторых, явно выраженное авторское начало: в богородичных 6–8-й песней канона Симеону присутствует обращение Феодосия к Богородице и святителям; в каноне Михаилу и Федору автор выступает чаще от имени «всей Руси» (что роднит его с позицией Льва Филолога), хотя четвертый тропарь 9-й песни канона Михаилу и Федору (заимствован из службы Пахомия Логофета и немного переработан) содержит именно личное обращение автора к Троице.

Необходимо отметить, что великорусские списки службы Симеону Сербскому неизвестны, хотя в книжности Западной Руси они зафиксированы[7] (см.: [Турилов, с. 680]). Но в этой ситуации южнославянское происхождение автора более вероятно, и, следовательно, изложенные наблюдения дают основание считать авторство Льва Филолога не просто гипотезой, но предположением, имеющим аргументы в свою защиту.

Литература

Дмитриева Р. П. Лев Филолог // СККДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. С. 3–6.
Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / [Сост. А. В. Горский и К. И. Невоструев]. М., 1917. Отд. III. Книги богослужебные. Ч. 2.
Србљак. Књига прва / Приредио Ђ. Трифуновић, превео Д. Богдановић. Београд, 1970.
Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. М., 2012.

[1] РГАДА. Ф. 381. № 1825. Л. 12г–20б.

[2] РГБ. Ф. 304/I. № 520. Л. 382–390 об. Поскольку на сайте Троице-Сергиевой лавры (http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php?col=1) было просмотрено немногим больше 10 рукописей, содержащих службу Михаилу и Федору, памятник нельзя считать редким.

[3] ГИМ. Синодальное собр. № 486.

[4] В настоящее время этот список известен автору только по печатному описанию.

[5] Великие Минеи четии, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869. Стб. 1308–1336.

[6] Михаил и Федор упоминаются в последнем тропаре 3-й и 4-й песней, Русь — в 5–9-й. В указанном каноне Феодосия Хиландарца Симеон (или вместе Симеон и Савва) — в 1-й, 4-й, 7-й и 8-й песнях (см.: [Србљак, с. 186–208]).

[7] На основании упоминаний в литературе невозможно понять, какие именно: Феодосий написал не одну службу.

С. А. Никонов (МАГУ)

ЛОПСКИЕ ДАНЬЩИКИ: УПРАВЛЕНИЕ КРАЙНИМ СЕВЕРОМ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVI в.[1]

Территория Кольского полуострова оказалась в сфере влияния Руси не позднее XIII в. Новгородская республика отправляла сюда даньщиков для сбора дани с коренного населения региона — саамов. Для этого времени известно и название полуострова — Тре, Терь, сохранившееся в наименовании одного из берегов Белого моря — Терский берег. Тре была одной из новгородских волостей, куда был закрыт въезд приглашенным в город князьям.

Объектом колонизации Кольский полуостров оказывается не ранее второй половины XIV в. В начале следующего столетия становится известным одно из поселений на Терском берегу — Корельский погост на р. Варзуге. Колонизационный поток усиливается после включения Новгородской республики в состав Московского государства в 1478 г. Наряду с русскими отдаленные территории заселяют и карелы. Следствием колонизации становится появление поселений на юге Кольского полуострова — Терском и Кандалакшском берегах Белого моря.

Административное подчинение этих территорий вплоть до учреждения в конце XVI в. Кольского уезда остается не вполне ясным. До строительства Кольского острога и назначения воевод здесь была система управления, осуществлявшаяся даньщиками. Передача административных полномочий даньщикам была обусловлена существованием на протяжении нескольких столетий сбора дани с саамов.

Деятельность лопских даньщиков отражена в широком круге источников, которые, к сожалению, не составляют единого комплекса. Это грамоты Василия III сборщикам лопской дани 1517 г., акты (царские и частные грамоты), материалы писцового дела XVI — начала XVII в. (сотные грамоты 1563, 1574—1575 г., писцовая книга 1608—1611 г.), челобитные даньщиков и саамов. Наконец, ценные свидетельства содержатся в записках голландского купца Симона ван Салингена, неоднократно посещавшего Русский Север в 1566—1568 г.

Местами размещения даньщиков были волости Терского и Кандалакшского берегов Белого моря — Умба, Кандалакша, Кереть. Особое значение имела Кандалакшская волость. Во-первых, через нее пролегал путь, связывавший Центр России с Кольским полуостровом. Во-вторых, здесь, по свидетельству Симона ван Салингена, находился административный центр региона.

Из Кандалакши ежегодно начинали свой путь даньщики, объезжавшие саамские погосты для сбора дани. Грамоты Василия III фиксируют два маршрута движения даньщиков. Первый начинался в Кандалакше и шел через территории Бабинского, Сонгельского, Пазрецкого и Нейденского погостов. Последний погост находился на территории Норвегии. Второй даньщик направлялся в Варзугу, откуда затем ехал в Ловозерский и Колданский погосты и в Умбскую волость. Оба маршрута были наложены на карту М. Г. Кучинским. Таким образом, путь первого даньщика охватывал территорию западной части Кольского полуострова, включая районы Северной Норвегии. Второй даньщик объезжал восточную часть полуострова, собирая дань не только с саамов, но и с русских волостей Умбы и Варзуги. Доставленная в Кандалакшу дань затем отправлялась в Москву.

Деятельность даньщиков регулировалась уставными грамотами, наиболее ранними из которых являются грамоты Василия III. Ими определялся не только маршрут следования, но и количество сопровождавших даньщика слуг, подводная повинность саамов, дача корма и подарка. Также даньщик обладал судебными функциями: рассматривал дела о недоимках, воровстве, убийстве и несчастных случаях. Выдача подобных уставных грамот известна и для более позднего времени. Так, в челобитной саамов Нотозерского и Сонгельского погостов (датирована 1606 г.) упоминаются уставные грамоты царей Ивана Грозного и Бориса Годунова, на основании которых даньщики взимали поминки и корм во время объезда.

Во второй половине XVI в. даньщики взимали и основные подати (дань и оброк), а также десятое с добытого жемчуга с русских волостей Терского и Кандалакшского берегов Белого моря. Освобождение властью владений Кирилло-Белозерского монастыря в Умбе и церкви Петра и Павла в Понойской волости от уплаты податей происходило через уведомление о принятом решении местных даньщиков.

Собранная дань доставлялась даньщиками в Москву, где им нередко приходилось бывать. Об этом, в частности, свидетельствует заключение в столице целого ряда сделок купли-продажи угодий крестьян Варзуги Троицкому Сергиеву монастырю, участие в которых в качестве послуха принимал даньщик Митрофан Кукин. Поездки в Москву могли носить и срочный характер: тот же М. Кукин в 1589 г. повез в столицу известия о действиях шведов на Кольском полуострове.

О подведомственности лопских даньщиков имеются разные сведения. Так, в ряде случаев сообщается об их подчинении ведомству братьев Андрея и Василия Щелкаловых, возглавлявших в 1570—1590-е годы целый ряд приказов. Василий Щелкалов в 1584—1594 г. был руководителем Новгородской четверти — финансового ведомства, отвечавшего и за управление Русским Севером. До 1574 г. известно подчинение даньщиков Приказу Большого прихода, ведавшему, помимо прочего, сбором таможенных пошлин.

Учреждение воеводского правления в Коле в 1580-е годы освободило даньщиков от административных полномочий, сохранив за ними только фискальные функции.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Мурманской области, проект № 17-11-51001 а(р) «Промысловая колонизация и коренные народы Крайнего Севера Европейской России в XVI—XVIII веках: опыт хозяйственного взаимодействия и разрешения конфликтных ситуаций».

М. О. Новак (КФУ)

ГРЕКО-СЛАВЯНСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ В ОГЛАВЛЕНИЯХ К ПОСЛАНИЯМ АПОСТОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СПИСКОВ XII–XIV в.)[1]

В сообщении представлены наблюдения над синтаксисом сопроводительных текстов древнеславянского Апостола — оглавлений к посланиям апостола Павла, сделанные в рамках исследовательского проекта по лингвистическому описанию и электронной публикации двух древнерусских списков Апостола — толкового Христинопольского XII в. (далее — *Христ*)[2] и последовательного Толстовского XIV в. (далее — *Толст*)[3].

Древнеславянские переводы дополнительных текстов к Апостолу (так называемого аппарата Евфалия) изучены недостаточно. Язык предисловий был рассмотрен в работах [Tak, 1999; Tak, 2003], однако оглавления еще не становились предметом отдельного исследования, в том числе и в указанных источниках, публикуемых в настоящее время на портале «Манускрипт» сотрудниками Казанского (Приволжского) федерального и Ижевского государственного технического университетов (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=60).

Язык оглавлений *Христ* и *Толст* при сопоставлении с греческим текстом[4] обнаруживает различия, указывающие на две редакции перевода при общей основе (как и в ситуации с предисловиями, описанной в [Tak, 1999]). На уровне синтаксиса выявлены следующие вариации:

1. Перевод субстантивированного инфинитива.

1.1. Конструкция **достоить** + inf. в *Христ* (при отсутствии в греческом прямого соответствия для славянской финитной формы) vs. **да** + praes. в *Толст*:

Ꙗко не достоить соудити оучителємъ (*Христ*, л. 136 об.) | **да не осоужають оучитель** (*Толст*, л. 10г) — Περὶ τοῦ μὴ κρίνειν διδασκάλους;

Ꙗко не достоить гордѣти сѧ (*Христ*, л. 136 об.) | **да сѧ не възносѧть величающе** (*Толст*, л. 10г) — Περὶ τοῦ μὴ ἐπαίρεσθαι.

1.2. Конструкция **подобаєть** + inf. в *Христ* (также при отсутствии в греческом прямого соответствия для славянской финитной формы) vs. именная форма в *Толст*:

Ꙗко подобаєть быти достоино стнꙗ (*Христ*, л. 209 об.) | **О житьи подобьнѣ свѧщении** (*Толст*, л. 27в) — Περὶ τοῦ ζῆν ἐπαξίως τοῦ ἁγιασμοῦ;

Ꙗко не подобаєть послоушати члвчьскы прѣмоудрости льстьнъі (*Христ*, л. 233) | **О непослоушании члвчьскы премоудрости льстивыꙗ** (*Толст*, л. 32б) — Περὶ τοῦ μὴ ὑπάγεσθαι τῇ ἀνθρωπίνῃ φιλοσοφίᾳ ἀπατηλῇ.

2. Предлог **за** в *Христ* vs. послелог **дѣлѧ** в *Толст* — как корреляты греческого предлога διά 'из-за, по причине':

за сънѧтіє дх҃вное (*Христ*, л. 98 об.) | **съглашениꙗ дѣла** (sic!) **къ дх҃у** (*Толст*, л. 2г) — διὰ τῆς πρὸς τὸ πνεῦμα συναφείας;

за хв҃оу моукоу (*Христ*, л. 196 об.) | **страсти дѣлѧ хв҃ы** (*Толст*, л. 24г) — διὰ τὸ τοῦ Χριστοῦ πάθος.

3. Варьирование согласованных и несогласованных определений как коррелятов греческих предложно-падежных конструкций:

Похвала добродѣтели филисиꙗнъ (*Христ*, л. 223) | **Похвалениє за филипинскъ нравъ добрыи** (*Толст*, л. 30б) — Εὐχαριστία ὑπὲρ τῆς Φιλιππησίων ἀρετῆς;

о вѣрнѣ сп҃сении (*Христ*, л. 196 об.) | **ꙗко въ вѣрѣ спсниє** (*Толст*, л. 24в) — ὑπὸ τῆς ἐν πίστει σωτηρίας;

О познании ꙗзыкъ. и июдеи б҃а христъмь (*Христ*, л. 209 об.) | **О страньствѣ** (sic!) **и жидовьстѣ приближении б҃у х҃мь** (*Толст*, л. 27в) — Περὶ τῆς ἐθνῶν καὶ Ἰουδαίων οἰκειώσεως πρὸς θεὸν διὰ Χριστοῦ.

4. Трансформация синтаксических связей под воздействием ряда факторов — например, различного понимания функций генитивных форм в контексте:

О бж҃ии славѣ. и послѣдьствоующеи житию (*Христ*, л. 172) | **О славѣ бж҃ии и о въслежающимъ житии** (*Толст*, л. 19а) — Περὶ θείας δόξης, καὶ τοῦ ἀκολούθου βίου;

Повѣсть о житии ѥго подвиꙁаньнѣ и спѣшьнѣ (*Христ*, л. 223) | **Исповѣданиꙗ своєго житиꙗ ємꙋ трудьнаго. и подвижениє оумоу єго** (*Толст*, л. 30б) — Διήγησις τῆς ἑαυτοῦ διαγωγῆς ἀγωνιστικῆς, καὶ τῆς προθυμίας.

Помимо варьирования списки в ряде случаев обнаруживают сходство решений, например, в свободном переводе оборота accusativus cum infinitivo с помощью конструкции **да** + praes.:

да не приложѧть сѧ коринѳꙗне льстьцихъ (*Христ*, л. 172) | **да не примѣшають сѧ к неистиньнъімъ коренѳѣомъ** (sic!) (*Толст*, л. 19б) — πρὸς τὸ μὴ τοῖς ἐπιπλαστοῖς προστίθεσθαι Κορινθίους.

Обе исследуемые рукописи отражают как более, так и менее точное следование оригиналу, не превосходя друг друга в этом отношении. Как видно из вышеприведенных фрагментов, усложненный характер греческого синтаксиса провоцирует разнообразные синтаксические трансформации, конъектуры и искажения в древнеславянском переводе.

[1] Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00213 «Древнерусские списки Апостола XII–XIV в: лингвистическое исследование и электронная публикация».

[2] Львовский исторический музей. Отдел рукописей. № 37. Выражаем благодарность музею за предоставление качественной цифровой копии.

[3] РНБ. Q.п.I.5.

[4] *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1864. Vol. 85.

Литература

Tak van der, J. The Old Slavic Apostolos. The Lessons of Short Lectionary from Pentecost to Great Lent and the Abstracts of the Epistles. Amsterdam, 1999.

Tak van der, J. Euthalius the Deacon, Prologues and Abstracts in Greek and Church Slavic Translation. София, 2003. (Кирило-Методиевски студии. 15.)

О. В. Новохатко (ИРИ РАН)

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ЧАСТНОЙ РУССКОЙ ПЕРЕПИСКИ XVII в.

В России XVII в. в переписку были включены все сословные группы, но степень сохранности источника позволяет сделать лишь общие наблюдения.

Наибольшее число дошедших до нас частных писем принадлежит служилым по отечеству. Как известно, это сословие не было однородным, различаясь по социальному статусу, имущественному положению.

Особенностью переписки думных чинов было то, что адресатами ее выступали в основном представители только этой сословной группы. В то же время адресантами их были люди более широкого круга — от стольников до жильцов, а также служилые иноземцы, дьяки, высшее духовенство, приказчики и вотчинные крестьяне.

Из московских чинов, да и в целом среди всех частных корреспондентов XVII в., наибольшее число письменных связей приходится на стольников, что объясняется особенностью самого чина. В стольники жаловали непосредственно членов наиболее знатных фамилий, поэтому среди их корреспондентов было много представителей думных чинов. С другой стороны, чин стольника был высшим, до которого могли дослужиться незнатные дворяне, имевшие свой, более широкий и «демократичный» круг связей.

Низшие московские чины (стряпчие и жильцы), а также городовые служилые люди были связаны перепиской главным образом с людьми из близких им социальных групп — с московскими и городовыми чинами, приказными, лицами духовного звания (поскольку именно городовые служилые по отечеству часто становились монастырскими или архиерейскими стряпчими).

Приказные служащие также имели свой круг корреспондентов. Московские приказные дьяки вели переписку с представителями думных чинов, что указывает на их высокий социальный статус, а также с людьми из высших категорий московских чинов и духовенства и с подьячими, так как многие из дьяков были связаны с последними родственными узами. Московские подьячие имели обширную переписку с представителями московских чинов, от жильцов до стольников, связанную с делами, которые они вели в приказах; постоянными их корреспондентами были также коллеги и родственники, что часто совпадало.

Городовые подьячие ввиду своего происхождения и рода деятельности переписывались главным образом с низшими представителями московских чинов, стряпчими и жильцами, а также с городовыми дворянами.

Замкнутой внутри своего социального круга была переписка посадских людей — от рядовых до гостей. Корреспондентские контакты купцов, промышленников, гостей были в основном ограничены той же средой — торговыми людьми и приказчиками; последние писали только хозяевам и своим родственникам.

Дворовые и вотчинные приказчики были связаны перепиской прежде всего со своими господами, в необходимых случаях — с приказчиками московского двора и других вотчин своего господина. Их корреспондентами были также владельцы соседних вотчин и иногда — местная администрация.

Крестьяне вели переписку, и, надо сказать, интенсивную, за редким исключением с землевладельцами. Значительную часть составляют отчетные письма старост и выборных крестьян, но при необходимости крестьяне писали владельцу и от себя лично — с просьбами помочь в нужде или заступиться в распрях с односельчанами, приказчиками или крестьянами других владельцев. Переписка между крестьянами в имеющихся источниках XVII в.

не отмечена, хотя исключить ее (как деловую) по некоторым косвенным данным нельзя (например, крестьян, имевших свои торговые промыслы, с их приказчиками в лавках и при складах в других городах).

Корреспондентские связи духовного сословия также отражали иерархию его чинов. Основными адресатами высших иерархов были лица думных чинов и стольники, а также дьяки и патриаршие дворяне; в то же время они вели переписку и с низшими московскими чинами, и с городовыми. Возможно, здесь сказывались родственные связи духовенства, которое нередко происходило из незнатных дворянских семей. Письма представителей низших духовных чинов к высшим являются исключением из правил.

Монастырские власти писали как настоятелям монастырей, так и монастырским служителям разных категорий, а также служилым людям по отечеству от думных до городовых. Низшие монастырские чины (чернецы, служки) могли быть адресантами церковных иерархов и властей своего монастыря; содержание этих писем составляли отчеты о порученной им работе. В известную нам переписку вошли также письма сельских священников, адресатами которых были владельцы сел, в которых находились вотчинные храмы.

Итак, русская частная переписка XVII в. отражала как сословное разделение общества, так и одновременно переплетение социальных страт в реальной жизни. Наибольшую сословную замкнутость в переписке являют почти диаметрально противоположные социальные группы — думные чины и посад. При этом корреспонденция демонстрирует наличие в обществе заметного «среднего слоя», аккумулировавшего в себе большую часть информационных потоков, исходивших с разных «полюсов» общества. Таким образом, переписка являлась и средством, и способом сообщения сословных групп, инструментом «стягивания» их в единое социальное целое.

З. Е. Оборнева (ИВИ РАН)

ЭКЗАМЕН НА ГРЕЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА И ТОЛМАЧА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Экзамен был частой практикой проверки кандидатов в переводчики и толмачи Посольского приказа. Экзамен принимали переводчики, уже служившие в дипломатическом ведомстве. Греческие переводчики поступали в Посольский приказ в основном из толмачей, поэтому им не устраивали отдельного письменного экзамена.

Анастас Селунский — единственный греческий переводчик, в отношении которого сохранились сведения о прохождении письменного экзамена на знание греческого языка. Экзаменаторами выступили два других греческих переводчика — Иван Селунский и Борис Богомольцев. Кандидату, который незадолго до этого после соответствующей челобитной был принят в греческие толмачи, было предложено написать греческий текст, чтобы экзаменаторы перевели его на русский, а также перевести предоставленный ему греческий текст на русский язык. На экзамене Анастас Селунский написал по-гречески своей рукой челобитную о зачислении в толмачи и перевел ее на русский язык, а также перевел написанную Иваном Селунским такую же несколько более развернутую греческую челобитную. Экзамен был успешно сдан: выполненный перевод можно назвать удачным, так как типизированный текст облегчил задачу кандидату. Экзаменаторы сделали незначительное исправление в переводе, поставили свои подписи и утвердили кандидата[1].

Кандидаты в греческие толмачи, которыми были выезжие греки, служившие в Иноземном приказе, сдавали лишь устный экзамен. Он заключался в устной беседе с переводчиком Посольского приказа, после которой экзаменатор выносил вердикт, что знания русского и иностранного (греческого) языков у кандидата достаточны для «толмачества».

В начале 1628 г. все греческие переводчики Посольского приказа, Борис Богомольцев, Иван Селунский и недавно принятый Анастас Селунский, экзаменовали Николая Дмитриева, претендовавшего на место погибшего в Крыму греческого толмача Христофора Иванова. Выслушав кандидата, экзаменаторы вынесли вердикт, что Николай Дмитриев может быть толмачом, и поставили свои подписи[2].

В мае 1642 г. греческий переводчик Иван Боярчиков принимал экзамен у Дмитрия Михайлова, служившего в Иноземном приказе и женатого на племяннице греческого толмача Дементия Чернцова. Иван Боярчиков поговорил с кандидатом в толмачи по-гречески и подтвердил его знания языка, в чем оставил свою подпись: «К сеи скаски переводчик Иван Боярчиков руку приложил»[3].

В мае 1643 г. недавно принятый в греческие переводчики Дементий Чернцов принимал экзамен у Кирилла Иванова, пожелавшего стать толмачом и перейти из Иноземного приказа в Посольский на место умершего татарского толмача Юрия Бурнашева. На это место пытался поступить также Михаил Поликострицкий, о нем была сделана выписка, но предпочтение было отдано Кириллу Иванову, и Михаилу было велено дожидаться «убылова места». Ждать пришлось недолго: Кирилл Иванов проработал в Приказе лишь 3 месяца, после чего умер. В августе 1643 г. Михаил Поликострицкий смог занять желаемое место, пройдя экзамен у того же Дементия Чернцова, после чего он был переведен из Иноземного приказа в Посольский с хорошим жалованием, так как он также знал турецкий язык. Знание турецкого языка у кандидата проверил турецкий переводчик Прокофий Вранской. Михаил Поликострицкий заявил о своих способностях читать и писать по-русски и по-гречески, надеясь в дальнейшем стать греческим переводчиком. Сохранились подписи экзаменаторов[4].

Таким образом, при отборе кандидатов в толмачи играли роль неизвестные нам факторы или родство, как в случае с Дмитрием Михайловым. Сам экзамен при этом, скорее всего, был формальным: кандидаты в толмачи за время службы в Иноземном приказе вполне овладевали навыками устной русской речи, а греческий и турецкий языки были для них родными. Чтение и письмо не входили в обязанности толмачей и не подлежали проверке, хотя некоторые кандидаты заявляли об умении читать и писать. Кандидат мог претендовать на место выбывшего специалиста по другому языку.

Подобная практика приема толмачей продолжилась и во второй половине XVII в. Летом 1650 г. Дементий Чернцов принял экзамен у Николая Дмитриева, сына Селунского, а осенью 1654 г. — у кандидата в греческие, турецкие и волошские толмачи Дмитрия Остафьева, претендовавшего на место недолго прослужившего толмача Юрия Остафьева. 25 мая 1655 г. греческий переводчик Борис Богомольцев принимал экзамен у кандидата в греческие и турецкие толмачи Ивана Дементьева, сына греченина.

Экзаменационные дела ценны не только информацией о порядке приема в Посольский приказ, но также автографами переводчиков. Во многих случаях это единственный источник, благодаря которому можно обнаружить подписи греческих переводчиков.

[1] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1627 г. № 6.
[2] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628 г. № 3. Л. 8–9.
[3] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. № 5. Л. 3.
[4] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. № 2. Л. 34–38.

М. П. Одесский (РГГУ)

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «СКАЗАНИЮ О ДРАКУЛЕ ВОЕВОДЕ»: «ВАРАДИНСКИЙ БИСКОП»

Предполагаемый автор «Сказания о Дракуле» — Федор Курицын, дьяк великого князя Ивана III Васильевича, — в 1482 г. был отправлен послом к венгерскому королю Матьяшу Корвину (и оставался в Венгрии до 1484 г.);

в результате был заключен договор, подразумевавший координацию совместных действий против польского короля Казимира IV Ягеллона. В финале «Сказания» автор сообщает о семье убитого на исходе 1476 г. валашского воеводы Дракулы: «Корол же сестру свою взят, и со двема сынми, въ Угорскую землю на Будинъ. Единъ при кралеве сынъ живет, а другий был у варадинского бископа и при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила, тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибегъ ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула съ единою девкою». Вдова Дракулы, согласно «Сказанию», была сестрой короля Матьяша; сыновья — это Михня Злой (в 1508–1509 г. валашский воевода), Влад (в 1495 г. претендент на воеводство), третий — безымянный — «был у варадинского бископа и при нас умре». В примечании сообщается (Я. С. Лурье), что «варадинский бископ» — «епископ города Вардан или Варадин Великий (ныне Орадя в Румынии)», однако теперь можно уточнить, что это — Ян Филипец (1431–1508), замечательный дипломат Матьяша Корвина.

Ян Филипец родился в 1431 г. в Простееве в Моравии, входившей в состав Чешского королевства. Незнатная и небогатая семья придерживалась умеренной версии гуситства — утраквизма (чашничество). Получив образование в городской школе, зная латынь, Филипец стал писарем на службе моравского гетмана, но вскоре политическая ситуация радикально изменилась. В 1468 г. Матьяш Корвин, в качестве защитника католичества ополчившись против гусита — чешского короля Ииржи Подебрада, оккупировал Моравию и другие земли. В 1471 г. Ииржи Подебрад умер, королем Чехии избирается Владислав Ягеллон (брат Казимира IV), а Филипец оказывается у Корвина.

Для венгерского короля Ян Филипец вскоре превратился в своего человека. В 1476 г. Матьяш Корвин добивается назначения его — который уже перешел в католичество, но не был духовным лицом — епископом Вардана (в 1477 г. утвержден папой римским); в 1478 г. Филипец — канцлер; в 1484 г. он — еще и епископ Оломоуца. Филипец удачно действовал на самом ценном для короля центрально-европейском направлении: среди достижений — Оломоуцкий договор (1479 г.), завершивший войну с Чехией, по которому за Матьяшем были официально закреплены Моравия и другие занятые им территории.

После смерти Матьяша Корвина (1490 г.) венгерский престол достался его противнику — Владиславу Чешскому. При новой конъюнктуре Филипец ушел с поста канцлера, упросил освободить его от епископского служения и принял монашество, вступив во Францисканский орден (1492 г.). Однако это не свидетельствовало об опале: Филипец выполнял ответственные дипломатические поручения нового короля и скончался на покое в основанном им францисканском монастыре в Угорскем-Градиште (Моравия).

Итак, учитывая, что посольство Курицына (1482–1484 г.) приходилось на пик могущества Яна Филипеца, «варадинский бископ» — не столько церковный сан, сколько обозначение всем ведомого канцлера Венгерского королевства. Ведомого, очевидно, и Курицыну, который должен был иметь с ним дело как с куратором венгерской дипломатии. Учитывая же, что, по мнению специалистов, на мировоззрение «жидовствующих» могли воздействовать (в той или иной степени, посредством тех или иных каналов) западноевропейские реформационные движения, прежде всего — гуситы, Филипец — гипотетический собеседник Курицына — вдвойне соблазнительная фигура для рассмотрения.

Исключительную религиозную толерантность как особенность государственной деятельности Филипеца акцентировал Франтишек Палацкий в своем фундаментальном историческом компендиуме. Среди корреспондентов и влиятельных приятелей «варадинского бископа» числились приверженцы гуситства (магнаты Вилем II из Пернштейна, Цтибор Товачовский из Цимбурка), Филипец помогал гуситам, попадавшим в беду, был эффективным с ними переговорщиком. Это даже вызывало подозрения: хотя епископ Вардана и Оломоуца инициировал подобающие сану проекты, папа Иннокентий VIII ставил под сомнение его ортодоксальность, по меньшей мере — соответствие высокому посту в церковной иерархии.

Это — с одной стороны. Но с другой стороны, несмотря на папские подозрения, Филипец тайным гуситом не был. Более того, счастливая церковная карьера в его случае — характерный признак определенного исторического типа: чешского интеллектуала-гуманиста второй половины XV в. Отсюда — знание латыни, устроение типографии в Брно, собирание экзотических рукописей (медицинские сочинения Авиценны, роман «Золотой осел»). Не противоречит типу гуманиста, но в то же время обуславливает специфику личности Филипеца и «бюрократическая» доминанта его деятельности — верная служба государю. В таком ракурсе вероятный диалог Филипеца и Курицына подразумевает «еретический» канал разве что в рамках реферирования информации о гуситах, однако, безусловно, свидетельствует об общей принадлежности обоих возможных собеседников к историческому типу европейского интеллектуала-бюрократа, что перспективно и семантически нагружено.

Т. А. Опарина (Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова)

ИОАННИКИЙ ГРЕК И ГРЕЧЕСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО МОСКВЫ

Иоанникий Грек, келарь Святого Гроба Господня и сподвижник иерусалимского патриарха Феофана, обладал огромным авторитетом при дворе патриарха Филарета и был проводником влияния глав Христианского Востока в России. Период его жизни в Москве подробно освещен в историографии [Белоброва; Фонкич, 2006], а деятельность в качестве главы греческой общины в Москве изучена Б. Л. Фонкичем [Фонкич, 2004]. Новые архивные материалы позволяют расширить круг примеров участия Иоанникия Грека в судьбах греческих иммигрантов.

Первые сведения контактов Иоанникия с русской дипломатией датируются временем пребывания в османской столице русского посольства Петра Ивановича Мансурова и дьяка Семена Самсонова (1615–1619 г.). Иерарх оказал русским дипломатам помощь, передавая необходимую информацию и ссужая деньги. В 1619 г. он прибыл в Россию в свите иерусалимского патриарха Феофана, оставившего Иоанникия в Москве своим представителем. Иоанникий неизменно пользовался покровительством патриарха Филарета. В Москве его наградили за помощь

Петру Мансурову[1]. Не позднее 1622 г. Иоанникия назначили келарем в родовой монастырь Романовых — Новоспасский. В обители при Иоанникии проходили повторные крещения православных Киевской митрополии, примером чему служит обращение старца Галактиона [Опарина, 2011].

Свое влияние Иоанникий использовал для поддержки соотечественников, попавших в беду. Оказавшиеся в России иностранцы имели опасную возможность потерять свободу. Известны три примера участия пастыря в освобождении греков из зависимости.

Первый случай относится к 1624 г., когда греческий священник и сопровождающий его мирянин смогли направить Иоанникию письмо. Греки находились в Нидерландах, возможно, для сбора пожертвований, где встретились с царским посланником, дьяком Большой Казны Назарием Чистым. Последний, вероятно, предложил киприотам продолжить свой путь в Россию, пригласив в свою свиту. Однако Назарий Чистой не довез просителей «милостыни» до Москвы, оставив их в своих ярославских владениях. Киприотам удалось отослать в Москву к Иоанникию послание на греческом языке, в котором они рассказали о своих страданиях и мучениях. Вмешательство Иоанникия позволило вызволить греков. После царской аудиенции их отпустили на родину [Фонкич, 2004].

Второй случай произошел с греком, которого Иоанникий должен был знать по посольству Петра Мансурова. В Константинополе к русской миссии присоединился Николай Дмитриев, как он потом заявлял, с целью принять русское подданство. Но дипломат оставил грека у себя, сообщив в Посольском приказе, что Николай Дмитриев поступил к нему в услужение. Грек шесть лет находился в холопстве у Петра Мансурова, пока в 1626 г. служилые иноземцы не инициировали следствие. На суде Иоанникий дал показания в пользу грека. Николай Дмитриев получил свободу. Его зачислили в Иноземский приказ, откуда он смог перейти в Посольский приказ [Опарина, в печати].

Третий случай связан с Мануилом Константиновым, ставшим жертвой донских казаков. В 1625 г. его захватили в качестве «ясыря» в Трапезунде. Юношу перепродавали несколько раз, пока он не стал холопом царского ювелира Якова Гаста. Грек бежал от хозяина-иностранца, обратившись за помощью к патриарху Филарету. Показания Иоанникия дали возможность греку обрести свободу. В 1627 г. Мануила Константинова определили в Иноземский приказ [Опарина, 2007а; Опарина, 2007б].

Кроме того, известен факт ручательства Иоанникия за нового иммигранта. В 1628 г. келарь подтвердил в Иноземском приказе истинность показаний Николая Остафьева Мамгуселима [Опарина, 2016], заверив изложенную греком биографию своей подписью[2].

Таким образом, греческие иммигранты находили в лице Иоанникия постоянного заступника и ходатая. После кончины пастыря сведения об освобождении греков из зависимости исчезают из источников. Очевидно, это вызвано не прекращением практики закабаления выходцев, а отсутствием в греческом землячестве человека, готового отстаивать право на свободу греков-холопов.

Литература

Белоброва О. А. Иоаникий Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. С. 76–78.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. [Опарина, 2007а]

Опарина Т. А. Иммигранты из Трапезунда в России XVII в.: их судьбы и поиски этно-конфессиональной идентичности // Omeljan Pritsak armağani. Atribute to Omeljan Pritsak. Sakarya, Temmuz, 2007. С. 583–625. [Опарина, 2007б]

Опарина Т. А. Ссыльные монахи Тобольского Знаменского монастыря в первой половине XVII в. // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века). Новосибирск, 2011. С. 211–226.

Опарина Т. А. Два Николая Мамгуселима — две судьбы «греческих» иммигрантов в России первой половины XVII в. // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи. Материалы Международной научной конференции, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 169–172.

Опарина Т. А. Превратности судьбы «греченина» Николая Дмитриева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. (в печати)

Фонкич Б. Л. Кипрский священник в Ярославле и Москве (Из истории кипрско-русских отношений в первой четверти XVII в.) // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 238–247.

Фонкич Б. Л. Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. М.–СПб., 2006. Вып. 10. С. 85–110.

[1] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 205. Л. 379.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 43, 43 об.

Т. В. Панич (ИИ СО РАН)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. («УВЕТ ДУХОВНЫЙ» И «ЩИТ ВЕРЫ»)

В публицистике второй половины XVII в. особое место занимают две книги, отразившие проблемы религиозно-идеологических столкновений этого периода: «Увет духовный», направленный против защитников «старой» веры (М., 1682), и «Щит веры», посвященный истории знаменитого спора «грекофилов» и «латинствующих» о времени пресуществления Святых Даров на литургии[1] и являющий собой, по словам Д. В. Цветаева, «энциклопедию

[1] Книга «Щит веры» не издана, известна в рукописях, представляющих две редакции сочинения: Основную (в списках конца XVII — начала XIX в.) и Дополненную (известен единственный ее список конца XVII в. — ГИМ. Синодальное собр. № 346). Об истории текста книги см.: [Панич, 2004, с. 151–179].

полемической литературы» своего времени [Цветаев, с. 178]. Обе книги представляют литературу Патриаршего двора и связаны с именем первого холмогорского архиепископа Афанасия (Любимова). Он был автором «Увета духовного», написанного от имени патриарха Иоакима [Белокуров]. Что касается «Щита веры», то здесь Афанасием был выполнен основной труд по редактированию и композиционному оформлению подготовленных не только им, но и его единомышленниками текстов.

Оба памятника содержат богатый материал для решения важной задачи — изучения влияния письменного наследия Древней Руси на литературную культуру XVII в., в частности на публицистику этого периода. Ведя полемику с противниками церковной реформы (в «Увете духовном») и с «латинствующими» (в «Щите веры») и выстраивая систему аргументации в защиту обрядовых изменений и учения Православной церкви по тому или иному вопросу, составители обоих сочинений, как показывает анализ, опирались на огромный пласт текстов (в том числе и переводных) из корпуса древнерусской книжности: церковно-канонических, догматических сочинений, произведений полемической традиции, текстов сюжетного повествования (повести, жития, видения, легенды и сказания).

В «Увете духовном» Афанасий Холмогорский обратился, например, к известному по Повести временных лет сказанию о путешествии в славянские земли апостола Андрея Первозванного. Решая актуальные вопросы общественной и церковной жизни своего времени, автор наполняет легендарный сюжет новым содержанием, трактуя легендарное событие как начальный этап в истории Русской церкви [Панич, 2010]. Принципиально значимым для автора «Увета духовного» было стремление учесть и книжный труд митрополита Макария. Свои размышления о необходимости изучения грамматики («грамматического художества») как основы просвещения Афанасий Холмогорский завершил цитированием предисловия святителя к Великим Минеям Четиим[2]. Большую роль в структуре полемического дискурса книги играют выписки из сочинений Максима Грека, а также из древних рукописей (в том числе пергаменных), принадлежавших выдающимся деятелям Русской церкви, тексты агиографического и эпистолярного жанра, призванные убедить оппонентов в ошибочности их взглядов и суждений относительно книжной справы и новых обрядов.

Широкий круг источников из фонда древнерусской книжности насыщает и текст книги «Щит веры». Среди них, помимо традиционно используемых текстов Священного Писания и патристики, можно увидеть памятники агиографии (например, Житие Сергия Радонежского), легенды и повести из патериков, Пролога и др. [Панич, 2004, с. 222–244].

Принципы использования источников, особенности их осмысления, интерпретации и композиционного расположения в каждом отдельном случае продиктованы идейно-эстетическими взглядами авторов изучаемых книг, а также теми полемическими задачами и целями, которые определяли их творческую стратегию. Древние тексты приобретали новое прочтение в контексте событий XVII в., актуализированные сюжеты иногда меняли смысловую направленность.

Основное значение привлекаемых памятников древнерусской книжности состояло в том, что они содержали готовые ответы на спорные вопросы. С их помощью писатели XVII в. в полемике с идейными противниками выстраивали систему обороны, защищая учение Православной церкви от влияния иных конфессий. «Достоверные свидетельства» из проверенных временем сочинений прошлого служили аргументами в отстаивании традиций православия, системы его нравственных ценностей и норм.

На примере «Увета духовного» и «Щита веры» мы можем наблюдать значительное влияние книжных памятников Древней Руси на полемико-публицистические сочинения церковных писателей второй половины XVII в., что свидетельствует о прочной преемственной связи творчества этих авторов с традициями древнерусской письменной культуры. Дальнейшее исследование связи их произведений (на уровне структуры, идей, стилистики) с текстами старинной книжности может быть перспективным для более глубокого понимания характера воздействия древнерусского литературного наследия на публицистику «переходного» периода.

Литература

Белокуров С. А. Кто автор Увета духовного? // Христианское чтение. 1886. Т. 2. С. 163–177.
Панич Т. В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.
Панич Т. В. Летописное сказание об Андрее Первозванном в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского // Лирические и эпические сюжеты. Материалы к словарю сюжетов русской литературы. Новосибирск, 2010. Вып. 9. С. 19–31.
Цветаев Д. В. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887.

[2] Увет духовный. М., 1682. Л. 266–270.

А. А. Пауткин (МГУ)

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ

Летописное повествование с древнейшей поры богато прямой речью. Несколько видов высказываний различались функционально и степенью аутентичности. Отразился в летописных известиях и невербальный элемент коммуникации. И хотя Ж. Ле Гофф называл средневековую культуру Европы «культурой жестов» [Ле Гофф, с. 333], стремление древнерусских книжников к символическому обобщению сводило передачу кинетических проявлений человека к минимуму. Для фиксации конкретных деталей коммуникативного события нужны были веские причины.

О. Ю. Клаутова, рассматривая так называемые канонические жесты в древнерусской литературе и искусстве (в летописи, например: жест моления — «воздевъ руце на небо»; «возревъ на небо»), отмечала, что неканонические жесты, не поддающиеся «точной формализации… в литературных произведениях как будто вовсе не отразились»

[Клаутова, с. 265]. С этим утверждением не во всем можно согласиться. Летописцы XI–XIII в. могли отмечать невербальное действие князя, к которому прикованы взоры окружающих, или жест, ему адресованный.

В отличие от письменной фиксации высказывания или реплики, знаковое телодвижение не может быть искажено, однако наглядный и скоротечный жест необходимо верно истолковать, вскрыть его имплицитные смыслы. Особую роль играет коммуникативная среда. Этикетный жест распознается и ценится определенной профессиональной или социальной группой. Так, в Повести временных лет, Лаврентьевской и Галицкой летописях (под 946, 1128, 1208 г.) читаются близкие известия, построенные на жесте князя-младенца. Святослав, Изяслав и Даниил еще не могут формулировать мысль вербально, однако прямо или косвенно защищают мать с оружием в руках.

Взаимодействие коммуникантов различных возрастных групп или культур понуждает летописца раскрывать для читателя семантику жеста или иного невербального акта (например, непонятные русичу поступки ханов Боняка или Сырчана). Неординарное ситуативное поведение, а не только этикетный жест — свидетельство мудрости и удачи (например, игра Василька Романовича с мечом, раскрывающая коварный заговор бояр). Так проявляется средневековое пристрастие к «инословию», притче, поиску сокровенных смыслов, афористичной дидактике.

Возможно, древнерусский книжник подчас оказывался самовидцем случившегося, ведь жест мог стать атрибутом тайной дипломатии (Василько Романович, бросающий камушки под стенами Холма; особое рукопожатие посла Конрада Мазовецкого), являться кульминационным моментом воинской повести. Снять шлем, открыть лицо вынужден Игорь Святославич, чтобы предотвратить бегство дружины. Но летописец передает не только бытовую деталь. Узнавание князя может становиться основой микросюжета: Даниил Романович, снимая шлем на переговорах, принуждает к повиновению осажденных; Изяслав Мстиславич избегает гибели от рук своих воинов, при этом слово лишь усугубляет ситуацию.

Помимо поэтических воинских формул (в их составе эпитет или сравнение), имевших широкое распространение вплоть до XVII в., в летописном повествовании XI–XIII в. наличествуют менее устойчивые во времени топосы, представляющие собой осколки древней дружинной терминологии. Они восходят к княжеским ритуальным жестам, знаменующим ключевые моменты походной жизни. Некоторые топосы встречаются и в переводных памятниках (например, славянский перевод «Истории Иудейской войны»). Лаконичные формулы «всесть на конь», «изломить копье», «взять градъ копьемь», «взять градъ на щитъ», «утереть пота» — отражения своеобразного знака, его вербализация. На терминологичность формулы, приобретшей абстрактно-обобщенный характер, указывает, в частности, использование ее в прямой речи (например, «Ты... ни копьемь мя еси добылъ...»[1]). При этом летописец может вкладывать данный оборот не только в уста князя. «Аще и градъ нашь пленьше копиемь возмуть...» — говорит прихожанам епископ Владимирский Митрофан[2]. Данный вид формул, порожденный статусным, многократно повторяющимся жестом, имел практическое, а не литературное назначение.

Литература

Клаутова О. Ю. Жест в древнерусской литературе и иконописи XI–XIII вв. К постановке вопроса // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 256–269.
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

[1] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 900.
[2] Там же. Стб. 780.

Т. В. Пентковская (МГУ)

АДАПТАЦИЯ РЕАЛИЙ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ XVI–XVII в.: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В церковнославянской переводческой практике выделяется несколько типов адаптации реалий. Базовая функция адаптации — экспликативная. Это так называемый адаптирующий перевод, который возникает при отсутствии соответствующих реалий культуры-донатора в инокультурной среде [Максимович, с. 40]. Особой разновидностью этого типа перевода являются адаптирующие глоссы, принадлежащие переводчику. Особенность таких глосс — в наличии в качестве пояснения лексического регионализма. Этот тип глосс встречается, в частности, в Беседах Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в переводе Максима Грека и старца Силуана 1524 г.: например, **сложенїе** (τὸ συμβόλαιον ‘долговое обязательство’) глоссируется как **кабала** ‘долговая расписка’ [Пентковская, с. 30].

Необходимость подобного рода пояснений может быть связана с интерпретацией античных реалий. Так, в 1688 г. иеродиакон Феофан Чудовский перевел с польского написанное по-латыни сочинение иезуита Иеремии Дрекселия «Heliotropium seu Conformatio humanae voluntatis cum Divina» [Николаев, с. 163]. Здесь появляются глоссы, толкующие имена языческих богов: **видимъ, коликѡ тщателнѡ гладный вꙋлканъ** (на поле: **божокъ огня**) **церерем҃ъ** (на поле: **богиню гобꙁованїй) пожретъ** (РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 99 (XVII в.). Л. 144 об.). Сопоставление с польским текстом показывает, что глоссы находятся уже в польском переводе и воспроизводятся русским переводчиком: Pátrzmy / práwi / iáko chćiwie głodny Vulcanus (a) Cererem (b) poźrze; на поле глоссы: (a) Bozek ogniá, (b) Boginia vrodźáiow (F. 179).

При адаптирующем типе перевода возникает эффект модернизации реалий, сокращающий дистанцию между временем возникновения оригинального текста и временем читателя. Так, в переводе Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого в Деян 12: 20 выражение **постелника царева** (τὸν ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος τοῦ βασιλέως) глоссируется лексемой **спальникъ** ‘придворный чин, в обязанности которого входило помогать государю одеваться, раздеваться, сопровождать его во время поездок’ [Пентковская, с. 31–32]. Тот же принцип используется в «Илиотропионе» в переводе Феофана Чудовского: **илїа ѳесвитянинъ пророкъ ѿ вранѡвъ ꙗкѡ ѿ пищеносцевъ прїимаше пищꙋ** (Рум. 99. Л. 133 об.) — Eliaß Thesbites Prorok od Krukow iáko od Truk czáſow brał pokarm (F. 165). На поле глосса: **столникѡвъ**, отсутствующая в польском.

Одной из важнейших целей адаптации реалий при переводе является идеологическая доместикация, частный случай проявления которой — адаптация конфессиональная, то есть переадресация иноконфессионального текста, позволяющая использовать «чужой» конфессиональный текст в своей конфессиональной среде. Этот тип адаптации приобретает особую важность в конце XVII в. в переводах московских книжников. Ярким примером конфессиональной переадресации является «Слово о милости», считавшееся до недавнего времени оригинальным произведением московского книжника (Епифания Славинецкого или Евфимия Чудовского). Этот текст является переводом с польского проповеди Петра Скарги. Для этого перевода характерна систематическая замена католических реалий или же их устранение (так, *католический* регулярно заменяется на *православный*, устраняются имена западных святых). Подобный прием используется и другими книжниками, в частности Симеоном Полоцким [Корзо] и впоследствии Димитрием Ростовским. Так, римский сенат в его переводе Жития Симеона Юродивого (перевод 1701–1705 г.), основным источником которого послужил латинский текст Жития в сборнике Лаврентия Сурия «De probatis sanctorum historiis», превращается в *боляр*. Именно такой вариант перевода слова *senator* — *боляринъ* находится в Лексиконе треязычном Федора Поликарпова 1704 г. [Кузьмина, с. 63–64].

Адаптация лексики позволяет по-новому взглянуть на переводы книжного круга Максима Грека и московских книжников конца XVII в., основной чертой которых традиционно считается буквальное следование своему оригиналу. Сходные типы адаптации реалий находятся как в переводах с греческого, так и в переводах с польского, принадлежащих одному кругу авторов.

Литература

Корзо М. А. О некоторых источниках катехизисов Симеона Полоцкого // Київська Академія. 2008. № 6. С. 102–122.

Кузьмина М. К. Житие Симеона Юродивого в редакции Димитрия Ростовского. Принципы работы с источниками и методология их редактирования. М.; СПб., 2015.

Максимович К. А. Законъ соудьныи людьмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.

Пентковская Т. В. Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 1. С. 26–45.

Я. А. Пенькова (ИРЯ РАН)

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ В ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ[1]

В настоящей работе рассматриваются употребления *будущего сложного второго* (перифразы *буду* + л-форма) в переводной древнерусской литературе в сопоставлении с греческими соответствиями, до сих пор не становившиеся предметом отдельного исследования[2]. Славянской перифразе чрезвычайно редко соответствует ее структурный аналог – греческий футуральный перфект. Это позволяет выявить те параметры, которые побуждали славянских переводчиков использовать конструкцию, формально не соответствующую структуре в оригинале, и обогатить наши знания об особенностях древнеславянской перифразы *буду* + л-форма (см.: [Пенькова]).

Древнерусские домонгольские переводы с греческого (см.: [Пичхадзе]), интегрированные в базу данных НКРЯ[3], сопоставляются с некоторыми южнославянскими переводами (Шестоднев Иоанна Экзарха, Паренесис Ефрема Сирина и др.), выявляются общие принципы и различия. Результаты сравнения славянских текстов с их греческими оригиналами дают чрезвычайно пеструю и во многом неожиданную картину. Выделяются несколько типов славянско-греческих соответствий: *двухкомпонентные* с отдельным соответствием для вспомогательного *буду* и для л-формы (аналитический футуральный перфект: боудешн съвьршилъ – ἔσῃ τετελεκώς[4]; аналитический перфект конъюнктива; сочетания глагола-связки с именами существительными и др.) и *однокомпонентные*, в которых перифразе *буду* + л-причастие соответствует одна греческая форма (аорист индикатива или конъюнктива, перфект индикатива, презенс индикатива или конъюнктива, футурум, имперфект, инфинитив презенса). Однокомпонентные соответствия встречаются чаще, чем двухкомпонентные.

Основным соответствием славянской перифразе в греческом тексте является аорист: боуде гла҃лъ – εἶπεν[5]. Возможные объяснения этому – экспансия аориста в зоне перфекта в среднегреческом языке [Судакова, с. 11–14] и более широкая сфера употребления греческого аориста в сравнении с его славянским когнатом: первый характерен для реального условного протазиса, обозначения событий плана будущего и предполагаемых событий в сочетании с модальными частицами ἄν ‘пожалуй, может быть’, ἆρα ‘разве, неужели’, ἴσως ‘может быть, вероятно’: боуде нстнньствовалъ – ἄρα ἠλήθευσεν[6].

При этом в южнославянских переводах, в отличие от древнерусских, встречаются прямые соответствия «модальная частица – вспомогательный буду», «финитная глагольная форма (не обязательно аорист) – л-причастие»: будуть сѧ н чюднлн мънозн – ἴσως θαυμάζουσιν οἱ πολλοί[7].

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 15-04-00283 «Древнерусский глагол: функционирование и эволюция».

[2] В работе [Hauptová] рассмотрены латинские соответствия второму будущему в славянском переводе сорока гомилий Григория Великого.

[3] НКРЯ – Национальный корпус русского языка, URL: www.ruscorpora.ru.

[4] *Мушинская М. С., Мишина Е. А., Голышенко В. С.* Изборник 1076 года. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. А. М. Молдована. М., 2009. Т. 1–2.

[5] *Aitzetmüller R. A.* Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Graz, 1958. Bd. V. 245.

[6] *Голышенко В. С., Дубровина В. Ф.* Синайский патерик / Под ред. С. И. Коткова. М., 1967. С. 309.

[7] *Aitzetmüller R. A.* Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. V. 121, 185a.

Напротив, для южнославянских переводов нехарактерна передача греческого футурума славянской перифразой *буду* + л-форма, ср. спорадически только в древнерусских: боудоуть ѡдолѣлн – ἔσονται νενικηκότες[8]. Остальные типы славяно-греческих соответствий являются общими для южнославянских и древнерусских переводов.

В целом перевод различных греческих конструкций с помощью перифразы *буду* + л-форма можно охарактеризовать как функциональный, передающий в первую очередь конкретные грамматические значения форм оригинала и лишь в последнюю – структурное подобие. Предбудущее в сознании славянского переводчика не было средством чистого таксиса: л-форма сохраняла атрибутивность и характеризационную семантику, о чем свидетельствуют переводы греческих конструкций с существительными и прилагательными с помощью перифразы *буду* + л-форма. Предбудущее не воспринималось и как средство референции к будущему, но служило, прежде всего, для передачи различных аспектуальных и модальных значений. Так, из более чем 60 случаев только в 6 в греческом представлен футурум.

Литература

Пенькова Я. А. К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // Die Welt der Slaven. 2017. № 2 (62). S. 247–259.
Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2012.
Судакова А. Н. Старославянский перфект и его греческие соответствия. Минск, 1989.
Hauptová Z. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Besěd Řehoře Velikého // Janyšková I., Karlíková H., Večerka R. (eds.) Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80 narozeninám Radoslava Večerky. Praha, 2008. S. 95–101.

[8] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст // ЧОИДР. 1894. Кн. 1. Отд. III; Кн. 2. Отд. II; греч.: Arrianus. Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri M. Pseudo-Callisthenes. Parisiis, 1846.

В. Б. Перхавко (ИРИ РАН)

РАЦИОН ДРЕВНЕРУССКОГО КУПЦА

Бытовая сторона жизни торговых людей русского Средневековья (особенно для раннего периода) пока остается недостаточно изученной. И прежде всего, из-за весьма ограниченной источниковой базы. В письменных источниках IX–XI в. почти нет свидетельств о быте первых представителей зарождавшегося тогда на Руси купечества, поэтому при его реконструкции приходится полагаться в основном на археологические материалы.

Реконструкция быта древнерусского купечества IX–XI в. возможна только на основе интеграции методов археологии с методикой письменной истории, специальных исторических дисциплин и естественных наук, то есть междисциплинарного синтеза. Суть метода комплексного источниковедения заключается не в простом сопоставлении результатов, полученных археологией, нумизматикой, сфрагистикой, источниковедением письменных материалов, топонимикой, а в аналитическом сравнении их первичных источников, во взаимной корректировке их достоверности, полноты, репрезентативности, а в некоторых случаях и в установлении более точной даты и происхождения.

В древнерусских и иностранных письменных источниках отложились лишь отрывочные свидетельства о пищевом наборе торговых людей из Руси во время дальних поездок. Двигаясь по пути «из варяг в греки» вдоль западного побережья Черного моря, на стоянках в Константинии (современной Констанце), Конопе, устье рек Варны и Дичины, в других болгарских гаванях древнерусские воины и купцы чувствовали себя в большей безопасности, чем во время прохождения в нижнем течении Днепра печенежского (а с последней трети XI в. половецкого) барьера. Здесь они отдыхали, пополняли запасы пресной воды, закупали у местных жителей продукты питания, оставляя следы в виде древнерусских ремесленных изделий (дисков для прядения – пряслиц из розового овручского шифера, глиняных поливных яиц-погремушек, трубчатых висячих замков для дверей и сундуков, бронзовых крестов-энколпионов и др.).

Далее через Месемврию (совр. Несебр) они попадали в столицу Византии, бытовая жизнь которой существенно отличалась от древнерусской повседневности. По предположению Г. Г. Литаврина, власти Константинополя ставили купцов из Руси на постой в воинских казармах, свободных от солдат, отправлявшихся в летние лагеря. Там легче было кормить, контролировать, а в случае необходимости и обуздать торговых людей из дружинной среды Руси.

Помимо бесплатного жилья византийские власти предоставляли древнерусским купцам также в течение полугода продовольствие («да емлють месячину на 6 месяць, и хлеб, и вино, и мяса, и рыбы, и овощем»), водили в баню и снабжали на обратную дорогу не только продуктами («брашно»), но и ладейной оснасткой («и якоря, и ужища»). Причем всех их византийские власти включали в специальный список, выдавая месячное довольствие в определенной последовательности: «первое от города Киева, и пакы ис Чернигова, и Переяславля, и прочии городи».

Благодаря купцам, восточные славяне с IX–X в. узнали об экзотических фруктах и овощах, виноградных винах. Человек, связанный с внешней торговлей, очевидно, проживал в середине X в. в усадьбе на киевском Подоле, в которой обнаружены византийская монета императора Романа I (921–944 г.), косточки персиков, семена дынь, скорлупа грецких орехов, гирьки-разновески.

Чем же питались русские купцы в IX–XI в. во время длительных торговых поездок, особенно в заморские страны? Они не могли запастись на всю дорогу в большом объеме продовольствием, которое летом быстро портилось и к тому же отягощало купеческую поклажу. Дорожные запасы обычно состояли из сушеной рыбы, сухарей, пшена. Зимой можно было взять с собой и замороженное мясо. Между тем продукты, привычные для купцов, порой было очень трудно приобрести в безлюдных степных районах и у кочевников южнорусских степей (печенегов, половцев). Нередко возникали проблемы с водой, особенно в засушливый летний период, и, страдая от жажды, купцы порой не обращали внимания, «была ли она светла и чиста, не имеючи мутности никакие», что могло привести к плачевным последствиям. В «Книге глаголемой Прохладный вертоград» говорится о вреде употребления стоячей (озерной и болотной) воды для желудка человека. При отсутствии колодца либо родника рекомендовалось использовать

речную воду. Православным людям приходилось порой пить кумыс, хотя по христианским канонам кобылье молоко считалось запретным напитком.

Собираясь в дальнюю дорогу, русские купцы запасались крупой, а также (подобно воинам XVI в.) солью и перцем. Флорентийский коммерсант XIV в. Франческо Болдучи Пеголотти, автор книги «Торговое дело» («Practica della Mercatura»), советовал тем собратьям по профессии, кто собирался ехать из Таны (на Азовском море, возле устья Дона) в Джинтархан (Астрахань), запасаться лишь мукой и соленой рыбой, так как мясо можно было приобрести повсюду на степном пути, где кочевали татары-скотоводы. Вино, смешанное с перцем, служило путешественникам лекарством от лихорадки.

Будучи православными людьми, купцы, следуя церковным предписаниям, придерживались ограничений в питании во время постов. Пойманную охотничью добычу церковь требовала употреблять в пищу только после закалывания.

Издавна на Руси употреблялись напитки из меда, прежде всего сыто (сыта), хлебный ржаной квас, а также пиво местного приготовления. Сыто (медвяной взвар) получали путем кипячения воды вместе с медом. Купцы, торговавшие с Византией, надо думать, ранее других слоев городского населения приобщились к заморским виноградным винам. В 1948 г. экспедицией под руководством А. Л. Монгайта на северном городище Старой Рязани был обнаружен фрагмент глиняной корчаги с ручкой, на котором хорошо читается надпись в четыре строки, прочерченная после обжига: «Новое вино добрило послал князю Богунка». Слово «добрило», скорее всего, означает «доброе, улучшенное» вино. А. Л. Монгайт первоначально датировал эту надпись, сделанную, по всей видимости, купцом — поставщиком вина, концом XI — первой половиной XII в., но, проанализировав более внимательно палеографические особенности надписи и форму тарного сосуда, А. А. Медынцева посчитала более правильным отнести находку ко второй половине XII в. либо даже к рубежу XII—XIII в. Общаясь с ганзейским купечеством в Новгороде и Пскове, выезжая в страны Балтики, местные торговые люди почувствовали вкус немецкого пива и рейнского вина. Но опьянеть можно было и при чрезмерном употреблении меда (так назывался в источниках напиток, в который добавлялся при варке хмель), пива и даже кваса; пьяниц порой именовали «квасниками» (Пандекты Никона Черноризца XIV в.).

Химический, микробиологический, палеоботанический анализы биологических остатков в пределах купеческих усадеб могут дать ценную информацию о пищевом рационе, изучение скелетов людей из купеческой среды позволит установить наличие болезней, травм, возраст умерших. Комплексное исследование заявленной автором темы позволит уточнить наши представления о повседневной жизни древнерусского купечества.

М. В. Печников (ЦНЦ «Православная энциклопедия»)

ОБРАТНОЕ ТЕЧЕНИЕ ВОЛХОВА КАК ЗНАМЕНИЕ В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

В составленной в конце XV в. основной редакции Жития архиепископа Новгородского Иоанна приводится рассказ о несправедливом обвинении святителя в блудном грехе и изгнании его новгородцами. Они посадили Иоанна на плот, однако тот поплыл по реке Волхов не на север, по течению, а против него, в сторону озера Ильмень, к Юрьеву монастырю, чем явственно, по мнению агиографа, было явлено Божье благоволение оболганному святителю[1]. Перед нами сюжет, скорее всего, легендарный. Е. А. Рыжовой выявлен и проанализирован и ряд других, в основном севернорусских, житийных текстов, повествующих о чудесном плавании святых против течения [Рыжова, 2009а; Рыжова, 2009б]. Следует отметить и рассказ Киево-Печерского патерика (нач. XIII в.) о греческих иконописцах, прибывших в обитель к игумену Никону (1078—1088 г.) для росписи Успенской церкви; устрашившись объема предстоящей работы, они решили отправиться обратно вниз по течению Днепра, однако чудесным образом поплыли на север[2]. Таким образом, обратное течение реки означало в данном смысловом контексте власть Бога над естественным ходом вещей и проявление Его воли.

Семантические корни житийных сюжетов о плавании святых против течения лежат, по-видимому, в 113-м псалме, посвященном памяти исхода древнееврейского народа из Египта («Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять... Что ти есть море, яко побегло еси, и тебе, Иордане, яко возвратился еси вспять?..» (Пс 113: 3, 5)), а также в богослужебных песнопениях, связанных с праздником Богоявления Господня, где обратное течение реки Иордан упоминается неоднократно (см.: [Макаров, с. 518]).

В то же время обратное течение реки Волхов являлось естественным природным явлением, не раз отмечаемым владычной летописью в XII—XV в. Этот феномен зафиксирован и в архиепископство Ильи (Иоанна) — в 1177 г. «иде Вълхово опять на възводье по 5 днии»[3]. Уже в начальном летописании это воспринималось как недоброе знамение, сверхъестественное предостережение о грядущих бедах. Под 1063 г. в Начальном своде конца XI в. и в Повести временных лет начала XII в. говорилось: «В се же лето в Новегороде иде Волхов въспять («дний 5» — ПВЛ. — *М. П.*); се же знамение не на добро бысть: на четвертое лето пожьже Всеслав (полоцкий князь Всеслав Брячиславич. — *М. П.*) град»[4].

Под 1461 г. в Летописи Авраамки (отразившей новгородское владычное летописание второй половины XV в.) говорится: «Той же весны, мѣсяца априля в 6, на святой нѣдели, по 4 дни Волхово шьло возводь, от понедилника до четвергу: си являеть Бог милосердие свое, воля нам вразумляти»[5]. Несколько далее в той же летописи под 1468 г.

[1] БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 454—458.
[2] Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 15.
[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 35, 224.
[4] Там же. С. 184; Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 71.
[5] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 205.

вслед за сообщением о большом пожаре в Новгороде отмечается, что «в сее же лето река Волхово снизу вверх шла 4 дни»[6]. Кроме того, в Новгородской летописи Дубровского (свод 1539 г.) сообщается под 1525 г., что «по Божию строению бысть в Великомъ Новѣгороде, на второи нѣдели по Пасце иде вода въ Волхове, не вѣтром ни бурею, но повѣлением Творца своего Бога, иде днеи 9, а на десятыи возвратися пакы и поиде по своему подобию»[7]. Таким образом, новгородские летописцы, вероятнее всего, связывали обратное течение реки (во всяком случае, до конца XV в.) с «теорией казней Божиих».

Литература

Макаров Е. Е. Иордан [Гимнография] // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 518–519.
Рыжова Е. А. Мотив «плавание святого на плоту» в «Житии Иоанна Новгородского» // Новгородика-2008: вечевая республика в истории России. Великий Новгород, 2009. Ч. 2. С. 121–134. [Рыжова, 2009а]
Рыжова Е. А. Архитектоника русской агиографии: Композиционный эпизод «выбор места основания монастыря или храма» (Мотив «плавание святого» в контексте устной традиции) // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 60–71. [Рыжова, 2009б]

[6] Там же. Стб. 222.
[7] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 541–542; Т. 43. С. 217.

В. Г. Подковырова (БАН), И. Б. Вишня (СПб)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЧУДОВСКОГО АПОКАЛИПСИСА ИЗ ЕГОРОВСКОГО СБОРНИКА (РГБ. Ф. 98. ЕГОР. 1844)

Среди лицевых Апокалипсисов наибольшее распространение на Руси получили миниатюры Филарето-Чудовской редакции [Буслаев, с. 165, 180 и др.]. Точно назвать место и время создания этого цикла нельзя: традиционно старший список (РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 1844. Л. 1–194 об.) связывают с Чудовским монастырем[1]; Б. М. Клосс, описывая водяные знаки рукописи в целом, считал, что Апокалипсис, написанный на листах без водяных знаков, по характеру письма можно отнести к концу XVI – началу XVII в. [Клосс, с. 217–218], аналогична датировка научного каталога РГБ [Откровение, с. 57] и описания рукописи в факсимильном издании [Лицевой сборник, с. 3]; статья в Православной энциклопедии предлагает без объяснений 70–80-е годы XVI в. [Грибов, с. 740]. Причиной различных точек зрения является то, что текст и миниатюры рукописи выполнены на бумаге без филиграней. В этой связи отметим, что на такой же бумаге написана часть Жития Иоанна Богослова из Сборника БАН. П I А 34 (60-е годы XVI в.), а также целый ряд других рукописей этого периода [Антонова, с. 203]. Аналогично обстоит дело с частью бумаги в Лицевом летописном своде (далее – ЛЛС) [Амосов, с. 148–154]. Таким образом, отсутствие водяных знаков на бумаге не может позволить отнести русскую рукопись XVI в. к определенному времени.

В работе Л. И. Антоновой при датировке Чудовского Апокалипсиса помимо параллелей с рукописями, написанными на бумаге без водяных знаков, приводятся результаты компаративных иконографических исследований, позволяющие говорить о том, что автор цикла миниатюр к Житию в сборнике П I А 34 создал и изображения в Чудовском Апокалипсисе [Антонова, с. 204–210].

И. Б. Вишня разработал метод выделения признаков авторского рисунка, позволяющий определять руку того или иного миниатюриста [Вишня]. Просмотр 17764 миниатюр ЛЛС выявил 16 основных групп миниатюр с выраженной манерой, что говорит об аналогичном количестве основных мастеров. За основу берутся пять регулярно встречающихся «сильных» признаков: горка, портал здания с орнаментальным оформлением, башня, корона и шлем. К ним примыкают: голова лошади, шапка, плат, трон, чаша, лики, манера прорисовки, пропорции фигур и композиция, но эти критерии применяются как дополнительные. В рамках одной манеры возможна вариативность: автор первой манеры ЛЛС вначале использует более изысканную форму деталей, причем именно эта манера наиболее близка миниатюристу рассматриваемых Жития и Апокалипсиса. Сходство видно в деталях трона, архитектурных элементов, корон и головных уборов. В случае этих миниатюр имеем свой набор «сильных» признаков: три первые совпадают с ЛЛС, но есть два других – шапки и головы коня с уздечкой. Факультативны: схема рисования ликов, изображения чертей, крыльев ангелов, зооморфных носов лодок или кораблей, напоминающих грифов, и др.

В результате можно говорить о том, что автор миниатюр в рассматриваемых Житии и Апокалипсисе был один, его манера ненамного изменилась, и рукописи были созданы приблизительно в одно и то же время. Соответственно, Чудовский Апокалипсис можно датировать концом 60-х – 70-ми годами XVI в. И если русский старший список лицевого Откровения (РГБ. Ф. 466. № 6) соотносится с деятельностью митрополита Макария [Подковырова, с. 16], то Чудовский цикл миниатюр можно связать с удаленным на покой в Чудов монастырь митрополитом (1564–1566 г.) Афанасием († 1576), который был иконописцем и, вероятно, имел непосредственное отношение к созданию наполненных апокалиптическими образами икон «Церковь воинствующая» и «Благословенно воинство царя небесного» [Морозов; Сиренов, с. 47–48].

Литература

Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998.
Антонова Л. И. Манера первого рисунка в миниатюрах рукописей XVI века: Хождение Иоанна Богослова из БАН и Егоровский Апокалипсис из РГБ // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV – нач. XX веков. М., 2002. С. 195–210.

[1] Название редакция получила по двум рукописям, созданным в конце XVI в.: лицевому Апокалипсису, вложенному старцем Филаретом иконником в библиотеку Соловецкого монастыря (РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 58/58) и иллюстрированному списку, входящему в состав известного Чудовского сборника (РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 1844).

Буслаев Ф. И. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по Русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый. М., 1884. Т. 1.
Вишня И. Б. Художественные особенности Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Путеводитель. М., 2011.
Грибов Ю. А. Иоанна Богослова Откровение. Лицевые рукописи // ПЭ. М., 2010. Т. 24. С. 740–745.
Клосс Б. М. Никоновский свод и русское летописание XVI–XVII веков. М., 1980.
Лицевой сборник Чудова монастыря: Научное факсимильное воспроизведение рукописи. М., 2009.
Морозов В. В. Икона «Благословенно воинство царя небесного» как памятник публицистики XVI в. // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1984. Вып. 4. С. 17–31.
Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции. М., 1995.
Подковырова В. Г. Лицевые Апокалипсисы второй половины XVII – начала XX века (Описание рукописного отдела БАН. М.; СПб., 2016. Т. 10. Вып. 2).
Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.

Г. А. Пожидаева (ВТУ им. М. С. Щепкина)

ПЕВЧЕСКИЕ ШКОЛЫ РУСИ XVI–XVII в.

Общерусская традиция знаменного пения в его новой, младшей, редакции сложилась к концу XV в. и получила свое письменное отражение в певческой книжности той эпохи. В более поздний период – с конца XV по первую половину XVII в. – в русской культуре возникли новые тенденции. В церковно-певческом искусстве происходил процесс формирования местных школ в главных культурных центрах, прежде всего в Новгороде и Москве, где возникают школы для профессионального воспитания певчих. В Москве создается хор государевых певчих дьяков (первое упоминание о нем относится к 1498 г.), в Новгороде школа пения существует при соборе Св. Софии. С середины XVI в. возникают монастырские традиции пения, активно развивается авторское творчество. Индивидуальное начало в церковно-певческом искусстве со всей очевидностью стало проявлять себя и в региональных школах Москвы, Новгорода, Усолья, и в творчестве монастырских мастеров. Это была тенденция времени, когда уже стала допускаться бульшая свобода творчества, нежели это было ранее.

Певческая школа ***Великого Новгорода*** возникла в эпоху Киевской Руси, поскольку уже тогда Новгород был одним из двух главных центров певческой культуры русского государства. Избежав ордынского нашествия, Новгород – в силу исторических условий – сохранил древние основы церковно-певческого искусства и развивал их в дальнейшем. Поэтому ко времени объединения русских земель под главенством Москвы Новгород обладал, безусловно, более высоким уровнем культуры по отношению к новому центру и занимал ведущее положение в русской певческой культуре в целом. Это положение новгородская школа сохранит до середины XVI столетия.

Искусство новгородских мастеров Н. Д. Успенский оценивал как превосходящее московских по своему профессионализму и стремлению к конструктивной стройности произведений. Известные нам пространные песнопения северной школы позволяют сделать заключение об их более строгом музыкальном языке, основанном на поступенном движении напева; в нем широко используются опевания и секундовая ладопеременность, простые ритмические пропорции, краткие кокизы и протяженные лица и фиты. В них свободно применяется вариантность, как мелодическая, так и ритмическая. Песнопения, как правило, используют небольшой круг попевок, что восходит к ранней традиции церковного пения. В сравнении с московской школой северный «стиль», очевидно, был ближе древнему мастеропению. Исполненное возвышенного чувства и мудрости, звучание строгих напевов северной школы создает удивительную внутреннюю гармонию в состоянии духа.

Московская школа пения стала формироваться в период централизации земель вокруг Москвы и возвышения Московской Руси. Москва стала новым певческим центром, но лидирующее положение она заняла только во второй половине XVI в. В последней четверти XVI в. московская школа подкрепляется северными – новгородскими – силами. Поскольку новгородская школа была сильна продолжением ранних традиций, новгородские распевщики привносили эту древнюю традиционную струю, соединяя ее с новыми распевами – путевым, демественным, большим, знаменным распевом новой редакции. Именно этот синтез традиционного и нового стал характерен для московской школы вплоть до конца XVII в.

Московская школа была более свободной и современной по своим творческим принципам, чем новгородская. Московские мастера использовали приемы музыкального письма более позднего периода в развитии певческого искусства. В их напевах звучит не только поступенное мелодическое движение, но и интонационные скачки, усложняются ритмические характеристики как в напеве, так и в просодии песнопений – мастера используют пунктирный и синкопированный ритм. В напевах возникает терцовая ладопеременность, более удобная для многоголосных обработок, чем секундовая, характерная для северной школы. В песнопениях употребляется несравненно больше попевок, чем это было принято в северной школе; тем самым их напевы становятся более разнообразными по мелодическому наполнению. Композиции песнопений, сохраняя строчную форму, порой отступают от нее и не всегда выдерживают точное соответствие строк поэтического текста музыкальным. Как правило, это может быть вызвано введением дополнительных пространных мелолексем – фит и лиц, что усиливает напевность и мелодичность песнопений, но иногда может идти не на пользу стройности музыкальной композиции.

Стиль московской певческой школы представляется более широко распевным, не столь строгим, как северный, и в целом более демократичным. При этом песнопения московской школы сохраняют внутреннюю гармоничность, удивительную доброту и светлое начало, которое легко соединяется с духом, царящим в московской школе иконописи.

Усольская – третья по значимости региональная певческая школа на Руси. Она возникла на северо-востоке европейской части России, в г. Сольвычегодске Архангельской губернии, во владениях крупнейших промышленников Строгановых. Возникновение усольской школы относится ко второй половине XVI в., а ее развитие в творчестве мастеров школы продолжалось почти до конца XVII в. Песнопения усольских мастеров были дополнением к основному корпусу песнопений, добавляя свои краски, свою «изюминку» в интонационный фонд знаменного пения.

С. В. Полехов (ИРИ РАН)

ЛИТОВСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XV в. В СВЕТЕ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Наряду с общеизвестными источниками по истории взаимоотношений Великого княжества Литовского с его восточными соседями в начале XV в. (русские летописи, труд Яна Длугоша, прусские хроники, договоры, жалованные грамоты Витовта, корреспонденция, расходные книги орденского и польского происхождения) имеется несколько малоизвестных источников, содержащих ценные сведения.

О походах Витовта на Москву сообщается в четырех посланиях польского короля Владислава II Ягайла, сохранившихся в формулярнике тридентского епископа Александра (1423–1444 г.), сына мазовецкого князя Семовита IV (1381–1426 г.)[1]. Вполне вероятно, что его автором был королевский нотарий Николай из Болеслава. Эти письма содержат многочисленные достоверные подробности, что позволяет доверять их информации в целом, несмотря на искажение некоторых имен и обилие фиктивных деталей [Larczyńska, passim, об авторе — s. 144–146].

Если не считать одного письма, не поддающегося точной датировке, в котором Ягайло поздравляет Витовта с успешным завершением московского похода[2], то наиболее ранними королевскими посланиями на эту тему оказываются два письма неназванному правителю[3] — возможно, венгерскому королю Сигизмунду Люксембургскому. В обоих письмах сообщается, что Витовт и Василий I заключили «мир» до Троицы (такое соглашение было заключено осенью 1406 г. сроком до 15 мая 1407 г.), с той лишь разницей, что сначала Ягайло намеревался утвердить его во Львове, но затем отложил это до поездки в Литву. Судя по итинерарию Ягайла [Gąsiorowski, s. 61], послания были написаны не ранее осени 1406 г. В первом случае сообщается, что Василий I сдался на милость Витовту и принял его условия, а во втором отражены состав участников похода (указаны братья короля и луцкий староста — рыцарь Олехно) и ряд других его подробностей, а также упомянута со ссылкой на Витовта война ливонского отделения Ордена с Псковом[4].

Четвертое послание Ягайла[5] адресовано, вероятно, великому магистру Тевтонского ордена. По словам короля, Витовт заключил перемирие с великим князем московским, утвержденное целованием креста в субботу на следующий день после праздника Св. Креста (то есть Воздвижения Креста Господня). Действительно, это произошло на р. Угре 15 сентября 1408 г. Также Ягайло сообщал, что Василий уступил Витовту все спорные земли, тот уже вернулся в Вильну, а его «баронам» еще предстоит вернуться. Стало быть, послание написано осенью, а заключение мирного договора взамен перемирия произошло уже после этого.

Источники свидетельствуют о неугасающем интересе Витовта к Пскову в начале XV в., несмотря на отнесение Пскова к орденской (ливонской) сфере интересов согласно Салинскому договору 1398 г. и регулярную отправку туда московских наместников на рубеже столетий. Московско-литовская война 1406–1408 г. началась с нападения Витовта на Псков, в конце 1406 и начале 1408 г. он несколько раз интересовался у великого магистра Ордена, может ли помочь ливонцам в походе на Псков[6], в 1407 г. вместе с Ягайлом выхлопотал у папы римского благословение похода на «схизматиков»[7], а летом 1408 г. даже спрашивал главу Ордена, позволит ли тот Витовту дать наместника псковичам[8]. В вопросе об отношении к Пскову ливонское отделение Ордена было вынуждено следовать за инициативами Витовта. По-видимому, Витовт решил, что Псков подчинить проще, чем Новгород, поход на который в 1401 г. окончился неудачей[9]. Неурегулированность отношений ВКЛ с Псковом не позволяла Витовту согласовать с московскими послами условия мирного договора зимой 1407/1408 г.[10]; судя по купеческой переписке конца 1407 г., неурегулированный вопрос о дальнейшей судьбе Пскова всерьез беспокоил псковичей, его также планировалось обсуждать с участием Василия I на польско-литовско-орденском съезде в Ковне в январе 1408 г.[11] Отсюда следует, что к началу 1408 г. между Витовтом и Василием I действовало лишь перемирие. Московско-литовский мирный договор был заключен не ранее поздней осени 1408 г.

Важно для изучения взаимоотношений центра и периферии ВКЛ приведенное сообщение 1408 г. о луцком старосте Олехне (уменьшительная форма имени Александр): имена луцких старост известны лишь с 1429 г., когда эту должность занимал волынский боярин Юрша Иванович. Вероятно, Олехно также был местным боярином: его назначение луцким старостой преследовало цель достичь баланса интересов великого князя и его окружения с влиятельной волынской знатью, для которой он был «своим», и вписывалось в аналогичную политику, проводившуюся и в других землях ВКЛ — на Смоленщине, Полотчине и Киевщине [Полехов, с. 106–107, 626–628][12].

---

[1] Elementa ad fontium editiones. T. 2 / Ed. E. Winkler. Romae, 1960 (далее – EFE).
[2] Ibid. № 39.
[3] Ibid. № 44, 64.
[4] Ср.: Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882 (далее – CEV). № 356.
[5] EFE. № 67.
[6] CEV. № 356, 374, 377.
[7] Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, OBA 861; Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. Bd. 2 / Bearb. von H. Koeppen. Göttingen, 1960. № 31.
[8] CEV. № 378.
[9] Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 250.
[10] CEV. № 374.
[11] Hildebrand Veckinchusen. Briefwechsel eines deutschen Kaufmanns im 15. Jahrhundert / Hrsg. von W. Stieda. Leipzig, 1921. № 15. S. 18. Подробнее об этом съезде см.: [Szweda, s. 373–374].
[12] Менее вероятно, что это был литовский боярин Олехно Монтигирдович [Petrauskas, p. 260] (как предположил Р. Петраускас в письме автору этих строк), поскольку сведения о связях Монтигирдовичей с Волынью имеются лишь с середины XV в. (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 147. Воп. 2. Спр. 178. Арк. 430).

Литература

Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Gąsiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły, 1386–1434. Warszawa, 2015.

Larczyńska A. Prawdziwe czy zmyślone? Źródła epistolarne i dokumentowe w formularzu księcia mazowieckiego Aleksandra. Próba rekonesansu badawczego // Studia z Dziejów Średniowiecza. Warszawa, 2014. № 18. S. 141–155.

Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius, 2003.

Szweda A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009.

И. А. Поляков (РНБ)

«АЗБУКА ФРЯСКАЯ» РНБ. F.XIII.5 КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ СТОЛЬНИКА КНЯЗЯ С. В. РОМОДАНОВСКОГО

«Азбука фряская» РНБ. F.XIII.5 была введена в научный оборот в 2015 г. Д. О. Цыпкиным и А. Д. Конаковой [Конакова, Цыпкин]. Изначально рукопись представляла собой каллиграфическое пособие, подаренное юному князю С. В. Ромодановскому его учителем письма С. Ф. Кириаковым. Уникальность рукописи заключается в том, что для князя С. В. Ромодановского (1661–1680) «азбука» стала не только пособием по оформлению документов и книг, но и своеобразной «записной книжкой», в которую молодой человек записывал интересовавшие его события. В частности, в ее составе находилась опись библиотеки стольника, анализу которой посвящена отдельная работа [Поляков, Цыпкин].

В центре нашего внимания находятся «летописные» записи князя С. В. Ромодановского. Среди них можно выделить группу автобиографических записей: о рождении, о смерти отца, о возведении церкви по завещанию отца, о пожаловании на службу, о женитьбе, о рождении дочери. Их уникальность заключается в том, что в конце 1670-х годов 18-летний князь С. В. Ромодановской предпринял попытку собрать сведения по истории семьи и включить в нее собственную автобиографию. Записи о рождении и женитьбе, а затем и запись о рождении дочери Марфы князь Степан поместил в рукописи после «Поучения, како подобает детем чтити родители свои». Князь Ромодановской не просто упомянул о произошедших событиях, но и указал их точные даты и место, состав родственников и другие обстоятельства. Молодой стольник неоднократно возвращался к тексту записей, исправлял написанное и добавлял новые сведения.

При составлении «азбуки» С. Ф. Кириаков оставлял для своего ученика чистые листы и заготовки, тем самым подталкивая его к самостоятельному заполнению рукописи. Так, после инициала «Ц» князь Ромодановской приводит информацию о строительстве его матерью Прасковьей Архиповной по завещанию отца церкви в Крестовоздвиженском монастыре. Чуть позднее, на другой стороне листа, князь Степан сообщает сведения о смерти отца, боярина князя В. Г. Меньшого Ромодановского. Можно предположить, что для князя Степана работа с «азбукой фряской» носила дневниковый характер. Как только в жизни юного стольника происходило значимое событие, он помещал информацию о нем в свою «записную» книжку. Таким образом, характер и расположение записей показывают, что стольник князь С. В. Ромодановской в конце 1670-х годов предпринял попытку собрать сведения о собственной жизни, создавая тем самым своеобразную автобиографию.

Что послужило причиной появления этих записей в «азбуке фряской» F.XIII.5? Для ответа на этот вопрос обратимся к родословной книге князя С. В. Ромодановского (ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 570), заказанной им в конце 1677 г. Рукопись представляет собой родословную книгу редакции в 81 главу, списанную, по записи владельца, со «старых родословных с подлинных книг». Важно отметить, что основные сведения родословца доведены до конца XVI в. Судя по всему, князь С. В. Ромодановской использовал проверенную форму родословных книг для написания семейной истории рода Ромодановских. В главе, посвященной князьям Стародубским, была подробно изложена история рода на протяжении XVII в. Члены его семьи указаны с родовыми прозвищами, кратко описаны их достижения (чин, количество ран, лет, проведенных в плену). Владелец рукописи собирался продолжить историю рода, так как после каждого из молодых потомков было оставлено место для указания детей. Таким образом, анализ рукописи показывает, что в конце 70-х годов князь С. В. Ромодановской предпринял меры по тщательному сбору информации о прошлом своей семьи, на основании которых была составлена родословная книга.

Представляется, что «автобиографические» записи князя С. В. Ромодановского не обусловлены местническими притязаниями стольника. Важным доказательством этой точки зрения являются сведения о кабинетной библиотеке князя. В 1678 г. молодой человек собрал в отдельный сундук рукописные книги исторического содержания, включавшие сведения о роде Ромодановских. В то же время у него появляется интерес к истории собственной жизни, события которой он начинает фиксировать в «записной» книжке. Вышеперечисленные факты показывают, что записи в «азбуке фряской» F.XIII.5 не случайны, а являются важным звеном в комплексе исторических изысканий юного стольника и представляют собой один из ранних образцов русской светской автобиографической литературы.

Литература

Конакова А. Д., Цыпкин Д. О. «Азбуки фряские» в истории русской каллиграфии (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 56–57.

Поляков И. А., Цыпкин Д. О. Азбука РНБ F.XIII.5 в жизни молодого князя Ромодановского // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 275–277.

В. Г. Пуцко (Калужский музей изобразительных искусств)

РУССКАЯ ЖИТИЙНАЯ ИКОНА КАК СИНТЕЗ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Литературная сюжетная основа, как известно, в значительной мере предопределяет тематический репертуар христианской иконографии, восходящей к евангельским текстам. С развитием почитания святых появляются не только их изображения, но и композиции, иллюстрирующие их жизнь, подвиги, кончину, посмертные чудеса. Развитие агиографического жанра предопределило возникновение циклов таких сюжетов в стенописях и книжной иллюстрации, приведших к формированию житийной иконы, имеющей изображение святого в среднике, окруженное повествующими о нем сценами с пояснительными надписями. Последние большей частью подтверждают существование непосредственной связи сюжетных композиций с текстом жития, которому они соответствуют, иногда в избирательной форме.

Византийские житийные иконы начиная с их появления на рубеже XII–XIII в. по мере проникновения на Русь получают здесь популярность и вызывают подражания. Об этом позволяет говорить датируемая второй половиной XIII в. псковская икона Ильи Пророка в пустыне с 14 сценами жития, иллюстрирующими Третью и Четвертую книги Царств, а также апокрифические сказания Псевдо-Дорофея и Псевдо-Епифания. Сохранившиеся русские житийные иконы Ильи Пророка XIV и XVI в. отражают последовательную интерпретацию цикла, заметно удаляющую его от раннего греческого образца: фигуры действующих лиц становятся более мелкими и подвижными, четче определяется ритм, с учетом воздействия палеологовской художественной традиции. Значительно более сложным оказалось развитие русских житийных икон святителя Николая Мирликийского, известных только с первой половины XIV в. Различны образ в среднике, количество и сюжетный состав клейм, порой включающих еще русские чудеса. Одно из них киевское, связанное с Софийским собором, который мастер первой половины XVI в. изображает с исторической достоверностью. Но в то же время иконописцы, в отличие от автора повестей о Николе Зарайском, не проявляют стремление к иллюстрированию «коломенских чудес». Житийные иконы Георгия, напротив, встречаются реже, а их цикл отличается относительной стабильностью. Это, однако, не исключает фольклорный пласт в его интерпретации.

Роль византийского иконографического образца оказывается иной при выполнении житийных икон русских святых, когда традиционный эталон необходимо вписать в другие исторические реалии и дополнить яркими бытовыми подробностями. Все это проявляется главным образом в сюжетах и циклах сцен: первые обычно следуют канве литературного повествования, тогда как вторые обусловлены усвоенными схемами композиций, наполнение которых кроме действующих лиц предполагает еще условный архитектурный фон и детали, не относящиеся к разряду стереотипных. Исследователей нередко интересует, какая именно редакция жития служила для иконописца основой иконографической программы выполненного им произведения. Присутствие сюжетных параллелей естественно, хотя далеко не всегда житийная икона ограничивается иллюстрированием конкретных текстов: они могут быть использованы выборочно и в то же время дополнены некоторыми фактами из живой традиции, не зафиксированными в книжности. Сформулированные положения вытекают из анализа житийных икон таких святых, как князья Борис и Глеб, преподобные Сергий Радонежский, Димитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский, Зосима и Савватий Соловецкие, Александр Свирский, Варлаам Хутынский, Никита Переяславский, московские святители Петр и Алексий, ярославские князья Феодор, Давид и Константин. Хронологически эти произведения относятся к XIV–XVI в., причем расцвет жанра житийной иконы начинается с конца XV в. и продолжается в течение следующего столетия, будучи связан преимущественно с Москвой. Художественно неравноценная продукция различных мастерских представляет естественное явление, как и то, что часть сохранившихся икон оказывается списками утраченных оригиналов. Все это, тем не менее, не препятствует целостному восприятию общего творческого процесса, органически соединившего слово и изображение.

У книжника и иконописца различные изобразительные средства, но они оба решают задачу прославления святых, вселенских и русских, одинаково им духовно близких. Расширение круга отечественных подвижников благочестия, к примеру, никак не сказалось на почитании святителя Николая Мирликийского, житийные иконы которого, выполненные в течение XVI в. на Руси, количественно превосходят все остальные, обнаруживая при этом удивительную вариативность иконографического характера. Особого внимания заслуживают сопроводительные надписи клейм, иногда обширные и представляющие почти дословные цитаты из жития, явно расчитанные на их прочтение.

Иконописца, создающего житийную икону, вряд ли можно считать ремесленником в привычном бытовом значении этого слова; он был явно художником, творцом, умевшим облечь словесную фразу в зримый образ. Благодаря этому святые узнаваемы не только по внешнему виду, но и по их деяниям. Удивляет лишь то, что далеко не все прославленные русские святые представлены в житийной иконе. Может быть, потому, что в каждом отдельном случае играло свою роль лицо, являвшееся инициатором заказа.

Е. В. Пчелов (РГГУ)

ИСТОЧНИКИ ПО ТИТУЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Под титульной геральдикой подразумеваются геральдические эмблемы территорий (царств, княжеств, земель), названия которых входили в титул русских государей в XVI–XVII в. Территориальная часть титула начала формироваться еще в XV в. (началом непрерывной традиции следует считать титул Ивана III 1490 г.), однако первые дошедшие до нас эмблемы («печати») этих территорий присутствуют на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х годов. Еще А. Б. Лакиер очертил круг последующих источников по этой геральдике, назвав среди них: покровец Михаила Федоровича, который он считал завесом спинки трона и который на самом деле представляет собой деталь парадного убранства саадака (ныне в Оружейной палате); гербовное знамя Алексея Михайловича

1666–1678 г.; золотую тарель 1675 г. мастера Юрия Фробоса (также в Оружейной палате), «Титулярник» 1672 г. (ныне – в РГАДА) и рисунок государственной печати из «Дневника путешествия в Московию» Иоганна Корба (1698–1699 г.). Именно эти шесть (вместе с печатью Ивана Грозного) источников и повторялись последующими исследователями в качестве единственных при изучении русской титульной геральдики допетровской эпохи.

Между тем даже некоторые из этих перечисленных памятников нуждаются в дополнительной атрибуции. Так, неясна датировка саадачного покровца, создание гербовного знамени было явно приурочено к окончанию войны с Речью Посполитой, а рисунок «печати» из «Дневника» Корба на самом деле к государственной печати никакого отношения не имеет, и, что именно послужило прототипом для него, до сих пор не ясно. «Титулярник» существует в нескольких экземплярах, и детальное сравнение всех эмблем во всех экземплярах, насколько мне известно, не проводилось. Однако количество источников, дающих информацию о титульной геральдике XVII в., может быть расширено.

В собрании Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранятся доспехи итальянской работы, которые, как полагают, были сделаны по заказу Лжедмитрия I (С. В. Ефимов). На них можно увидеть изображение с Большой печати Ивана Грозного с теми же титульными эмблемами-гербами (возможно, имеющими некоторые отличия в деталях). Этот факт соотносится с использованием Большой печати Лжедмитрием I, стремившимся подчеркнуть легитимность своего происхождения.

В собрании Оружейной палаты наряду с саадачным покровцом Михаила Федоровича хранится еще один покровец, имеющий изображения титульных гербов. Их количество (10), впрочем, меньше, чем на первом (12). Порядок расположения этих гербов в обоих случаях не совпадает с порядком перечисления территорий в титуле. Тем не менее генетическая связь обоих покровцов очевидна и подтверждается как характером самих изображений, так и их расположением. На втором покровце пропущены гербы земель, находящихся в конце первой и второй частей объектного титула. Отсутствие среди титульных гербов смоленской эмблемы позволяет предположить, что оба покровца были сделаны при Михаиле Федоровиче (или второй в первые годы правления Алексея Михайловича), когда в период с 1634 по 1654 г. в царском титуле отсутствовало определение «великий князь Смоленский». Создание покровцов следует связывать с созданием царских саадаков, поэтому можно думать, что «главный» из них был сделан после того, как в кремлевских мастерских был выполнен саадак Большого наряда в 1627–1628 г.

В Оружейной палате хранятся также два геральдических саадака, созданные в 1667 и 1673 г., которые вышли из одной мастерской. Количество титульных гербов на них различается – на налуче саадака 1673 г. отсутствует астраханский герб. Порядок гербов и их расположение также вызывают вопросы, равно как и сам их «набор». На этих саадаках есть уже смоленский герб в своем новом варианте, причем в первоначальной его форме (изображение пушки без птицы на ней). Первый вариант смоленского герба (идущий медведь) был заимствован из литовской геральдики и известен на печати Ивана Грозного, второй вариант был создан в Москве, по-видимому, после отвоевания Смоленска в 1654 г.

Помимо тарели 1675 г. в той же Оружейной палате есть и другая золотая тарель, сделанная в 1694 г., как полагают, тем же Фробосом – для царевича Алексея Петровича. Количество гербов на ней значительно меньше, но изображения схожи. Расположение и атрибуция гербов на тарели 1675 г. также нуждаются в специальном исследовании, частично осуществленном.

Помимо этих пяти материальных предметов, имеются также и два геральдических сочинения. Это так называемое «Описание гербам», составленное в конце XVII в. на основе одного из вариантов «Титулярника» (О. А. Белоброва), и стихи к гербам «Титулярника» (сохранились не полностью), приписываемые виленскому шляхтичу С. И. Гадзаловскому, – они интересны с точки зрения восприятия и интерпретации этих эмблем в тогдашнем обществе (разумеется, это не официальная, а исключительно авторская трактовка).

М. Ю. Романов в фондах стокгольмского Музея армии обнаружил три ротных знамени 13-го московского стрелецкого полка, создание которых он датировал началом 1690-х годов. Они также имеют изображения титульных гербов, в некоторых случаях существенно отличающиеся от «стандартных» гербов «Титулярника».

Комплекс источников второй половины XVII в. позволяет сделать вывод о возможной вариативности в изображениях гербов, сосуществовании различных их вариантов, так же как и проследить их эволюцию. Такая работа ведется в настоящее время.

Д. Н. Рамазанова (РГБ), Д. Г. Полонский (Архив РАН)

КНИЖНЫЙ ВКЛАД В СЕРБСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПАПРАЧА БЫВШЕГО ДУХОВНИКА ИВАНА IV

О вкладной записи в рукописи, которую, назвав ее Толковым Евангелием, дал в Москве в 7059 г. «смиренны(и) в священнопрезвитерех Иаков, бывше(и) протопоп благовещенскои Николы Гостунского, а во иноцех старец Иосиф Чюдова ма(на)стыря» в восточнобоснийский (сербский) Благовещенский монастырь Папрача игумену Григорию с братией, известно в историографии еще с XIX в. По рукописи, находившейся в библиотеке Белградской духовной семинарии, вкладная запись Якова (Иосифа) не раз публиковалась сербскими археографами [Ковачевић, с. 353–354; Стојановић, с. 157, № 5605]. С 1940-х годов, когда на их публикации обратил внимание М. Н. Тихомиров, после него А. А. Зимин, а затем опиравшийся на работы М. Н. Тихомирова Е. Л. Немировский, вкладная запись неоднократно служила источником для далеко идущих выводов о «связи сербо-венецианской типографской деятельности с началом московского книгопечатания» [Тихомиров, 1947, с. 198] и личных контактах Ивана Федорова (служившего в кремлевской церкви Николы Гостунского примерно в то же время, что и протопоп Яков) «с культурными центрами южных славян» [Немировский, с. 102]. Однако отечественные исследователи тех лет не имели возможностей непосредственно обратиться к рукописи. До настоящего времени запись в ней

является редким свидетельством приезда иноков из монастыря Папрача в Россию во время правления Ивана IV (о книжниках Папрачи и их контактах с Москвой и Великим княжеством Литовским см.: [Трифуновић, с. 64–65; Суботин-Голубовић, с. 160–161]).

Как нам удалось установить, теперь кодекс с указанной вкладной записью (на л. 1–9) хранится в Библиотеке Сербской патриархии в Белграде под шифром Рс 287. Рукопись имеет инвентарное печатное описание, но ее идентификация затрудняется тем, что она обозначена по первым словам на первом листе как «Поучения избранные», отнесена к «молдавской редакции» и датирована XVII в.[1] Между тем эта рукопись объемом 294 листа в основном писана русским полууставом первой половины XVI в. Бумага содержит, в частности, филиграни типа Брике № 4981, 4982 – 1538–1540 г., и это позволяет думать, что старец Иосиф передал сербским инокам кодекс, переписанный относительно недавно. Рукопись имеет переплет XVI в., несомненно, современный кодексу: размер досок приходится вровень с обрезом книжного блока. На первом листе указано, что рукопись содержит «Поученее избранн(ы)я от с(вя)т(о)го Еу(ан)гилия» и «преложена из греч(е)скаго языка на руския кьниги» в 1392 г. Кодекс Рс 287 включает произведения, характерные для Учительного Евангелия (Патриаршего гомилиария, ср.: [Якшин, 2011]): поучения от недели мытаря и фарисея (нач.: «Еже о мытари и фарисеи притча и вина…») до дня усекновения главы Иоанна Предтечи 29 августа (нач.: «Лют убо воистину, брате, блудный грех…»), дополненные еще несколькими поучениями (в их числе Похвальное слово архангелам Михаилу и Гавриилу, атрибутируемое Клименту Охридскому). Наши предварительные наблюдения позволяют думать, что текст в рукописи Рс 287 относится к первой редакции Учительного Евангелия (о разночтениях между редакциями см.: [Якшин, 2012]).

Интересна особа и судьба вкладчика книги. Если верно, что бывший недолгое время в 1548/1549 г. духовником Ивана IV протопоп Яков служил именно в церкви Николы Гостунского (о нем см.: [Смирнов, с. 170–172, 175, 177; Тихомиров, 1969, с. 93]), то в 1550/1551 г. вклад в сербский монастырь Папрача сделан им в качестве монаха Чудова монастыря, принявшего постриг с именем Иосифа вскоре после удаления от царского двора, незадолго до встречи с игуменом Григорием. В 1556/1557 и 1557/1558 г. старец Иосиф был поручителем крупных вкладов в Успенский собор и Симонов монастырь вдовы своего духовного сына, боярина и воеводы И. Г. Морозова Поплевина[2]. Отметим также, что в древнейшем синодике Московского Благовещенского монастыря 1576–1581 г. [Алексеев, с. 8] перечислены члены рода «протопопа Иакова Николы Гостунского» (РНБ. Ф. 550. Q.IV.129. Л. 62), так что эта поминальная запись, по-видимому, внесена до того, как протопоп принял постриг в Чудовом монастыре с именем Иосифа.

Литература

Алексеев А. И. Роспись главам древнейшего Синодика Московского Богоявленского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 7–33.
Ковачевић Љ. Белешке и натписи. Друга руковет // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1884. Књ. 56. С. 327–360.
Немировский Е. Л. Издания Ивана Федорова в книгохранилищах Сербии и Воеводины // Советское славяноведение. 1980. № 5. С. 98–103.
Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.
Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1905. Књ. 3.
Суботин-Голубовић Т. Српско рукописно наслеђе од 1557 године до средине XVII в. Београд, 1999.
Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947. С. 125–201.
Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
Трифуновић Б. Леси и Лешка земља у старој српској књижевности и писмености // Зборник Матице српске за славистику. 1980. Бр. 21. С. 59–67.
Якшин И. В. Источники и структура поучений Евангелия Учительного: Патриарший Гомилиарий // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. № 8. С. 96–105.
Якшин И. В. К вопросу об авторстве второй редакции «Евангелия Учительного» // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. № 2. С. 106–112.

[1] Инвентар рукописа Библиотеке Српске Патријаршије / Уред. З. Недељковић. Београд, 2012. С. 53.
[2] АФЗХ. 1506–1613 г. № 116. С. 128–129; № 45. С. 59.

А. М. Ранчин (МГУ)

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ КНЯЖЕСКИХ НЕКРОЛОГОВ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В Повести временных лет (далее – ПВЛ) определению летописного некролога, данному И. П. Ереминым [Еремин, 1966, с. 115–124; Еремин, 1987, с. 60–61], почти полностью (отсутствуют портретные характеристики) соответствуют пять фрагментов. Три из них – сообщения о кончине Ольги (6477 г.), Владимира (6523 г.), Бориса и Глеба (6523 г., в последнем случае – в составе отдельного сказания) и Изяслава Ярославича (6586 г.). Некрологов удостоены князья, оцениваемые как равноапостольные или как страстотерпцы. В случае с Изяславом Ярославичем важен сознательный выбор смерти за ближнего во исполнение библейской заповеди (ср. цитаты в некрологе: 1 Фес 5; Ин 15: 13; Притч 17: 17; 1 Ин 4: 16–18, 20–21). Все эти некрологи включают реминисценции из Писания. Близки к праведникам-страстотерпцам Всеволод Ярославич и Ярополк Изяславич, но здесь нет библейских цитат. Всеволод умер своей смертью, а Ярополк был убит внезапно (то есть здесь нет в чистом виде «вольной жертвы»

в подражание Христу[1]). При этом так же, видимо, существенно, что все эти князья были погребены в стольном городе — Киеве.

Своего рода антинекролог — сообщение о кончине Святополка Окаянного (статья 6527 г.): нет свидетельства о погребении князя и плаче по нему, но имеется упоминание о могиле; фрагмент завершается «антипохвалой», содержащей назидательные библейские цитаты.

Князья-язычники не удостоены некрологов, и лишь в сообщении о кончине Олега Вещего (6420 г.) говорится о плаче по покойному. По мнению А. А. Шайкина, «Олег заплатил» за гордыню «"по счетам", и теперь ничто не мешает видеть в нем высокого героя, достойного народного сочувствия» [Шайкин, с. 72]. Однако возможно и другое объяснение. Олег в ПВЛ — первый киевский князь, он был торжественно захоронен, известно место его погребения — «место памяти». Место погребения первого из князей династии, Рюрика, не указано, Игорь не был захоронен с подобающими почестями, тело Святослава не было отыскано и погребено, первоначально не были погребены с должными почестями Олег и Ярополк Святославичи.

Только в известиях о смерти киевских князей сообщается о сроке их правления, хотя далеко не во всех случаях: не названо время княжения Игоря Рюриковича, Ярополка Святославича, Владимира Святославича, Святополка Окаянного, Ярослава Мудрого, Святослава Ярославича, Изяслава Ярославича и Святополка Изяславича. Причины, по-видимому, различны. Святополк Окаянный — злодей и, кроме того, правил недолго и с разрывом, Святослав Ярославич — узурпатор. Княжение Ярослава Мудрого было с разрывом, хотя и подсчитано без учета разрыва в первой погодной записи — статье 6360 г. Правление Игоря и Ярополка оборвано убийством от руки подданных или родственника, закончилось насильственной смертью. Неясны случаи с Владимиром и Святополком Изяславичем. Впрочем, Владимир прославляется не за свои деяния властителя, а за крещение Руси, и отсутствие указания на годы властвования может объясняться именно этим обстоятельством. Но в статье 6360 г. подсчет лет его княжения есть.

«Киевоцентричность» исторического сознания летописцев проявляется в том, что лишь три некиевских князя удостоились не простых известий о смерти, а некрологических характеристик: Мстислав Владимирович (статья 6544 г.), Ростислав Владимирович (статья 6574 г.) и Глеб Святославич (статья 6586 г.). Во всех случаях даны идеализированные портреты князей и перечень их добродетелей, среди которых в первых двух сообщениях отмечена воинская храбрость. Телосложение, физическая сила и (или) красота в некрологических характеристиках Мстислава и Ростислава воплощают представление о князе — могучем и храбром воине, в случае с Глебом его красота, упомянутая вслед за перечнем исключительно христианских, но не воинских добродетелей, скорее свидетельствует о Божием благоволении (ср. как аналог портрет Бориса в Сказании о Борисе и Глебе)[2].

В ПВЛ очевиден гендерный принцип: женщинам из княжеского рода некрологи не посвящаются, даны простые известия об их кончине. В известии о смерти Евпраксии Всеволодовны под 6617 г. также указано место погребения, что, видимо, объясняется ее захоронением в Печерском монастыре, где на тот момент и велась летопись.

Таким образом, некрологические записи о кончине князей в ПВЛ могут быть разделены на несколько типов, различия между которыми в целом носят глубоко не случайный, системный характер.

Литература

Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 98–131.
Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / Отв. ред. Н. С. Демкова. 2-е изд. Л., 1987.
Ранчин А. М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007.
Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1: Начало христианства на Руси.
Шайкин А. А. Повесть временных лет: История и поэтика. М., 2011.

[1] Ср. об этом понятии: [Топоров, с. 490–508].
[2] См. о семантике княжеских портретных описаний в древнерусской книжности и об осмыслении красоты правителя в Средние века: [Ранчин, с. 334–340].

Б. Р. Рахимзянов (Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан)

ПРИГРАНИЧНЫЕ ЗОНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ И НАСЛЕДНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ[1]

Географически не очень обширные земли, соседствующие с более крупными державами, часто имели весьма своеобразную систему внешнего подчинения, характеризующуюся элементами подчиненности сразу нескольким влиятельным игрокам политической сцены.

Москва вовлекалась в мир Степи в том числе и через свои фронтирные[2] зоны, которые позднее обычно становились частью Московского государства, но и до этого были тесно вплетены в систему московской политики. Примером таких районов может служить рязанское пограничье, на территории которого было расположено Касимовское ханство.

Одно из татарских ханств, Казанское, имело в своем составе Арскую даругу, являвшуюся княжеством клана Кыпчак. Из-за территориальной близости к Московскому государству в конце XV в. часть этой даруги была

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Республики Татарстан научного проекта № 16-11-16011.
[2] Сейчас термин «фронтир» стал обозначать не столько границу, сколько «зону взаимодействия различных культур и этносов». На сегодняшний день фронтиром могут называть и границу, и регион, и некий процесс.

завоевана Москвой в ходе захвата Вятской земли. Она оказалась в составе Московского государства. Арские князья, вошедшие в состав Московского великого княжества, сохранили право взимания с зависимого от них населения «дани» (ясака), а также право судебной расправы. Остальная часть княжества Кыпчаков оставалась районом Казанского ханства. Однако связи между этими уже отдельными частями продолжали существовать и развиваться, вовлекая Казань в более тесные отношения с Москвой. Если сравнивать положение Арских князей в составе Московского великого княжества с другими татарскими «выходцами», находившимися в XV — середине XVI в. на его территории, то оно не было уникальным. Особенно близким было сходство с «романовскими татарами» — выходцами из Ногайской Орды. Одним из отличий этого владения от подобных ему было то, что присутствие здесь московской власти в лице наместника началось с момента вхождения в состав Московского княжества [Исхаков, с. 170—173].

Роль этих специфических анклавов во внешней политике как Москвы, так и татарских ханств в Средние века была в некотором роде «виртуальной». Важным было то политическое значение, которое им придавалось как с одной, так и с другой стороны. Благодаря включенности, в основном посредством института свободного приезда-отъезда знати, как в мир татарской Степи, так и в православный мир Московского царства, они служили местом особого «политического фронтира», точкой, где как политически, так и культурно пересекались и соединялись два мира — татарский и русский, кочевой и оседлый, мусульманский и православный. Внутренние анклавы государств и их роль во внешней политике — первый аспект темы приграничных зон.

Второй аспект темы — перекрестная система подчиненности некоторых таких территорий. Фронтир, или приграничные зоны, проще понять, если представить его в виде многоуровневого концепта, в котором политические, военные, налоговые, административные, юридические и религиозные «мини-фронтиры» сосуществовали, но не совпадали [Khodarkovsky, p. 50]. К примеру, в XVI в. некоторые города, будучи официально признанными «за» Московией или Литвой, тем не менее, продолжали «по-старому» платить дань Орде или Крымскому ханству («к Орде потягло»)[3].

Третий аспект темы — это «пожалования» крымскими ханами спорных приграничных городов как литовским, так и московским великим князьям как средство политического манипулирования. Вероятно, эти факты являются показателем структурного статуса «жалуемых» правителей в позднезолотоордынской политической системе (см.: [Kołodziejczyk, p. 276—277]). Несмотря на «виртуальность» таких «дарений», сам факт принятия этих документов реципиентами позволяет говорить о формальной иерархичности политической элиты средневековой Восточной Европы.

Известны факты «дарения» ханами Хаджи-Гиреем и Менгли-Гиреем Пскова и Великого Новгорода королю Казимиру во время территориальных споров между Москвой и Вильнюсом. Мухаммед-Гирей, Сахиб-Гирей и Даулет-Гирей неоднократно «жаловали» Смоленск Ягеллонам, в то время как он уже давно принадлежал Московскому государству. Мотивацию литовских великих князей, которые принимали такие принижающие их политический статус жалованные ярлыки, можно понять. Упоминание определенного города в таком ярлыке не только теоретически гарантировало его иммунитет от татарских захватнических рейдов, но могло также использоваться как дополнительный аргумент в территориальных спорах с Москвой. Несмотря на «виртуальность» таких «дарений», правители и Москвы, и Вильнюса знали, как обратить их в свою пользу [Kołodziejczyk, p. 276—277].

В целом же географический фактор имел важное значение во взаимоотношениях средневековых государственных образований — чем ближе к соседям, тем более интенсивно данная территория была вовлечена в мир иноконфессионального, иноэтничного и инокультурного.

Литература

Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI веков // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 257—326.

Исхаков Д. М. Статус Арских князей в Вятской земле Московского княжества в первой половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 167—174.

Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington, 2002.

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). Leiden–Boston, 2011.

[3] Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 172, 539; СПб., 1895. Т. 95. С. 152—156. См. также по этому вопросу: [Беспалов, с. 257—326, особенно с. 257—259, 311, 324—326].

Т. В. Рождественская (СПбГУ)

ПОДБОРКА ИЗРЕЧЕНИЙ «РАЗУМЫ СЛОЖЕНИЯ ВАРНАВЫ НЕПОДОБНОГО» В РУССКОЙ РУКОПИСИ XV в.

Флорилегий «Разумы сложения Варнавы Неподобного» (далее — «Разумы Варнавы») по рукописи XV в. РНБ. F.п.I.44 с разночтениями по двум спискам — XV в. (ГИМ. Синодальное собр. № 324-421) и XVI в. (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1066) был опубликован в 1892 г. В. А. Семеновым [Семенов, 1892, с. 10—16]. Пергаменная рукопись РНБ. F.п.I.44 содержит, помимо «Разумов Варнавы» (Л. 191 об.—194 об.), текст «Пчелы» [Семенов, 1893], «Мудрость Менандра» (Л. 182 об.—188) и «Словьца избрана святого Исухия прозвутера Иерусалимского» (Л. 188 об.—191) и выполнена одним писцом.

Неизученность «Разумов Варнавы» впервые была отмечена в 1904 г. М. Н. Сперанским [Сперанский, с. 44], однако до сих пор не выяснена текстология памятника, этапы его бытования, неизвестны южнославянские

списки и греческий источник. В издании «Пчелы» по этой же рукописи публикатор отметил ориентацию писца на южнославянское правописание, а в тексте «Пчелы» — многочисленные примеры восточнославянских форм [Семенов, 1893, с. 52–63][1].

Наши наблюдения над текстом «Разумов Варнавы» по той же рукописи с учетом двух списков РНБ (Погод. № 1068 и 1066) имеют предварительный характер. Текст содержит целый ряд восточнославянских черт, например: а) полногласные формы (**голодливый**, **сторона**, **солома**); б) рефлекс *ж* из праслав. *d + j и *t + j (**оутверженъ**, **крыючи**). В области морфологии: а) окончание ѣ в Род. пад. ед. ч. и в Им. и Вин. пад. мн. ч. у сущ. на *ja (**пшеницѣ**), б) окончание *-а* в прич. м. р. наст. вр. от глаголов с корневой основой (**мога**, **ида**); в) формы презенса 3 л. ед. и мн. ч. исключительно с *-ть*: (**хощеть**, **бѣгають** и др.); г) регулярное согласование в роде полных причастий м. р. в Им. пад. ед. ч. (**погыбаи**, **соудѧи**, **поминаи** и др.) и ж. р. (**крыючи**); д) местоимения **собѣ**, **тобѣ**; е) союзы **оже**, **ако**, **акы**; ж) соотносительный союз **овъ… овъ…**; з) сохранение форм дв. ч. (**роуцѣ ремезивѣ**, **ноѕѣ** и др.). Помимо общих церковнославянских слов, имеются лексемы, характерные для русских текстов, как переводных, так и оригинальных, например: *голодливыи*, *горбоватыи*, *корчага*, *паволочитъ*, *ремезивъ*, *самохотью*, *състоупити*, *черепина* и др. Круг источников, включающих эту лексику, датируется XI–XIII в., что позволяет отнести перевод «Разумов Варнавы» к домонгольскому периоду и предположить его восточнославянское происхождение. Некоторые изречения встречаются в Летописце Переяславля Суздальского (1214 г.), в Молении Даниила Заточника, а также в эпиграфике — в граффити начала XII в. в Софии Киевской [Рождественская, 1992, с. 142–150] и начала XIII в. из раскопок собора на Протоке в Смоленске [Рождественская, 2014]. Благодаря открытому жанру кратких изречений, некоторые из них, по-видимому, бытовали не только в письменной, но и в устной традиции.

Литература

Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
Рождественская Т. В. Об одной надписи-граффити из раскопок храма на Протоке в Смоленске // Средневековният човек и неговият свят. Сборник в чест на 70-та годишнина на проф. д. и. н. Казимир Попконстантинов / Medieval Man and His World. Studies in honor of the 70th anniversary of Prof. Dr. Dr. habil. Kazimir Popkonstantinov. Велико Търново, 2014. С. 329–335.
Семенов В. А. Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам. Сообщение Виктора Семенова // Памятники древней письменности. СПб., 1892. Т. XCII.
Семенов В. А. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Труд Виктора Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1893. Т. LIV. № 4.
Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследования и тексты. М., 1904.

[1] Это издание В. А. Семенова воспроизведено с указанием опечаток в: «Пчела». Древнерусский перевод. Том I / Изд. подготовили А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М., 2008. С. 45–560.

А. А. Романова (БАН)

ОТЕНСКИЕ СВЯТЦЫ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ АГИОГРАФИИ[1]

Среди источников, на которые ссылался известный агиолог XIX в. Филарет (Гумилевский), упоминается список святцев, которые названы Отенскими. Несмотря на достаточно позднюю датировку — 1718 г., Отенские святцы неоднократно цитировались преосвященным Филаретом при указании сведений о малоизвестных местночтимых святых [Филарет (Гумилевский)]. Приведенные Филаретом данные Отенских святцев, особенно указание на наличие или отсутствие краткой или полной службы святому и на место его захоронения, активно использовались в справочной агиологической литературе и в дальнейшем, как правило, со ссылкой на работу Филарета (см., например: [Спасский, с. 219]).

По содержанию сведения Отенских святцев могут быть охарактеризованы как текст святцев с летописью. С другой стороны, сравнение выписок из Отенских святцев с данными «Книги глаголемой Описание о российских святых»[2] дает веские основания для предположения, что Отенские святцы не были в прямом смысле месяцесловом, а представляли собой список «Книги глаголемой Описание о российских святых».

Хранящийся в настоящее время в РГАДА в Рукописном собрании ЦГАДА список «Книги глаголемой Описание о российских святых» является веским доказательством этого предположения. Рукопись, современный шифр которой РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1199, имеет точную датировку — 1718 г., заголовок (Л. 4): «Книга обдержащая в себе собрание всех росииских святых и чюдотворцев и кии же от них в коем граде или монастыре или в пустыне и веси поживе и в коем году преставися и где святыя и честныя их мощи погребены суть, о них же овы убо архиереи овы же благовернии князии инии же от монашескаг(о) чина и от мирскаго состояния добродетелнаго ради жития своего Богу угодиша». На л. 3 об. читается вкладная запись в Отенский монастырь: «Написася сия книга в лето от Создания мира 7226 от Рожества Хр(и)ст(о)ва 1718 год(у) иуниа в 20 день» (в правой части листа в четыре строки). Ниже, размашистым почерком приписано: «Сия книга Новгородскаго Отенскаго общежительнаго монастыря казенная подарена от усердствующаго на ползу всеи братии для чтения».

Список РГАДА является, таким образом, не святцами, а одним из наиболее ранних из известных в настоящее время списков «Книги глаголемой Описание о российских святых» (два других сохранились в составе сборников, созданных примерно в то же время: это хорошо известный список НБ МГУ. ОРРК. № 293 («сборник Моховикова») и неполный список РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР. № 212).

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00351/16.
[2] Книга глаголемая Описание о российских святых / Подг. изд. М. В. Толстого. М., 1887.

Все три указанных списка имеют определенные различия. Рукопись РГАДА отличается от двух других сборников не только точной датировкой, но и хорошим справочным аппаратом, а именно оглавлением («Оглавление книги сея по алфавиту») и перекрестными отсылками. Так, например, в тех случаях, когда один и тот же святой мог быть приведен в перечне подвижников разных городов, в рукописи РГАДА помещались ссылки, например: «Холмогорский святыя… Артемий в Кевроле… писано о нем в новгородских святых» (РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1199. Л. 56).

У нас есть достаточно оснований говорить о том, что под Отенскими святцами Филарет (Гумилевский) имел в виду не что иное, как один из ранних списков «Книги глаголемой Описание о российских святых», однако цитаты, приводимые в «Русских святых» и читающиеся в рукописи РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1199, содержат в ряде случаев разночтения, которые могут быть объяснены по-разному, возможно, случайным соединением при воспроизведении текста разных источников.

Литература

Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М., 2008.
Филарет (Гумилевский). Русские святые. Изд. 3. СПб., 1882. Кн. 1.

А. А. Роменский (Школа искусств Харьковского городского совета»)

ПОХОД ОЛЕГА НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ: ПРИЧИНЫ, ХОД СОБЫТИЙ, ХРОНОЛОГИЯ

Среди неразрешенных загадок ранней истории Руси остается военная экспедиция Олега (Хельги) на Константинополь, сведения о которой сохранились только в Начальной летописи. Предшествующая и последующие военные кампании русов против византийской столицы надежно задокументированы целым рядом текстов, тогда как о рассматриваемом событии современники хранят полное молчание. Скептики считают, что этот нарратив сконструирован на основе других аналогичных известий, подобно тому, как и «прелиминарный договор» 907 г. появился в результате компилирования [Gregoire; Dolley].

В противовес гиперкритически настроенным оппонентам «оптимисты» полагают, что поход все же состоялся [Ostrogorsky; Vasiliev]. Поиск хотя бы косвенного отражения этого конфликта в византийских текстах привел к привлечению сведений о руси-дромитах Псевдо-Симеона Логофета [Jenkins], но убедительность подобной интерпретации все же оставляет желать лучшего. Специалисты оспаривают и летописную дату 907 г., обоснованно сомневаясь в хронологической достоверности ПВЛ за этот период [Кузенков].

Основная информация ПВЛ и НПЛмл о походе, вероятнее всего, восходит к легендарным преданиям и хронологически неверно атрибутированным сообщениям Продолжателя Амартола и Жития Василия Нового. Сведения об Олеге в Начальной летописи появились существенно позже описываемых событий, вследствие чего они нуждаются в верификации[1]. Тем не менее военную кампанию Олега нельзя считать лишь следствием неверной интерпретации фактов в летописи — о замирении с греками и предшествующем конфликте говорится в начальной статье договора 911 г.[2]

Как представляется, есть иной путь устранения противоречий — поход Хельги в Византию представляется не враждебной, а дружественной акцией, вызванной стремлением поступить на военную службу к василевсу ромеев. Начало X в. ознаменовалось интенсивной борьбой византийцев с арабами на море, в ходе которой Империя остро нуждалась в новых союзниках, мореходные и военные качества которых были хорошо известны. Примечательно, что данные о кораблях «северных скифов» и флоте арабов сопоставляются в «Наумахике» Льва VI [Pryor, Jeffreys, p. 512–514]. Нельзя исключить того, что экспедиция Хельги напоминала аналогичный поход некоего Хрисохира в первой четверти XI в., упомянутый в «Синопсисе» Скилицы[3]. Сторонам не сразу удалось договориться об условиях службы и размере вознаграждения, вследствие чего русы, вероятно, опустошили окрестности византийской столицы в качестве демонстративной угрозы Константинополю. Тем не менее в итоге они пополнили силы логофета дрома Имерия и уже в 910 г. участвовали в его сирийском походе [Zuckerman, p. 73–91]. О союзнических отношениях Руси Олега с Византией свидетельствует сравнение князя со святым Дмитрием Солунским, а также сам факт прикрепления щита на воротах города, что символизировало покровительство над ним.

Хронология кампании Олега определяется контекстом византийско-арабского противоборства. 31 июля 904 г. Лев Триполит захватил Фессалонику, а незадолго до этого проник в Пропонтиду, угрожая Царственному городу [Кузенков, с. 16–21], — эта дата представляется terminus post quem. Terminus ante quem — 910 г., задокументированное участие русов в походе Имерия. Перелом в войне на море случился уже в 906 г., когда тот же флотоводец одержал победу над арабами. Наиболее вероятный хронологический интервал привлечения русов и оформления предварительного соглашения с ними — между 904 и 906 г. Можно предполагать, что поход Олега к Константинополю и поступление на службу к Льву VI состоялись летом 906 г.

Литература

Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. СПб., 2011. Вып. 8. С. 7–35.
Dolley R. Oleg's Mythical Campaign against Constantinople // Bulletin de la classe des lettres de l'Academie Royale de Belgique. 1949. T. 35. P. 106–130.
Gregoire H. La legende d'Oleg et l'expedition d'Igor // Bulletin de la classe des lettres de l'Academie Royale de Belgique. 1937. T. 23. P. 80–94.

[1] ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Вып. 1. Стб. 29–31; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 107–109.
[2] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 33.
[3] Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn // Corpus fontium historiae byzantinae. Berolini, 1973. Vol. 5. P. 367.

Jenkins R. J. H. The Supposed Russian Attack on Constantinople in 907: Evidence of Pseudo-Symeon // Speculum. 1949. Vol. 24. № 3. P. 403–406.
Ostrogorsky G. L'expedition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // Seminarium Kondakovianum. 1940. T. 11. P. 47–62, 296–298.
Pryor J. H., Jeffreys E. The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204. Leiden; Boston, 2006.
Vasiliev A. A. The Second Russian Attack on Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1951. Vol. 6. P. 161–225.
Zuckerman C. On the Byzantine Dromon (with a Special Regard to De Cerim. II, 44–45) // Revue des etudes byzantines. 2015. Vol. 73. P. 57–98.

В. Н. Рудаков (Журнал «Историк»)

«ИГО РАБОТНОЕ» В «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОРДЫ

Большинство терминов, используемых на протяжении столетий для описания отношений Руси и Орды, были связаны с представлением о рабской зависимости, в которую попали русские земли и русские князья. Можем уверенно говорить о двух сменяющих друг друга концепциях «пленения/ига»: провиденциальной и постепенно вытесняющей ее светской, секулярной.

Взгляды, согласно которым Русская земля была «пленена» и «порабощена» иноземными завоевателями, начав формироваться сразу после нашествия Батыя, пережили саму эпоху ордынской зависимости. В 1480 г. ростовский архиепископ Вассиан Рыло, объясняя причины возникновения зависимости от Орды, приводил примерно те же аргументы, что и в 1270-е годы Серапион Владимирский.

Как показал А. В. Лаушкин, в основе таких представлений лежала вера в то, что гнев Господень является свидетельством избранничества наказанного народа, заботы Всевышнего о его конечном спасении в день грядущего Страшного суда. Среди прочего эта забота проявлялась в том, что согрешившие народы оказывались «*подъ ярмомъ работы*», то есть под ярмом *рабства*. В этих условиях лишь смирение и вера должны создать условия для избавления их от кары Господней.

Сформировавшийся спустя столетия светский взгляд на события XIII–XV в. также исходил из представления о порабощении русских земель татарами. Однако это представление выходило за рамки провиденциального дискурса («иго» как кара Господня, ниспосланная во спасение): в эпоху Н. М. Карамзина и позже в понятие «иго» вкладывался исключительно секулярный смысл («иго» как противоположность независимости, свободе Отечества).

С какого времени зависимость русских земель от Орды перестает восприниматься как «кара Господня» и когда «иго» начинают воспринимать в сугубо политическом смысле — как утрату независимости? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу смыслов, которые в разное время вкладывались в понятие «иго».

Само это понятие, как показал А. А. Горский, впервые употребил в 1479 г. польский хронист Ян Длугош, который использовал словосочетания «иго *варваров*» и «иго *рабства*» («jugum barbarum», «jugum servitutis»).

В русской книжной традиции синонимическое понятие «работное иго» появилось позже: оно активно использовалось уже автором «Казанской истории» (60-е годы XVI в.).

Саму «войну Батыеву на Русь» автор памятника описывает вполне традиционно: «Осиротѣ бо тогда и обнища великая наша Руская земля… *поработися* богомерску царю и лукавнѣйшю паче всеа земли, и предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навходоносору, царю вавилонскому». Впрочем, он указывает и на то, что речь в те годы шла не только о порабощении Русской земли, но и «о *порабощении великих князей*».

При этом, отмечает книжник, в особом положении оказались новгородцы: «в тыя же горкая Батыева времена отвергошася они *ига работнаго*… отдѣлишася от Рускаго царства Владимирскаго». В итоге «осташа убо сии новъгородцы от Батыя не воеванны и не пленены», поскольку тот «заступлениемъ премудрости Божии обратися вспять». Однако новгородцы «возгордѣшася, и восчаяшася, яко силни и богати, не вѣдуще, яко Господь богатит и смиряетъ, и выситъ, и гордым противится, и смиренныя милуетъ».

Миссия по смирению новгородской гордыни, по мысли автора «Казанской истории», досталась Ивану III: «Богу его воздвигшу и пославшу за уничижение и ихъ презрѣние к Нему, яко Тита, римскаго царя, Еуспасиянова сына, разорити градъ Иерусалимъ и разсѣяти жиды за беззаконие ихъ по всей вселенней. Тако же и сему покори Богъ под *работное его иго* крѣпкия и жестосердыя люди новъгородския тезоименитому своему слузе, благоверному и великому князю Иоанну Васильевичу Московскому».

При этом, судя по всему, присоединение Новгорода к Москве представлялось составителю «Казанской истории» как «порабощение» уже не только в провиденциальном, но и в сугубо политическом смысле — и как кара Господня, но и как подчинение великому князю. Такая трансформация как раз и может свидетельствовать о начале секуляризации «рабской» терминологии.

Интересно, что дальнейшее бытование в литературе понятия «иго» только усиливает секулярный характер восприятия зависимости. Впервые в русской письменности понятие «иго» в уже привычной для нас форме («татарское иго») было использовано в первом издании (1674 г.) «Синопсиса» Иннокентия Гизеля, одна из глав которого так прямо и названа: «О летех, в них же *Киевское княжение и всея России самодержавствие* под *татарским* пребысть *игом*», что подчеркивало, прежде всего, политический характер зависимости. Крайне популярный в России XVII–XVIII в. «Синопсис» дал термину «татарское иго» дорогу во всю последующую историографию.

Начиная с Н. М. Карамзина, секулярная концепция «ига» (потери независимости, столетнего рабства, навязанного извне) позволяла с наименьшими издержками для формирующегося национального самосознания отвечать на «больные» вопросы своего времени: почему Россия — не Европа и что стало причиной ее отставания в развитии?

«Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу… Россия, терзаемая Монголами, напрягла силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!» — писал Н. М. Карамзин. При этом концепция «ига» давала возможность не только объяснять отставание Руси, но и черпать в такой трактовке

событий дополнительные мотивы для национальной гордости. Лучше всех это сформулировал А. С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение… варвары не осмелились оставить у себя в тылу *порабощенную* Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

О. В. Русаковский

«СТАТЕЙНАЯ ГРАМОТА» ГАНСА ШЛИТТЕ (1547 Г.): ВОЕННОЕ ПРАВО НЕМЕЦКИХ НАЕМНИКОВ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ?

История купца из Гослара Ганса Шлитте, выдававшего себя за полномочного посла русского царя и делавшего в 1547–1548 г. в таком качестве предложение о военном союзе против турок императору Карлу V, а затем и ряду других европейских государей, неоднократно привлекала внимание исследователей [Фречнер]. До сих пор неясно, однако, выполнял ли Шлитте в действительности поручение русского царя, или же был авантюристом, действовавшим на свой страх и риск. Акты, относящиеся к «делу Шлитте», отложились в нескольких европейских архивах и, в частности, в Баварском главном государственном архиве в Мюнхене в составе рукописи о московских делах, подготовленной для баварского герцога Альбрехта V в 1560–1570-х годах[1] [Lanzinner]. В мюнхенской рукописи обнаруживаются до сих пор не введенные в научный оборот документы, касающиеся найма в немецких землях военного контингента (полка пеших ландскнехтов численностью в 5000 человек и 500 всадников) для отправки на русскую службу. Стремясь убедить потенциальных наемников в привлекательности своего проекта, Шлитте предоставил подробные сведения об условиях службы солдат, их жаловании, офицерском и рядовом составе формирующихся подразделений. Общие расходы Москвы оценивались в огромную сумму в 862000 гульденов ежегодно. В свою очередь, Иван IV якобы выражал готовность отправить в Венгрию до 30000 русских конников для войны против Османской империи.

Наибольший интерес из военно-административных документов, составленных Шлитте и дошедших до нас в составе мюнхенской рукописи, представляют так называемые «уставная грамота» и «статейная грамота» для направлявшихся на русскую службу наемников[2]. Обе грамоты составлены в соответствии со стандартами немецкого военного права, оформившегося в первой половине XVI в., и представляют собой изложение взаимных прав и обязанностей нанимателя (в данном случае — русского царя), командира полка и рядовых ландскнехтов. Состоящая из 45 артикулов «статейная грамота» оговаривала длительность службы, размер и порядок выплаты жалования, наказания за дисциплинарные и уголовные нарушения, поведение наемников по отношению к мирному населению. Большая часть артикулов была заимствована из аналогичных уставов, действовавших в немецких землях. Лишь некоторые фрагменты «статейной грамоты» указывали на то, что она предназначалась для использования в России.

Если предположить, что Шлитте на самом деле действовал по предписанию царского правительства и представленные им документы, касающиеся найма немецких воинских контингентов, были одобрены в Москве, то «статейная грамота» 1547 г. фактически может рассматриваться как первый в истории России военный устав западного образца. Ближайшие по времени аналогичные документы иностранных воинских частей на русской службе — польско-литовских контингентов в войсках обоих самозванцев — известны лишь для начала XVII в. [Łopatecki, s. 458–460].

Существуют, однако, серьезные основания предполагать, что, составляя грамоты, Шлитте не ставил в известность о своих действиях русского царя. Сам статус Шлитте как полномочного посла московского государя не находит подтверждения в русских источниках. Массовая вербовка ландскнехтов в немецких землях и их отправка в Россию была связана с существенными правовыми, финансовыми и логистическими трудностями, едва ли преодолимыми в середине XVI в. Еще менее реалистичным выглядело обещание о посылке в Европу русской конницы. Наконец, сами военно-административные документы, фактически представлявшие собой контракты частных лиц с русским государем, целиком принадлежали немецкой военно-правовой традиции и не могли в таком виде быть сформулированы с согласия московской стороны.

Таким образом, рассматриваемые документы следует признать весьма интересной по форме и содержанию мистификацией Шлитте. Вероятно, составляя свой проект, он пользовался как собственными познаниями, так и сведениями, почерпнутыми из сочинений современников — в первую очередь, Сигизмунда Герберштейна и Паоло Джовио. В то же время Шлитте, стремясь внушить имперской политической элите представление об открытости царского правительства европейской культуре, механически переносил на русскую почву правовые концепты, типы документов и отдельные формулы, которые в реальности оставались плохо известными в России и неприемлемыми для московской стороны на протяжении еще многих десятилетий.

Литература

Фречнер Р. «Дело Шлитте» // Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 2. С. 132–147.

Lanzinner M. Die Wahrnehmung „moskowitischer Handlungen“ am Münchener Hof im 16. Jahrhundert // Bayern und Russland in vormoderner Zeit / Hrsg. v. Alois Schmid. München, 2012. S. 187–192.

Łopatecki K. „Disciplina militaris” w wojskach Rzeczypospolitej do połowy XVII wieku. Białystok, 2012.

[1] Bayerisches Hauptsstaatsarchiv. Kurbayern Äußeres Archiv. 4423. Moscowitische Sachen.

[2] Ibid. Bl. 114r –116v, 129r–136r.

Е. А. Рябинина, Д. Н. Маслюженко (КГУ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСЛЕДНЕГО СИБИРСКОГО КНЯЗЯ СЕЙДЯКА ТАЙБУГИДА В 80-е г. XVI в.

В истории русского присоединения Западной Сибири особое место занимает последний представитель княжеской династии Тайбугидов Саид-Ахмад (Сейдяк). Оценка его деятельности зависит от понимания роли этой династии в истории сибирской государственности, которая варьируется в историографии от беклярибеков при шибаниских ханах до законных и независимых правителей.

В сибирских летописях Сейдяк считается сыном Бекбулата, брата искерского князя Едигера, который вел переговоры о подданстве с Москвой между 1555 и 1563 г. После его смерти «сибирские люди» пригласили править Ахмед-Гирея б. Муртазу[1], старшего брата Кучума. Хотя Бекбулата убили, его сын был увезен в Бухарскую землю или туда бежала беременная жена Бекбулата, которая в доме некоего сейида родила Сейдяка [Миллер, с. 192]. С Бухарским ханством под управлением Шибанида Абдуллы II были связаны потомки тюменского хана Ибрахима Муртаза и его сыновья Ахмед-Гирей и Кучум. Поддержку этим Шибанидам оказывали сейиды суфийского тариката Накшбандийа. В летописях Сейдяка обозначают как «Бухарские земли князь»[2], что говорит о сохранении им знатного статуса [Трепавлов, 2012, с. 48].

Слухи о появлении Сейдяка в Сибири возникают после пленения Маметкула в феврале 1583 г. В них говорится, что из Бухары «с войском многим» идет князь Сейдяк, который «отечество свое... наследити восхотел и хощет отмстить кровь отца своего Бекбулата и кровь дяди своего Гедегера». Присутствие Сейдяка в Сибирском ханстве фиксируется только после убийства Ермака в августе 1585 г., когда князь участвует в разделе доспехов атамана вместе с Кучумом и сибирским карачей[3]. Бухарские связи Сейдяка и участие в разделе могут говорить о том, что князь мог быть союзником сибирского хана.

Однако в 1586 г. он захватывает Искер и изгоняет Али б. Кучума[4]. Иногда ему приписываются более героические поступки: изгнание самого Кучума, пленение Али и убийство семерых сыновей Кучума, что не подтверждается иными источниками. Для взятия Искера сибирский князь «собрася со всем домом своим и с воинскими людми», а также взял «многих своих улусных Татар»[5]. При этом это не был Тайбугин юрт, который уже находился в Ногайской Орде под управлением зятя Кучума Ураз-Мухаммеда [Трепавлов, 2011, с. 74].

Не ясно, почему Сейдяк далее не предпринимал никаких действий против Кучума и не пытался подчинить территорию ханства. Иван Черепанов писал, что татарское население возле Искера приняло Сейдяка как законного правителя и выплачивало дань, но не оказывало военной помощи. После взятия Искера к Сейдяку присоединился некий казахский царевич под именем Салтан и мурза Карача[6], которые считаются казахским царевичем Ураз-Мухаммедом и бывшим сибирским карачей Кадыр Али-беком. Остается не ясна и причина прихода султана в Искер, хотя она может быть связана с бухарско-казахскими противоречиями, как невозможно реконструировать и так называемый «триумвират» Искерского княжества и его деятельность [Нестеров, с. 23]. При этом, хотя летописи считают карачу сибирским, А. В. Беляков показал противоречивость этой версии [Беляков]. Это вполне мог быть и казахский карача, сопровождавший царевича.

Сейдяк в летописях выступал защитником независимости Сибири, хотя легко дал согласие прийти на пир к русским, где он и его союзники были взяты в плен. В этот день Сейдяк и Салтан охотились с ястребами недалеко от Тобольска в сопровождении пятисот человек «воинских татар»[7]. Военный отряд и охота с хищными птицами могли быть демонстрацией силы и власти. Захват князя и расправа с его сопровождением позволили решить вопрос с одним из очагов сопротивления. После пленения Сейдяка из Искера к Кучуму на Вагай бежали остававшиеся татары, а город пришел в запустение[8]. Захват Сейдяка и Карачи использовался в русской дипломатии для создания впечатления о Московии как о державе, милостиво относящейся к знатным пленным врагам, при этом Сейдяк и Ураз-Мухаммед в дипломатических документах предстают как добровольно перешедшие на службу[9].

Литература

Беляков А. В. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган, 2014. С. 63–64.
Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.
Нестеров А. Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 17–23.
Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011.
Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

[1] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 188–188 об.
[2] Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 338.
[3] Там же. С. 285, 345–347.
[4] ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 135.
[5] Сибирские летописи. С. 268, 285, 289, 295.
[6] Библиотека Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. № 12137. Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. Л. 81.
[7] Сибирские летописи. С. 228, 257, 293, 304.
[8] Там же. С. 350.
[9] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Памятники дипломатических отношений с Римскою империей (1488–1594). С. 1121.

Н. В. Савельева (ИРЛИ РАН)

МОСКОВСКИЕ ПОЭТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.: ВЕНЕДИКТ БУТОРИН. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Сообщество московских поэтов второй половины XVII в. было «пестрым» и по этническому, и по социальному составу. Если творчество поэтов-силлабиков, представителей элитарных придворных кругов, изучено в достаточной мере, то текстов версификаторов, не принадлежавших к московской элите, известно немного. Как правило, биографические сведения об авторах одного-двух стихотворений крайне скудны или вообще отсутствуют, а потому истоки их творчества требуют объяснения. Особенно это касается поэтов, писавших более архаичным неравносложным стихом в эпоху главенствующего изосиллабизма; в подобной архаике принято видеть отголоски традиции «приказной школы» [Панченко, с. 33–62, 78–102; Николаев, с. 371].

Одним из московских поэтов последней четверти XVII в., сохранивших в своих стихах относительный силлабизм, был Венедикт Буторин [Филарет (Гумилевский), с. 249; Николаев, с. 376–378]. До настоящего времени ему атрибутировались два произведения, оба сохранились в автографах: послание в стихах и прозе патриарху Иоакиму (БАН. 16.14.24 [Описание, с. 263–269]) и стихотворное «Слово на умиление души своей» (РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 464 [Ундольский, стб. 339–340]). Авторская подпись к «Слову на умиление» указывает, что стих Буторин сочинил 14 марта 1688 г., «препроводя житие» в Московском Новодевичьем монастыре, и что постриг он принял в Москве на 32-м году жизни.

Новые сведения о Венедикте Буторине содержит западнорусский сборник 60–70-х годов XVII в. (РГБ. Ф. 247. № 657). Буторин был владельцем этого сборника и заполнил его чистые листы различными выписками, в том числе своими виршами. Здесь записаны черновики двух стихотворных поздравлений с Рождеством Христовым, датированных декабрем 1682 г. и подписанных автором, — стихотворные приветствия он намеревался поднести Иоанну и Петру Алексеевичам и Софье Алексеевне в первый год ее регентства. Подобным образом и в сборнике Унд. 464, также принадлежавшем Буторину, текст «Слова на умиление души» вписан на пустых листах. В составе обоих сборников читаются тексты преимущественно западнорусской традиции (сочинения Леонтия Карповича, Захария Копыстенского и др.), переписанные несколькими вариантами белорусской скорописи. Сам Венедикт Буторин оставил на листах сборников многочисленные записи и пометы не только кириллицей, но и латиницей на польском языке (например, из «Деяний церковных и гражданских» Цезаря Барония), а также краткие виршевые надписания на польском и церковнославянском языках. Это свидетельствует о двуязычии владельца сборников, характерном для жителей Киевской митрополии.

Совокупность всех этих сведений дает возможность отождествить московского поэта с иеромонахом Венедиктом Буториным, который назван в документах Иверского Валдайского монастыря. В одном из них (№ 379) говорится о смерти строителя приписного Боровенского Никольского монастыря Венедикта Буторина в июле 1690 г., сообщается, что он ранее был старцем Иверского монастыря, в котором «осталась его рухлядь», а строителем был назначен в июне 1690 г.[1] Второй документ (№ 358), датированный сентябрем 1689 г., называет в «имянной преписи» единственного переселенца старца с именем Венедикт, о котором сообщается, что «постриженец он Андреевского монастыря, а священство принял в Иверском монастыре»[2].

Таким образом, Венедикт Буторин был выходцем из западнорусских земель, одним из переселенцев, составлявших большую часть насельников Иверского монастыря. В 80-е годы XVII в. он выполнял послушание — служил в Московском Новодевичьем монастыре; между двумя монастырями, населенными по большей части белорусами, были постоянные контакты [Харлампович, с. 252–295; Чистякова, с. 43–55]. Два сборника Буторина представляют круг текстов, бытовавших в среде православных монахов, изначально связанных с Кутеинскими монастырями (мужским и женским), а затем с московской традицией Иверского и Новодевичьего монастырей.

Новые сведения о Венедикте Буторине позволяют на конкретном примере обозначить еще одну, параллельную с творчеством поэтов приказной школы, линию в становлении московского стихосложения, идущую непосредственно от традиций украинско-белорусской книжной поэзии, от неравносложных виршей Герасима Смотрицкого и многочисленных геральдических и посвятительных стихотворных образцов украинских и белорусских изданий [Перетц, с. 158]. Эта традиция продолжала существовать в московской стихотворной культуре последних десятилетий XVII в. наряду с традицией русской «приказной школы», отзвуки которой еще сохранялись в это время в творчестве поэтов, писавших неравносложными виршами.

Литература

Николаев С. И. Два стихотворца XVII века // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 376–379.
Описание Рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1965. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская.
Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.
Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962.
Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870.
Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862–1720. СПб., 1857.
Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
Чистякова М. В. Монахини «с Белой Роси» в Новодевичьем монастыре. М., 2000. (Труды ГИМ. Вып. 116.)

[1] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные отцом архимандритом Леонидом. СПб., 1878. (РИБ. Т. 5.) Стб. 922–923.
[2] Там же. Стб. 887.

А. И. Савинова, Ю. В. Степанова (ТвГУ)

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАРЕЛ НА ТЕРРИТОРИЮ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1640–1670-х ГОДОВ[1]

Ранний период переселения карел на территорию Верхневолжья по-прежнему остается слабо изученным. В работах исследователей [Готье; Жербин; Saloheimo; Вершинский; Головкин] представлены общие сведения о территории и численности карел-переселенцев во второй половине XVII в. Проводится исследование карельских дворцовых волостей Бежецкого Верха, возникших после русско-шведской войны 1656–1658 г. [Болотина, Комиссаренко, Кононова]. Недостаточно исследованными остаются динамика масштабов и хронология начального периода переселения, пути миграции, имущественное положение и правовой статус переселенцев.

Основными источниками настоящей работы являются переписные книги Бежецкого Верха 1646 г.[2], 1677/1678 г.[3] и Тверского уезда 1677/1678 г.[4], которые фиксируют массовое переселение карел. Книги имеют стандартную структуру описания, включающую сведения о волостях и станах, землевладельцах и их статусе, населенных пунктах и пустошах, дворах с населением мужского пола или вдов. В них зафиксировано происхождение людей, отличающихся от основного русского населения, с указанием территории исхода. Для обозначения карельских поселенцев употребляются такие названия, как «кореляне», «новоприходцы кореляне», «вольные люди, родом кореляне», «кореляне и заонежане пришлые крестьяне», «прихожие вольные люди заонежане» и др. Среди выходцев из Заонежья могли быть люди различной этнической принадлежности, однако длительное сохранение карельского языка как основного для диаспоры тверских карел до XXI в. свидетельствует о том, что среди переселенцев значительную долю составляли карелы. Тверской диалект карельского языка сохранился в наиболее архаичной форме [Пунжина].

В переписной книге 1646 г. выявлено 43 населенных пункта с карельскими жителями, 368 карельских переселенцев на поместных, вотчинных и монастырских землях. В описаниях 1677/1678 г. в Бежецком Верхе насчитывается уже около 70 карельских поселений в Бежецком Верхе и 38 — в Тверском уезде. Книга 1646 г. зафиксировала момент основания карелами своих дворохозяйств: «толко еще одне избы поставлены, а дворы не розгорожены». Первоначально в новом дворохозяйстве могли проживать несколько семей, в том числе неродственников.

В первые годы после обоснования в Бежецком Верхе и Тверском уезде правовой статус карел был относительно неопределенным. Чаще всего карелы заявляли о своем статусе свободных людей. В ряде случаев они характеризуются в писцовых материалах как свободные арендаторы, которые «наимуют землю» у помещика.

В 1660-х годах произошло формирование дворцовых волостей, в которые началось целенаправленное переселение крестьян государственной властью. В том числе туда перемещали карел, уже поселившихся за монастырями или помещиками. Наиболее показательный пример — переселение 161 двора карел из земель Краснохолмского Никольского Антониева монастыря в дворцовую волость в 1663 г.[5]

Источники фиксируют переходы в пределах Бежецкого Верха и Тверского уезда, что говорит о процессе движения карельского населения на территории Верхневолжья в середине XVII в. Масштабы запустения в Бежецком Верхе были велики, здесь образовалось много деревень, населенных исключительно карелами. В Тверском уезде карелы чаще приходили в русские деревни, что привело к появлению смешанных карельско-русских поселений.

Основным стимулом для миграций внутри Верхневолжского региона являлись изменение в правовом статусе переселенцев и политика переселения на дворцовые земли, что привело к формированию компактных территорий карельской диаспоры в Бежецком, Вышневолоцком и Весьегонском уездах Тверской губернии, сохранявших свои границы в XVIII–XIX в. [Савинова, Степанова].

Литература

Болотина Н. Ю., Комиссаренко А. И., Кононова А. Ю. Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых вотчин во второй половине XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3. С. 380–386.

Вершинский А. Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4. С. 73–105.

Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008.

Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

Пунжина А. В. Словарь карельского языка. Тверской говор. Петрозаводск, 1964.

Савинова А. И., Степанова Ю. В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // CARELiCA. Научный электронный журнал. № 2/2014 (12) [Электронный ресурс]. URL: http://carelica.petrsu.ru/2014/Savinova_2.pdf.

Saloheimo V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. Tampere, 2010.

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00429.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 25.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11440.

[4] РГАДА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 16060.

[5] Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1904. С. 37–38.

С. А. Салмин (Псковский археологический центр)

ЭПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА (РОГ ИЗ ЧЕРНОЙ МОГИЛЫ)

Оковка рога из Черной могилы является одним из наиболее ярких произведений декоративно-прикладного искусства, происходящих с территории Древнерусского государства X в. Сложная многофигурная композиция изображения неоднократно привлекала к себе внимание исследователей (А. А. Молчанов, В. Я. Петрухин, Б. А. Рыбаков и др.), полный обзор мнений о сюжетной составляющей изображений изложен О. А. Щегловой [Щеглова, с. 616–617]. Избегая в данной публикации разбора и опровержения мнений предшественников, отметим только, что, на наш взгляд, в этих версиях не учитывается целый ряд важнейших информационных узлов, являющихся определяющими для истолкования сюжета.

Нам представляется, что концептуальными для расшифровки сюжета изображения являются следующие детали:

- разнополость персонажей,
- вооруженность обоих персонажей луками,
- изображение трех стрел, две из которых сломаны, а одна остановлена в полете.

Известны два эпических сказания, где присутствуют все вышеуказанные детали. Это «Дастан о Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи», входящий в состав «Книги моего деда Коркута»[1], и былина о Дунае-богатыре[2]. Явное сходство сюжетных линий позволяет предположить не типологическую (мнение В. М. Жирмунского [Жирмунский, с. 197]), а генетическую связь между огузской и русской версиями[3].

Текст «Дастана…» содержит значительную часть подробностей, необходимых для разъяснения сюжета изображения:

- *выстрелившая и отвернувшаяся женщина в мужской одежде* (жена-богатырша, спровоцированная мужем на состязание);
- *две сломанные стрелы за спиной мужчины* (стрелы, сломанные в ходе состязания, играющие важную роль в сказании);
- *мужчина, снявший стрелу с тетивы, но удерживающий ее пальцами левой руки; правая рука мужчины с раскрытой ладонью протянута к женщине в жесте примирения* (отказ Кан-Турали от продолжения состязания).

Контактной зоной для носителей этого сюжета являлось Северное Причерноморье. Анализ этнополитической ситуации периода контактов огузов (торков) и русских (X–XII в.) позволяет предположить, что носителями первоначального варианта сказания могли быть печенежские племена в составе торкского объединения. Для этого есть следующие основания:

- Канлы-Коджа, имя отца Кан-Турали (относимого к «бекам огузов», но находящегося в явной сюжетной изоляции), является этнонимом широко известного в истории кочевого союза Канлы (канглы, печенеги);
- Константин Багрянородный сообщает о существовании внутри гузского (огузского) союза племен печенежского происхождения[4];
- в «Родословной туркмен» приведено сказание о происхождении «салоров» (ведущего племени огузской эпической традиции) от печенежского вождя[5];
- в особенностях изобразительных приемов прослеживается связь с западносибирской (зона первоначального расселения канглов) традицией (Ненинская стела, фигура с р. Карги).

Итак, мы можем предполагать, что имеем дело с фрагментами единого сказания о происхождении печенегов (или печенежских племен, вошедших в состав огузского объединения). Реконструируемый сюжет содержал следующие мотивы:

- героическое сватовство,
- спровоцированный героем поединок с женщиной, превосходящей его силой, важную роль играет наличие одной неповрежденной и двух сломанных стрел,
- последовавшее за этим примирение,
- происхождение от этого брака племен, позднее входящих в союз огузов под наименованием «три стрелы».

Начальный вариант сказания принадлежал печенегам и (или) торкам, а затем, возможно через посредничество «черных клобуков», был воспринят также русской традицией, где получил трагическую концовку «балладного» типа.

Литература

Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. СПб., 2007. С. 131–258.

Щеглова О. А. Статья Г. Ф. Корзухиной «Турьи рога Черниговских курганов»: замечания к публикации архивного текста // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2017. Т. XLVIII. С. 620–646.

[1] Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. СПб., 2007. С. 63–72.

[2] Добрыня Никитич и Алёша Попович. М., 1974. С. 114–145.

[3] Разница сюжетов наличествует только в разрешении конфликта. В огузском сказании дело заканчивается примирением, в былине Дунай убивает жену, которая сообщает, что ее неродившийся ребенок должен стать сильнейшим из богатырей.

[4] «Когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые остались на месте... одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991. С. 157). Укороченность одежды персонажей отражена на фризе.

[5] *Абу-л-Гази*. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М., 1958. С. 44.

Е. В. Салмина, С. А. Салмин, Р. Г. Подгорная (Археологический центр Псковской области)

НОВЫЙ ТОРГ ПСКОВА: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2016 г. коллективом авторов был завершен важный этап двухлетней работы по исследовательскому проекту «Новый Торг Пскова XVI–XVIII веков по данным археологии и письменных источников» (РФФИ, № 14-11-6005). Причиной обращения к теме Нового Торга стали археологические открытия 2011–2013 г., когда при охранных раскопках на большой площади были обнаружены развалины деревянных конструкций торговых рядов [Подгорная, Салмина]. Вскоре после первоначального осмысления полученных данных было принято решение о необходимости обобщения результатов археологических работ на этом участке Пскова (ведшихся с перерывами с 1955 г. [Гроздилов; Ершова; Михайлов, Яковлева]) и переходе к комплексным исследованиям. Помимо археологов, активное участие в работе приняли историки, филологи и специалисты в области естественных наук из Пскова, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани.

Важным результатом стала реконструкция планировки Нового Торга. В результате совмещения данных Подлинной писцовой книги № 355 (1585–1587 г.)[1], псковских летописей, картографических источников (планы Пскова 1740, 1792, 1895 г., сводный план Ушакова 1901 г.), археологических материалов и естественнонаучных данных был составлен принципиальный план расположения рядов Нового Торга, основанный на:

- локализации Мясного Полонисского ряда, выявленного в ходе археологических исследований 2011–2012 г. [Салмина, Салмин, Подгорная];
- размерах лавочных мест и особенностях организации рыночного пространства, реконструированных по данным письменных источников;
- интерпретации сооружений, зафиксированных в раскопах 1982–1998 г., в качестве фрагментов конкретных торговых рядов.

Создание «принципиального плана» Нового Торга при наложении на топооснову позволило атрибутировать выявленные в раскопах сооружения и уточнить расположение объектов, не имеющих в наши дни наземных ориентиров. Местоположение таких объектов, как «Гостиный двор приезжих гостей московских», «пустая» улица, церковное место храма св. Ксении, большая часть торговых рядов, удалось локализовать со значительной мерой точности. Были реконструированы палеорельеф участка Нового Торга и предполагаемые природно-ландшафтные условия территории. Для истолкования ряда микротопонимов привлечены данные картотеки Псковского областного словаря. Комплексное применение исторических, археологических и естественнонаучных данных позволило впервые для Пскова представить топографическую схему для периода XVI в. на площади почти 30 гектаров. В конечном итоге получено широкое пространственное представление об этой части Окольного города в составе общей топографической картины Пскова периода вхождения его в состав Московского государства.

Сделаны наблюдения над спецификой материальной культуры Торга. Выделены категории «товаров», соотносимые со специализацией рядов согласно письменным источникам, определен специфический «инструментный» комплекс Мясных торговых рядов, проанализирован вещевой комплекс Гостиного двора, сочетающий в себе черты материальной культуры богатой городской усадьбы и территории временного проживания приезжего иногороднего населения.

Представляется, что опыт комплексного исследования псковского Нового Торга может быть использован для работы с материалами соседних территорий, что позволит в результате выйти на новый уровень обобщений. В настоящий момент продолжается работа над подготовкой к изданию коллективной монографии «Торг Болшей: Новый Торг Пскова XVI–XVIII веков по данным археологии и письменных источников».

Литература

Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 4. С. 38–42.

Ершова Т. Е. Новоторговский-5 раскоп на Полонище // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 148–149.

Михайлов А. В., Яковлева Е. А. Археологические исследования на Ново-Торговском IV раскопе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2007. С. 29–44.

Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков, 2013. С. 24–35.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков; СПб., 2014. С. 31–41.

[1] Подлинная писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. V. С. 12–73.

О. С. Сапожникова (БАН)

«ИНЫЕ ЖЕ ПРИТЧИ ЯЗ, ПЕРЕВОТЧИК, ЗДѢ ПРЕСТУПИЛ»: ПРАВОСЛАВНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ VS ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИЗМ

В последней четверти XVI в. на Руси было переведено сенсационное медицинское издание — «Книга о дистилляции» («Liber de arte distillandi») врача Иеронима Бруншвига (первое изд.: Страсбург, 1500 г.). Успех книги в Европе был обусловлен передовым характером описанных в ней технологий изготовления лекарств, а также большим количеством иллюстраций. Появление популярного немецкого издания в России может быть связано с чередой иностранных врачей, которые по приглашению Ивана Грозного прибывали со своими книгами, инструментами, лекарствами в

Москву. Не исключено также, что перевод обусловлен деятельностью соляных магнатов Строгановых, которые выкупали пленных специалистов (в том числе и врачей) и в собрании которых сохранился самый полный экземпляр этого перевода [Сапожникова, 2017]. В России книга оказалась востребованной: техника дистилляции к XVII в. была освоена, и изготовление методом паровой перегонки лечебных настоев, настоек и пр. было поставлено на поток.

Сейчас известно 5 списков XVII в. этого перевода, 1 список XVIII в. и 2 рукописи XVIII в. с выписками из него. Недавно атрибутированный книжнику Сергию Шелонину список перевода «Книги о дистилляции» 1620-х годов (БАН. 17.4.12), созданный им для именитых людей Строгановых, содержит 288 иллюстраций и является, по всей видимости, достаточно точной копией оригинала XVI в. Изучение состава всех списков позволяет сказать, что «Книга о дистилляции» не была переведена полностью: переводчик избирательно подошел к представленным в немецком издании сведениям и рецептам. При переводе медико-астрологического трактата Фичино в составе издания Бруншвига он преднамеренно пропустил невозможные для православной традиции астрологические и эзотерические положения, а также ряд недопустимых методов лечения [Сапожникова, 2016]. Сокращение коснулось всего текста издания: переводчик оговаривал каждый свой пропуск специальным комментарием; примеры некоторых из них: «Иные же притчи яз, перевотчик, здѣ преступил», «Здѣсе Бесѣда переступлена от неразумия»; «А туто другая Беседа переступлена от незнаема для»; «Здѣ Бесѣда преступлена от недоумѣния»; «А здѣ иные строки переступлены для несогласия» и т. д. В большинстве случаев переводчик указал, как видим, и причины, по которым он «переступал» целые Беседы и отдельные фрагменты: «от неразумия», «от недоумѣния», «для несогласия», «от незнаема для». При обращении к оригиналу представляется возможным понять причины избирательности автора перевода. Так, в части «Гербарий» была пропущена «от неразумия» глава «Menschen Blut Wasser» с рекомендациями употреблять в качестве лекарственного средства человеческую кровь, что было достаточно распространено в Европе [Sagg], особенно ценилась детская кровь [Magnus, s. 51], которой уделяет отдельное внимание гуманист Фичино, а вслед за ним и врач Бруншвиг. На том же листе рукописи читается еще один комментарий: «А туто другая Бесѣда переступлена от незнаема для» — здесь «переступлена» глава «Menschen Kot Wasser», в которой излагается порядок получения и использования человеческих фекалий, способ их дистилляции, а также указываются недуги, при которых возможно употребление полученного «средства».

У восточных славян какое-либо использование, а тем более употребление внутрь человеческой крови было, по-видимому, настолько табуировано, что следов упоминания о чем-либо подобном не удается найти ни среди материалов традиционной культуры, ни в древнерусских эпитимийниках, в отличие, например, от католических Пенитенциалиев. Что же касается второго «целебного средства», то случаи его использования также не известны среди фактов книжной и традиционной восточнославянской культуры. Помимо указанных «переступлений» интересный материал дают и другие пропущенные фрагменты, являющиеся свидетельствами современника о недопустимых для древнерусского человека XVI в. процедурах и яркими примерами столкновения разных культур и мировоззрений. Передовые технологии Возрождения были восприняты русским лекарем-переводчиком практически в полном объеме — те же рецепты и советы европейских гуманистов, которые противоречили укладу жизни и нормам поведения в православном сообществе, были опущены. И если зачастую исследователи реконструируют особенности рецепции явлений одной культуры другой на основе косвенных фактов, то данный перевод XVI в. благодаря комментариям переводчика дает нам в буквальном смысле готовые ответы.

Литература

Сапожникова О. С. Неизвестный русский перевод XVI века из медико-астрологического трактата «Книга о жизни» итальянского гуманиста Марсилио Фичино // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 3 (55). С. 12–24.

Сапожникова О. С. «Вудошник Семёна Аникиевича» и хранительница имущества и традиций Строгановых Евдокия Нестеровна // Русский Север – 2017: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. Сб. мат-лов межрег. науч. конф. Тотемского музейного объединения (Тотьма, 23–26 февраля 2017 г.). Тотьма; Вологда, 2017. С. 158–162.

Magnus H. Die Organ- und Blut-Therapie. Ein Kapital aus der Geschichte der Arzneimittellehre. Breslau, 1906.

Sugg R. Mummies, Cannibals and Vampires: the History of Corpse Medicine from the Renaissance to the Victorians. Florence, 2015.

Ю. В. Селезнёв (ВГУ)

ЗАДНЕПРОВСКИЕ КНЯЗЬЯ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Зимой 1287/1288 г. ордынский хан Тула-Буга возглавил поход на Польшу. Несмотря на довольно натянутые отношения с ханом, к военной акции присоединился и Ногай.

Поход хана на Польшу и западная политика Орды в данное время, а также положение русских князей в предлагаемой ситуации рассмотрены достаточно подробно. Тем не менее в тени вопросов взаимоотношений галицких и волынских князей с ханами Орды осталось участие иных князей. Между тем в летописной записи отмечено, что «Телебуга же посла ко Заднѣпрѣискымь княземь, и ко Волыньскимь: ко Львови, и ко Мьстиславу, и к Володимѣру... И тако поиде Телебуга на ляхы, собравъ силу многу». То есть в походе зимы 1287/1288 г. участвовали не только князья Галицко-Волынских земель, но и войсковые подразделения княжеств, расположенных на левобережье Днепра — за Днепром для летописца Галича или Волыни (заднепровские князья). К сожалению, автор записи не расшифровывает, кто из князей к востоку от Днепра был привлечен к походу на Польшу. Я. В. Пилипчук указывает, что к заднепровским князьям необходимо отнести Ольговичей, то есть, вероятно, князей черниговской династии.

Рассматриваемое свидетельство сохранилось в составе одной из последних частей Галицко-Волынской летописи, в так называемом летописце Владимира Васильковича, охватывающем события с 1272 до 1289 г. Показательно, что

автор летописца, которым считается епископ Евсигиний, по сравнению со своими предшественниками высказывается об ордынской зависимости в целом более нейтрально.

Автор летописной записи начинает свой рассказ с планов хана, а затем отмечено, что хан направил послов к «Заднѣпрѣискымь княземь, и ко Волыньскимь... веля имъ поити с собою на войну». Объясняет летописец данное требование суверенными правами верховного правителя, которым по отношению к русским княжествам является ордынский хан: «Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарьской».

Далее в летописи движение ордынских войск во главе с ханом описано лаконично и уместилось в несколько строчек. Однако о князьях заднепровских летописец более не упоминает. Оказывается не вполне ясным состав участников коалиции князей, привлеченных ханом к решению его внешнеполитических задач.

Тем не менее автор соответствующей части Галицко-Волынской летописи (летописца Владимира Васильковича епископ Евсигиний) еще два раза говорит о заднепровских князьях. При описании похода рати Ягурчина, направленной «великим цареви Меньгутимереви» по просьбе князя Льва Даниловича на Литву в 1274/1275 г. он отмечает: «Менгутимерь же да ему рать и Ягурчина с ними воеводу, и заднѣпрескыи князи всѣ да ему в помочь, Романа Дьбряньского и сыномь Олгомъ, и Глѣба князя Смоленьского, иныихъ князий много. Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской». Чуть дальше автор, описывая детали военных действий, поясняет, что ордынцы под Новогрудком особенно ожидали князей с востока Днепра «воюя по Полѣсью». Но «ни Романъ, ни Глѣбь, тии князи Заднѣпрѣсции, но токмо и одинъ Олегъ, сынъ Романовъ, притяглъ». Надо отметить, что позже подошли армии и князей Глеба Смоленского и Романа Брянского.

Таким образом, для автора данной записи заднепровских князей было «иныихъ князий много», но несомненно, что таковыми являлись смоленский и брянский князья. На момент 1274/1275 г. смоленский стол занимал князь Глеб Ростиславич, а брянский — князь Роман Михайлович. В походе также участвовал сын князя Романа Олег.

Надо полагать, представления летописца о составе заднепровских князей к 1287/1288 г. не изменились. Тем более обоснованно мы можем об этом говорить в связи с тем, что автор не посчитал необходимым расшифровать состав этих князей, ибо, по всей вероятности, счел, что вполне достаточно более раннего упоминания о заднепровских князьях и их перечисления.

Таким образом, в летописце Владимира Васильковича (1272—1289 г.), который является частью Галицко-Волынской летописи, отразились представления автора о степени суверенитета ордынского хана над русскими княжествами: «Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарьской». Данный аспект, несомненно, напрямую относился к князьям Волыни и Галича. Однако автор данной части летописи оговаривает участие во внешнеполитических военных акциях Орды заднепровских князей (владельцев княжеств к востоку от Днепра), которых «иныихъ князий много». Причем организатором данных акций в двух упомянутых эпизодах выступала верховная ордынская власть в лице великого хана Менгу-Тимура (в 1274/1275 г.) или хана Тула-Буги (в 1287/1288 г.). Анализ свидетельств летописи позволяет говорить, что среди заднепровских князей, которых привлекали ордынские ханы к решению военных задач на западных границах своего государства, были князья смоленского и брянского княжеских домов. Надо полагать, к участию в походах могли быть привлечены и другие князья раздробившейся Черниговской земли. Однако кто из князей и в каком составе участвовал в походе на Польшу зимой 1287/1288 г., реконструировать не представляется возможным из-за обрывочности сохранившейся в источниках информации. Можно только с достаточной уверенностью предполагать, что участниками похода были князь Андрей Михайлович, племянник и наместник смоленского князя Федора Ростиславича, и князь Олег Романович, сын и наследник брянского князя Романа Михайловича.

А. А. Селин (НИУ ВШЭ СПб)

КОРОЛЕВСКИЕ ПОЖАЛОВАНИЯ ПОД СМОЛЕНСКОМ: СЛУЧАЙ РЖЕВСКИХ[1]

Королевский лагерь под Смоленском осенью 1610 — весной 1611 г. был центром принятия решений в Московском государстве [Флоря]. В поисках «прирожденного государя» служилые люди устремлялись к королю Сигизмунду и нареченному царю Владиславу. Смоляне, уходившие от ставшего местным диктатором воеводы боярина М. Б. Шеина, стремились выказать лояльность новому государю. С августа 1610 г. началась работа традиционных для московской приказной культуры учреждений, чего-то наподобие Поместного приказа: просители наделялись поместьями и денежным жалованьем.

В годы Смуты процесс раздачи поместий и их мобилизации был чрезвычайно полицентричен. Видимо, с 1604 г. и, во всяком случае, с 1605 г. в стране одновременно существовало более одного центра власти, бравшего на себя, в частности, функцию поместной раздачи (что, в принципе, противоречило самой идее поместья — условного держания земельного участка за службу государю). Позднее грамоты на поместья и, в меньшей степени, вотчины выдавали не только все «государи», но и многие военачальники. Еще Л. М. Сухотин доказал, что грамоты на поместные дачи выдавались даже Станиславом Жолкевским в августе 1610 г. [Сухотин, с. XI—XII]. Тем более такие дачи стали производиться после прихода под Смоленск Сигизмунда.

Дающие об этом информацию источники обладают следующими признаками:

1) небольшой хронологический интервал (сентябрь 1609 — июнь 1611 г.);

2) неплохая сохранность и компактность во времени и месте. Кроме того, эти источники достаточно давно и хорошо введены в научный оборот. Вместе с тем существует одно аналитическое исследование этого круга памятников [Беляев] и большая аналитическая статья публикатора части этих источников Л. М. Сухотина;

3) в отличие от документов других дворов, хронологическая компактность позволяет дать исчерпывающую характеристику работы канцелярии с московскими людьми. Подобная сохранность для тушинского двора и для его подразделений не наблюдается.

[1] Работа написана в рамках проекта РФФИ № 16-01-12012в «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование».

Документы, связанные с королевскими пожалованиями под Смоленском, сохранились в составе Литовской метрики (ныне в РГАДА; во всяком случае, те тексты, что были опубликованы в 1851 и 1913 г.), а также в составе так называемого «Смоленского архива», военного трофея шведской армии в годы польского Потопа (ныне распылены преимущественно между «Смоленским архивом» в Riksarkivet, Stockholm, и коллекцией Соловьева в архиве СПбИИ РАН). Все эти документы — результат достаточно сложной работы литовских писарей и московских приказных по упорядочению жизни Московского государства, по его нормализации. Еще Л. М. Сухотин отмечал роль Льва Сапеги как организатора такой нормализации. Полагаю, именно великий канцлер литовский, в архиве канцелярии которого и сохранились документы о королевских пожалованиях под Смоленском, вел наиболее серьезную работу по включению западных территорий Московского государства в орбиту литовской бюрократической культуры либо в качестве новых поветов ВКЛ, либо (и таков, вероятно, был дальний прицел Льва Сапеги) в качестве организующегося на востоке союзного ВКЛ Московского государства.

Среди челобитчиков, чьи просьбы разбирались под Смоленском, были две основные категории московского люда — члены Государева двора (участники посольства митрополита Филарета и князя В. В. Голицына) и те, кто курсировал между Москвой и Смоленским лагерем, а также дворяне Смоленского и окрестных уездов. Следует привести большую подборку челобитных от дворян Ржевских и их родственников. Один из представителей Ржевских, Иван Никитич, был, судя по всему [Тюменцев], тушинским боярином; после бегства Вора в Калугу он примкнул к сторонникам короля.

В «Смоленском архиве» сохранилось в общей сложности 11 челобитных Ржевских на имя короля и нареченного царя Владислава, а также одна челобитная на имя великого канцлера литовского Льва Сапеги. В качестве челобитчиков непосредственно или косвенно выступали более 15 представителей этой фамилии, среди которых были как те Ржевские, кто вошел в Государев Двор при Тушинском воре, так и те, кто лишь претендовал на такое вхождение. Самые видные представители фамилии, Иван и Григорий Ржевские, были среди тех, кого уже в августе 1610 г. С. Жолкевский отправил из Москвы к королю под Смоленск. Старший из братьев, Иван Никитич, претендовал на подтверждение боярского чина, полученного в Тушине. Остальные Ржевские искали себе также повышения в чинах и закрепления за ними отнятых владений. Младшие представители рода были как раз помещиками западных уездов (Дорогобужского); опираясь на высокий чин и не менее высокие претензии родственников, они пытались закрепить за собой поместья близ Смоленска, наряду с другими помещиками этой области. Все челобитные Ржевских корреспондируют с записями о земельных дачах и иных пожалованиях, осуществленных в королевском лагере.

Литература

Беляев И. С. По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек» // Старина и новизна. 1914. Т. 17. С. 45–56.

Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1912. Вып. 8. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. / Под ред. и с пред. Л. М. Сухотина. [Сухотин]

Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

А. В. Сергеев (ИПБОТСП)

КНЯЖЕСКИЕ ФАМИЛИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII в.

В ходе объединения русских земель в единое государство на службу Москве переходили князья Ростовского, Суздальского, Ярославского, Белозерского и других регионов Северо-Восточной Руси, князья Юго-Западной Руси, возводившие родословную к Рюрику и Гедимину, а также представители татарской и кавказской знати. Образование значительной социальной прослойки из титулованных родов является одной из особенностей истории Московского государства, и при изучении происходивших в нем социально-политических процессов исследователи разных поколений занимались уточнением биографий, определением общественного положения, характера землевладения отдельных представителей княжеских фамилий. Однако общее количество, примерный численный состав, различия социального статуса, время существования княжеских фамилий выяснены не были. Ответы на указанные вопросы предлагаются автором настоящего сообщения на основе информации «Бархатной книги»[1], «Дворовой тетради»[2], боярских списков XVI–XVII в.[3], разрядных[4], вкладных монастырских[5] книг и других источников. Под *княжеской фамилией* понимается передававшееся на протяжении жизни двух и более поколений наименование семьи, использовавшееся современниками для определения ее принадлежности к линии или ветви рода Рюриковичей, Гедиминовичей и др.

Православных княжеских фамилий в Московском государстве насчитывалось около 150–160. Среди них были следующие группы: Рюриковичи Северо-Восточной Руси (около 80 фамилий); Рюриковичи Юго-Западной Руси (около 50 фамилий); потомки великого князя Литовского Гедимина (8 фамилий). Отдельную группу («князья

[1] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. 1. С. 28–239; Ч. 2. С. 58–85, 162–180, 213–217, 235–253.

[2] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

[3] Боярские списки 1577–1607 гг. // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. С. 191–318; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах... М., 1853.

[4] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1–2; М., 1978. Т. I. Ч. 3; М., 1982. Т. II. Ч. 1–3; М., 1984. Т. III. Ч. 1–2; М., 1989. Т. III. Ч. 3; М., 1994. Т. IV. Ч. 1; М., 2003. Т. IV. Ч. 2; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.

[5] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

выезжие») составляли как известные фамилии (Глинские, Черкасские, Мещерские), так и князья неясного происхождения (литовские, ногайские и др.).

Самой многочисленной фамилией были Мещерские (около 240 князей), более 100 представителей насчитывали Засекины, Шаховские, Львовы, Гагарины, Мосальские, Барятинские, Вяземские, Волконские.

Фамилии различались по степени социального статуса: к первой принадлежали князья, занимавшие места в Боярской думе, а к низшей — служившие «с городом вместе», мало отличавшиеся от рядовых дворян и детей боярских. Большинство князей занимали промежуточную вторую степень: не имели думных чинов, но служили в составе Государева двора, получали «разрядные» назначения.

Существование почти всех фамилий приходится на первую-вторую трети XVI в. В последующий период многие пресеклись вследствие разных причин. К концу XVII в. их оставалось около 40. По мере угасания первостепенные фамилии замещались родственниками из прежде малозаметных линий, благодаря чему происходил рост социального статуса у князей Лобановых, Касаткиных-Ростовских, Львовых и др.

Изученность княжеских фамилий различна. В родословных справочниках [Долгоруков; Лобанов-Ростовский; Руммель, Голубцов, т. 1, с. 245–260; т. 2, с. 29–55, 166–171; Власьев, т. 1, ч. 1–2; т. 1, ч. 3; т. 2, вып. 1, с. 82–144; Савелов, вып. 1, с. 57; вып. 2, с. 36–38, 187, 189–190, 223–224; вып. 3, с. 24–27, 125–126, 150–154] отмечены большинство из них. К сожалению, в значительной мере описания фамилий в перечисленных трудах представляют собой лишь «голый перечень имен, почти без всякого объяснения и, что еще хуже, без дат» [Кобеко, с. 272]. Работа по наполнению их биографическими сведениями, осуществлявшаяся учеными (см.: [Зимин; Кобрин] и др.), пока далека от завершения.

Литература

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1–2; 1907. Т. 1. Ч. 3; Пг., 1918. Т. 2. Вып. 1.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854. Ч. 1; СПб., 1855. Ч. 2.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии во второй половине XV — первой трети XVI века. М., 1988.

Кобеко Д. Ф. О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1887. Т. III. Вып. 2. С. 194–198.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. В 2-х томах. СПб., 1895.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1; СПб., 1887. Т. 2.

Савелов Л. М. Родословные записи. М., 1906. Вып. 1; М., 1908. Вып. 2; М., 1909. Вып. 3.

А. Г. Сергеев (БАН)

НОВОНАЙДЕННОЕ ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ТЕМНОМУ

Ни одна работа, посвященная известиям о событиях в Западной Европе в древнерусской письменности, не обходится без разбора послания Феофила Дедеркина Василию Темному. Это старейшее сохранившееся в восточнославянской письменности известие о стихийных бедствиях, постигших западный мир. В послании описано землетрясение 1456 г. Текст сохранился в трех рукописях XV — начала XVI в. [Лурье, Турилов, с. 186]. Старейшая из них — сборник Ефросина. Само послание дает мало данных о личности автора послания и месте его создания, недаром в указателе к работе Н. А. Казаковой имя Феофила Дедеркина дано в кавычках [Казакова, с. 158–160]. В старейшем списке Ефросина послание помещено под заголовком «из латинской страны из заримья». В то же время достаточно давно установлен литературный источник послания — описание землетрясения в Италии. На основании полонизмов в языке послания и украинского происхождения одного из списков (XV в.) исследователи предположили, что послание создано в западнорусских землях. Автор последней по времени работы, посвященной Феофилу Дедеркину, С. М. Шамин, склонен считать на основании первичности чтений в кирилло-белозерском списке, что послание возникло в московских землях [Шамин].

Недавно в рукописи БАН. Архангельское собр. Д. 617 удалось обнаружить еще одно, ранее неизвестное послание Феофила (в нашей рукописи его фамилия или прозвище пишется Дедернин) Василию II. Рукопись датируется серединой XV в. и представляет собой сборник смешанного содержания, преимущественно эсхатологического. Послание, не выделенное заголовком или инициалом, находится на л. 2 об.–5 об., между двумя фрагментами Жития Василия Нового. Автор послания сообщает, что из «вавилонских стран» в Венецию, оттуда в польское королевство и наконец в Луцк пришел некий «лист», сообщающий о рождении в Вавилоне антихриста. В послании приводится дата — 1440 год от Рождества Христова. Если эта дата верна, а сомневаться в ней, с учетом датировки рукописи, вряд ли имеет смысл, то получается, что два известных послания Феофила Дедеркина разделяет полтора десятилетия. Судя по именованию себя в обращении к адресату «богомолец твой», он был духовным лицом. В послании обильно представлены лексические и фонетические полонизмы, а главное, содержание недвусмысленно указывает на западнорусское происхождение памятника. Содержание достаточно традиционно для западноевропейской апокалиптики. Сходные тексты известны в украинской книжности XVII в.

Можно предположить, что названный в послании «лист» представляет собой образец ранних венецианских летучих листков или рукописных газет (avvisi). В таком случае это едва ли не старейшее свидетельство о бытовании такого рода письменности.

Литература

Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.

Лурье Я. С., Турилов А. А. Дедеркин Феофил // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 185–186.
Шамин С. М. «И в ту же нощь было трясение великое от Божия разгневания…» // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2 (41/42). С. 139–158.

Р. А. Симонов (НИЦ «Наука» РАН, РГГУ)

ХРОНОЛОГО-АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ И СОКРОВЕННЫЕ ПРАКТИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Сокровенные практики — это систематизированные тайные («сокрытые») знания, они представлены в виде переводных или оригинальных текстов в древнерусской книжности списками XI–XVIII в. Недавно вышла монография, посвященная этому виду книжной культуры. В банк древнерусских сокровенных текстов входят отреченные (запрещаемые церковными властями) произведения.

В 1136 г. Кириком Новгородцем (1110 — после 1156 г.) было написано «Учение им же ведати человеку числа всех лет». Предметом этого трактата является математическая хронология, отрасль знания, которая до сих пор представляет интерес для наук математического естествознания. В XIX в. отдельные деятели науки полагали, что это сочинение не оказало существенного влияния на практику древнерусского времяисчисления. На этот счет есть свидетельство известного историка церкви Е. Е. Голубинского, которым трактат Кирика характеризовался как работа, «которая, впрочем, не имеет практического значения ни для истории, ни для чего бы то ни было и написана единственно для бесцельного обнаружения учености» [Голубинский, с. 792]. Однако современные математики высоко оценивают математические достоинства трактата Кирика: «От других произведений древнерусской книжности трактат Кирика отличается очень высоким уровнем математической культуры… Кирик обладал столь высокой квалификацией, что она не была понята даже таким знатоком древнерусской жизни, каким был Е. Е. Голубинский» [Зверкина, с. 51].

Дело, по-видимому, было в том, что церковные власти Руси специально или ненамеренно держали народ в невежественной темноте. Как подчеркнул С. В. Цыб, «христианская богословская традиция, по крайней мере до XVI в., объявляла “халдейскую астрономию”, “элинское звездочетье” и “родотчение небесных шествий” занятием, равнозначным волхвованию, чародейству и преклонению перед “языческими баснями” и “погаными обычаями”. Может быть, поэтому изредка попадавшие на Русь в XI–XII вв. произведения общеописательного астрономо-хронологического содержания не были здесь популярными и не оказывали никакого воздействия на развитие местного времяисчисления» [Цыб, с. 93]. «Не оказывали» — это верно: власти не заботились о том, чтобы позитивные научные результаты проявлялись в русском быту, обнаруживали себя. Открытия последних лет показывают, что в действительности соответствующие знания были представлены не в повседневном обиходе, а в некоем своего рода закрытом информационном пространстве, в котором, помимо сокровенного знания, вызревало и древнерусское точное знание.

Так, в начале XXI в. был открыт (О. Р. Хромовым), исследован и опубликован неизвестный научный трактат по измерительной хронологии XVI в. в списке конца XVII — начала XVIII в. (Ярославский музей-заповедник. 54403/3. 1691 г. Л. 1–2 об.). Его предметом была динамика суточного дневного и ночного времени (в часах) для Москвы. Здесь в том числе указывалась максимальная величина продолжительности дня в Москве: 17 часов 45 минут («Июня 12 день оттоле нощи прибывает… *Во дни 17 часов и 3 четверти часа*, а в нощи 6 часов с четвертой»[1]). Точность указанного времени просто изумляет, так как отличается всего на 10 минут от истинного значения 17 часов 35 минут, определяемого по современным методикам (проверено доктором физико-математических наук М. Л. Городецким). Для сравнения: соответствующие измерения иностранцев (по данным С. Герберштейна), предпринятые в первой половине XVI в., давали неплохой, но худший результат (17 часов 10 минут). Данные о максимуме дня нужны были для точного определения координат Москвы, что для государственных интересов имело исключительное значение при картографировании территории страны.

Осознававший важность этой проблемы С. Герберштейн, посетивший Московию в 1516–1517 и 1525–1526 г., писал, что здесь информацию о максимальной длительности дня для Москвы (17 часов 45 минут) ему сообщил «некто». Комментируя это место, А. Л. Хорошкевич предположила, что «“некто” — по-видимому, общий знакомый С. Герберштейна и Николая Булева из Любека, астронома, лекаря и переводчика» [Герберштейн, с. 326]. Добавим: «и астролога», что указывает на возможную связь названного точного результата с расчетной астрологией, по-видимому, также входившей в упомянутое «закрытое информационное пространство». Значит, хронолого-астрономическое знание находило прибежище в части сокровенного знания. Аналогичная ситуация имела место и в Западной Европе. Здесь для проведения расчетов при составлении гороскопов астрологи стали прибегать к услугам профессиональных математиков, которые при этом совершенствовали существовавшие методы счета. Как бы подготавливая переход к математике Нового времени — переменных величин («отсюда уже рукой подать до математики переменных величин» [Рабинович, с. 223]).

Литература

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
Голубинский Е. Е. История русской церкви. 2-е изд. М., 1901. Т. 2. Первая половина тома.
Зверкина Г. А. Кирик Новгородец как зеркало культуры средневековой Руси // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород, 2012. Ч. 1. С. 57–71.
Рабинович И. М. О ятроматематиках // Историко-математические исследования. М., 1974. Вып. 19. С. 223–230.
Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.

[1] *Городецкий М. Л., Симонов Р. А., Хромов О. Р.* Ярославский трактат по древнерусской математике и астрономии в списке конца XVII — начала XVIII вв. // Труды VII Международных Колмогоровских чтений. Ярославль, 2009. С. 57 (Приложение).

А. В. Сиренов (СПбГУ)

ОБ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕТОПИСИ[1]

Воскресенская летопись является одним из наиболее крупных памятников русского летописания XVI в. А. А. Шахматов предположил, что ее окончательной редакции, в которой изложение доведено до 1541 г., предшествовало еще две редакции: 1533 и 1537 г. Сейчас можно утверждать, что первая редакция Воскресенской летописи создавалась в конце 20-х годов XVI в. К ее материалам обращался известный книгописец М. Я. Медоварцев. Его летописец, оканчивающийся событиями 1528 г., использует еще материалы источников Воскресенской летописи, а другой летописец Медоварцева, доводящий изложение до 1532 г., как основным источником пользуется уже Воскресенской летописью.

Обратившись к источникам Воскресенской летописи, отметим, что их гораздо меньше, чем источников Никоновской летописи, и применялись они более механистически. Вследствие этого имеется несколько случаев повтора одних и тех же фактов: например, о кончине митрополита Дионисия[2], о походе на Казань (под 6977 г. и 6978 г.[3]). Если составители Никоновской летописи тщательно сводили известия целого ряда летописей, прибегая к домыслам в целях создания единого и непротиворечивого исторического повествования, то при создании Воскресенской летописи ее авторы поступали иначе. В ее тексте чередуются обширные фрагменты текста, извлеченные из двух основных источников — Московского свода 1479 г. и Софийской I летописи по списку Царского. В ряде случаев летописец следовал тексту Типографской летописи, но, как правило, из этой летописи он делал краткие выписки отдельных известий. В части за XVI в. использовался, по-видимому, текст ведшихся при великокняжеском дворе летописных записей, который дополнялся извлечениями из разрядных материалов.

Случаи использования нелетописных источников весьма немногочисленны. Это две вставки из Послания Спиридона-Саввы о Мономаховом венце, текст о родословии литовских князей, краткое изложение Сказания о явлении Тихвинской иконы Богоматери.

Анализируя вставки из разных источников (как летописных, так и нелетописных) в тексты обширных блоков, восходящих к двум основным источникам, можно отметить явный интерес составителя Воскресенской летописи к Новгороду. Это наблюдение согласуется с тем обстоятельством, что процесс создания Воскресенской летописи отразился в летописных подборках новгородского уроженца М. Я. Медоварцева. Вполне вероятно, что Медоварцев имел отношение к составлению первоначальной редакции Воскресенской летописи.

В целом же, тщательной и искусной работу составителя Воскресенской летописи назвать нельзя. Данное обстоятельство особенно бросается в глаза при сравнении Воскресенской летописи с Никоновской. Представляется, что перед нами две традиции летописания — церковная и светская. Если Никоновская летопись, как убедительно доказал Б. М. Клосс, писалась в окружении митрополита Варлаама, то в Воскресенской летописи можно видеть великокняжеское летописание. В Никоновской летописи тщательно, с привлечением многих источников описано прошлое. В Воскресенской летописи, напротив, при описании событий, относящихся ко времени до начала XVI в., использовали обширные блоки текста, извлекаемые из основных источников. При описании событий современности к повествованию относились более внимательно.

Ранние редакции Воскресенской летописи известны по заимствованиям из них в ряде кратких летописцев. Третья редакция, доводящая изложение до 1541 г., уже в середине XVI в. активно тиражировалась в рукописной традиции. Кроме того, Воскресенская летопись уже в XVI в. стала источником как исторических сочинений (Степенная книга, Летописный свод 1560 г., Лицевой летописный свод), так и житий (Мартиниана Белозерского, княгини Ольги). В XVII в. популярность Воскресенской летописи снизилась, а с конца XVIII в. она вновь стала одним из наиболее востребованных источников по истории Средневековой России. Это объясняется появлением в 1793—1794 г. ее первого научного издания. Второе издание Воскресенской летописи увидело свет в 1856—1859 г. Поскольку Московский свод 1479 г., широко использованный в Воскресенской летописи, вплоть до исследований А. А. Шахматова оставался неизвестным, его текст использовали по восходящей к нему Воскресенской летописи. Однако после открытия А. А. Шахматовым, а особенно после издания М. Н. Тихомировым в 1949 г. текста Московского свода по Уваровскому списку Воскресенская летопись привлекается, как правило, для изучения событий первой половины XVI в. — того времени, которое описано в Воскресенской летописи наиболее тщательно.

[1] Исследование проведено при поддержке РНФ, грант «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080.

[2] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 49, 60.

[3] Там же. С. 155—157.

Д. В. Сичинава (ИРЯ РАН)

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ С УЧАСТИЕМ ПЕРФЕКТА В КОНКУРЕНЦИИ С ДРУГИМИ ВРЕМЕНАМИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ[1]

Два древнерусских аналитических времени с участием перфектной конструкции (связка + лъ-причастие) — плюсквамперфект с его многообразием форм прошедшего времени связки (*бѧше/бѣ/былъ ходилъ*) и второе будущее (*боудеть ходилъ*) — традиционно анализируются прежде всего как показатели таксиса (предшествования в этих временных планах). Ряд работ ([Петрухин, Сичинава] и др. о плюсквамперфекте, [Пенькова] и др. о втором

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 17-34-01061 «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

будущем) подходят к этим формам как к более идиоматическим (некомпозициональным) образованиям, имеющим также (или даже прежде всего) другие значения, не выводимые из семантики их формальных компонентов. Для плюсквамперфекта, в частности, это сдвиг в сторону «эмфатического», «неактуального» прошедшего, которое может кодироваться и обычным претеритом, для второго будущего — в сторону синонимии с обычным будущим или даже превращения в немаркированную форму будущего, как в польском, словенском и других славянских языках.

Сравнительно мало внимания в существующих исследованиях обеих форм уделяется их конкуренции в текстах с другими формами. Во многих языках предшествование в прошедшем часто передается немаркированным прошедшим; среди современных славянских языков, сохраняющих плюсквамперфект, это свойственно болгарскому. На древнерусском материале использование перфекта в функции плюсквамперфекта изучено П. В. Петрухиным [Петрухин]: в частности, показано, что выбор между этими формами связан с информационной структурой текста («данное» для перфекта и «новое» для плюсквамперфекта; схожее распределение выявляется и в романских языках). И в современном русском языке выбор частицы *было*, являющейся наследницей древнерусского плюсквамперфекта, связан с маркированием ремы «новой информации»[2].

В исследовании используется материал древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка, прежде всего контекстов, характерных для плюсквамперфекта (предложения с поясняющими частицами *же*, *бо* и относительные предложения) и второго будущего (условные контексты (с союзами *оже*, *аще* и др.) и ряд других)[3].

В контекстах с поясняющими частицами *же* и *бо* плюсквамперфект в большинстве оригинальных памятников употребляется достаточно последовательно, что подтверждает гипотезу о связи этой формы с передачей новой информации. Ср., однако, выбор аориста и перфекта в ряде примеров в Волынской летописи XIII в.[4] в контексте предшествования в прошедшем: *Телебоуга же хотѧше ити ко Краковоу и не дошедъ его воротисѧ во Торжькоу. вѣсть бо приде к немоу, ѡже Ногаи передилъ его.* При этом аорист выбирается в придаточных с *бо*, например, в переводной «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: *въ истинноу ѡтравленїемъ растлѣсѧ Фероръ, принесе* (προσενεγκεῖν, inf.aor) *бо ємоу жена своѧ брашно растворенно ѡтравлениємъ, и вложи* (φαγόντα, part.aor) *въ оуста своѧ.* В относительных же предложениях в летописных текстах с плюсквамперфектом гораздо активнее конкурирует не только отмеченный П. В. Петрухиным в этой функции перфект, но и аорист: *и многы (книгы) списавь, положи вь цркві Стїои Софьи, юже созда самъ* (Повесть временных лет); *и взѧ из Вышегорода икону Стїоѣ Бї, юже принесоша с Пирогощею исъ Црѧ града* (Киевская летопись).

Выделяются памятники, где форма второго будущего употребляется в условных конструкциях, фактически не имея оттенка значения, отличного от семантики этих конструкций [Пенькова, с. 157], столь же часто, что и презенс совершенного вида: это Житие Андрея Юродивого (где второе будущее выступает вообще довольно широко) и Повесть временных лет, где этот статистический эффект связан с употреблением второго будущего в составе переводных договоров с греками. В текстах берестяных грамот второе будущее в составе условных конструкций конкурирует также с перфектом.

Литература

Пенькова Я. А. К вопросу о семантике т.н. будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 150–184.

Петрухин П. В. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. Дисс. … канд. филол. наук. М., 2003.

Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.

[2] *Сичинава Д. В.* Частицы *было* и *бывало* и информационная структура предложения. Доклад на Гротовских чтениях. ИРЯ РАН. Москва. 2017.

[3] Из рассмотрения ввиду его особого статуса исключается глагол *быти*.

[4] Информация об изданиях, по которым памятники приведены в НКРЯ, указана в метаинформации корпуса.

Е. Р. Сквайрс (МГУ)

РАННИЕ НОВГОРОДСКИЕ ТЕКСТЫ ГАНЗЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII В.[1]

Немецкие источники по истории Новгорода входят в круг актов Ганзы и в силу своего провенанса активно издавались в Германии и Прибалтике. Ранние тексты (договор 1269 г. и Новгородская Скра I) пользовались повышенным вниманием и публиковались (Liliegren 1837, Tobien 1844, Behrmann 1828) до выхода собраний грамот Любека и Ливонии.

Помимо истории Ганзы, новгородские тексты были важны для истории Германии и немецкого права. В XVIII в. в Шлезвиге и Голштинии (куда входит Любек с его хранилищем актов Ганзы) школа исторического правоведения выдвигала древние законы в противовес «чуждому» римскому праву. В поисках материала юристы Вестфален, Дрейер обращались к текстам Шлезвига, англо-саксонскому и ютскому праву, в целом к Скандинавии, законам Руси, как, по их мнению, свидетельству распространения скандинавского, то есть старого германского, права. Дрейер отрицал Саксонское зерцало, считая его поздним и полагая «очевидным, что скандинавские памятники служат познанию и объяснению нашего немецкого права, а также обнаружению его чистейших истоков» [Ratjen, s. 160]; к этим памятникам он относит законы Дании, Шлезвига, Швеции — и Новгорода.

Обращение к истокам также получило в Германии импульс с концом империи в 1806 г. Ученые ощущали свой долг в деле изучения немецких законов, особенно Любского права: «Возникновение школы исторического правоведения было компенсацией за осознанную или неосознанную реакцию на конец империи» [Burgdorf, s. 326].

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00158.

Корни этого уходят в дискурс XVIII в.: автор главного труда по Любскому праву (Hach 1839) — ученик Дрейера, писавшего на эту тему в 1761 г.

В эти годы в ученой среде Киля и Любека прочны связи и со Скандинавией, и с Россией: К. Сальдерн, на службе у Гольштейн-Готторпских герцогов, был в 1752 г. поверенным в делах России, а в 1762 г. полномочным представителем России при подписании мира с Пруссией. Покровитель Вестфалена герцог Карл Фридрих имел виды на шведский трон, но был обойден, а его сын, Карл Петер Ульрих Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский, стал в 1761 г. российским императором Петром III, супругом будущей Екатерины II. В карьерном падении Вестфалена в 50-е годы тоже сыграли роль коллизии, связанные с Россией, Швецией и Данией, а приговор по его делу утверждался в Петербурге великим князем Петром [Ratjen, s. 43–44, 53–58, 63]. Не только научный, но и общий историко-политический контекст Голштинии соединял здесь скандинавскую тему с русской.

Вслед за Вестфаленом Дрейер толкует название права г. Зоста (Skraa) в скандинавском духе как «правовой кодекс» и распространяет это далее на Новгородскую скру и ранние немецкие акты Новгорода. Однако скандинавским является лишь название *скра*, сам же текст стоит особняком и от кодексов Ганзы, и от скандинавских законов с похожими названиями [Сквайрс, 2015]. Заимствовались не правовые системы и тексты, а лексема — в немецкий язык текстов Висбю и Новгорода; на русское право Скра не могла влиять в силу одностороннего характера (внутренний ганзейский документ). Важно помнить, что эти историки и не стремились доказать скандинавское влияние на Русь и тексты Новгорода интересовали их для истории права в Германии.

Ранней историей Новгорода занимаются и в России, как русские историки, так и исследователи, приехавшие из Германии. В 1749 г. Г. Фр. Миллер приготовил речь «Происхождение народа и имени российского», которая была понята русскими академиками (М. В. Ломоносов и др.) как «предосудительная России». Аспекты варяжско-славянских отношений, вылившиеся в норманский вопрос, даны у Г. Фр. Миллера в анализе ономастики (этнонимы, имена князей), прямых же оценок, принижающих роль русских в становлении государства, не дается [Müller 1760]. Это значит, что в возникающем споре большой вес пришелся на языковые факты (имена и названия).

Другие «русские немцы» были сторонниками скандинавского генезиса русского права, ср. об А. Л. Шлецере: «На основании сходства XIII статьи старейшей Правды… со статьей похожего содержания в старой Книге законов Ютландии Шлёцер сделал заключение о заимствовании данных правовых норм из оного в Правду» [Tobien]. Между двумя полюсами этого дискурса немец Г. Фр. Миллер и В. Н. Татищев занимали не столь крайние позиции, а придерживались фактов, стремясь к объективности.

Г. Фр. Миллер, как историограф России, назначенный для составления «Собрания русской дипломатики», был важным контактом для Дрейера, ведавшего архивом Любека. В 1761 г. через А. Л. Шлецера он обратился к Г. Фр. Миллеру с намерением передать в дар академии грамоту XIII в. из Любека, *welche eine alte Skraam Novogradiensen in sich hält* 'которая содержит старую Скру'. Отвечая, Г. Фр. Миллер повторяет его термин: «Кажется, пересланная Скра прежде имела печать» [Сквайрс, 2016]. Слово *скра* здесь — натяжка Дрейера: его нет ни в самой рукописи, ни в других упоминаниях договора. В архиве Любека он оформил как скру 6 различных по жанру текстов из *Рутеники*. Он усилил «скандинавский элемент», видя в этих текстах свидетельства для истории права в Германии, однако его дар академии в контексте прошедшей там дискуссии вступал в резонанс с позицией норманистов. Дискурс в русской науке по варяжскому вопросу не был изолирован, подобные косвенные факторы могли искажать и обострять ситуацию, они требуют учета при изучении позиций и сути спора.

Литература

Сквайрс Е. Р. Правовые (нижненемецкие) тексты Ганзы в Новгороде: источниковедческие аспекты // От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Великий Новгород, 2016. Ч. II. С. 264–273.

Сквайрс Е.Р. Скра: жанр, название, имя? // Имя как квант. Сост. Т. А. Михайлова, Ф. Б. Успенский. М., 2015. С. 41–47.

Burgdorf W. Ein Weltbild verliert seine Welt: Der Untergang des Alten Reiches und die Generation 1806. München, 2009.

Müller, G.Fr. Sammlung russischer Geschichte. St. Peterburg 1760. Bd. 5. Stuck 1–6.

Ratjen H. Johann Carl Heinrich Dreyer und Ernst Joachim von Westphalen. Geschichte der Kieler Universität und der juristischen Literatur. Kiel, 1861.

Tobien E. S. Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Dorpat–Leipzig, 1843.

А. Е. Соболева (ИРЯ РАН)

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО В КОНТЕКСТЕ ПРОНИЦАЕМОСТИ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1]

Житие Александра Свирского (далее — ЖАС) известно особенной авторской работой. Иродион, выбирая для жизнеописания и чудес подходящие фрагменты из житий других святых, соединяет в одном произведении тексты как минимум десяти источников. Первоначально среди них значились жития Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского и Варлаама Хутынского; в последние десятилетия выявлены текстовые заимствования из житий Саввы Сербского [Гаврюшина], Евстафия Плакиды и Онуфрия Великого [Пак], Пахомия Великого [Пигин, Запольская], Евстафия Великого [Руди, с. 438]. Схожим образом, с привлечением большого количества житий, создается, к примеру, Житие Кирилла Новоезерского [Карбасова, с. 43]. Использование готовых отрывков — прием, типичный для русских агиографических текстов второй половины XVI в., и сам текст ЖАС в дальнейшем тоже активно заимствуется.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-34-01277 «Рукописная традиция жития Александра Свирского (XVI–XVIII вв.)».

В течение XVI–XVIII в. текст основной, Минейной редакции ЖАС дополняется новыми чудесами, похвальным словом, сказанием об обретении мощей и т. п. Однако биографическая часть остается постоянной (за исключением текстов в двух сокращенных редакциях) и не пополняется новыми главами даже в новой, риторической редакции XVIII в. Тем удивительнее, что в хорошо известной (см., например: [Соловьева, с. 78]) лицевой рукописи ГИМ. Музейское собр. № 344 (водяные знаки – 50–60-е годы XVIII в.)[2] в основной состав ЖАС включен новый фрагмент – «О пришествіи къ прѝдбному Александру блж҃еннаго отрока Геннадія Костромского и Любимоградскаго с Феодором; и како их житія пророчествова, еже и бысть»[3] (Муз. 344. Л. 2).

Геннадий Костромской и Любимоградский был одним из учеников Александра, однако ни в одной из известных редакций ЖАС упоминания о нем нет. При этом некоторым ученикам Иродион посвящает целые главы: Андрею Завалишину (преп. Адриан Ондрусовский), старцу Никифору (преп. Никифор Важеозерский). Житие Геннадия, напротив, рассказывает о встрече: «и отидоста на Свиру рѣку, в пустыню ко прѝдобному Александру, и молиста его, дабы я одеял в монашескую ризу»[4]. Именно проложный вариант Жития Геннадия Костромского (далее – ЖКГ) и внесен целиком в ЖАС по списку Муз. 344. Указание на это находится в самой рукописи: киноварная помета на правом поле рядом с заголовком сообщает «пролог ианнуа҃р кѓ» (Л. 2). Проложный текст ЖГК включается в печатный Пролог с 1661 г. Пословное сравнение показывает, что вариант в Муз. 344 почти полностью совпадает с чтениями печатного Пролога 1675 г., а также более поздними. Ср.: «**Она** же отвѣщаста ему: **желаема**, оч҃е, **чернеческаго** житія»[5] – «**Они** же отвѣщаста ему: **желаемъ**, оч҃е, **монашескаго** житія»[6].

Загадки на этом не заканчиваются. Рукопись Муз. 344 имеет тройную пагинацию: кириллическую (вероятно, писцовую), дореставрационную и хранительскую (при цитировании используется последняя). Листы с записью ЖГК буквенной нумерации не имеют, заголовок не содержит последовательного для этой рукописи указания на номер главы текста. Не включен этот фрагмент и в оглавление (Л. 10–13). Оформление миниатюр и надписей на них, инициалов, как представляется, выполнено единообразно по всей рукописи. Можно предположить, что решение ввести новый сюжет возникло уже на этапе художественного оформления рукописи или по крайней мере после написания основного текста ЖАС. В пользу этого, как кажется, свидетельствует и указание на поле рядом с заголовком: «сіе слово чти по ѧ҃д главѣ» (Л. 2) (то есть после главы «О прихожденіи хрс҃толюбивыхъ людеи ко прпд҃бному приити от него блѓословеніе» (Л. 59)).

Не ясным остается вопрос, для чего потребовалось в середине XVIII в. заимствовать в уже устоявшийся текст ЖАС новую главу[7]. В составе одного сборника ЖГК и ЖАС встретились пока лишь в рукописи РГБ. Ф. 209. Собр. П. А. Овчинникова. № 293 (XVII–XVIII в.).

Литература

Гаврюшина Л. К. Из истории сербско-русских литературных связей // Советское славяноведение. М., 1985. Вып. 1. С. 76–79.

Дианова Т. В. и др. Каталог рукописей «Музейского» собрания ОР ГИМ // Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1993. С. 6–131.

Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский: история почитания. М.; СПб., 2011.

Пак Н. В. К проблеме источников Жития Александра Свирского: переводные жития // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри: (Монастыри Новгор. и Волог. земель). СПб., 2001. С. 145–151.

Пигин А. В., Запольская Н. Н. К вопросу об источниках Жития Александра Свирского (Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех») // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 281–288.

Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.

Соловьева И. Д. Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1 (7). С. 74–82.

[2] Благодарю за предоставленное подробное описание рукописи ведущего научного сотрудника Отдела рукописей ГИМ Ю. А. Грибова.

[3] Здесь и далее орфография упрощенная, выносные внесены в строку.

[4] Пролог. Первая половина (сентябрь–февраль). М.: март 1675. Л. 536.

[5] Пролог. Первая половина (сентябрь–февраль). М.: 17 августа 1661. Л. 319 об.

[6] Пролог. 1675. Л. 537; Муз. 344. Л. 2 об.

[7] Судя по многочисленным владельческим записям, рукопись бытовала в Старой Руссе, в Лужском и Онежском уездах и т. д., см.: [Дианова и др., с. 110].

К. Н. Станков (ПСТГУ)

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК В. Т. ПОСТНИКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сношения Московского государства с британской композитарной монархией в XVII в. получили довольно подробное освещение в отечественной историографии. Однако это касается, прежде всего, периода Английской революции 1640–1660 г. Лишь недавно среди российских историков возник интерес к перипетиям дипломатических связей двух стран во второй половине XVII в., когда с падением режима Протектората и Реставрацией Стюартов отношения между Москвой и Лондоном заметно потеплели. Между тем за пределами внимания историков осталось следующее русское посольство в Англию в 1687 г., которое возглавил другой дьяк Посольского приказа – Василий Тимофеевич Постников. По возвращении в Россию он также представил статейный список.

В двадцатом деле фонда 35 РГАДА Е. И. Кобзарева обнаружила статейный список В. Т. Постникова. В связи с тем, что русская дипломатическая миссия была фактически арестована английскими властями, багаж подвергнут досмотру, а самих послов по прибытии в Лондон одиннадцать дней держали на борту корабля у Тауэра, у

В. Т. Постникова были крайне ограниченные возможности узнать какие-либо детали о стране пребывания. Вероятно, поэтому он был вынужден копировать статейный список своего предшественника — Василия Михайловича Михайлова. Однако в списке В. Т. Постникова имеются уникальные сведения, которые существенно дополняют известия В. М. Михайлова и британские источники о подготовке «Славной революции» еще в 1687 г., причем как о вызревании предпосылок государственного переворота в Англии, так и о приготовлениях к военной интервенции в Нидерландах.

Со времени миссии В. М. Михайлова прошло около года, и ситуация в британском королевстве серьезно изменилась. Но В. Т. Постников верно подмечает, что Англия находится на пороге серьезного конфликта между королем Яковом II и его подданными. Причины этого русский дьяк усматривал в нескольких факторах. Прежде всего — в религиозной составляющей в политике монарха: «англинской король един да с ним некоторые немногие сенатори тайно римскую веру держат. А посполитой народ весь в калвинской и в протестантской вере. И за сие великое нелюбление на Кор[олевское] В[еличест]во имеют»[1]. И далее: «Король римской веры, которая в Лондоне и во всей Англии в великой ненависти содержитца»[2]. Это сообщение в целом верно отражает остроту конфессионального конфликта в Англии, однако содержит неточность — кальвинисты были в этой стране в действительности в меньшинстве (и среди прочих деноминаций Яков II пытался опереться и на них), в то время как 90 % населения составляли приверженцы Англиканской церкви.

Не менее примечательной является вторая часть статейного списка В. Т. Постникова, посвященная Нидерландам. Она содержит подробные сведения о подготовке статхаудера Вильгельма Оранского к интервенции в Англию. Последние иногда уникальны, поскольку отсутствуют в известных мне опубликованных источниках с британской стороны. В своем статейном списке глава миссии 1687 г. не употребляет термин «статхаудер» 'главнокомандующий', но справедливо отмечает его функцию: «князь Оранский в том воинском промыслу в предводительстве рате от Стат первенством почтен»[3].

В. Т. Постников своими глазами видел военные приготовления в Нидерландах. В первую очередь, он отмечает, что Вильгельм как статхаудер брал крупные суммы на содержание армии и флота: «с них Стат на всякий год по сорока тысяч ефимков берет»[4]. В. Т. Постников сообщает, что в бытность «в Гаге, в Амстердаме, в Ротрдаме, в Утрехте, в Бриле, в Ледоне... было видимо, что воинские старые корабли осматривают и внов строят»[5]. Далее в статейном списке сообщается, что «в морском устье у города Брилла воинские их корабли стоят, которые посланник видел»[6]. На вопрос главы русской миссии, для чего ведутся столь масштабные военные приготовления, посланнику лаконично ответили, что для борьбы с алжирскими пиратами в Средиземном море[7]. Еще большее недоумение В. Т. Постникова вызвала подготовка многочисленного сухопутного корпуса, в котором нет необходимости в случае ведения сугубо морской войны: «А Оранский князь ратных людей к воинскому употреблению сухим путем их же статною казною готовит»[8]. Заключает свое сообщение В. Т. Постников следующей фразой: «а сами Статы зело надежно собираются»[9]. Сам русский посланник не дает ответа на вопрос: «куда?», однако ответ сквозит сквозь строки документа.

Таким образом, хотя в своей английской части В. Т. Постников в основном заимствует сведения своего предшественника, он, в целом, верно характеризует внутриполитическую обстановку в стране. Уникальными являются свидетельства статейного списка главы русского посольства о военных приготовлениях в Нидерландах уже в 1687 г., что позволяет пролить новый свет на проблему «Славной революции» 1688–1689 г. и углубить научную дискуссию по этому вопросу.

[1] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 20. Л. 229.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 236.
[4] Там же. Л. 235 об.
[5] Там же. Л. 235–235 об.
[6] Там же. Л. 235 об.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же. Л. 237 об.

А. Н. Старицын (ИНИОН РАН)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТАРОВЕРОВ

В научной литературе попытки охарактеризовать источники староверческой идеологии предпринимались неоднократно. Основное внимание уделялось выявлению текстов-источников, при этом оставалась в стороне характеристика способов спасения в «последние времена», содержащихся в этих текстах. Ближе всех к решению интересующей нас проблемы подошла Е. В. Романова, которая справедливо подметила, что эсхатологические сборники стали руководством к действию староверов. Бегство, по мнению автора, стало наиболее популярной у староверов стратегией поведения. Е. В. Романова высказала предположение, что бегство и самосожжение могли при определенных обстоятельствах рассматриваться как равнозначные пути спасения [Романова, с. 65–66, 206–209].

Возросшее внимание в русском обществе к проблеме «последних времен» во второй половине XVII в. сделало особенно актуальным православное учение о пришествии в мир антихриста. Староверы в поисках подобающей модели поведения обратились к хорошо известным изданиям Московского печатного двора: «Кирилловой книге» и «Книге о вере», «Маргариту», «Ефрему Сирину», «Соборнику из 71 слова», в которых рассматривались вопросы, связанные с распознаванием знамений пришествия антихриста, с противостоянием воцарившемуся антихристу, и

содержались наставления о путях спасения в условиях гонений на христиан в «последние времена» перед вторым пришествием [Покровский, с. 117–119].

Попытаемся выяснить, какие установки, повлиявшие на формирование социальной стратегии староверов, содержались в православном эсхатологическом учении.

В 24-й главе Евангелия от Матфея имеются основополагающие указания, которыми руководствовались все последующие толкователи и комментаторы для выработки правил достойного поведения христианина в «последние времена». Как следует из евангельского текста, перед концом света в обстановке преследований и казней христиан им следовало стойко претерпевать все мучения. Чтобы избежать искушений и сохранить преданность Христу, разрешалось скрыться в пустынных местах и там ожидать второго пришествия Христова[1].

Ипполит Папа Римский в «Слове в неделю мясопустную, о скончании мира, и о антихристех, и о втором пришествии Господа нашего Исуса Христа», вошедшем в состав изданного в 1647 г. в Москве «Соборника из 71 слова», писал о двух приемлемых для христианина формах поведения: 1) обличение антихриста и мученическая гибель, 2) бегство в пустыню. Он указал на спасительную силу для всего человечества молитв людей, которые скроются от антихриста в пустыне[2].

В изданных в Москве сочинениях Ефрема Сирина (Слово 102 «О втором пришествии» и Слово 103 «О антихристе») выдвигаются две альтернативы, как рекомендации к действию во время царствования антихриста: 1) принять мученический венец, пострадав за Христа, или 2) спасаться бегством от слуг антихристовых и продолжать жить. До воцарения антихриста следовало внимательно наблюдать за всеми возможными знамениями, свидетельствующими о его приходе, молиться и ждать второго пришествия Христова. Ефрем Сирин особенно отмечал важность постоянной молитвы и подчеркивал, что душа должна быть мужественной у людей, которые решат избрать путь спасения в окружении враждебного мира. Большое значение он придавал бегству и праведной жизни в тайных местах, поясняя, что люди, поступившие так, угодят Богу и гарантированно обретут спасение[3].

Кирилл Иерусалимский в сочинении «Сказание на осьмый век», изданном в переложении Стефана Зизания в «Кирилловой книге», также предложил две модели поведения в «последние времена»: 1) пострадать за веру и 2) бежать. Кирилл, кроме того, рекомендовал православным христианам, распознавшим признаки пришествия в мир антихриста, заниматься активной проповеднической деятельностью[4].

Епископ Андрей Кесарийский в «Толковании на Апокалипсис» отметил спасительную роль пустыни, которую можно понимать как в переносном, так и в прямом смысле[5]. Феофилакт Болгарский в толковании на 24-ю главу Евангелия от Матфея отмечал необходимость спасаться бегством[6].

Иоанн Златоуст, избранные сочинения которого были изданы в Москве в 1641 г. в сборнике «Маргарит», наставлял свою паству очень кратко: «Соблюдай присно заповедь Господню глаголющую. Бдите и молитеся, да не внидете в напасть»[7]. В «Книге о вере» о поведении христиан в «последние времена» сказано в том же ключе: «Обаче же от предлагаемаго наказания две вещи всякому велми потребны суть: сиречь, боятися Бога, и бдети и ожидати страшнаго прихода его»[8].

Итак, в соответствии со святоотеческим учением, православные христиане, вооружившись пониманием знаков прихода в мир антихриста, должны были внимательно наблюдать за происходящими вокруг них событиями. При первых признаках наступления «последних времен» следовало оповестить об этом как можно больше людей. Тем, кто будет готов принять на себя подвиг мученичества, следовало открыто вступить в борьбу с антихристом и обличать его ложное учение. Для тех, кто не найдет в себе силы пострадать, позволительно бежать в пустынные места. Особое внимание уделялось регламентации поведения людей, укрывшихся в пустынях. Надлежало соблюдать целомудренный образ жизни и проводить время в неустанной молитве, ожидая Второго пришествия Христова.

Литература

Покровский Н. Н. Византийское и древнерусское наследие в литературе урало-сибирских староверов // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001. С. 115–129.
Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012.

[1] Евангелие. М., 1651. Л. 45–46.
[2] Сборник (Соборник) из 71 слова. М., 1647. Л. 133–134.
[3] *Ефрем Сирин*. Поучения. М., 1647. Л. 272, 273, 297, 297 об., 304, 305 об.
[4] Кириллова книга. М., 1644. Л. 53 об.–54, 54 об.
[5] *Андрей, еп. Кесарийский*. Толкование на Апокалипсис. Киев, 1625. С. 54–55.
[6] *Феофилакт Болгарский*. Евангелие с толкованием (благовестное). М., 1649. Л. 188 об.
[7] *Иоанн Златоуст*. Маргарит. М., 1641. Л. 596.
[8] Книга о вере. М., 1648. Л. 273.

П. С. Стефанович (НИУ ВШЭ, ИРИ РАН)

ДВЕ РУСИ В «НАЧАЛЬНОМ СВОДЕ»[1]

Как известно, «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), составленная в 1110-е годы, опирается на «пласты» предшествующего летописания. Благодаря фундаментальным трудам А. А. Шахматова можно выделить тексты, которые восходят к этапу летописания, предшествующему ПВЛ. Это делается в результате сравнения списков ПВЛ с Новгородской первой летописью младшего извода (далее – Н1Лм), которая сохранила свод, составленный в середине 1090-х годов и названный А. А. Шахматовым «Начальным» (далее – НСв).

[1] Работа проведена по проекту «Этническое взаимодействие и становление древнерусской государственности (IX – первая треть XIII в.)» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Содержание понятия «русь» и вообще этнополитическая идентификация активно исследовались по ПВЛ, но практически не было попыток рассмотреть с этой точки зрения тексты, восходящие к НСв. В данном докладе представлена попытка такого рода.

НСв сохранился далеко не полностью. Зато по сохранившимся частям хорошо видна его идейная программа. Прежде всего, она обозначена в «Предисловии к НСв», реконструкция текста и общий смысл которого представлены в работах А. А. Гиппиуса [Гиппиус, 2006; Гиппиус, 2010]. Автор «Предисловия» объявляет Русскую землю богоизбранной и ставит в один ряд с империями прошлого[2]. А. А. Гиппиус охарактеризовал такой взгляд как «имперско-эсхатологическую перспективу». Этому взгляду соответствует понимание Русской земли в последних статьях НСв (начала 1090-х годов): под ней автор имеет в виду население (на определенной, причем весьма обширной, территории), объединенное религией и государственной властью (олицетворяемой династией Рюриковичей)[3]. Русь выступает своего рода «супраидентичностью» политическо-конфессионального характера (ср.: [Лаушкин, с. 35–36]).

В первых статьях НСв (6360 (852) г. и последующих) редакторское вмешательство его составителя выдает ориентацию на эту «перспективу». Например, он делал вставки из греческих хроник с сообщениями о руси (о ее походах на Константинополь), никак не пытаясь сгладить осуждающий тон греческого оригинала по отношению к ней. «Поганая» русь, нападавшая на Византию, очевидно, не проявляла ни «имперских», ни «богоизбранных» черт и не вызывала никакого сочувствия у автора «Предисловия».

Вместе с тем в этих первых летописных статьях и в последующих, которые можно возвести к НСв, есть сообщения или эпизоды, где языческая русь выступает в положительном и сочувственном ключе (и при этом совсем не в «имперско-эсхатологической перспективе»). Особенно показательна в этом смысле знаменитая речь Святослава к своим воинам, где он призывает их мужественно сражаться и «не посрамить землѣ Рускыя»[4]. Здесь понятие «земля Русская» наполняется идеальным «патриотическим» содержанием — предполагается, что войско Святослава будет биться не только за него и за себя, но и за ее честь (ср.: [Горский]).

Бросаются в глаза также негативные высказывания летописца, сочувствующего руси, в адрес всех прочих племен-народов, с которыми она сталкивается. Не только «льстивые» греки осуждаются, и подчеркивается превосходство руси над ними. В таком же духе — как отдельные народы, только хуже и слабее руси — противопоставляются ей славянские общности: словене, древляне, радимичи и др. Это совершенно не соответствует подходу составителя НСв, который понимает Русскую землю расширительно, подразумевая, что в этом христианском государстве «племенных» различий уже нет.

Итак, в НСв прослеживаются два отношения к руси или два понимания ее. Автор «Предисловия», составлявший свод, видел в Русской земле христианское государство, объединявшее людей разного этнокультурного происхождения, а в руси идентичность более широкую или более высокого уровня, чем некие локальные. Совсем иначе выглядит та русь, которая отделяется от словен, варягов, греков и прочих этнических общностей в рассказах о событиях вплоть до середины XI в. Эта русь не противопоставляется никому в религиозном отношении, а вопрос о ее государственности не имеет принципиального значения. В политических конфликтах участвуют не государства, а «народы». Автор, описывавший эти конфликты, воспринимал русь не как супраидентичность в «имперско-эсхатологической перспективе», а как такую же этнополитическую или даже этноплеменную общность, как и ее соседи. Надо думать, этот автор работал прежде составителя НСв и его труд представляет более ранний текстовый «пласт», вошедший в состав НСв.

Литература

Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

Гиппиус А. А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Горский А. А. Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 35–40.

Лаушкин А. В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 29–65.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 103–104.

[3] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 215–225.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 122; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70.

Е. В. Столяров (ГМЗ «Куликово поле»), А. В. Шеков (Тула)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛИЩА УПА 3А В ЧЕРТЕ г. ТУЛЫ

Введение в научный оборот материалов раскопок средневековых поселений, существовавших в черте современной Тулы до возведения здесь к 1520 г. каменной крепости — кремля, важно для историков, располагающих минимальной информацией письменных источников о ранней истории этого города [Столяров, Колоколов, Шеков, с. 76]. Селище Упа 3а находится на левом берегу р. Упы в 3 км к юго-востоку от тульского кремля, в 200 м к северо-западу от поселения Упа 4 [Столяров, Колоколов, Шеков].

Охранными раскопками 2014 г. было исследовано 1012 кв. м, выявлены два этапа заселения памятника — эпоха раннего железного века, XIV — середина XVI в. [Столяров]. К эпохе Средневековья относились остатки семи построек. Они были представлены заглубленными до 1,2 м в материк ямами, имевшими в плане округлые (от 1,5 до 3,8 м в поперечнике) либо близкие к прямоугольным (2,9 х 2,8; 2,9 х 2,8; 4 х 3,7 м) формы. Явных остатков

печей в этих археологических постройках найдено не было, вероятно, они были остатками подполов средневековых построек либо погребов.

Наиболее ранние средневековые материалы содержала постройка 4. Она имела округлую форму размером до 3,8 м в поперечнике и глубину до 1,2 м. Заполнение было сложено слоями серого и бурого суглинков. Среди находок из заполнения — бронзовый нательный крест с криновидными окончаниями и ромбиком в средокрестии (XIV–XV в.); два бронзовых витых тройных браслета с петлями на концах (XII–XIV в.) [Седова, с. 94]; пряжка из цветного металла с выступом для язычка; бронзовый неорнаментированный пластинчатый браслет (XII–XIV в.); железное калачевидное кресало без язычка (XII–XIII в.); железный ключ от цилиндрического замка типа В (вторая половина XII — начало XV в.); железные ножи и их фрагменты, в том числе пластинчатой ручки с клепками (XIV–XV в.); керамическое пряслице; фрагмент железного топора. Найденные в постройке 352 фрагмента круговой керамической посуды конца XIII — XIV в. в абсолютном большинстве (92 %) принадлежали белоглиняным сосудам, изготовленным из формовочных масс без визуально заметных примесей.

Вероятно, XV в. следует датировать постройку 3. Она имела в плане овальную форму (3,2 х 2,3 м) и глубину до 1,05 м. Заполнение было сложено слоями темно-серого и бурого суглинков. В верхнем слое были найдены два бронзовых нательных креста с криновидными окончаниями и ромбиками в средокрестиях (XIV–XV в.); бронзовый нательный крест позднего варианта крестов с сомкнутыми криновидными окончаниями (XIV–XV в.); бронзовый нательный крест с нижним килевидным окончанием (XV–XVI в.); керамическое пряслице и железный черешковый наконечник стрелы. Найденные в постройке 340 фрагментов круговой керамической посуды, датируемой, наиболее вероятно, XV в., изготовлены из формовочных масс без визуально заметных примесей. Шестнадцать фрагментов донцев имели клейма.

Наиболее поздняя постройка 7 содержала материалы последней трети XV — первой половины XVI в. Имела близкую к прямоугольной в плане форму (4 х 3,7 м) и глубину до 1 м. Заполнение было сложено слоями серого и бурого суглинков. Среди находок из постройки — серебряная денга великого князя Ивана III (1470-е годы); серебряная денга великого князя Ивана IV (1535–1547 г.); фрагмент створки бронзового энколпиона с округлыми окончаниями лопастей, отделенными серповидными выступами (вторая половина XIII — XVI в.); бронзовая серьга в виде вопросительного знака (XIV–XV в.) [Седова, с. 16]; фрагмент позолоченной пуговицы. Из 308 фрагментов круговой керамической посуды, найденной в постройке, абсолютное большинство (86 %) принадлежали белоглиняным сосудам, изготовленным из формовочных масс без визуально заметных примесей. Важно, что только один фрагмент венчика из слоя 2 относился к раннему типу белоглиняной «гладкой» посуды (МБК-2, коломенского типа) XVI в., остальные фрагменты по морфологии венчиков, орнаментации были аналогичны посуде конца XIV — XV в., найденной в гончарных горнах на соседнем поселении Упа 4 [Столяров, Колоколов, Шеков, с. 77, 78]. В небольшом количестве такая керамика присутствует в слоях XVI в. на территории тульского кремля (тип III) [Зацаринный, Екимов, Шеков, с. 137, 141].

На дне постройки 2 был найден каменный жернов. Остальные постройки были менее интересны. Поселение, возникнув, наиболее вероятно, в XIV в., просуществовало до середины XVI в.

Литература

Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля // Позднесредневековый город: археология и история. Сб. статей. Тула, 2007. Ч. I. С. 132–206.
Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
Столяров Е. В. Отчет об охранных археологических раскопках на поселениях Упа 3а и Упа 4 в Ленинском районе Тульской области в 2014 году. Т. 1 // Архив Института археологии РАН. 2014. Р-1. Б/н.
Столяров Е. В., Колоколов А. М., Шеков А. В. Археологические материалы конца XIV — XV в. с поселения Упа 4 в черте Тулы по раскопкам 2014 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 76–90.

С. В. Стрельников (ЛГУ им. А. С. Пушкина)

К ВОПРОСУ О СООТНОСИТЕЛЬНЫХ АКТАХ (НА ПРИМЕРЕ ВКЛАДНЫХ ГРАМОТ)

Почти столетие прошло со времени публикации одной из интереснейших работ А. С. Лаппо-Данилевского — «Очерка русской дипломатики частных актов». Автор, говоря о синтезе частных актов, ввел определение «соотносительных актов», в которых отражался двусторонний характер заключаемых сделок. Исследователь предлагал выделять вкладную от светского лица и вкладную запись от монастыря, данную от светского лица и данную запись от монастыря и т. п. [Лаппо-Данилевский, с. 171, 172].

Такая усложненность концепции, вероятно, объясняет некоторую путаницу, допущенную С. Н. Валком при составлении заголовков к вкладным грамотам в издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова»[1]. Взгляды А. С. Лаппо-Данилевского о соотносительных актах в последние годы получили поддержку в трудах М. С. Черкасовой [Черкасова, 2004, с. 46; Черкасова, 2016, с. 321, 322]. В работе о вкладах Строгановых М. С. Черкасова определила, что «между монастырем и его донаторами оформлялись взаимно-договорные отношения, поэтому вкладная запись имела два экземпляра ("противня")»: оригинал, выданный вкладчикам, и список, оставленный в монастырской казне и включенный в состав вкладной книги [Черкасова, 2016, с. 322].

Однако мнение А. С. Лаппо-Данилевского и М. С. Черкасовой о соотносительных актах представляется небесспорным. Если бы, как полагал А. С. Лаппо-Данилевский, от вкладчика в монастырь вместе с вкладом поступала вкладная, то до нас из монастырских архивов дошло бы большое количество подобных документов. Между тем, наоборот, численность дошедших до нас данных грамот многократно превосходит количество вкладных.

[1] См., например: ГВНП. № 308, 309. С. 301.

К тому же такие данные и вкладные, поступавшие от вкладчика в монастырь, попросту дублировали бы друг друга, что было бы полной бессмыслицей. Мнение М. С. Черкасовой о том, что монастырский противень вкладной оставался в монастырском архиве, нуждается в дополнительном обосновании. Скорее всего, те вкладные грамоты, что сохранились в монастырских архивах, оказались там при выполнении монастырями своих обязательств перед вкладчиками. Во многих вкладных условием вклада было обязательство монастыря постричь вкладчика в монахи. При поступлении в монастырь вкладчик предъявлял монастырским властям упомянутый документ, что и объясняет его сохранность в монастырском архиве.

Можно согласиться с М. С. Черкасовой в том, что «белые» вкладные получали светские контрагенты, а «черные» (черновики) оставались в монастырской казне «в столпу дел» [Черкасова, 2001, с. 155]. Однако большинство сохранившихся в монастырских архивах вкладных являются «белыми», адресованными вкладчикам.

Вместе с тем в архивах некоторых монастырей действительно встречаются грамоты от вкладчиков, самоназвание которых «вкладная». Так, в 1616 г. в Троице-Сергиев монастырь поступил вклад на двор и два лавочных места в Глинском посаде. Документ, сопровождавший пожертвование, был составлен от вкладчика, от первого лица («Се яз, Микула Володимеров сын Кистенева, колмогорец посацкой человек, дал есми въкладу…»). В самой грамоте было сказано, что «вкладную писал троецкой дьячек Глинского посаду Иванко Епифанов лета 7124-го июня в 12 день». Однако рукоприкладство на обороте гласило: «К сей даной троецкой поп Федор вместо сына своего духовнаго Никулы руку приложыл». В тексте грамоты содержалась просьба вкладчика «и троецким властем пожаловати на тот мой двор прислати из монастыря мне монастырьская казенная вкладная»[2]. Известны случаи, когда данная, поступившая от вкладчика, называлась «положенной», «вкладной и положенной», «покладной», «вкладной и отдавчей», «отдавчей», «отданой». Скорее всего, мы имеем дело не с разными видами документов, а с неустоявшейся терминологией, что весьма характерно для средневекового делопроизводства.

Литература

Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.
Черкасова М. С. К вопросу о научной реконструкции архива Троице-Сергиевой лавры XVI–XVII вв.: внутривотчинные и крепостные акты // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. (Историческое краеведение и архивы. Вып. 7.) С. 150–157.
Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.
Черкасова М. С. О вкладах Строгановых в севернорусские монастыри в XVI–XVII вв. // Грани русского Средневековья: Сб. статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 316–323.

[2] Сборник грамот Коллегии экономии. СПб., 1922. Т. I. № 463.

А. Е. Тарасов (МГУ)

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАРФЫ ПОСАДНИЦЫ В «СЛОВЕСАХ ИЗБРАНЫХ ОТ СВЯТЫХ ПИСАНИЙ…»

В «Словесах избраных от святых писаний…», памятнике московской книжности начала 70-х годов XV в. [Шибаев, с. 813], посвященном истории похода Ивана III на Новгород в 1471 г., содержится знаменитая характеристика известной новгородской деятельницы эпохи падения независимости Великого Новгорода Марфы Борецкой. Созданный митрополичьим книжником зловещий образ Марфы не единожды вдохновлял писателей, поэтов, художников. Зачинателем темы Марфы Посадницы в русской литературе считается Н. М. Карамзин, еще в 1802 г. написавший повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» [Фризман, с. 20].

В историографии отмечалось, что «Словеса» насыщены выдержками из Священного Писания [Насонов, с. 254] и что для обличительной характеристики Марфы потребовались «все самые отвратительные женские образы ветхозаветной и новозаветной истории» ([Бернадский, с. 273]; ср.: [Лурье, с. 145–146]). Текст «Словес», безусловно, полон библейских аллюзий, но библейская история знает гораздо больше примеров неблагочестивых женщин, многие из которых по своему коварству наверняка могут поспорить с теми четырьмя представительницами прекрасного пола, которых избрал автор «Словес» для сравнения с Марфой. Их имена: Иезавель – ветхозаветная царица, дочь царя Тирского и Сидонского Ефваала, жена седьмого царя Израильского Ахава (ок. 874 – 853 г. до Р. Х.); Иродиада – новозаветная царица, внучка Ирода Великого, жена Ирода Антипы (I в. по Р. Х.); Евдоксия († 404 г.) – императрица, жена первого независимого правителя Восточно-Римской империи Аркадия (с 395 г.); Далида (Далила) – филистимлянка, возлюбленная ветхозаветного судьи иудейского Самсона. Все они занимали самое высокое положение в обществе и погубили праведных мужчин.

Образ каждой из этих женщин встречается в русской книжности еще в домонгольское время и известен по целому ряду литературных памятников разного жанра. Между тем существует текст, содержащий характеристику Иезавели, Иродиады, Евдоксии и Далиды in unum. Это один из вариантов «Слова о добрых и злых женах», относящихся в рукописях XV–XVI в. к более или менее стабильным текстам, большинство которых приписано Иоанну Златоусту (нач.: «Есть лучше в пустыни со зверми жити, неже со злою женою в дому...») [Каган, с. 399]. В «Слове» читаем: «Львове бо во рве Данила устыдешася, а Нафея **Езавель** уби. Кит Иону во утробе невредима сохрани, а **Далида** же, остригши Самсона, иноплеменником предаст… Змиеве и аспиды Иоанна в пустыни убояшася, а **Иродия** усече главу ему. Вранове Илию в пустыни 40 лет кормиша, а **Езавель** убити его хоте …Иоанна Златаустаго **Еувдоксия** царица заточи, жена Самсона храбраго ослепи, жена пророка Илию прогна, жена Иоанна Предтечю усекну…»[1].

[1] БАН. 13.2.7. Л. 92 об.–93 об. Измарагд, первая половина XVI в.

Также хочу обратить внимание на приписываемую традицией Иоанну Златоусту гомилию «О женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычныхъ и богобойныхъ», которая включена в качестве 68-го слова в полную (пространную) редакцию Златоструя (нач.: «Паки Иродия бесится, пакы моутится и пакы мятется, пакы мещеть, пакы просить главы Иоанна Крестителя…»). М. С. Фомина отмечает, что эта гомилия постоянно и неизменно встречается во всех Златоструях только полной редакции, всегда имея порядковый номер 68 [Фомина, 1990, с. 305, 317; Фомина, 2000, с. 22, 120]. Гомилия также представляет вариант «Слова о добрых и злых женах», в ней упоминаются три из четырех интересующих нас женщин: «Данила лви в рове оустыдешася, а праведнаго Наоуфея **Иезавель** оуби. Кытъ Ионоу въ оутробе съхрани, **Далида** жъ Самъпона стригъши инопленникомъ (так!) предасть. Змиеве, аспиди и керастари въ поустыни Иона снабдеша, **Иродия** жена обеде главу его отсече…»[2].

Прямых заимствований из приведенных текстов в «Словесах» не обнаруживается (возможное исключение — предательство Далиды). Однако «Словеса» являются произведением, автор которого мог подвергать имевшиеся у него источники серьезной стилистической обработке. Представляется, что для автора был важен сам идейный посыл: деятельность занимавшей в Новгороде высокое положение Марфы является покушением на деятельность противостоящего ей великого князя Ивана III. А поскольку, с точки зрения Москвы, Новгород — это «отчина и дедина» Ивана III, то и аллюзия книжника в равной степени относится к возвеличиванию образа московского правителя, «мужа праведного» перед Богом.

Литература

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
Каган М. Д. Слова о добрых и злых женах // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 399–401.
Лурье Я. С. Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г. // ВИД. 1991. Вып. 22. С. 144–157.
Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969.
Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней русской словесности // ИОРЯС. СПб., 1855. Т. 4. Вып. III. Стб. 117–159.
Фомина М. С. Златоструй в славянской письменности XII–XVI вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 297–328.
Фомина М. С. «Златоструй» как памятник литературы XII–XVI вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
Фризман Л. Г. Марфа Посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 20–33.
Шибаев М. А. К вопросу о происхождении окончания Бальзеровского списка младшей редакции Софийской 1 летописи // Русское средневековье. Сб. статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2012. С. 810–818.

[2] РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 240. Л. 64; см. также: РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 191. Л. 487 об.; ГИМ. Успенское собр. № 14 (бум.). Л. 355; № 15. Л. 304. См. опубликованный М. И. Сухомлиновым в 1853 г. текст гомилии из Златоструя по списку XVI в. «в Императорской публичной библиотеке»: [Сухомлинов, стб. 128].

С. Н. Темушев (Белорусский гос. университет)

ЛЕТОПИСНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДАННИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ РУСИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН

Проблема «встречи руси и чуди» активно обсуждается уже более двух столетий и относится «к числу любопытных и трудных вопросов нашей истории» (В. О. Ключевский). В историографии четко определились две противостоящие позиции: утверждение о мирном взаимодействии славян и финно-угорских народов, оказавших определенное воздействие на формирование «русской народности» (С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, С. Ф. Платонов, В. О. Ключевский), и о крайне напряженном и деструктивном характере русско-финских контактов (А. И. Соболевский, Д. К. Зеленин). В этом отношении значительный интерес представляет позиция древнерусского летописца, а именно: какие аспекты русско-финского взаимодействия оказались в центре внимания летописей, что с необходимостью требовало рассматривать финно-угорские племена как «чужих», «иных».

Имена различных финно-угорских народов неоднократно попадали на страницы древнерусских летописей. Распределение частотности упоминания «иных языцей» по времени, анализ обстоятельств и характера взаимодействия восточных славян с финно-уграми позволяют сделать определенные выводы о роли и месте последних в истории Древней Руси.

1) Летописные данные создают достаточно ясную этническую картину, сложившуюся в Восточной Европе в период Высокого Средневековья, позволяют локализовать отдельные «племена» (что дает очень важные «привязки» для археологов). Исчезновение названий отдельных племен, как и указание на прежнее население территории расселения восточных славян, помогает отчасти реконструировать происходившие в регионе этнические и миграционные процессы.

Финно-угорские племена летописи последовательно отделяют от восточных славян: во-первых, эти «инии языцы» «дань дають Руси» (этнографическое введение к Повести временных лет), во-вторых, сохраняют верность язычеству (статьи Лаврентьевской летописи под 1071 и 1227 г.). Но в то же время некоторые племена оказываются значительно ближе Руси. Так, представителями чуди наряду со славянскими «племенами» Владимир Святославич населяет пограничные города. Корела неоднократно оказывает помощь новгородцам в военных конфликтах с емью и немецкими рыцарями. В перечне народов «Афетовой части» русь и чудь называются вместе, далее перечисляются «вси языцы».

2) Проблема взаимоотношений Руси и финно-угорских племен, оказавшихся на периферии славянского расселения в Восточной Европе, раскрывается уже на первых страницах датированной части Повести временных лет,

легшей в основу большинства древнерусских летописных сводов. Чудь, меря, а также, возможно, весь оказываются связанными с восточными славянами на севере Восточной Европы общей судьбой: они выплачивают дань варягам, изгоняют последних и выступают с инициативой призвания князей от «варягов-руси». Позднее чудь участвует в походах Олега (882 и 907 г.) и Владимира Святославича (980 г.). Отмеченные факты, а также исчезновение со страниц летописи имен мери и веси свидетельствуют об успехе славянизации некоторых финно-угорских народов. Между тем чудь (эсты) не пропадают. Возможно, именно стремление к включению чуди в налогово-данническую систему Древней Руси (известие под 1030 г.) и привело к ее обособлению (в отличие от мери, которая была обложена данью еще Олегом в 882 г.).

3) Значительное число упоминаний в летописях финно-угорских племен связано с данническими отношениями. Если делать выводы только на основе летописных данных, Русь вступала во взаимоотношения с финно-угорскими народами главным образом в форме выполнения даннических обязательств. Показательно, что на территории иноязычных племен, сохранявших свою идентичность на протяжении домонгольского периода, не было создано отдельных княжений, несомненно, на них не распространялись правовые нормы Руси. Тем не менее периферия из иноэтничного населения сыграла существенную роль в процессе политогенеза восточных славян, предоставляя дополнительные ресурсы, необходимые для формирования и поддержания государственных институтов.

4) Сохранявшие свою обособленность в Высоком Средневековье финно-угорские племена (водь, емь, чудь, мордва) представляются не как объект внешней политики, а как «иноязычные федераты»; отмечаются факты борьбы за контроль над ними соседних государственных образований (в этом отношении летописи дополняют уникальные данные берестяных грамот). Борьба между отдельными княжествами за ресурсы, предоставляемые периферийными племенами, обостряется в период раздробленности.

5) Миниатюры Радзивиловской летописи позволяют визуализировать даннические отношения, уточняя содержание даннических выплат (как правило, мехами). Это тем более важно, что тексты летописей не дают подобной информации (лишь в «Слове о погибели Русской земли» сохранилась уникальная информация о медовой повинности буртасов, черемисов, веди и мордвы).

6) Создаваемое летописями представление о даннической зависимости оказавшихся на периферии славянского расселения в Восточной Европе финно-угорских племен отражает лишь одну из сторон славяно-финского взаимодействия, но эта сторона оказывается наиболее существенной в их характеристике. Показательно, что и распространение христианства среди периферийных народов не столь значимо, его примеры отмечаются достаточно поздно (так, 1227 г. — крещение корелы).

В целом в летописях выплата дани иноязычными племенами выступает в качестве важнейшего этноопределяющего признака, отделяющего их от восточнославянского населения. Другой признак — языческое вероисповедание — оказывается менее значимым.

И. Тирет (Университет Кента, Огайо)

О ДАТИРОВКЕ И АВТОРСТВЕ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СТОЛОБЕНСКОГО

О композиции Второй редакции Жития св. Нила Столобенского известно гораздо меньше, чем о том Житии этого святого, которое было составлено около 1599 г. Филофеем Пироговым, иноком Герасимо-Болдинского монастыря в Дорогобуже. В датировке Второй редакции Жития ученые обычно следуют за В. О. Ключевским, который относил ее ко времени незадолго до открытия мощей Нила 28 мая 1667 г. Мнение В. О. Ключевского [Ключевский] базировалось на существовании таких списков Второй редакции, где не упоминается об открытии мощей св. Нила (например, РГБ. Ф. 310. № 346 и 347). Как показала Г. С. Гадалова, наиболее ранний список Второй редакции (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 743) относится к 1660-м годам [Гадалова]. Поскольку все исследователи признают, что эта редакция была создана в Ниловом монастыре при игумене Нектарии (1615 — 15 января 1667 г.) или непосредственно им самим, они не стремились обосновывать это мнение. Однако внимательное изучение текста показывает, что Вторая редакция создана не ранее 1635 г., и подтверждает, что именно Нектарий был ее автором.

Некоторые особенности текста Второй редакции Жития позволяют предположить, что она была составлена по истечении значительного отрезка времени после того, как Филофей Пирогов создал Первую редакцию Жития святого. Если Пирогов называет Нилов монастырь отшельнической «пустыней», то во Второй редакции это организованный общежительный монастырь, «обитель». Отсутствие упоминаний об устройстве монашеской жизни в редакции Пирогова свидетельствует, что первые насельники монастыря не следовали каким-либо особым правилам в тот период, когда дорогобужский инок составлял свою версию Жития Нила. Напротив, составитель Второй редакции указывает на принадлежность Ниловой обители к общежительному типу монастырей. Правда, первое документальное свидетельство об этом мы находим лишь в Переписной книге 1635 г. (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592). Более того, Вторая редакция Жития Нила содержит предание об основании обители, где утверждается, что преподобный Нил был ее первым настоятелем. Однако первое указание на Нила как на основателя Ниловой обители восходит к тексту молитвы, обращенной к могиле святого, — тексту, который содержится в декабрьской Минее Германа Тулупова (РГБ. Ф. 304/I. № 672), датирующейся 1630 г.

Факт составления Второй редакции Жития Нила после 1635 г. подкрепляется содержащимся в нем упоминанием о местонахождении останков Нила в храме Нилова монастыря. Как указывает Житие Нила в редакции Пирогова, могила преподобного находилась сначала в часовне, построенной им самим. Гроб Нила был перемещен в монастырский Богоявленский собор лишь в 1635 г., после пожара, который заставил монахов перестроить собор.

Вторая редакция Жития имеет особенность, которая указывает на Нектария как на возможного составителя этого агиографического произведения. Характеристика почитания Нила в этой редакции показывает, что ее автор испытывал душевную привязанность к монастырю, где находились мощи преподобного Нила. Более того, трактовка

селигерского святого как боговидца свидетельствует, что составитель Второй редакции Жития интересовался творениями Симеона Нового Богослова. Сочетание этих обстоятельств указывает на то, что составителем Второй редакции Жития мог быть именно Нектарий, крестьянский сын из Осташкова, чья семья была связана с первыми этапами формирования культа Нила. Составитель этой редакции включает в свою агиографическую композицию такие топосы, которые восходят непосредственно к сочинениям Симеона. Между тем известно, что в 1626 г. Нектарий собственноручно переписал рукопись, содержащую славянскую версию Творений Симеона во всей их полноте. В этом автографе Нектария в четверть (РГБ. Ф. 200. № 54) имеются маргинальные пометы, которые указывают на стремление монастырского игумена создать свой собственный список творения Симеона. Энтузиазм Нектария по отношению к духовным идеям Симеона отражается и в поучениях, которыми он сопроводил Синодик, посланный им из Тобольска братии Нилова монастыря в 1637 г. (БАН. Арх. ком. № 153). В этом Синодике бывший игумен Нилова монастыря призывает монахов монастыря вести ту духовную жизнь, которая отражала бы принципы, выдвинутые именно этим византийским автором духовных сочинений XI в.

Таким образом, Вторая редакция Жития Нила Столобенского содержит значительное количество признаков, которые позволяют отнести это произведение ко времени между 1635 и началом 1667 г., то есть как раз при жизни Нектария. Персональный интерес Нектария к почитанию св. Нила, а также его интерпретация св. Нила как боговидца — в традициях Симеона Нового Богослова — указывают на то, что составителем этой редакции был именно игумен Нилова монастыря Нектарий.

Литература

Гадалова Г. С. Литературные произведения о преподобном Ниле Столобенском в Государственном архиве Тверской области // Нил Столобенский — животворящие истоки. Мат-лы науч. конф. к 450-летию памяти преподобного Нила Столобенского Чудотворца. Осташков, 2005. С. 34–39.
Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

В. В. Ткаченко (МГУ)

О КНИЖНЫХ ИСТОКАХ ЗАПЕВА КИРШИ ДАНИЛОВА

«Высота ли, высота поднебесная, глубота, глубота акиян-море, широко раздолье по всей земли, глубоки омоты днепровския»[1] — запев Кирши Данилова давно привлекал внимание исследователей. В. Я. Пропп охарактеризовал его как «гимн родной стране, такой, какая она есть, с ее морями и озерами, лесами, мхами и болотами» [Пропп, с. 170]. Указывалось на вероятное книжное происхождение зачина [Халанский, с. 147–148; Миллер, с. 36]. Однако вопрос о его возможных источниках подробно не рассматривался.

Первоисточником формулы «высота — ширина — долгота — глубина» в христианской традиции является Послание к Ефесянам апостола Павла (Еф 3: 14–19). Согласно толкованию Иоанна Златоуста: «Широтой и долготой и глубиной и высотой он называет познание богатства любви Божьей, — того, как она повсюду распространилась»[2]. К пространственным характеристикам для описания образа Господня прибегают Псевдо-Дионисий Ареопагит[3] и Симеон Солунский[4]. В популярной на Руси «Беседе трех Святителей» разъясняется: «Что есть высота небесная, широта земная и глубина морская? ...Высота небесная — Отец, широта земная — Сын, глубина морская — Дух Святый»[5].

В русской книжности данная формула входит в состав патетических вступлений. Она встречается в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского: «Неизмерима небесная высота, неисследима преисподняя глубина, непостижима и тайна божьего промысла»[6]; в житиях Пахомия Нерехтского [Новосельский, с. 272], Сергия Радонежского (в редакции Пахомия Серба) [Яблонский, с. 232], Стефана Комельского[7]; в предисловии к Житию чудотворцев Соловецких Максима Грека[8]; в Четьих Минеях Иоанна Милютина [Понырко, с. 68]. Постепенно, теряя привязку к богословию, она превращается в поэтический образ. В «Повести о житии царя Федора Иоанновича» патриарх Иов пишет: «Небес величие и высота недостижима и неописуема, земли широта и долгота неосяжима и неизследима, моря глубина неизмерима и неиспытуема — святых же и крестоносных преславнейших Росийских царей многие добродетелей исправления неиссчетны и неосмыслимы»[9]. Зачин Кирши Данилова органично вписывается в эту традицию.

Особое значение четыре измерения приобретают в учении о Кресте Господнем. В «Точном изложении православной веры» Иоанн Дамаскин раскрывает его символику: «Как четыре конца креста держатся и соединяются его средоточием, так и силою Божиею держатся высота и глубина, длина и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь»[10]. В XVII в. в русской иконографии распространяется композиция «Плоды страданий Христовых» с надписями «высота» — «широта» — «долгота» — «глубина» по сторонам креста [Постернак; Маиер]. Идею четырех измерений креста переносит на географическое пространство митрополит Димитрий Ростовский. Крестный образ, по его пониманию, знаменует «высотою небесная, глубиною же преисподняя, широтою же и долготою посредние

[1] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 9.
[2] Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. СПб., 1905. Т. 11. Кн. 1. С. 60.
[3] *Дионисий Ареопагит*. О Божественных именах // Мистическое богословие Восточной Церкви. Харьков, 2001. С. 538.
[4] Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. СПб., 1856. С. 186–187.
[5] Беседа трех Святителей // Памятники древней письменности. СПб., 1880. Вып. 1. С. 88.
[6] *Кирилл Туровский*. Слово о расслабленном // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 190.
[7] Житие преподобного Стефана Комельского // Памятники древней письменности. СПб., 1892. Вып. 85. С. 17.
[8] Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1897. Ч. 3. С. 269.
[9] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. Ч. 1. С. 1.
[10] Полное собрание творений святого Иоанна Дамаскина. СПб., 1913. Т. 1. Кн. 4. С. 305.

концы, всесильною державою содержимы. …Но и мир сей зримый подобием крестнаго четвероконечия созда Бог. Созда бо того на четыри части: восток, запад, полудень, полунощь»[11].

Таким образом, в зачине Кирши Данилова прослеживается не только восхищение красотами Русской земли, но и уходящая корнями в культурную традицию христианская символика.

Литература

Маиер П. В. Западноевропейские источники иконографии «Плоды страданий Христовых»: «Живой Крест» и «Древо Жизни» в русской иконописи // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. № 3 (19). С. 52–80.
Миллер В. Ф. Очерки народной словесности. М., 1897. Т. 1.
Новосельский Н. Преподобный Пахомий, Нерехтский чудотворец // Костромские епархиальные ведомости. 1 июля 1894. № 13, неоф. часть. С. 263–272.
Понырко Н. В. Иоанн Иванов Милютин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 65–68.
Постернак О. «Крест живой» в западноевропейской и русской традиции // Альфа и Омега. 1999. № 1 (19). С. 284–297.
Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.
Халанский М. Г. Великорусские былины. Варшава, 1885.
Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

[11] *Димитрий Ростовский.* Розыск о раскольничей брынской вере. М., 1855. С. 437–438.

Л. А. Трахтенберг (МГУ)

О СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ «ДУХОВНОГО ЗАВЕЩАНИЯ ЕЛИСТРАТА ШИБАЕВА»[1]

«Духовное завещание Елистрата Шибаева» — один из поздних образцов русской рукописной пародии, продолжающих традиции таких памятников XVII в., как «Калязинская челобитная» и «Роспись о приданом». Автор пародийного завещания неизвестен, и об обстоятельствах его создания мы ничего не знаем. Лишь сходство с ним другой пародии на завещание, включенной в состав «Шутовской комедии» (это произведение датируется 1720–1730-ми годами), указывает, как полагает В. Д. Кузьмина, на то, что «Духовное завещание Елистрата Шибаева» создано еще раньше [Кузьмина, с. 148–149]. Между тем в тексте есть приметы, которые позволяют если не атрибутировать его, то, во всяком случае, приблизиться к тому социальному кругу, в котором он был создан. Эти приметы — имена персонажей, совпадающие с именами реальных лиц.

Прежде всего, это имя Тихона Бастрыгина, друга и душеприказчика фиктивного автора. Елистрат Шибаев оставляет ему такое наследство: «любезная моя душа да вотчина в Ладожском озере на сто сажен глубины». В действительности это имя носил чиновник середины XVIII в. Тихон Бастрыгин, который в 1740-х годах служил в Москве надсмотрщиком крепостных дел[2]. В обязанности надсмотрщика входила регистрация разного рода документов (в том числе и завещаний).

К чиновнической среде, возможно, ведет и фамилия главного героя — Елистрата Шибаева. Среди подьячих московских приказов еще в XVII в. известно несколько Шибаевых [Веселовский, с. 580], а в 1737 г. в Московской губернской канцелярии служил копиист Алексей Шибаев[3]; время его службы примерно соответствует периоду, когда на службе находился Тихон Бастрыгин.

Предполагать, что «Духовное завещание Елистрата Шибаева» возникло в среде чиновников, можно было бы уже на том основании, что его автор, очевидно, хорошо знает формуляр пародируемого жанра, который весьма точно воспроизведен в тексте, по крайней мере в наиболее устойчивых его элементах. Соответствует подлинным документам начальный протокол: «Се аз, многогрешный Елистрат Иванов сын Шибаев, пишу в целом своем разуме, отходя сего света»; правдоподобен, при гротескном содержании, состав и порядок распоряжений. Кроме того, автор знаком с терминологией судопроизводства: среди фантастического «завещаемого имущества» отмечаются «4 подлинника да 6 спорных застенков». Упоминание в тексте имен реальных лиц позволяет подтвердить это предположение.

Именам московских чиновников соответствуют московские реалии текста: «дом» вымышленного автора — разбойника, под которым подразумевается виселица, стоит «выехав из Москвы, за надолобами по Петербургской дороге», ниже упоминается Москва-река.

Все эти факты, конечно, не дают возможности атрибутировать «Духовное завещание Елистрата Шибаева». Его автор, скорее всего, знал Тихона Бастрыгина и кого-то из Шибаевых, но, кто это был, мы не знаем. Возможно даже, что автор сам скрылся под именем кого-то из этих или других персонажей.

Однако названные факты позволяют уточнить датировку пародии временем около конца 1730-х — 1740-х годов, предположить, что она создана в Москве, и отнести произведение к подьяческой среде. А этот вывод, в свою очередь, позволяет углубить анализ памятника как в имманентном, так и в контекстуальном аспекте.

С одной стороны, произведение предстает как свидетельство профессионального юмора подьячего, изобразившего своих знакомых (а может быть, и себя самого) в облике разбойников. Как иронический намек автора — скорее не

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 16-04-50083.
[2] См., например: Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., ввод. ст. и коммент. Н. В. Козловой. М., 2002 (по ук.).
[3] Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подг. А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1981. С. 159.

фиктивного, а подлинного — на самого себя звучит упоминание среди «имущества» завещателя «7 аршин приказных моих ябед».

С другой стороны, пародия выступает как источник, позволяющий судить о культурном кругозоре той социальной среды, из которой она вышла. В круг чтения автора входила пародийная литература: «Духовное завещание Елистрата Шибаева» включает пародийный рецепт, напоминающий, как отметила В. Д. Кузьмина, о «Лечебнике на иноземцев». В то же время автор пародийного завещания не был чужд фольклорной традиции: в образе главного героя заметно влияние народных разбойничьих песен. От них — амбивалентность образа разбойника, осуждение его и одновременно сочувствие ему; отсюда звучащая в пародии трагическая нота. Этот парадоксальный синтез традиций фольклора, литературы и деловой письменности определяет художественную индивидуальность памятника, где документальные формулы контрастно сочетаются с образами пейзажа, а абсурдный юмор сплавлен с трагизмом личностного бытия.

Литература

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1955. Вып. 17. С. 146–158.

Н. А. Тропин (ЕГУ им. И. А. Бунина)

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ЕЛЕЦКОГО КНЯЖЕСТВА

Во второй половине XIV в. в Правобережье Верхнего Дона на отвоеванных землях у Орды появляется Елецкое княжество как результат активной внешней политики верховских князей при поддержке Великого княжества Литовского и, возможно, Рязанского. Его история известна по литературным источникам — события 1389, 1395 г. (Хождение митрополита Пимена в Царьград, Повесть о Темир-Аксаке), летописным сведениям 1395, 1414–1415 г., согласно «Списку городов Свидригайла» после 1432 г. [Полехов], договорам великих князей 1483 г. Этот перечень можно продолжить источниками, которые опосредованно связаны с историей Елецкого княжества («Список русских городов дальних и ближних», Пискаревский летописец). Однако письменные сведения фрагментарны и немногочисленны, что не позволяет активно использовать их в исследованиях в отличие от актового материала Северо-Восточной Руси [Чернов]. В данном случае важное значение приобретают археологические источники, частично восполняющие пробел.

Княжество появляется на территории бывшей Чернигово-Северской земли, население которой со второй половины XIII в. обслуживало в ордынскую эпоху транзитные торговые пути [Ляпин, с. 21–22]. Основная территория княжества (ядро), по археологическим данным, располагалась в левобережье р. Быстрой Сосны (правый приток р. Дона), занимая пространство около 300 кв. км в междуречье притоков Талеца, Пальны, Ельчика, Воргола. Здесь известно 52 поселения второй половины XIII — начала XV в. В устье р. Ельчика находился летописный Елец с площадью распространения культурного слоя в 15 га.

Обращение к теме служилых людей стало возможным, благодаря литературному памятнику конца XIV в. «Хождение Пимена в Царьград» и результатам многолетних археологических работ в елецкой округе. В сюжете о встрече князем Юрием Елецким, митрополита близ устья Воронежа «з бояры своими и со многыми людми» [Малето, с. 286], можно увидеть иерархию части елецкого общества. У елецкого князя есть свои бояре и многие люди. Если бояре составляли «лучшую» дружину, то «люди» — это, возможно, как основная часть дружины, так и боевые слуги (холопы) бояр.

Каков же археологический контекст исторического сюжета о елецких служилых людях? Основой рассмотрения этого вопроса являются результаты раскопок двух поселений: поселение 3 у с. Аргамач-Пальна и поселение 2 Целыковка, на которых встречена *высокая доля предметов вооружения, снаряжения коня и всадника*. На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна она составила 17,2 %, на поселении 2 Целыковка — 12,6 % (доспешные пластины, кольчужные кольца, наконечники стрел, шпоры, детали конской узды и т. д.). Этот высокий показатель сопоставим с памятниками других территорий.

На этих же поселениях найдены *престижные предметы, подчеркивающие социальный статус их владельцев:* нумизматические находки, монетные весы, предметы импорта, перстни и кресты-реликварии. Набор престижных вещей и их приоритет диктовались запросами владельца.

Для поселений *характерны жилища значительных размеров, отличающиеся от основной застройки*. На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна из 16 раскопанных жилых построек 10 сооружений имели площадь от 74 до 110 кв. м. Шесть жилищ были сооружены на подклетах. На поселении Целыковка 2 размеры трех господских жилищ боярской усадьбы были не менее 50 кв. м, и они стояли на подклетах.

В итоге археология предлагает критерии, благодаря которым можно маркировать пространство, заселенное военным контингентом. В округе Ельца такие поселения известны в нижнем течении рек Воргола, Ельчика, Пальны на расстоянии 10–15 км. Такое рассредоточенное распределение военного контингента вокруг удельного центра напоминает картину испомещения елецких служилых людей в 1593–1594 г., уже в иную эпоху.

Раскопки широкой площадью позволяют интерпретировать статус таких поселений. Поселение 3 у с. Аргамач-Пальна связано со служилыми людьми, на нем отмечены два престижных заселенных участка (крупные по площади дома, монетные клады). Поселение 2 Целыковка интерпретируется как владельческое (боярское) село, на котором выделяется участок главной усадьбы с жилой и хозяйственной зонами, а также локальная территория проживания боевых слуг владельцев усадьбы и небольшое кладбище с участком под храм.

Литература

Ляпин Д. А. Город Коршев и начало истории Елецкого княжества // История: факты и символы. 2013. № 3–4. С. 20–25.

Малето Е. И. Антология хожений русских путешественников. XII–XV века. Исследования, тексты, комментарии. М., 2005.

Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 111–125.

Чернов С. З. Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты: в 3 т. М., 2005. Т. 2.

Н. В. Трофимова (МПГУ)

БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ В ЛЕТОПИСНЫХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ

Исследование библейских цитат, включенных в древнерусские тексты, имеет длительную историю в отечественной и зарубежной медиевистике, подходы к изучению этого явления различны. Осмысление значения и функций цитат из Священного Писания в средневековых текстах может быть достигнуто только путем анализа всего существующего материала. Древнерусские летописные воинские повести — один из жанров, регулярно использующих разные приемы цитирования. Материалом нашей работы служат воинские повести, вошедшие в летописные своды XIV–XV в.

Цитаты в большинстве случаев включаются в авторское повествование или рассуждение, преимущественно в первой (подготовка битвы) или третьей (результаты битвы) частях воинских повестей. Реже встречаются тексты, в которых цитаты равномерно распределены по всему повествованию. Это, например, повесть о междоусобной войне 1207 г. по Лаврентьевской летописи, а также ряд повестей в Рогожском летописце и Софийской I — Новгородской IV летописях, связанных с событиями рубежа XIV–XV в. Максимальной концентрации библейские цитаты, часто соединяющиеся в цепочки, достигают именно в повестях этих летописных сводов, созданных в эпоху расцвета стиля «плетения словес». В них же появляются случаи включения цитат в речи персонажей (например, в повести о битве на Липице). В Московском своде конца XV в. количество цитат уменьшается: перерабатывая более ранние источники, летописцы снимают многие из них.

Абсолютное большинство цитат непосредственно связано с мыслью о Божьем промысле, проявляющемся в ходе событий. При этом возникает ряд устойчивых мотивов: Божьего наказания за грехи; Божьей помощи не сильным, а правым; противопоставление смирения и гордости. В соответствии с ними формируется круг цитат, неоднократно повторяющихся в сходных ситуациях, например: «яко Богъ гордымъ противится, смѣренымъ же благодать даеть» (Притч 3: 34, Иак 4: 6, 1 Пет 5: 5); «да не хвалится силныи силою своею» (Иер 9: 23); «преложю праздникы ваша въ плачь и пѣсни ваша в рыданье» (Ам 8: 10); «истиненъ Господь и прави суди его» (Пс 118: 137), «единъ поженеть 1000, а два двигнета тму» (Втор 32: 30) и др.

Наряду с повторяющимися цитатами, которые могут приводиться точно и неточно, появляются тексты, цитируемые единожды. В повести по Ипатьевской летописи о походе Даниила и Василька Романовичей на Червен и Белз под 1221 г., завершая обобщенное описание разорения окрестностей городов, автор замечает: «Еже притчею глаголють книги: “Не оставлешуся камень на камени”» (Мф 24: 2, Мк 13: 22, Лк 19: 44, 21: 6).

Вводятся цитаты либо приблизительными упоминаниями источника («пророк рече», «в Еуаггелии рече»), либо точными ссылками на книги Библии («Исайя бо пророкъ глаголеть», «яко ж рече Приточникъ», «О сицѣхъ бо рече Давидъ»), причем чаще всего точное указание дается на Псалтирь. Иногда летописцы могли допустить ошибку, неверно указав источник цитаты. Например, в повести под 1174 г. по Ипатьевской летописи о походе Андрея Юрьевича на Ростиславичей цитата о гордых и смиренных, присутствующая в трех библейских книгах, приписана апостолу Павлу.

В ряде случаев цитаты и их перифразы в авторской речи и речи героев, особенно в молитвах, не маркируются, включаясь как органическая их часть и усиливая эмоциональность текста. Молитва Дмитрия, узнавшего о предательстве Олега Рязанского, в Пространной повести о Куликовской битве свободно соединяет цитаты из 8-й песни Канона Пресвятой Богородице, книг Второзаконие (32: 41–42), Псалтирь (78: 10, 6; 85: 10).

Библейские тексты, введенные в воинские повести, выполняют несколько основных функций.

1. Предсказание хода событий. Судьба Бориса Вячеславича в битве на Нежатиной Ниве предсказана после его слов о готовности сражаться против четырех князей цитатами о гордыне и хвалящихся силою (Притч 3: 34, Иак 4: 6, 1 Пет 5: 5, Иер 9: 23).

2. Разъяснение смысла происходящего. Например, автор повести о походе Игоря Святославича на половцев в Лаврентьевской летописи, рассказывая о побеге князя из плена, объясняет спасение его, соединяя две немаркированные цитаты: «не оставить бо Господь праведнаго в руку грѣшничю, очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ» (Пс 124: 3; 1 Пет 3: 12).

3. Характеристика героев. В повести по Рогожскому летописцу образом из Псалтири (139: 3) автор характеризует Едигея: «ядъ же аспиденъ подъ устнами скрываа ношаше».

4. Выражение авторского отношения к событиям. Повествуя о междоусобной войне 1207 г., автор повести, вошедшей в Лаврентьевскую летопись, дает оценку обширной цитатой из Псалтири (7: 15–17).

5. Описание последствий поражений в битвах. В Лаврентьевской летописи рассказ о разорении Владимира татарами дополняется текстом Псалтири (78: 1–3), повествующим о разорении Иерусалима, который повторяется затем и в других повестях.

В летописных воинских повестях цитаты разнообразны и многофункциональны. Преобладают тексты Псалтири, Евангелий, Притч Соломоновых, отдельные цитаты взяты из книг пророков Исайи, Иеремии, Иезекииля, Амоса.

А. А. Турилов (ИСл РАН)

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В «РУССКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ» КОНЦА XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Предложенная около полувека назад Д. С. Лихачевым оценка периода XIV–XV в. в православных славянских литературах как «восточноевропейского Предвозрождения» [Лихачев, с. 75–126] давно уже стала фактом историографии, а в постсоветское время и объектом критики (в том числе далеко не всегда и не во всем справедливой). При этом достойной замены в литературоведении (во всяком случае, отечественном) ей явно не нашлось.

Представляется, что ближе всего к оценке характера явления подошел ленинградский/петербургский медиевист (точнее, исследователь Ренессанса) М. Т. Петров (1944–2014) в своей историографической монографии, опубликованной в 1989 г. [Петров, с. 183–205]. Книга вышла в насыщенное внутриполитическими событиями время и не привлекла к себе должного внимания (во всяком случае, со стороны историков и филологов-русистов); насколько известно, даже Д. С. Лихачев на нее никак не откликнулся. Автор, как видно уже из заглавия, рассматривал проблему в числе других «региональных ренессансов», исходя из обоснованного положения об уникальном характере европейского Возрождения. Применительно к оценке русской литературы (и шире — культуры) рассматриваемого периода весьма примечательны его слова: «И если бы не отсутствие на Руси конца XIV — первой половины XV в. “русской идеи”, то взлет ее культуры, усилия по духовной и политической консолидации общества, обострение конфессионального чувства, стремление освободиться от зависимости, возрастание интереса к домонгольской старине — все это можно было бы счесть первым в Восточной Европе и очень ранним по времени проявлением тенденций национального возрождения» [Петров, с. 198].

Отсутствие «русской идеи» является в данном случае явным недоразумением (возможно, вызванным научной специализацией автора), поскольку именно для Руси в рассматриваемый период характерно (в отличие от Болгарии и Сербии, где ничего подобного не наблюдается) полномасштабное возрождение корпуса литературных текстов, начиная с домонгольского периода, несущих эту идею, — включая летописи, начинающиеся Повестью временных лет, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, княжеские жития и др., словом, то, что Д. С. Лихачев называл «обращением к своей античности» [Лихачев, с. 113–120]. Рукописная традиция, дошедшая от предшествующих эпох, в этом отношении просто несопоставима с XV в. (ср.: [Каталог]). Посему вполне уместно характеризовать период конца XIV — XV в. для Руси как национальное возрождение (или, как минимум, проявление его тенденций).

Особенностью этого процесса на Руси (возможно, в силу его раннего характера) является тот факт, что памятники, написанные, составленные или переведенные восточнославянскими книжниками, представляют лишь меньшую часть возрожденного корпуса, чему не всегда придается должное внимание (ср.: [Лихачев, с. 113–120]). Историческая роль русской книжной традиции периода национального возрождения в не меньшей степени состоит в том, что во многом именно благодаря ей сохранился корпус текстов, созданных и переведенных начиная с Кирилло-Мефодиевской миссии в Великой Моравии, Болгарии и Чехии. Без русских списков XIV–XV в. практически невозможно восстановление славянского книжно-литературного корпуса (в особенности четьего) IX–XI в., поскольку в южнославянской традиции он сохранился существенно хуже [Турилов, с. 9–84].

Литература

Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973.

Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке: спорные вопросы региональных ренессансов. Л., 1989.

Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М., 2010.

А. Н. Ужанков (Институт Наследия)

СТАРЫЕ КОНТРОВЕРЗЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В работе затронуты три важнейших вопроса, которые уже более двухсот лет не дают покоя исследователям: о месте и времени написания «Слова о полку Игореве» и его авторе.

1. *О времени написания*

Уточненная датировка написания произведения позволяет сузить количество претендентов на авторство «Слова». Она осуществлена на основе анализа исторических фактов и событий конца XII в., о которых говорит или проговаривается автор «Слова». Верхняя граница написания произведения определяется не только смертью князя Игоря Святославича, о котором в «Слове» говорится как о живом (она произошла после лунного затмения 22 декабря 1200 г., как сообщает Лаврентьевская летопись), но и изгнанием из Киева Рюрика Ростиславича летом 1201 г., о котором автор не знает.

Во «сне Святослава», как его тонко интерпретировала Н. С. Демкова, чувствуется знание автором о смерти киевского князя 27 июля 1194 г. [Демкова, с. 42–45]. О том же говорят и авторские слова: «Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ киевскымъ. Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы».

Рюрик Ростиславич стал киевским князем после смерти Святослава в июле 1194 г. и правил Русской землей со своим братом Давыдом по лето 1201 г. При жизни Святослава следовало бы говорить о другом дуумвирате — Рюрика и Святослава.

Академик Б. А. Рыбаков обратил внимание, как на датирующий признак, на поход Всеволода Большое Гнездо в 1183 г. на Волгу во фразе: «Великый княже Всеволоде!.. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити», но оставил без внимания ее продолжение, «а Дон шеломы выльяти» [Рыбаков, с. 277–278]. Поход Всеволода Суздальского на Дон состоялся в 1198 г.

Странной кажется фраза в конце «Слова»: «Игореви князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую, *к отню злату столу*». «Слово» заканчивается тем, что «Игорь едеть по Боричеву къ Святей Богородици Пирогощей», но Киев — это не «отчий престол».

По Ипатьевской летописи Игорь бежит из плена в Путивль, где его ожидала жена, а затем в Новгород-Северский. Но и это не отцов черниговский престол. Его князь займет только после смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского в 1198 г.

И наконец, Роман Галицкий, упоминаемый в «Слове» как покоритель половцев, не мог ходить на них ранее осени 1200 г., как показали недавние исследования А. В. Майорова [Майоров, с. 233–234].

Следовательно, «Слово» было завершено осенью-зимой 1200 г. — после похода Романа Галицкого на половцев, и не позднее 1201 г. (напомню, что новолетие начиналось 1 марта) — до смерти Игоря Святославича и изгнания Рюрика Ростиславича из Киева (более подробно см.: [Ужанков, 2009, с. 215–252; Ужанков, 2015, с. 232–274]).

2. *О месте написания*.

На основе анализа использованных автором «Слова» источников — летописных сведений за XI в. и сведений, полученных от Мономаховичей в XII в., Книги пророка Иеремии, Второзакония и Псалтыри на греческом языке (скорее всего, Септуагинты) и ряда других — высказывается предположение, что с этими источниками и, в частности, Киевским летописным сводом, составленным в 1199–1200 г. в Выдубицком монастыре его игуменом Моисеем, автор мог работать ***только*** в этом монастыре. Выдубицкий монастырь был основан Всеволодом Ярославичем для монахов-греков, приехавших с его византийской женой Анной на Русь и привезших Септуагинту. В нем на протяжении XII в. был написан ряд произведений, в том числе и летописная статья о походе Игоря на половцев, на которую опирался автор «Слова» (см.: [Ужанков, 2015, с. 335–345]).

3. *Об авторе «Слова»*. Такие произведения, как «Слово о полку Игореве», не пишутся в одночасье, это плод многолетних раздумий и трудов, и это не единственное и не первое произведение безымянного гения.

На основании авторских ремарок и характеристики литературно-художественных достоинств «Слова» можно с уверенностью заключить, что автор — участник похода («что *ми* шумить, что *ми* звенить давеча рано предъ зорями?») и профессиональный писатель. Он хорошо знает гимнографию и законы ее построения и создает свое творение по принципу древнерусских акафистов [Серегина, с. 107–128]. Владеет греческим языком и знает Септуагинту, поскольку использовал в «Слове» более 70 цитат из нее, и т. д.

Скрупулезный анализ летописной статьи о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., включенной в Киевский летописный свод игумена Моисея, и самого летописного свода за 80–90-е годы XII в., а также «Слова на освящение 24 сентября 1199 г. церкви св. Михаила Выдубицкого монастыря», написанного и произнесенного игуменом Моисеем, позволяет выявить общую манеру этих его произведений и говорить об игумене Моисее как о высокоталантливом писателе.

Игуменом Выдубицкого монастыря он стал в 1187 г. В ктиторском монастыре Мономаховичей игуменами были, как правило, выходцы из бояр. Как свидетельствует вышедший из-под его пера Киевский летописный свод за 80–90-е годы XII в., он был близок к Мономаховичам и симпатизировал Игорю Святославичу. Скорее всего, он один из пятнадцати спасшихся древнерусских воинов, участников похода, постригшийся по обету в монахи в Выдубицком монастыре и вскоре ставший его игуменом.

Комплексное исследование произведений, которые знает и использует автор «Слова о полку Игореве», и самого «Слова» позволяет с большой долей вероятности говорить об игумене Моисее как о потенциальном авторе «Слова о полку Игореве». Трудно себе представить, чтобы в это же самое время в Выдубицком монастыре пребывал еще один более талантливый, чем он, писатель, о котором нам ничего не известно.

Литература

Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб., 1997.
Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011.
Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
Серегина Н. С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М., 2011.
Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009.
Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015.

А. С. Усачев (РГГУ)

ЕЩЕ РАЗ О ПРИЧИНАХ ОСЛАБЛЕНИЯ РОЛИ ИНОКОВ ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ В УПРАВЛЕНИИ РУССКОЙ ЦЕРКОВЬЮ В XVI в.

Исключительная роль выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря в управлении Русской церковью в XVI в. общеизвестна. Начало «волоколамской гегемонии» традиционно связывается со временем занятия митрополичьей кафедры бывшим волоколамским игуменом Даниилом (1522–1539 г.). Неясными остаются точное время и причина ослабления роли волоколамской обители. В литературе оно неопределенно относится к последней трети XVI в.

Ранее автор этих строк высказал предположение о том, что это могло быть связано с возможным конфликтом волоколамского постриженика, казанского архиепископа Германа (Садырева-Полева) с Иваном IV в 1566 г. [Усачев]. В настоящее время данная гипотеза нам не представляется достаточно убедительной. Во-первых, данных о каких-либо репрессиях по отношению к волоколамским инокам известные нам источники не содержат. Во-вторых, после 1566 — в 1568–1581 г. 5 выходцев из обители Иосифа были поставлены на кафедры. В-третьих, царь, судя по его щедрым вкладам и поездкам в монастырь, эту обитель своей милостью не забывал. Чем же было обусловлено окончание «волоколамской гегемонии»?

В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на то, благодаря чему волоколамским инокам так долго удавалось сохранять господствующие позиции в Русской церкви. Известно, что Иосифо-Волоколамский монастырь располагал значительными земельными владениями [Зимин, 1977]. Однако не меньшими владениями располагали и другие крупные монастыри (Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и др.). Относительная молодость монастыря, основанного лишь в последней четверти XV в., и отсутствие в нем святых с общерусским почитанием не способствовали росту авторитета обители, которая в церковной иерархии XVI в. занимала далеко не самое видное место (19-е). Социальный статус и имущественное положение вкладчиков этой обители также уступали ряду иных монастырей.

Главным ресурсом, который обеспечивал влияние монастыря в Русской церкви XVI в., являлись его многочисленные и активные постриженики. Получив многолетнюю подготовку в обители Иосифа, десятки выходцев из нее стали настоятелями обителей и архиереями. При этом они продолжали сохранять связь со своей Alma Mater. Состарившихся и умерших сменяли более молодые волоколамские иноки. Что же произошло в последней трети XVI в.?

Как сообщает Летописец Иосифо-Волоколамского монастыря, в 1568/1569 г. в Москве и иных городах «мор был велик». Так, «в Иосифе монастыре преставились 53 браты да слуг и детей и шьвалей много вымерло». Следующая, еще более разрушительная, волна мора накрыла обитель в 1570/1571 г.: «лета 7079 мор был добре велик, в Осифе монастыре преставилося 74 браты, а миряня, слугы и дети и мастеры, все вымерли, и села все пусты, отчясти ся что остало» [Зимин, 1950, с. 21–22].

Как нетрудно подсчитать, в волоколамской обители за 2–3 года скончалось 127 братьев, а также значительное число монастырских слуг и крестьян. Пытаясь определить ущерб, который был ей нанесен, приведем некоторые аналогии.

В несомненно крупнейшем монастыре России XVI в. — Троице-Сергиевом — согласно завещанию троицкого старца Варсонофия Якимова (1595 г.), проживало 220 иноков. Сопоставима с Троицей численность другой крупнейшей русской обители — Кирилло-Белозерского монастыря: к 1601 г. она составила 184 инока. Численность братии еще одной достаточно крупной обители — соловецкой — была несколько ниже. Как сообщает запись на Псалтыри 1545 г., в монастыре «братии же тогда бе числом 136». Созданный в близкий период другой источник — «Устав о монастырском платье» 1553 г. — приводит несколько более скромную цифру — 107. В относительно небольших монастырях численность братии была существенно ниже. Так, в XVI–XVII в. число насельников вологодских монастырей — далеко не самых крупных (мелких и средних) — составляло от 20–25 монахов до 61.

Учитывая весьма значительное влияние постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря, а также его немалые экономические возможности, по числу насельников наряду с Троице-Сергиевым и Кирилло-Белозерским монастырями его следует отнести к крупнейшим обителям. Соответственно, наиболее близкой к реалиям цифрой будет численность братии волоколамской обители до мора в 150–200 человек. Если это действительно так, то убыль (127 человек) могла составить от 63 до 85% от общего числа.

Если в количественном отношении колоссальные демографические потери можно было, по крайней мере, частично восполнить за сравнительно короткий период (путем массового пострижения или иммиграции иноков из других обителей), то для заполнения лакуны в «качественном» отношении требовались десятилетия. Подготовить кандидатов в настоятели монастырей и архиереи за короткий срок было невозможно. Отдельные уцелевшие иноки в 70-е — начале 80-х годов XVI в. еще занимали кафедры. Однако их потенциальные преемники, судя по всему, не пережили мор 1568–1571 г.

Главным результатом падения «волоколамской гегемонии» для системы управления Русской церковью стало изменение всей структуры епископата. Его персональный состав в последней трети XVI в. с точки зрения духовного происхождения отличает гораздо более высокая степень гетерогенности, нежели в значительной мере «волоколамский» епископат 20–60-х годов XVI в. Помимо воспитанников традиционных «кузниц» архиереев — Симонова, Чудова, Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей — в его ряды влились выходцы из менее влиятельных обителей.

Литература

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // ИА. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 3–39.
Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977.
Усачев А. С. Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // ИЗ. М., 2014. Вып. 15 (133). С. 151–169.

И. А. Устинова (ИРИ РАН)

РУССКИЙ ЕПИСКОП В ДИАЛОГЕ С ЦАРЕМ: ОДНА НЕУДАЧНАЯ ПРОСЬБА ОБ ОТСТАВКЕ

Наиболее популярной проблемой русской церковной истории XVII в. стали взаимоотношения царя и патриарха. Между тем весьма разнообразным было взаимодействие глав светской и духовной власти с представителями епископата. Поводов для таких контактов было множество: участие епископов в решении важных вопросов церковной и государственной жизни, в делах царской семьи, личные просьбы (например, об отставке) и проч. К сожалению, эта тема остается практически неизученной, в том числе и ввиду крайней скудости источниковой базы.

В этой связи большой интерес представляет черновик письма суздальского архиепископа Серапиона (1634–1653 г.) к своему московскому стряпчему Силе Умрыхину от 25 августа 1647 г.[1] Из письма следует, что незадолго до этого Серапион обратился к царю и патриарху с просьбой об удалении на покой. Царь «пожаловал, велел… выбирать

[1] РНБ. Ф. 532. № 795. 1647, авг. 25, черновик. Один столбец с обильной правкой, писан на обеих сторонах листа, адресован архиепископскому стряпчему Силе Умрыхину.

иного». Тогда Серапион адресовал патриарху челобитную с просьбой «учинить» указ об отставке и разрешить ему отправиться «по обещанию» на место своего прежнего служения в Ярославский Толгский монастырь. На этот раз челобитную представил царю Стефан Вонифатьев, но неожиданно царь отказал, «указу учинить ничево не велел, и... впредь о том... болши того не бить челом»[2]. Сам Вонифатьев сообщил эту новость в письме Серапиону.

Еще не зная о царском отказе, Серапион направил в патриарший Разряд новую челобитную и «отписки». Узнав о неблагоприятном исходе ходатайства, Серапион и послал Умрыхину письмо с подробной инструкцией о том, как не дать челобитной дальнейшего хода.

О причинах, побудивших Серапиона просить об отставке, можно говорить лишь предположительно. Исходя из того, что уже в 1618 г. он был игуменом Толгского монастыря, к 1647 г. Серапион достиг весьма солидных лет, и причиной обращения за отставкой могло стать состояние его здоровья.

С другой стороны, в мае 1647 г. Серапион по царскому указу проводил расследование о чудесах иконы Божией Матери Казанской[3]. Из более поздних источников известно, что со своей задачей он справился — «свидетельствованые чюдеса посланы к... великому государю»[4], но прославления иконы не последовало. Уже в 1660 г. икона хранилась в церкви св. Николая Осовицкой пустыни и вследствие закрытия церкви «вся перепортилася». Неудача дела с прославлением иконы могла стать поводом для прошения об отставке.

Причины царского отказа представляются более очевидными, учитывая участие в деле Стефана Вонифатьева. Конец 1640-х годов — время подъема движения «боголюбцев», которое не встретило должной поддержки патриарха Иосифа. Русские епископы в большинстве своем также не имели еще четкой позиции по этому вопросу. Между тем Серапион был человеком проверенным и известным власти. В период архиерейства он часто бывал в Москве, в 1642 г. стал кандидатом на патриарший престол [Макарий (Булгаков), с. 326], в 1645 г. принимал участие в чине венчания Алексея Михайловича на царство.

Серапион был знаком с царским духовником Стефаном Вонифатьевым. В письме 1647 г. архиепископ прямо сообщает о помощи Вонифатьева и переписке с ним. Текст Послания клирика Агафоника (1640-е годы), адресованного Серапиону, позволяет говорить о том, что архиепископ сочувствовал идеям «ревнителей древлего благочестия». Автор Послания был лично знаком с Серапионом (согласно наиболее популярной версии, автором Послания был Стефан Вонифатьев [Ромодановская]) и в дружеской манере наставлял последнего в деле борьбы с приверженцами многогласия, отмечая ревность Серапиона в этом деле: «твое же... похваляю с радостию Христово подражательство... яко подкрепляет церковников на благочинное и боголюбезное единогласное пение во святых Божиих церквах» [Каптерев, с. 90–91]. В мае 1642 г. Серапион адресовал духовенству своей епархии пастырский призыв, в котором требовал, чтобы служба велась не больше чем двумя голосами, сурово обличал пороки духовенства и проч. [Каптерев, с. 8–10].

Письмо Силе Умрыхину, как и другие послания Серапиона[5], позволяют говорить о нем как о человеке сдержанном, осторожном, испытывающем благоговейный страх перед верховной властью. Неудивительно, что, сочувствуя идеям ревнителей, открыто внедрять их в своей епархии до официального их одобрения он не мог. Серапион являл собой лояльного власти, опытного и сдержанного епископа, потенциального сторонника грядущих реформ. В период начала преобразований лишиться его власть не могла, поэтому Серапион не получил отставку (возможно, не без помощи Стефана Вонифатьева).

Литература

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1.
Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 6.
Ромодановская Е. К. Агафоник // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 48–49.

[2] Неизвестно, предпринимал ли Серапион новые попытки получить отставку, но скончался он в 1653 г., оставаясь на Суздальской кафедре.

[3] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1636. Т. 4. № 323. С. 482–484.

[4] ГИМ. Син. грам. 1077. Стб. 161.

[5] РИБ. Пг., 1917. Т. 35. № 447. Стб. 923–925.

Е. В. Уханова (ГИМ)

ДРЕВНЕЙШИЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ЧЕТИЙ СБОРНИК В СОСТАВЕ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЬИХ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

Палеографическое и кодикологическое изучение древнейших восточнославянских отрывков житий святых — Жития Кондрата (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 64) и Жития Феклы (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 63) — привело нас к выводу о заметной дистанции во времени их создания. Почерк Жития Кондрата содержит архаичные черты, восходящие к южнославянским спискам, не находит аналогий в других ранних восточнославянских рукописях или их отрывках и может, с большой долей вероятности, датироваться первой половиной — серединой XI в. Почерк Жития Феклы, напротив, имеет достаточное число аналогий в дошедших до нас рукописях и может быть отнесен ко второй половине (концу?) XI в. С текстологической точки зрения перевод Жития Кондрата в Погод. 64 заметно отличается от перевода этого Жития в другом списке того же времени — болгарской Супрасльской минее XI в., традиционно относимой к преславской книжной школе, и практически идентичен тексту, содержащемуся в Великих Минеях Четьих митрополита Макария. Ряд графико-орфографических особенностей указывает на глаголический протограф Погод. 64, вероятно, македонского происхождения. Житие Феклы, к сожалению, не содержится в других ранних славянских списках, но с текстологической точки зрения оно также практически идентично ее Житию из Великих

Миней Четьих (в текст Погод. 63 внесена небольшая правка полууставом, вероятно, XV в., которая учтена в ВМЧ). Совпадение текстов списков XI и XVI в. свидетельствует об устойчивости агиографической текстологической традиции, появившейся на Руси не позднее первой половины XI в., и о наличии в Великих Минеях Четьих этого древнейшего житийного ядра, растворенного в других, более поздних текстах. Его реконструкция по формальным (объему, структуре) и языковым признакам — задача будущих исследований. В докладе будут обозначены первые результаты, полученные в этом направлении. Факт западного, вероятно, македонского происхождения протографа искомого сборника и его отличия от преславских переводов также заслуживает специального изучения.

Нашу гипотезу подтверждают данные еще одного древнего списка того же времени — отрывка Жития Саввы Освященного Кирилла Скифопольского (Матенадаран. № 1351). Мы датируем его началом XII в. и относим к крупному комплекту роскошных книг, заказанному, возможно, Владимиром Мономахом около 1115 г. (ГИМ. Синодальное собр. № 262, 108; Чудовское собр. № 12) [Уханова, 2009; Уханова, 2011; Уханова, 2017]. Текст Жития этого святого также чрезвычайно близок к редакции, включенной в ВМЧ, однако он содержит единичные случаи грамматической правки. В недавней статье Д. Е. Афиногенова была высказана гипотеза о том, что Житие Саввы Освященного было переведено не в составе четьего сборника, а существовало отдельно вместе с Житием Евфимия Великого и совместной похвалой им [Афиногенов]. Автор связывает его перевод с кругом Феодосия Печерского, где был знаком греческий язык. Полагаем, что самостоятельное бытование Жития Саввы Освященного и Жития Евфимия Великого было обусловлено, прежде всего, тем, что до второй четверти XI в. в Византии подробных дисциплинарных записей монастырского устава не существовало, поэтому их роль выполняли авторитетные агиографические тексты — жития основоположников монашеской жизни и Патерики. Именно в этой функции могли бытовать отдельные списки с житиями Саввы Освященного и Евфимия Великого, к их тексту в процессе этого бытования могли добавляться дополнительные сюжеты, в него могла вноситься незначительная правка или в нем могли появляться разночтения. Поэтому перевод дополнительной совместной похвалы этим святым и распространение связанных с ними текстов вне агиографического сборника не исключает их появление или бытование в его составе. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Литература

Афиногенов Д. Е. Похвала преп. Евфимию Великому и преп. Савве Освященному Кирилла Скифопольского // Вестник древней истории. 2014. № 1–2. С. 231–234.

Уханова Е. В. Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха // Борисо-Глебский сборник. Париж, 2009. Вып. I. С. 119–134.

Уханова Е. В. Палеографические и кодикологические особенности древнейшего списка Учительного Евангелия Константина Преславского (ГИМ, Син. 262) и история его создания // Тихова М., Келлер Ф., Уханова Е. В. Старобългарското Учително Евангелие на Константин Преславски. Научно-критическое издание. Фрайбург, 2011. С. LVI–XCVII.

Уханова Е. В. О форме объединения древнерусских писцов в конце XI — начале XII в. // Монфокон. Сборник научных статей. М., 2017. Вып. II. (в печати)

Е. В. Федорова (МГУ)

ИЗ СИНТАКСИСА ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРЕВОДА ТОЛКОВОГО ЕВАНГЕЛИЯ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЛЯТИВИЗИРУЮЩИХ ЧАСТИЦ

Древнейший перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (далее — ТЕ-1) был выполнен до 1117 г., на что указывает присутствие в Мстиславовом Евангелии пояснительных прибавлений, взятых из толкований Феофилакта Болгарского [Невоструев, с. 83]. Наличие восточнославянского компонента и в евангельском тексте, и в толкованиях во всех рассмотренных списках и одного переводчика позволяет сделать вывод, что перевод в том виде, в котором он дошел до нас в ТЕ-1, — восточнославянский по происхождению [Федорова, с. 22].

I. Конструкции с релятивизатором то

В списках ТЕ-1 наблюдается способ цитирования евангельского текста в толкованиях с помощью сочетания еже (нже) то, где частица то выступает в роли релятивизатора. Подобные модели с релятивизирующей частицей, вводящие постпозитивные придаточные, характерны для оригинальных древнерусских текстов, включая новгородские берестяные грамоты [Зализняк, 1981, Зализняк, 2004]. Кроме того, они встречаются в переводах, в частности в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого [Молдован, с. 261]. Однако в ТЕ-1 данную модель изредка можно встретить не только в функции ввода цитат (пример 2):

(1) Мф 28: 16–20 (толк.) wste to «Edoqh moi exousia» outw noei\ Ek twn oikeiwn mou agwnwn kai palaismatwn eswsa touj anqrwpouj (‘так что [слова] «дана Мне власть» так понимай: собственными Моими подвигами и трудами Я спас людей’) — РГБ ТСЛ 109 тѣмі же еже то дана мн бы҃ вл҃асть . тако разꙋмѣван ѿ свонхь подвнгь н бореннн . н спасохь чл҃вкн (Л. 200)[1].

(2) Ин 5: 14–16 (толк.) Alla to mhden autouj paqein entauqa(efodion ginetai meizonoj ekei timwriaj (‘Но то, что они не понесли здесь никакого наказания, будет поводом к большему наказанию там’) — РГБ ТСЛ 110 но еже то ннчто же пострадатн нмъ зде нахоженіе бываеть болше тамо соущнхъ моукъ (Л. 251).

В ТЕ-1 данная конструкция, характеризующая архетип перевода, сохраняется не во всех списках: в более поздних, отредактированных по афонской редакции (ТЕ-1b), релятивизатор устраняется.

[1] Ср. интерпретацию в качестве относительного союза, предложенную в [Зализняк, 1981, с. 104]: «потому, что дана мне была власть». Однако с привлечением греческого оригинала становится очевидно, что еже то здесь вводит цитату, а не придаточное предложение.

II. Функционирование тн в роли частицы

Согласно данным словарей, тн и в функции союза ‘и’, и в функции частицы ‘же, ведь’ встречается в восточноболгарских и восточнославянских памятниках[2]. В ТЕ-1 тн используется и как союз, и как частица. В отличие от союза тн ‘и’, частице тн нет соответствия в греческом тексте ТЕ. Интересно, что она практически не устраняется в ТЕ-1b, тогда как союз тн в более поздних списках заменяется на н. Как частица тн отмечено в ТЕ-1 только в несвободном употреблении в качестве релятивизатора при относительном наречии для усиления его относительной функции. В сочетании с местоименным наречием како частица тн образует конструкцию, резюмирующую предшествующее высказывание. Подобные употребления встречаются в основном именно в церковнославянских текстах [Янин, Зализняк 1993, с. 302]:

Мк 4: 3–12 (толк.) {Ora goun pwj spania ta kala(kai oligoi oi swzomenoi (‘Смотри же, как редко добро и как мало спасающихся!’) – РГБ ТСЛ 109 внжь же како тн рѣтко добрая . н мало спсаемы (Л. 233) – РГБ ТСЛ 108 внждѣ тн како тн… (Л. 272).

Наличие частицы тн в разных списках ТЕ-1а, в разных Евангелиях, а также того факта, что «после XII в. самостоятельное употребление частицы тн постепенно угасает; сохраняются лишь слитные единицы с ее участием» [Зализняк, 2004, с. 197], свидетельствует о том, что случаи ее употребления принадлежат архетипу перевода ТЕ-1.

Литература

Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 89–107.
Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
Молдован А. М. Из синтаксиса древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого» // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 256–275.
Невоструев К. И. Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М., 1997.
Федорова Е. В. Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского в древнейшем славянском переводе: лингвотекстологический анализ. АКД. М., 2017.
Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

[2] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. Стб. 957; Словарь старославянского языка. Репринтное изд.: В 4-х т. СПб., 2006. Т. IV. С. 452–453.

М. К. Ферро (Университет им. Г. д’Аннунцио)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ СВЯТОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ XII–XVII в. ГИПОТЕЗЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В то время, когда не слабеет интерес ученых к периоду правления княгини Ольги, развиваются и исследования книжной традиции посвященных ей произведений. Целью этих исследований является изучение композиционных черт произведений и средств формирования литературного образа княгини [Бедина; Кусков; Малкова; Плюханова; Руди; Турилов, Чернецов; Усачев, 2003; Усачев, 2009; Чекова; Brzozowska, 2010; Brzozowska, 2013; Ferro, 2006; Ferro, 2010; Garzaniti, Romoli; Hannick].

Предлагается рассмотрение летописных, гимнографических и агиографических текстов, посвященных княгине Ольге, как единого макротекста, показывающего значительные изменения в понимании личности и деятельности данного исторического лица — от жестокой правительницы, уничтожившей древлян, к первой христианской княгине Древней Руси.

Предварительным этапом нашей работы является анализ каждого произведения корпуса источников, в частности Сказания, вошедшего в состав «Повести временных лет» под 945–969 г.; текста из Никоновской летописи под 6463 г.; «Слова о том, како крестися Ольга, княгиня русская», открывающего Киево-Печерский патерик в Феодосьевской редакции; Проложного жития благоверной княгини Ольги в южнославянских списках; Проложного жития благоверной княгини Ольги в севернославянских списках; Проложного жития благоверной княгини Ольги в Распространенной редакции; текста под названием «Преставление и похвала благоверной княгини Ольги...» из «Памяти» мниха Иакова; Сказания, вошедшего в состав «Степенной книги царского родословия»; Пространного жития, вошедшего в состав «Книги житий святых...» Димитрия Ростовского; Канона и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира Кирилла Туровского; Службы, посвященной Ольге.

С агиографической точки зрения наше исследование учитывает повествовательную структуру биографий святых, которую восточнославянская письменная традиция унаследовала от Византии, и, что касается образа женщины, то своеобразно ее характеризует. Кроме того, в анализе обращается внимание на литературные способы создания идеала доброго князя по примеру греческих императоров Константина и Елены. Обнаруженные библейские цитаты мы стараемся интерпретировать на основе контекста их употребления как в рассматриваемом источнике, так и в литургическом контексте.

Затем посредством сопоставительного анализа произведений и выделенных в них литературных мотивов и особенностей предполагается изучить процесс переработки информации о княгине Ольге и трансформации историко-биографического рассказа в агиографический текст.

На основе исследования Канона Кирилла Туровского (статья находится в печати) есть основания утверждать, что на процесс переосмысления образа княгини влияют, по крайней мере, следующие тематические ядра: теология крещения; сравнение с равноапостольной Еленой и характерные мотивы древнерусских княжеских житий; принадлежащие к Typos marianus агиографические топосы, в том числе и уподобление Богоматери.

Литература

Бедина Н. Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII–XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 8–12.

Кусков В. В. Идеальные правители Древней Руси // Древнерусские княжеские жития. М., 2001. С. 7–22.

Малкова Н. А. Святая княгиня Ольга как агиологический тип // Религиоведение. 2011. № 1. С. 25–31.

Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Руди Т. Р. Праведные жены Древней Руси: (к вопросу о типологии святости) // Русская литература. 2001. № 3. С. 84–92.

Турилов А. А., Чернецов А. В. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 57–75.

Усачев А. С. Эволюция рассказа о происхождении княгини Ольги в русской книжности середины XVI в. // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция. М., 2003. Т. 2. С. 329–335.

Усачев А. С. Образ правителя в Степенной книге // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 116–118.

Чекова И. Летописная похвала княгине Ольге в Повести временных лет: поэтика и текстологические догадки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 92–103.

Brzozowska Z. Święci książęta Rusi Olga i Włodzimierz // Vade Nobiscum. 2010. № 4. С. 173–181.

Brzozowska Z. The Ideal Christian Rulers – Sts. Constantine and Helena in the Spiritual and Political Culture of Kievan Russia // Sveti car Konstantin i hrisćanstvo / Ed. D. Bojović. 2013. Vol. 1. P. 497–508.

Ferro M. C. 'Il typos mariano'. Sulla topica del testo agiografico al femminile nella Rus' // Russica Romana. 2006. T. XIII. P. 33–52.

Ferro M. C. Santità e agiografia al femminile. Forme letterarie, tipologie e modelli nel mondo slavo orientale (X–XVII sec.). Firenze, 2010.

Garzaniti M., Romoli F. Le funzioni delle citazioni bibliche nella letteratura della Slavia ortodossa // XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 agosto 2013). Firenze, 2013. P. 121–155.

Hannick Ch. The Theotokos in Byzatine hymnography: typology and allegory // Images of the Mother of God. Perceptions of the Theotokos in Byzantium / Ed. M. Vassilaki. Aldershot–Burlington, 2005. P. 69–76.

Д. З. Фельдман (РГАДА)

К ВОПРОСУ О ПООЩРЕНИИ ЕВРЕЕВ ЗА КРЕЩЕНИЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Как известно, постоянное многочисленное еврейское население Российское государство обрело только в последней трети XVIII в. Однако реальные носители иудаизма, а не их «библейский», зачастую искаженный, образ из средневековой богословской полемики появились в России в предшествующее столетие. В ходе русско-польских войн 1632–1634 (Смоленской) и 1654–1667 г. в России оказалось значительное число пленных, среди которых были также литовские и белорусские евреи. Однако наличие в Московии большого числа иноземцев и иноверцев заставило русское правительство задуматься об урегулировании сложившейся ситуации. Поэтому вскоре после окончания Смоленской войны встал вопрос о дальнейшей их судьбе, требовавший законодательного разрешения, и в сентябре 1634 г. царь Михаил Федорович повелел их «сыскивать и отпущать» за границу в Литву, кроме крестившихся или желающих остаться в России[1]. Следует отметить, что принятие христианства для иноверцев-евреев означало получение ими свободы и весьма обширных льгот, включая выбор места жительства, вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением.

В царствование Алексея Михайловича также выходили постановления, из которых видно, что проживание иудеев на территории Московии все же разрешалось. По указу царя в 1655 г. думному дьяку Л. Д. Лопухину было поручено отправить в Казань несколько групп литовцев и евреев, взятых в плен «на боех и в посылках в розных». В наказной памяти, посланной из Разрядного приказа в Приказ Казанского дворца 31 января 1655 г., был сформулирован принцип дальнейших действий по отношению к их вероисповедному состоянию: «А по государеву указу в Казани жидом велено говорить, чтоб они крестились; и которые из них крестятца, и тем указал государь быти в посацких людех, а которые креститца не похотят, и тех велено послать быть в яме»[2]. Как видим, принятие евреями православия означало автоматическое их причисление к посадскому населению с предоставлением соответствующих прав и льгот; отказ же от крещения влек за собой переход в тяжелую ямскую службу, но сохранение иудейской веры отдельными лицами все же предусматривалось.

Одно из самых ранних обнаруженных нами свидетельств, касающихся поощрения евреев за крещение, содержится в «Книге расходной разных товаров, денег, вещей, церковного кроения и отпущенного к государю в хоромы» Оружейной палаты 1622/1623 г.: 27 ноября 1622 г. «по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, по памяти за приписью дьяка Михайло Данилова государева жалованья иноземцом: жидовину Юску Якубову, а русское имя Нестеру…[3] – по четыре аршина тафты виницейки сизовой, да по четыре аршина без чети сукна на страфилю лазоревого; цена по 2 рубли с полтиною портище… а пожаловал их государь для крещения»[4].

Подобная информация выявлена в уникальном комплексе документов Разрядного приказа, касающихся судьбы бывшей литовской еврейки Меланьи, которую можно проследить на протяжении 1634–1647 г. Она попала в русский

[1] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола. Стб. 102. Ч. 1. Л. 1.

[2] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола. Стб. 158. Л. 543.

[3] Далее следует упоминание вдовы капитана-немчина Бориса Беньяна Татьяны (в крещении Неонила).

[4] РГАДА. Ф. 196. Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина. Оп. 2. Д. 208. Л. 50–51.

плен при взятии г. Борзна в 1634 г. В Московии, по ее словам, «волею своею оставя жидовскую проклятую веру», она крестилась «в православную крестьянскую веру» и вышла замуж за рыльского сына боярского Ивана Карпова сына Клеменова, впоследствии родив троих сыновей и дочь. Сама она не раз получала «государево жалованье» за «выход», крещение и «подначальство» в московском Ивановском женском монастыре, а также приданое к свадьбе; ее мужу были предоставлены значительные льготы: освобождение от взимания налогов и ряда платежей. Об этом свидетельствуют челобитные полонянки-«жидовки» Меланьи и последовавшая за ними переписка между разными учреждениями и должностными лицами[5]. В начале 1636 г. рыльский воевода Ф. М. Бояшев сообщил в Разряд, что «государева жалованья дано ей на корм до замужства шеснатцать алтын четыре денги»; при желании она могла переселиться в Москву, причем в дорогу «из рыльских доходов» получить «поденное денежной корм» и «шубу одевалную добрую»[6]. В 1645 г. новокрещенка с семьей из-за больших финансовых и бытовых затруднений перебралась в столицу. Согласно наказным памятям в Стрелецкий и Ямской приказы, весной 1645 г. Михаил Федорович «пожаловал» рылянина Ивана Клеменова: освободил его поместье от взимания на 10 лет стрелецких и ямских денег в связи с крещением его жены, еврейки Меланьи[7]. Тогда же, как следует из наказной памяти рыльскому воеводе М. Ф. Лодыгину, рылянин был освобожден также на 10 лет от городовых поделок, податей и запасов в качестве поощрения за крещение жены[8]. 28 марта 1645 г. в Разрядном приказе появилась запись о пожаловании Меланье 10 рублей «государева жалованья» за крещение и замужество, а также о предоставлении ее мужу перечисленных выше льгот[9]. Затем в декабре 1646 г. Меланья подала царю две челобитные, в которых просила выдать ей жалованье за крещение и «подначальство» в Ивановском монастыре на Кулижках, куда она была послана для «исправления христианской веры». В приложенной справке говорилось, что «таким иноземкам дают государева жалованья за подначальство по 3 рубли, а иным и по 4 рубли, да по сукну по доброму»[10]. В результате, судя по записи в Разрядном приказе от 28 декабря 1646 г. и пометам на челобитной, Меланье было решено выдать «4 рубли да сукно доброе или за сукно два рубли денгами»[11]. Наконец, 17 июля 1647 г. царь распорядился выдать ей из Приказа Большого прихода еще два рубля в связи с бедственным семейным положением[12].

Таким образом, поощрение лиц иудейского вероисповедания за крещение в Московском государстве в первой половине XVII в. имело прежде всего денежное выражение, которое дополнялось (заменялось) выдачей неофитам дорогих в то время тканей. Немаловажно и то, что при этом могли быть поощрены также близкие родственники новокрещеных евреев.

Литература

Фельдман Д. З. К истории появления крещеных евреев в Московском государстве XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 21–27.

[5] Подробнее об этом см.: [Фельдман]; «Бьет челом литовская полонянка жидовка новокрещена...»: Документы XVII в. о судьбе крещеной еврейки Меланьи и ее семьи / Публ. Д. З. Фельдмана и А. Ю. Кононовой // Вестник Еврейского университета. 2005. № 10 (28). С. 305–334.

[6] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Стб. 61. Л. 372, 373.

[7] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола. Стб. 158. Л. 44.

[8] Там же. Л. 45.

[9] Там же. Л. 53 об., 55 (наказная память в Устюжскую четверть о выдаче денег).

[10] Там же. Стб. 562. Л. 311.

[11] Там же. Л. 306, 306 об., 311.

[12] Там же. Л. 289 об.

Г. Ю. Филипповский (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА

Об «изначальной целостности» [Мильков, с. 362–364] «Поучения» Владимира Мономаха писали Т. Н. Копреева и Д. С. Лихачев («соединение Владимиром Всеволодовичем Мономахом всех трех (частей. — *Г. Ф.*) в единое произведение» [Лихачев]); А. Ю. Карпов также свидетельствует о «единстве всего произведения» [Карпов, с. 96]. Практически все исследователи говорят о Владимире Мономахе — авторе «Поучения» как о «писателе», а его труд полагают выдающимся явлением ранней русской литературы. Тем острее встает проблема жанра авторского текста Владимира Мономаха, которая стала предметом разноречивого обсуждения со времени первого владельца рукописи Лаврентьевской летописи 1377 г. (в заглавии издания 1793 г. — «Духовная...», то есть «завещание»).

Жанровое новаторство автора «Поучения», как и его сложная жанровая природа, подчеркнуты В. Л. Комаровичем в первом томе «Истории русской литературы» 1941 г.: «Традиционная дидактика с личной исповедью, автобиография с поучением — сплетено в его “грамотице” от начала до конца с чисто авторской нерасчлененностью: автобиографический элемент... делает этот памятник... из ряда вон выходящим; его наличие в “Поучении” Мономаха с точки зрения жанра оригинально и неожиданно; жанру родительских поучений (детям) с их отвлеченным дидактизмом этот элемент чужд почти вовсе» [Комарович, с. 291]. Характерно, что в жанровый веер В. Л. Комарович включает из текста памятника слово «грамотица», то есть письмо, послание, как указание на эпистолярную жанровую составляющую. Н. В. Понырко закономерно отмечает «сам факт включения отдельного послания в книжную традицию» [Понырко, с. 3].

Понимание «Поучения» Владимира Мономаха как единого литературного произведения заставляет говорить о жанре послания не только в связи с письмом-посланием к Олегу Святославичу — третьей доминантной частью

единого памятника. Действительно, адресность текста подчеркнута автором и в первой, и во второй частях. «Да дети мои, или инъ кто слышав сю грамотицю, а приметь е в сердце свое», «Да не зазрите ми, дети мои…», «Поистине, дети мои, разумейте», «Си словца прочитаюче, дети моя…». Слова «дети» практически все исследователи понимают широко — «князья», текст Мономаха — обращение к русским князьям с уроком жизни и княжеского поведения, обращение к княжеской Руси, современникам и потомкам, «послание к нации». Кризисная причина подобного обращения, облеченного в книжно-литературную уже форму, отмечена самим автором: не только личный мотив письма к Олегу, убившему в распре сына Мономаха, но и опорный для всего «Поучения» эпизод выяснения отношений с князьями-крестопреступниками. На склоне лет, подводя итоги жизни, «на санех седя», автор «Поучения» пишет свой автобиографичный, кризисный по пафосу текст послания к княжеской Руси, к нации о самом важном и наболевшем (лично для автора и для всей Русской земли) в сфере междукняжеских отношений и норм княжеского поведения.

Жанр «послания к нации» (фактически подготовленный для Руси программным «Словом о законе и благодати» Илариона XI в.) реально существовал в Европе XI в. в эпоху Кнута Великого, короля Дании и Англии (объединившего их в одну империю со Швецией, Шотландией и Норвегией). Знаменитое «Письмо Кнута к народу Англии» 1019 г. (вписано в конце Иоркского Евангелия 1019 г.) опиралось на более раннее послание к нации 1014 г. «Sermo Lupi ad Anglos» архиепископа Йоркского Вульфстана в пору угрозы гибели Англии от топора викингов [Филипповский]. Как неоднократно отмечалось, английские королевские документы-послания могли стать известными Владимиру Мономаху через его супругу Гиту Гаральдовну и ее образованную английскую свиту отца, короля Гаральда, последнего короля англо-саксов, убитого в 1066 г. в битве при Гастингсе [Лихачев].

Литература

История русской литературы. Л., 1941. Т. 1. С. 289–297.
Карпов А. Ю. Великий князь Владимир Мономах. М., 2006.
Лихачев Д. С. Владимир Всеволодович Мономах // СККДР. Л., 1987. Т. 1. XI — начало XIV вв. С. 98–102.
Мильков В. В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 340–365.
Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992.
Филипповский Г. Ю. Эпоха Кнута Великого в Англии: история, политика, культура, тексты // На пересечениях британской истории / On the crossways of British history. Сб. ст. Ярославль, 2013. С. 9–21.

А. И. Филюшкин (СПбГУ)

«ОТКРЫТИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»: КАК В РОССИИ ФОРМИРОВАЛИСЬ ЗНАНИЕ И ПАМЯТЬ О ДРЕВНЕРУССКОМ ПРОШЛОМ (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВА)[1]

Когда возникает представление о русском Средневековье как особом периоде? Как формируется историческая память о нем? Как соотносилась реальная история Средневековья с памятью о Средневековье? Попробуем рассмотреть данные вопросы на примере города, имевшего яркую и славную средневековую историю, — Пскова.

Когда возникает представление о древности как особом периоде в истории Пскова? Ранние псковские летописи происхождения Пскова еще не знают. Летописание в Пскове возникло в XIII в., до нас дошли летописи в манускриптах, составленных в XV–XVI в. В них прямо сказано, что о Пскове городе в летописании «нет воспоминаний, кем создан и которыми людьми» (Псковская третья летопись). В XVI в. основание Пскова стали связывать со знаменитой древнерусской княгиней Ольгой. Когда в Пскове возникает культ Ольги? С одной стороны, есть свидетельство «Повести временных лет», что определенный культ в памяти псковичей был уже в IX–XII в. («Ольгины сани»). С другой — за X–XV в. нам не известны упоминания в Пскове ольгинских часовен или церквей в честь княгини. Память в средневековой Руси воплощалась прежде всего в церковных памятниках, и их отсутствие говорит не в пользу большого развития «культа Ольги» в Пскове вплоть до XVI в. А в XVI в. появляются псковская редакция Жития Ольги и Житие Ольги в составе «Степенной книги» (около 1563 г.), в которых излагается легенда об основании Пскова (видение Ольги о великом будущем этого города).

Другими культовыми персонажами псковского Средневековья были князья Всеволод (Гавриил, 1095–1138) и Довмонт (Тимофей, 1266–1299). С именами князей связаны два легендарных меча, хранившихся в Троицком соборе. Современная экспертиза показала, что мечи, приписываемые князьям, были изготовлены не ранее XIV в. И. Ф. Игина справедливо отмечает, что первое достоверное упоминание о мече Довмонта относится к концу XVI — началу XVII в., когда он указывается в описи реликвий Троицкого собора. Судя по всему, меч Довмонта был изготовлен около 1581 г. специально для крестного хода, посвященного спасению Пскова от осады Стефана Батория.

В XVII в. осмысление средневековой истории Пскова получает новые черты. История Пскова вписывалась в актуальную историю России. Средневековые псковские князья Всеволод и Довмонт в легендах XVII в. начинают выступать… покорителями Сибири. Около 1689 г. была составлена «Повесть о чудесах святых и благоверных князей Всеволода и Довмонта, псковских чудотворцев», в которой святые помогают воевать с китайцами на реке Амур казакам сибирского города Албазина. Новое развитие получает тема княгини Ольги. В 1689 г. появляется «Кроник Псковский» («Книга в начале первобытного мира по алфавиту»), очень своеобразный памятник, связанный с оккультной традицией. Ольга оказывается дочерью легендарного Избора, потомком князей Словена и Гостомысла. Она правила в Новгороде, была женой Рюрика, потом вторично вышла замуж за князя Игоря,

[1] Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время».

прибывшего из Чехии (!). После убийства Игоря древлянами Ольга мстит за него и правит самостоятельно, совершает паломничество в Святую Землю и прорицает основание славного города Пскова.

Выделение Средневековья как особого и наиболее славного периода в истории Пскова происходит только в XIX в. До XIX в. память о прошлом Пскова носила преимущественно церковный характер и была связана с топонимикой, местночтимыми святыми и святынями, реликвиями вроде «меча Довмонта», зримыми архитектурными памятниками и развалинами, о которых, впрочем, мало что знали. В XIX в. обращение к прошлому Пскова развивается по трем линиям.

Первая — интерес государства. Именно власть инициирует поиск древнего псковского прошлого, причем задействует для этого Министерство внутренних дел и полицию. В 1826, 1837, 1863, 1869, 1901 г. по инициативе МВД происходит поиск и «приведение в известность» псковских древностей, памятников истории и архитектуры.

Вторая — начинается развитие, а вскоре и расцвет псковского краеведения, локальной истории, связанной с формированием местного патриотизма. Это носило как научный характер (в том числе открытие Псковского музея), так и сопровождалось сочинением новых мифов — например, о рождении князя Владимира Крестителя в с. Буртник под Псковом.

Третья — на общерусском уровне история Пскова занимает свое место в общей концепции русской истории. Ее используют в качестве иллюстрации для своих идей представители разных общественных сил, от декабристов до либеральных и демократических кругов русского общества конца XIX в. Псков выступает символом средневековой вольности и демократии, а также городом русской воинской славы.

К. Н. Фомин (ГМЗ «Куликово поле»)

ГОРОД ТУЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Город Тула на его современном месте появился в начале XVI в. Основная часть города и его укрепления были воздвигнуты в широкой пойме на левом берегу реки Упы, напротив впадения в последнюю реки Тулицы. Главная крепость — каменный кремль — была построена на холме, возвышавшемся на 1,5—2 м над остальной поймой реки. Внутри стен кремля практически сразу появилась плотная застройка, не примыкавшая к самим кремлевским стенам, разделенная на отдельные кварталы несколькими улицами [Фомин, 2007].

В 30—40-е годы XVI в. к востоку от кремля строится деревянная острожная стена, под защитой которой располагались Троицкий и Никитский концы городского посада. Археологические исследования выявили в этой части города сплошную квартальную застройку. С юго-юго-западной стороны к городу подходили укрепления системы «Завитай». К западу от кремля в XVI в. укреплений не существовало, в связи с чем данная территория тогда не входила в Тульский посад. На правом берегу р. Упы в это время возникают Гончарная, а в конце XVI в. Оружейная слободы.

В Смутное время город и его укрепления сильно пострадали. Во второй половине 30-х годов XVII в. была проведена реконструкция тульских укреплений, которая учитывала, с одной стороны, топографическую ситуацию расположения города, а с другой — отражала новые тенденции в фортификационном строительстве. На наиболее угрожаемом участке — юго-восточном направлении — острожная стена была заменена системой укреплений — «Земляной город» [Фомин, 2008].

При раскопках, проводившихся по проспекту Ленина, 17, были вскрыты остатки деревянного сооружения. Место заложенного раскопа четко совпадает с точкой на плане, где заканчивалась острожная стена XVI в. и где в XVII в. был край «Земляного города». Удалось проследить слой разрушения этого сооружения. Практически идентичную раскопанной в Туле в 2003 году конструкцию имел вал в Новгороде Великом, по верху которого в конце XV в. был возведен каменный кремль [Стеценко].

С напольной стороны «Земляного города» располагался ров [Фомин, 2016], соединяющийся с верховьями ручья Хомутовка. К настоящему времени археологические исследования выявили два соседних равелина, расположенных между собой на незначительном расстоянии, имеющих сходную конфигурацию, видимо, сходные размеры и направленных острыми углами в одну сторону — на юго-восток. Дальнейшее направление трассы рва логичнее всего прокладывается к верховью ручья Хомутовка и смыкается с ним. Судя по конфигурации городского квартала, расположенного за рвом, граница которого далее идет прямоугольными уступами, отсутствию четкой границы у квартала, расположенного северо-западнее рва, а также по расстоянию между первым и вторым равелинами, можно предположить существование еще одного подобного равелина, до того момента как городской ров стыкуется с верховьями оврага. Тогда оборона города с юго-восточного направления приобретает законченный вид.

По берегу р. Упы с восточной стороны кремля от Ивановской башни до устья ручья Хомутовка также была восстановлена острожная стена с башнями. Такая же стена была выстроена с западной стороны, по правому берегу ручья Ржавец [Тула]. Улицы, существовавшие ранее в этой части города, стали частью посада. После этого происходит переформирование уличной застройки в квартальную [Фомин, 2009].

Вдоль кремлевской стены, от Пятницкой до Спасской башни, «на рву», стояли торговые лавки. При исследованиях по улице Металлистов, 1, была обнаружена мощенная жердинами часть Никольской улицы и выявлены остатки мелочной торговой лавки. Археологическими исследованиями достаточно редко удавалось зафиксировать мощение улиц в городе Туле.

Во второй половине XVII в. быстро растет зареченская часть города. Сюда в Оружейную слободу переселяются кузнецы-оружейники, стремящиеся освободиться от «посадского тягла». Новые кварталы зареченских слобод, к которым добавилась еще и Ямская слобода, строятся уже не вдоль берега реки, как это было ранее, а вдоль московской дороги. Примерно в середине XVII в. к Туле присоединяется Чулкова слобода, располагавшаяся на правобережье р. Упы, на левом берегу р. Тулицы.

Литература

Стеценко Н. К. Раскопки в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. Вып. 10. С. 18–33.

Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884.

Фомин К. Н. Историческая топография города Тулы XVI – начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. С. 37–51.

Фомин К. Н. Укрепления «Земляного города» позднесредневековой Тулы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в г. Суздале. М., 2008. Т. II. С. 529–531.

Фомин К. Н. Комплекс находок XVII – начала XIX веков, обнаруженных при исследованиях в городе Туле по ул. Советская, д. 29 // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2009. С. 35–82.

Фомин К. Н. Исследования городского рва в историческом центре города Тулы // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2016. С. 324–343.

В. Ю. Франчук (Институт языкознания НАН Украины)

ФОРМИРОВАНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Происхождение дипломатических терминов интересовало многих лингвистов. Обзор литературы по этому вопросу дан в работах Ф. П. Сергеева, в которых исследуется лексика XI–XVII в., относящаяся к сфере международных обязательств, дипломатического этикета, посольского права, дипломатических привилегий и этикета, анализируются наименования дипломатических документов [Сергеев, 1971; Сергеев, 1972; Сергеев, 1978].

За пределами достижений в этой области остается процесс становления некоторых терминов, имеющих непосредственное отношение к сфере международных дипломатических связей. Так, в древнейшем тексте киевской письменности еще не зафиксировано название представителя главы государства, которому поручается ведение переговоров от его имени. Например, Договор Олега с греками 911 г. в Радзивиловской летописи начинается следующей формулой: «Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф… иже послании от Олга, великого князя рускага, и от всѣх, иже суть под рукою его» (Л. 16 об.). Договор Игоря 944 г. в Лаврентьевской летописи включает не только имя, но и должность его представителя (*сълъ*), а также отмечает наличие таких представителей (*обьчии сли*) у родственников Игоря и подчиненных ему племенных вождей: «Мы от рода рускаго съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обьчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева, Искусеви Ольги княгини… Синко, Боричь, послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людей Руския земли» (Л. 11–11 об.).

По данным памятников старославянского языка, слово *сълъ* фиксируется уже в первых переводах богослужебных книг, с которыми лица, оформлявшие тексты Договора Олега, без сомнения, были знакомы[1]. По мнению исследователей, в языке этого договора отразилось также влияние древнерусского языка [Обнорский, с. 120; Ларин, с. 21]. Отсутствие слова *сълъ* в Договоре Олега можно объяснить пропусками в тексте. Это тем более вероятно, что в этом же тексте встречается производное от *сълъ* собирательное существительное *солба*: «Да егда ходим в Грекы или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустим с честью проданное рухло лодьи их» (Л. 17 об.). В Ипатьевском списке к слову *солба* дано следующее примечание: «в *солбу* зачеркнуто, над строкой новым почерком: *посольствомъ*» (Л. 14). Таким образом, можно считать достоверным, что древнерусской письменности слово *сълъ* было знакомо уже в начале X в. И такой же вид оно сохранило на протяжении двухсот лет. В Повести временных лет по списку Лаврентьевской летописи встречается только *сълъ* или *солъ*. В том же варианте употреблено это слово и в произведениях Владимира Мономаха, включенных в эту летопись.

В Ипатьевском списке ПВЛ слово *сълъ* также сохранило первоначальный вид. Однако в примечаниях к каждому такому слову дается следующее пояснение: «Слог *по* прописан над строкой новым почерком (послы, посли)» (Л. 18–18 об.). В Хлебниковском и других поздних списках представлен только вариант с префиксом *по*. Остается неясным, когда и как в древнерусской письменности утвердилась новая форма слова, которое до того употреблялось уже несколько столетий. Один из первых случаев употребления префиксального вида существительного *солъ* наряду с беспрефиксной отмечен в Киевском летописном своде Ипатьевской летописи под 1147 г. (Л. 127). Здесь зафиксированы синонимы *посолъ* и *посолникъ*: «И тако посолникъ Изяславль приѣхавъ и сказа Изяславу, оже отступила его суть. Изяславъ же посла опять посолъ свой к нимъ съ хрестьными грамотами» (Л. 128 об.). В дальнейшем *посолникъ* употребляется редко, а слово *посолъ* встречается постоянно. Его распространение в этот период, возможно, связано с канцелярией князя Изяслава Мстиславича, которому служил боярин Петр Бориславич. Этот сторонник Мстиславичей «был незаурядным писателем своего времени» [Дмитриев, с. 332]. Оставил он интересные записи как о своей службе посла, так и о деятельности некоторых представителей семейства: Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава, брата Ростислава, племянников Романа, Рюрика, Давида [Рыбаков, с. 277–306].

Литература

Дмитриев Л. А. Петр Бориславич // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. С. 329–332.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.

Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 99–120.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971.

Сергеев Ф. П. Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев, 1972.

Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. XI–XVII вв. Львов, 1978.

[1] Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1997. IV. C–V. C. 287.

А. А. Фролов (ИВИ РАН)

ФОРМИРОВАНИЕ «КОЛЛЕКЦИИ КНИГ ПОМЕСТНОГО ПРИКАЗА» – ФОНД 1209 РГАДА, ОПИСЬ [1]

В описи 1 фонда 1209 РГАДА находится основной объем писцовых, дозорных, переписных, межевых книг Русского государства, известных ныне. В Московском архиве Министерства юстиции (МАМЮ) они составляли с 1852 г. Вотчинное отделение, куда попали из Вотчинного департамента, образованного в 1786 г. для подготовки к сдаче в Архив старых дел бумаг упраздненной Вотчинной коллегии. Последняя создана в 1722 г. на месте Поместного приказа (упразднен в 1719 г.). Коллекция комплектовалась с 1626 г. до XIX в. документами как центральных, так и местных учреждений.

Современные шифры дел описи 1 присвоены в основном канцелярией МАМЮ между 1852 и 1864 г. Некоторые группы шифров отражают порядок, в котором дела пополняли архив Вотчинного департамента и предшествовавших ему учреждений. Так, М. Ю. Зенченко обнаружил, что около сотни сборников (№ 700–800) были сформированы уже после 1840 г. и «заткнули дыру» в номерах, которая образовалась в результате утрат части архива Вотчинного департамента в 1812 г. [Каталог, с. 11]. Последнее дополнение описи 1 — дела, остававшиеся в ЦГАДА неразобранными до 1984 г. и выделенные сейчас в особую часть 3. Это книги и вязки, поступившие в МАМЮ из Архива прежних вотчинных дел, куда они попали в 1840 г. [Каталог, с. 11].

В работе выясняется происхождение дел описи 1, относящихся к Новгороду[1]. Последнее включение в эту часть коллекции — 34 дела, переданные в Вотчинный департамент из Санкт-Петербургской вотчинной конторы и получившие поначалу № 16817–16850, отражающие место документа в общей нумерации книг и столбцов архива Вотчинного департамента [Самоквасов, с. 51–65]. В 1890-е годы они получили новые номера 957–988б и, соответственно, из числа дел, ныне составляющих опись 3, попали в опись 1 [Фролов]. В 1864 г. в связи с упразднением присутственных мест и судебных учреждений в МАМЮ была передана книга 1137 (части 1 и 2) [Описание документов и бумаг, с. 149–150]. Остальные дела описи 1, относящиеся к Новгороду (№ 279, 280, 282, 300–313, 455, 8543–8574, 9650), попали в состав коллекции до образования МАМЮ. Архивные дела часто являются сборниками (далее — «сб.»), объединяя несколько книг. Отсутствуют в описи № 8552, 8558.

О месте изготовления большинства книг можно судить по принадлежности первичной полистной скрепы.

Вид I. Списки со скрепой дьяков Поместного приказа. Книги группы 1 изготовлены значительно позже подлинников: перечневые книги с переписных и писцовых книг конца 1670-х и середины 1680-х годов, снятые уже в 1710-е годы (сб. 311–312), и списки с переписных книг 1640-х и 1670-х годов, снятые в конце 1680-х — 1710-х годах (сб. 8559, 8563, 8574, кн. 8564 и 8566).

Книги группы 2 современны подлинникам: все переписные книги конца 1640-х годов и несколько книг 1580-х годов — эти списки поступили в Вотчинную коллегию из Новгорода в 1738 г. (кн. 964, 980–983, сб. 966, 984, 985). Значит, соответствующие подлинники были сданы непосредственно в Поместный приказ, а новгородская администрация получила из него лишь современные подлинникам списки. К группе 2 примыкает список с книг письма и меры В. Пыжова на земли Троице-Сергиева монастыря в Новгородском уезде 1593/1594 г. (кн. 303), снятый со списка, присланного из Новгорода.

Вид II. Списки со скрепами новгородских дьяков. Списки группы 1 изготовлены вскоре после московского пожара 1626 г. (кн. 302, 304, 8543–8546, 8548, 8550, 8556, 9650, сб. 301, 968, 8549, 8553, 8555), их появление в Поместном приказе связывается в основном с восстановлением его архива по документам местных учреждений. Но сб. 968 оставался в Новгороде до 1738 г., значит, либо вместо включенных в него книг Москва получила их подлинники, либо списки сделаны для внутренних потребностей Новгородской приказной избы. Списки группы 2 созданы раньше (сб. 967, кн. 973), а списки группы 3 — гораздо позже 1626 г. (кн. 988, 8547), и с восстановлением столичного архива их изготовление не связано.

Вид III. Списки со скрепой дьяка Новгородской чети: книги дворцовых земель, отправленные из Москвы в Новгород, откуда только в 1738 г. они были вывезены в Санкт-Петербург (кн. 971, сб. 977).

Вид IV. Списки со скрепами дьяков приказа Большого Дворца: описания дворцовых земель, переплетенные в сборник 8549. Среди них есть список с книги Ф. Маврина. Копия XVIII в. с той же книги (кн. 758) содержит помету о присылке в приказ Большого дворца его протографа, списка со скрепой дьяка Ф. Арцыбашева из Новгородского дворцового приказа, то есть из Новгорода.

Вид V. Книги со скрепами самих писцов (кн. 307, 957, 959–964, 988а, 988б, 8568–8570, сб. 313, 958, 967, 968, 978, 984, 8557, 8567). Изучение их происхождения требует анализа дополнительных источников, но некоторые из них определенно использовались в Новгороде (900-е номера).

Некоторые из дел вида V могли быть связаны непосредственно с делопроизводством Поместного приказа, но рассмотрение архивной судьбы комплекса новгородских книг описи 1 показало, что в основном это книги из других учреждений, прежде всего — новгородских.

Литература

Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2004. Вып. 2.
Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. Отд. II.
Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1.
Фролов А. А. Писцовые книги по Новгородской земле: коллекция Поместного приказа, ф. 1209 РГАДА, опись 3 // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. (в печати)

[1] Данные о датировках подлинных книг, а также о датировках и атрибуциях полистных скреп списков заимствованы из книги: [Каталог] — с корректировками и дополнениями.

О. И. Хоруженко (ИРИ РАН)

РУМЯНЦЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ РОДОСЛОВНЫХ КНИГ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Два списка родословных книг, Румянцевский I и Академический X, были выделены М. Е. Бычковой в отдельную Румянцевскую редакцию (далее — Рум. ред.); она же предложила этой редакции название (по наиболее полному из известных ей списку) и определила характерные текстологические признаки.

Родословные росписи Рум. ред. содержат вполне явные, но противоречивые хронологические указания на время ее составления. Одни из них указывают на 40-е годы XVI в., другие — на самый конец столетия. Этой особенности текста Рум. ред. в литературе сформулировано два возможных объяснения. А. Х. Востоков полагал, что Румянцевский I список представляет собой сборник, в который включены как росписи, составленные в 40-е годы, так и росписи конца XVI в. [Востоков, с. 487–490]. М. Е. Бычкова считала, что Рум. ред. в полном своем составе возникла в 40-е годы, но некоторые росписи пополнялись и перерабатывались до конца XVI в., а некоторые были оставлены без изменений в своем первоначальном виде [Бычкова, с. 36; Новые родословные книги, с. 9]. Обе версии, и А. Х. Востокова, и М. Е. Бычковой, вполне объясняют хронологические противоречия текста, однако они должным образом не аргументированы. Признаки переработки отдельных росписей (согласно М. Е. Бычковой, это, в первую очередь, изменение последовательности перечисления имен) исследовательницей указаны не были. В свое время и А. Х. Востоков не указал, какие именно росписи в составе Рум. ред. он считал ранними, а какие поздними.

В историографии утвердилась датировка Рум. ред. 1540-ми годами. Как правило, авторы именно так датируют все росписи Рум. ред., на которые они ссылаются, без тех существенных оговорок, которые следуют из наблюдений А. Х. Востокова и М. Е. Бычковой.

Концепт Рум. ред. требует переосмысления ряда уже утвердившихся в историографии представлений, восходящих к работам Н. П. Лихачева. Согласно предлагаемой этим исследователем версии, Государев родословец (Редакция в 43 главы), который он датировал 1555 г., стал основой для Редакции в 43 главы с приписными. Последняя возникла после того, как к 43 главам Государева родословца присоединились дополнительные «приписные» главы. Эта схема сама по себе не проясняет вопроса об источнике «приписных» глав. Но Рум. ред. добавляет вопросов к схеме Н. П. Лихачева. Ведь в составе более ранней, чем Государев родословец, Рум. ред. 33 главы, «которые входят и в Редакцию в 43 главы и в Редакцию в 43 главы с приписными, а 11 — к приписным, т. е. к тем, которые записаны после первых 43 глав, общих для обеих редакций» [Бычкова, с. 34–35]. Очевидно, все три редакции родословных книг находятся в более сложном текстологическом соотношении, чем это представлялось раньше в свете работ Н. П. Лихачева.

Достаточно очевидна текстологическая связь Рум. ред. с краткими родословными подборками, входящими в исторические сборники типа предшествующего Воскресенской летописи, дополняющего Типографскую летопись, Архангельского сборника Д. 193 и т. д. Однако соотношение Рум. ред. с данными родословными материалами требует специального изучения. Выявление и систематизация родословий в исторических сборниках этого круга, несомненно, более ранних, чем родословия Летописной и Румянцевской редакций, являются и самостоятельной научной задачей.

Актуальным представляется новое издание Рум. ред., отвечающее современным археографическим стандартам. Принципы передачи текста в публикации 1977 г. соответствовали, как и было объявлено автором публикации М. Е. Бычковой, «общепринятым правилам издания исторических документов» [Новые родословные книги, с. 10], но были продиктованы техническими моментами, связанными с ротапринтным способом воспроизведения. Текст Академического X списка в публикации 1977 г. представлен выборочно. «В главе Воронцовых и Вельяминовых в Академическом X есть роспись Башмаковых и Истленьевых, отсутствующая в Румянцевском I» [Бычкова, с. 38], но эти росписи в публикации воспроизведены не были. Детализация описания списков по сравнению с последующими публикациями исторических источников была невысокой: отсутствовали, в частности, кодикологическое и палеографическое описания рукописей. В этом смысле публикация, действительно, была вполне типичной для археографических практик 70-х годов XX в., но вряд ли может удовлетворить современным археографическим требованиям.

Поскольку оба списка Рум. ред., использованные в публикации 1977 г., дефектны, в новой публикации следует привлечь списки, оставшиеся без внимания при ее подготовке, в частности вполне исправный и полный Уваровский VIII, чья принадлежность к одной редакции с Румянцевским I была установлена И. П. Сахаровым еще в 1839 г. [Сахаров, с. 24].

Литература

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. 215 с.
Востоков А. [Х]. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
Новые родословные книги XVI в. / подгот. к печ. М. Е. Бычкова // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 3–186.
[Сахаров И. П.] Каталог рукописей библиотеки И. П. Сахарова: 183 рукописи. СПб., 1839.

А. Н. Хохлов (ИА РАН)

ДРЕВНЯЯ ТВЕРЬ: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОГЕННОГО ЛАНДШАФТА И ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Материалы, полученные в результате широкомасштабных археологических исследований последних лет в Твери[1], позволили рассмотреть вопрос формирования антропогенного ландшафта и городской территории.

Антропогенное освоение участков речных долин при впадении в Волгу рек Тверцы и Тьмаки началось еще в эпоху каменного века. Под отложениями II тыс. в Твери выявлено более десяти стоянок эпох мезолита, неолита и бронзы, которые появились на берегах этих рек в климатических условиях, значительно отличавшихся от климата начала II тыс., в ландшафте, находившемся в стадии активной эволюции, в том числе изменении гидрологии. Основу преимущественно присваивающего хозяйства составляли охота и рыболовство. Хозяйственная деятельность в это время, вероятно, не могла привести к значительным изменениям природных ландшафтов.

Изменения, по-видимому, начались в эпоху раннего железного века, когда в системе хозяйства производящий сегмент (скотоводство и огородничество) стал играть ведущую роль наряду с рыболовством и охотой. Именно в этот период на рассматриваемой территории начал формироваться ландшафт, испытавший все возрастающее с течением времени антропогенное воздействие, в том числе и в результате постоянной агрокультурной деятельности населения. В конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. как на участках кремлевского мыса, так и в Затьмачье располагались поселения раннего железного века, которые выделяются по лепной керамике с характерным, в том числе и сетчатым, оформлением поверхности.

Антропогенное освоение речных долин продолжалось во второй половине — конце I тыс. н. э. Поселение этого времени с гладкостенной лепной керамикой, выявленное на Соборной площади Твери, было приурочено к южному склону Спасского холма. Ранние радиоуглеродные даты дали также образцы из шурфов на северном пологом склоне к Волге. В раскопе № 23 на мысу при впадении р. Тьмаки в р. Волгу А. А. Гольевой выявлено несколько горизонтов погребенной почвы. Нижний представляет собой древнюю пашню. Выше залегал почвенный горизонт, сформировавшийся в результате огородной деятельности. С этими почвенными горизонтами связаны образцы, калиброванные радиоуглеродные даты (Ki-18532 и Ki-18538) которых при 68,2 % вероятности укладываются в диапазоны 776–900, 922–949 и 899–924, 945–1015 г. По образцам тонких жердей со следами обработки получены калиброванные даты (Ki-18093 и Ki-18528), которые при 68,2 % вероятности укладываются в диапазоны 776–900, 922–949 и 782–787, 878–990 г. Их суммарный интервал, вероятно, датирует период длительной распашки поля на исследованном участке. Однако постройки поселения, угодья которого возделывались не позднее последней четверти — рубежа I и II тыс., на тьмацком мысу пока не обнаружены. Более поздние даты (Ki-18381 и Ki-18471) при 68,2 % вероятности — 905–916, 967–1047, 1090–1122, 1139–1148 и 1032–1058, 1074–1154 г. — вероятно, связаны с изменением агрокультурного типа освоения территории — переводом участка под огороды.

Культурный слой и хозяйственные комплексы неукрепленного поселения X–XI в. выявлены на берегу Волги в Затверечье. Среди находок — раннегончарные сосуды, до придонной части тулова покрытые небрежной линией, фрагменты бронзовых изделий. Считать это неукрепленное поселение, исчезающее к XII в., непосредственным предшественником города не представляется возможным по ряду причин (незначительный по площади и мощности культурный слой, невысокая концентрация находок, хронологический разрыв между культурным слоем раннего поселения и вышележащим слоем городского посада). Подобные же неукрепленные поселения, которые не являлись, вероятно, составной частью города, но располагались поблизости от него, существовали в XII и XIII в. в Затьмачье, между церквями Бориса и Глеба и Иоанна Предтечи, и в Загородье, на месте Архангельского монастыря. Скопления неукрепленных сельских поселений на берегах Волги, Тьмаки, Тверцы, Тьмы, которые маркируются курганными группами XI–XII в., известны в ближней (в радиусе 10–15 км) и дальней (20–50 км) округе Твери. Эти поселения являлись экономической базой, обеспечивающей существование и развитие нового города. Усилиями населения этих сел и деревень природный ландшафт речных долин в значительной мере трансформировался в вырубки и сельскохозяйственные угодья.

В раскопе № 23 на мысу при впадении Тьмаки в Волгу культурный слой, содержащий значительное количество находок, неразрывно связанный с вышележащим городским слоем, начал откладываться уже на рубеже XI–XII — в первой половине XII в. Древнейшая дубовая городская крепостная стена «гаковой» конструкции была сооружена не позднее середины XII в. Рядом с ней располагалась плотная городская застройка: постройки, частоколы, вымостки. На основании данных дендрохронологии две постройки датированы 1149 и 1150 г., ниже залегали более ранние постройки. Древнейший культурный слой не содержал стеклянных браслетов, которые массово встречаются выше, вероятно, с 60–70-х годов XII в.

После разрушения дубовых укреплений была построена стена, сгоревшая в 1238 г. На ее месте было возведено оборонительное сооружение из сосновых полусрубов. Строительство крепостной стены обусловило концентрацию населения, увеличение плотности застройки и полностью изменило существовавший природный ландшафт.

Раскопками выявлены остатки белокаменного Спасо-Преображенского собора 1285 г., украшенного резьбой и фресковой росписью. На его месте найдены остатки некрополя XII–XIII в., захоронения которого были связаны с деревянной церковью Козьмы и Демьяна. Рядом обнаружен слой и комплексы второй половины XII — XIII в., в том числе постройка XII в. К востоку от собора, у б. Реального училища, исследованы постройки, частоколы, вымостки, материковые ямы этого же времени. Среди находок — печать тверского князя Ярослава Ярославича, который в 1272 г. был похоронен в церкви Козьмы и Демьяна. В числе наиболее ранних твердо датируемых

[1] Работы проводились Самбийской экспедицией ИА РАН (руководитель А. Н. Хохлов) совместно с Тверским научно-исследовательским историко-археологическим и реставрационным центром (ТНИИР-Центром). Руководители раскопов — д.и.н. Л. А. Беляев, И. А. Сафарова, А. Б. Иванова, С. А. Кунгурцева, М. Е. Нестерова. Приношу им свою благодарность за предоставленную возможность использовать в работе новые материалы.

находок участка следует отметить вислую свинцовую печать Ростислава Мстиславича Смоленского (на княжении в Великом Новгороде в 1154 и 1157–1158 г.). Для раннего культурного слоя в центральной, северной, южной частях кремля также характерно отсутствие стеклянных браслетов. Получены радиоуглеродные даты, которые не выходят за рубеж XII–XIII в.

Напротив крепости, в Затьмачье выявлены остатки построек, культурный слой, находки XII – начала XIII в., среди которых две вислые княжеские печати домонгольского времени, в том числе Святослава Ростиславича (1158–1160, 1161–1167 г.). Радиоуглеродные даты подтверждают существование здесь поселения уже в XII в., его культурный слой вплоть до XIX в. накапливался без хронологических лакун.

Таким образом, на территории кремлевского мыса и в Затьмачье выявлены культурный слой, который начал формироваться в начале – первой половине XII в., плотная застройка (в том числе и постройки 1149–1150 г.), дубовая городская оборонительная стена. С этого времени антропогенный ландшафт на участках речных долин при впадении в Волгу Тьмаки и Тверцы преобладает над природным ландшафтом. Не позднее чем со второй четверти – середины XII в. здесь начинается формирование городской территории, которая вскоре распространяется в Загородье и Затьмачье. Уже на этой стадии развития поселение имеет трехчленную структуру. В XV–XVI в. в состав территории Твери входили крепость (собственно город), Загородский, Затьмацкий, Заволжский и Затверецкий посады, включенные в них слободы и монастыри на посадской земле.

Р. П. Храпачевский (Центр по изучению военной и общей истории)

ПОЛОВЕЦКАЯ ПЕРИФЕРИЯ БУЛГАРА И РУСИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД БАТЫЕВА НАШЕСТВИЯ

Связи булгарской периферии с Монголией образуются в середине XI в., когда Волго-Уральского междуречья достигает волна переселенцев с маньчжурской границы. Это было движение татарской (*изубуской*) племенной конфедерации, разбитой киданями около 1000 г. По сообщению Янь Фу (1299 г.), они прибыли в место, что «омывается двумя реками, левая называется Я-и (*Яик*), а правая называется Е-дэ-ли (*Идэль*)... после чего установили порядок и поселились там, дав собственное наименование – Кипчак»[1]. Юй Цзи (1329 г.), биограф ханов этих переселенцев, пишет: «Кун-йан был тот, кто дал наименование их государству, назвав его Кипчак, и стал их владетелем»[2]. Имя первопредка указывает на родовое название этих «кипчаков» – *кун*, сохранившееся и сейчас у венгерских половцев-кунов.

Внук Кун-йана Инасы (род. ок. 1130 г.) сильно укрепил орду половцев-кунов. В 1208 г. к нему бежал хан меркитов Худу с остатками своих людей. Чингисхан в 1209 г. потребовал их вернуть, но получил от Инасы отказ. Это было завязкой будущей войны монголов с кипчаками. В 1216 г. Субэдэй был отправлен на покарание меркитов и кипчаков, но, столкнувшись в казахских степях с армией хорезмшаха, вынужден был отойти, не дойдя до орды Инасы и его потомков.

В 1222 г. монголы корпуса Чжэбэ и Субэдэя встречаются на Кавказе с местными кипчаками, часть которых переходит на их сторону. После рейда в Крым и южнорусские степи и победы на Калке над половецко-русским войском они возвращаются обратно через пределы Булгара, где терпят крупное поражение. Но, судя по докладу Субэдэя каану, часть этих кипчаков сохранилась и вместе с другими кипчакскими и тюркскими племенами в 1225–1226 г. вошла в состав войск Субэдэя[3]. В 1227–1229 г. этот корпус Субэдэя находится на границах Булгара. Независимо русские и арабские источники под 1228/1229 г. сообщают о расколе половецких орд на булгарской периферии и переходе части родов к монголам[4], а Лаврентьевская летопись прямо указывает на действия монголов, направленные на ослабление Булгара, причем именно в Волго-Уральском междуречье[5]. Сведения из *шежере* Тутука, правнука Инасы, сохраненные в китайских источниках, говорят о том же.

Осенью 1229 г. Субэдэй был отозван в Монголию, и сменивший его Кокошай не смог удержать лояльность кипчаков: в 1229/1230 г., сообщает Ибн Васил, «вспыхнуло пламя войны между Татарами и Кипчаками»[6], а в 1233 г. в Каракоруме Пэн Да-я узнает от монголов о кипчаках, что «вначале они подчинились, а потом взбунтовались, бежали в теснины и за реки, чтобы там сопротивляться... государство кибчак излишне воинственно. Если не прибить искры их сопротивления, то черные татары поимеют достаточно горя от степного пожара. Они [кипчаки] как раз те, с кем татары непременно будут вести борьбу»[7]. Так и случилось: на курултаях 1234 и 1235 г. было решено отправить на помощь корпусу Кокошая и войскам улуса Джучи общеимперскую армию. Этот поход, под командованием Бату, сами монголы назвали «Кипчакским»[8].

Успеху похода способствовала междоусобица в сильнейшей половецкой орде за Волгой. Это не только раздробило ее силы, но и усилило монголов, так как часть кипчаков перешла к ним – по сообщению *шежере* Тутука, в свои последние годы Инасы, доживший до очень преклонных лет, фактически не правил, а его наследники

[1] 閻復 文集 // 全元文，冊 9 / Янь Фу. Вэньцзи // Полное собрание юаньских текстов. Нанкин, 1999. Т. 9. «Цзянсу вэньцзи чубаньшэ». С. 265.

[2] 虞集 全文 // 全元文，冊 27 / Юй Цзи. Цюаньвэнь // Полное собрание юаньских текстов. Нанкин, 2004. Т. 27. «Фэнхуан чубаньшэ». С. 229.

[3] 元史，中華書局出版，北京 / Юань ши. Пекин, 1997. «Чжунхуа шуцзюй чубань». С. 2976.

[4] Ан-Нувейри и Ибн Халдун (Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. С. 240–241).

[5] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453.

[6] Золотая Орда в источниках. С. 50.

[7] 黑韃事略 // 海寧王靜安先生遺書，冊 37 / Хэй-да ши-люэ (Краткие известия о черных татарах) // Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина. Чанша, 1940. Т. 37. С. 25а.

[8] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.–Л., 1941. С. 192.

устроили соперничество, которое после смерти Инасы вылилось в кровавую смуту[9]. Юй Цзи сообщает, что еще до подхода общеимперской армии Урусман, сын Инасы, подчинился Угэдэю. Юй Цзи и Янь Фу дают точную дату, когда корпус Мэнгу-каана вошел в его земли и к нему присоединился с войском сын Урусмана Балдучак, — 1237 г. Балдучак и его люди участвовали во взятии столицы аланов Магаса в 1239/1240 г. в составе войск Мэнгу[10]. Другим важным фактором успеха была разведка, ее силу иллюстрирует брат Юлиан — в 1237 г. великий князь Юрий Всеволодович рассказал ему о множестве монгольских «послов», фактически шпионов, проходивших через княжество, а сам Юлиан встретил одного такого «посла», владевшего 5 языками, в том числе русским и кипчакским[11].

Взгляд монгольских ханов на походы против Булгара и Руси связан с их пониманием отношений последних с половцами. Для монголов в этом смысле определяющими были события рейда Чжэбэ — Субэдэя — и булгары и русские, с точки зрения монголов, оказались сюзеренами половцев, то есть несли за них ответственность. Для монголов сражения на Калке и на обратном пути через Булгар были тому подтверждениями. Так что окончательной расправе над половцами должен был предшествовать удар по их сюзеренам, что было очевидным шагом с точки зрения монгольской стратегии. Поэтому любое рассмотрение похода Бату в Восточную Европу должно в полной мере учитывать и кипчакско-половецкий фактор.

[9] 虞集 全文 // 全元文，冊 27 / Юй Цзи. Цюаньвэнь. С. 229; 元史，中華書局出版，北京 / Юань ши. С. 3131.
[10] Там же.
[11] *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе // ИА. М.; Л., 1940. Т. III. С. 80, 89.

В. В. Хухарев (ИА РАН)

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ

Археологические раскопки, а также находки последних лет дали целый ряд образцов предметов личного благочестия русского Средневековья, требующих внимательного изучения и публикации. Некоторые из них связаны с некрополями, другие происходят из культурного слоя. При этом надо отметить, что большая часть новых находок представляет собой серии однотипных образцов массовой продукции ремесленников, хорошо определяемые по сводным публикациям русских древностей.

В основном это нательные и наперсные кресты, относимые к «христианским древностям шестого поколения», датируемого А. Е. Мусиным в рамках 1375—1550 г. [Мусин] и отличающегося иконографией с активным использованием богословской тематики и изображением целого ряда святых, не встречаемых ранее. Среди них и св. преп. Сергий Радонежский — основатель Троице-Сергиевого монастыря и духовный наставник московских князей. В 1449—1450 г. его имя уже стоит в общерусском списке русских святых. А в 1463 г. в Великом Новгороде была воздвигнута первая церковь во имя преп. Сергия. Это свидетельствует, что его почитание приобрело широкие масштабы, найдя выражение в активном книжном прославлении святого и освящении престолов храмов в его честь, а также в активном появлении образов святого в иконописи, шитье, предметах личного благочестия на дереве, кости и металле.

Рассмотрению последних посвящена эта работа, а привлекаемые находки зафиксированы при археологических исследованиях и в подъемных материалах из Твери, Калуги, Старой Рязани, Звенигорода, Тулы и Москвы и их округах.

Среди этой представительной выборки можно выделять 14 групп крестов с изображением св. преп. Сергия Радонежского. Это не менее 5 типов крестов-тельников и 9 типов наперсных крестов (5 из них кресты-мощевики), датируются они в рамках второй половины XV — середины XVII в.

Вопрос о местах создания крестов с изображением Сергия Радонежского остается открытым. Версия об изготовлении их в мастерской при одном из многочисленных монастырей Московского государства требует сбора дополнительных сведений и аргументации с подтверждением находками форм и бракованных экземпляров с мест. Фиксируемая топография известных находок и остатки с производственным браком пока позволяют говорить о существовании их тверского производства.

Анализ средневековых меднолитых предметов личного благочестия с изображением св. преп. Сергия Радонежского показывает, что выявленные меднолитые кресты в основном датируются второй половиной XV — серединой XVII в. Изображения преподобного в рамках отмеченного периода прошли эволюционный путь развития от полуфигур в группе избранных святых (иногда в паре с преп. Никоном Радонежским или Параскевой Пятницей) до одного из предстоящих святителю Николаю Мирликийскому, а потом и ростовой фигуры, иногда и со своими предстоящими по сторонам (св. первомуч. Стефаном и свт. Николаем). Отметим также, что изменения в иконографии св. преп. Сергия, похоже, не были линейным процессом, с резкой сменой одного извода другим.

В распространении почитания св. преп. Сергия Радонежского большую роль сыграла деятельность Троице-Сергиевой лавры. Рост популярности паломничества туда скорее всего и объясняет широкое территориальное распространение находок крестов-энколпиев и крестов-тельников с изображением св. Сергия. Возможно, место их производства (копирования) было налажено не только в Москве и Твери, но и в других городах.

Появление изображений святого в шитье, иконописи, резьбе по кости и на такой массовой продукции, как меднолитые предметы личного благочестия, явилось следствием становления его почитания, которое началось после обретения мощей преподобного в 1422 г., а с середины XV в. приобрело общерусский характер.

Литература

Мусин Е. А. Христианские древности XI—XIV вв. (проблема развития и региональные особенности) // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций. Тезисы докладов. М., 2000. С. 99—102.

Д. О. Цыпкин (СПбГУ, РНБ)

РУКОПИСНЫЕ КАЛЛИГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПИСЬМА ДРЕВНЕЙ РУСИ

К проблеме изучения древнерусских каллиграфических пособий нам уже приходилось обращаться. В настоящем докладе вновь рассматриваются две рукописи из петербургских собраний: «Азбука фряская» 1604 г. из коллекции Научно-исторического архива СПбИИ РАН (Ф. 115. № 160) и Азбука 1678 г., хранящаяся в Отделе рукописей РНБ (F.XIII.5). Оба памятника, первый из которых (в основной своей части) выполнен Ф. С. Басовым, а второй — С. Ф. Кириаковым, являются интересными образцами таких пособий. Они относятся к группе «азбук фряских». Рукопись 1604 г. — одно из двух наиболее ранних древнерусских каллиграфических пособий. Она предназначена для профессионалов и представляет собой собрание образцов для производства различных объектов, содержащих письмо: книг, документов, предметов прикладного искусства. «Шрифтовая графика» в Азбуке дана как в виде письма, так и в рисованной форме. Азбука РНБ принадлежала молодому князю С. В. Ромодановскому. Она сочетает в себе функции учебника письма и своеобразного справочника по оформлению документов и рукописных книг. В рукописи непосредственно отобразился процесс обучения юного князя, а сам памятник отражает представления о составе письма, соответствующие требованиям образования представителя элиты конца XVII в. Наши азбуки хронологически и функционально представляют собой два полюса традиции древнерусских каллиграфических пособий. Они позволяют оценить потенциал этой традиции в изучении *индивидуального письма*.

«Азбука фряская» 1604 г. отражает систему индивидуального письма писца-профессионала, которая может быть выражена в следующей схеме. *Индивидуальное письмо* включает в себя *профессиональное письмо* и *обычное письмо*. *Профессиональное письмо* состоит из двух типов: *книжное письмо* и *скоропись*. В свою очередь, *книжное письмо* подразделяется на «подтипы»: *литургическое*, *ординарное* и *беглое письмо*. При этом *ординарное* имеет несколько *типовых реализаций*. Что касается *обычного письма* Басова, то в его основе лежало *беглое книжное письмо*. Азбука показывает, что в сознании древнерусского писца-профессионала существовала разработанная типология письма (основанная на его графико-инструментальных особенностях).

Представленная в Азбуке 1604 г. система соотносится с тем, что сообщают древнерусские тексты, посвященные письму (например, из Сборника Ионы Соловецкого). В связи с этим подчеркнем, что в древнерусской традиции речь идет только о двух *типах письма*: «книжное письмо» (или «устав») и «скоропись». Здесь отсутствует «полуустав» как самостоятельная категория. Разделение письма на «устав» («уставное письмо») и «скоропись» («скорописное письмо») фиксируется начиная с 1540-х годов и прослеживается, включая тексты, отражающие традицию обучения письму, вплоть до Букваря Кариона Истомина (1694 г.) и «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова (1724 г.). Относительно понятия «полуустав» отметим, что его употребление в древнерусских текстах в качестве характеристики письма (известно с 1630-х годов) не системно и не соответствует современному пониманию *типа письма*.

Азбука С. В. Ромодановского содержит в себе как каллиграфические примеры (*образцы обучения*), так и *обычное письмо* Кириакова, а также письмо самого князя в процессе обучения и после него. Последнее указывает на существование установки на формирование у ученика «двутипного» письма (*книжного* и *скорописного*). Можно предположить, что в рамках «хорошего образования» в XVII в. предполагалась выработка как минимум двух разнотипных *манер* письма.

Азбука РНБ дополняет картину Азбуки СПбИИ РАН. Так, в рукописи Ромодановского мы видим более развитую систему скорописного письма. В системе скорописи присутствует как *обычное*, так и *профессиональное письмо*. *Профессиональное письмо* включает «*парадную*» *актовую скоропись* и *стилизованную скоропись*. При этом оба «подтипа» представлены различными *вариациями размера письма*. Обычное письмо и Кириакова, и Ромодановского в рукописи F.XIII.5 — это также скоропись. Однако материал обеих азбук нельзя смешивать. У них более чем семидесятилетний разрыв во времени создания и различия в функциях: одна — свод образцов для мастера-профессионала, другая предназначена для обучения молодого аристократа.

Рукопись РНБ наглядно представляет модель: *учитель — образец обучения — ученик*. Значение источников такого рода становится понятным, если представить схему формирования графики и техники индивидуального письма (на уровне *манеры*). Такая схема отражает *систему уровневой организации саморегуляции письменной графики* (основу связи массовых процессов в письме, традиционно наблюдаемых палеографией/неографией, с его психофизиологией): **I)** ***уровень*** *письменной* ***традиции*** (включая этикетные нормы, функциональные требования к письму и т. п.); **II)** ***уровень образцов*** *обучения и/или подражания*; **III)** ***уровень модели***; **IV)** ***уровень*** *двигательной* ***реализации*** *письма*. При этом III и IV уровни являются взаимовлияющими, так же как и IV с I. Наша Азбука и аналогичные ей памятники позволяют наблюдать эту систему на материале древнерусских рукописей.

О. В. Чадаева (Университет им. Палацкого, Оломоуц)

КОСМОС И ПРИРОДА В БОГОСЛОВСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XVII в.: «ЗЕРЦАЛО БОГОСЛОВИЯ» КИРИЛЛА ТРАНКВИЛЛИОНА-СТАВРОВЕЦКОГО И «ВЕНЕЦ ВЕРЫ» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Вплоть до XVII в. в восточнославянской традиции не было практики составления катехизических сочинений. Одной из первых попыток систематизации православного вероучения на православной почве было «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, изданное в 1618 г. в Почаеве. Как и на другие сочинения автора, на книгу был наложен запрет распространения, конфискованные произведения были преданы огню, а Кирилл Транквиллион-

Ставровецкий присоединился к униатам. Попытки составления учебно-справочных пособий веры, однако, продолжались, так, появляются богословские сочинения Лаврентия Зизания, Петра Могилы, Иннокентия Гизеля, а в 1670 г. Симеон Полоцкий заканчивает свой компендиум «Венец веры кафолическия», который, впрочем, так и не был напечатан, а на Московском соборе 1690 г. был запрещен [Корзо, с. 138].

Примечательно, что как в «Зерцале богословия», так и в «Венце веры кафолическия» выделены отдельные разделы, рассматривающие космологические и натурфилософские вопросы. Транквиллион-Ставровецкий в предисловии отмечает, что человек должен сосредоточиться на познании Творца, себя самого и видимого мира, созданного Богом в качестве жилища для человека. Симеон Полоцкий в «Венец веры» включает космологическую и натурфилософскую части, подводя логическую связь к космологической вставке с помощью формулировки из «Символа веры» о Боге как «Творце неба и земли, видимым же всем и невидимым». Примечательно, что автор «Зерцала» следует модели Бог — человек — мир, тогда как Симеон Полоцкий исходит из модели архетипос — макрокосм — микрокосм.

Подходы к описанию мироздания в двух анализируемых памятниках разительно различаются. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий строит описание мироздания на пифагорейском учении о четырех стихиях, подробно рассматривая каждую из них (каждой стихии посвящена отдельная глава), и исходит из утверждения, что весь видимый мир сотворен с целью служить идеальным вместилищем для человека. Источниками для описания его картины мира служат как святоотеческие труды (упоминается Василий Великий и Иоанн Дамаскин), так и апокрифы, в частности книга Еноха, откуда автор «Зерцала» почерпнул теорию разделения света на части, из которых на солнце и луну приходится одна седьмая (Ен 15: 28; РГБ. Ф. 173/III. Л. 61). Вопрос формы Земли не является предметом отдельной рефлексии, автор лишь упоминает о разных представлениях (плоскость, шар), но в самом описании, в метафорике можно отметить сильное влияние плоскостно-комарной модели мира, неба как крыши мира-дома.

Симеон Полоцкий в «Венце веры» отталкивается от уже готовой аристотелевско-схоластической модели, заимствуя ее в первую очередь из средневекового учебника «Compendium theologicae veritatis» Гуго Рипелина из Страсбурга [Чадаева]. В «Венце веры» приводится описание геоцентрической картины мира, перечисляются планетарные сферы, приводятся расстояния от Земли до конкретных сфер. Данная система является одновременно подвижной и статичной: постоянное движение обеспечивают небесные сферы, Земля является неподвижным центром мироздания. Положение человека в данной модели несколько иное, чем в представлении Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого: несмотря на повторяющееся утверждение о том, что все творение совершилось «человека ради», автор проводит мысль о деятельной роли человека, который должен как активно познавать макрокосм, будучи «царем мира нижшаго», так и творить (ГИМ. Син. 286. Л. 49 об.).

Идеи о необходимости познания мира созвучны у обоих авторов, но в «Зерцале» мы не найдем «научного» подхода к познанию — измерений, систематизации и структурирования представлений о мире. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий сосредотачивается на взаимодействии всех элементов бытия и на роли человека в познании этого взаимодействия, отмечая, однако, ограниченность возможностей человека, которому не дано проникнуть в небесные тайны. Симеон Полоцкий, напротив, значительно расширяет представление о сфере познаваемого, опираясь как на западные богословские источники, так и на естественнонаучные латинские трактаты.

«Зерцало богословия» и «Венец веры кафолическия» были написаны с разницей в 50 лет, и на примере этих двух сочинений можно проследить, как менялось восприятие проблемы познаваемости мира и подхода к описанию мироздания в среде восточнославянских книжников. Понятие гармонии заменяется понятием системы, на смену созерцательному подходу приходит деятельный познавательный интерес.

Литература

Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.

Чадаева О. В. Космос как теологическая проблема: к вопросу о «Венце веры кафолическия» Симеона Полоцкого // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 140–150.

С. Б. Чебаненко (СПбГУ)

ИСТЦЫ, СОПРИСЯЖНИКИ, ПОСЛУХИ НА ДРЕВНЕРУССКОМ ПРОЦЕССЕ (XI–XIII в.)[1]

Предметом нашего рассмотрения является вопрос о соотношении позиций древнерусских «истцов» (то есть истцов и ответчиков) и послухов (соприсяжников) в ходе судебных и досудебных разбирательств, а именно — могли ли «истцы» на процессе выступать в роли послухов, выходя вместе с ними на присягу или выполняя другие процессуальные действия.

Многие памятники европейского средневекового права указывают, что в делах определенного рода истец или ответчик присягают вместе с некоторым количеством лиц (3, 6, 9, 12 и т. д.), как правило, представляющих их сторону[2].

Здесь подразумевается действие архаичного института соприсяжничества, когда истец или ответчик и лица, удостоверяющие их правоту или добропорядочность, вместе участвуют в одной процедуре. Особое значение имеет количество присягающих. Широко распространенным было участие в разбирательствах 12 человек, выступавших в том или ином качестве. Эти 12 человек могли быть представителями одной или обеих сторон, это могли быть люди,

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект № 5.38.265.2015.

[2] См., например: Салическая правда. М., 1950. С. 65–66; Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 742–745, 747; *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 32, 59; Из истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 120–162, 176–275, 285–305. Подборку примеров для славянских народов также см.: [Васильев, с. 43–48].

независимо рассматривающие спор, и т. д. Также различалось положение присягающих истца или ответчика по отношению к другим участникам процедуры: они или входили в число 12, или добавлялись к этим 12, и общее число присягающих, таким образом, было 13.

Русские средневековые памятники в целом указывают, что на процессе действия истцов и ответчиков отделялись от действий их представителей. Ст. 15 Краткой Правды об изводе «пред 12 человека»[3] обычно понимается так, что тяжущиеся не входили в число этих 12, тем не менее ряд исследователей допускает, что истец или ответчик участвовали в одних и тех же процессуальных действиях вместе с ними. Но уже ст. 47 Пространной Правды, очевидно связанная со ст. 15 Краткой Правды, вместо 12 человек говорит о послухах (без уточнения их количества), которые идут на «роту», в то время как сами тяжущиеся — нет[4]. Схожая картина, но с упоминанием 12 послухов, в ст. 10 договора Новгорода с Готским берегом 1189–1199 г.[5] Ст. 18 Пространной Правды, говорящая об очистительной присяге 7 послухов при поклепном обвинении в убийстве, не позволяет уверенно ответить на интересующий нас вопрос — присягал ли на суде ответчик вместе со своими послухами, или нет[6]. Другие статьи Краткой и Пространной редакций Правды не содержат бесспорных указаний на то, что истцы вместе с послухами участвовали в процедуре присяги. Из обращения к данным Пространной Правды складывается впечатление, что на княжеском суде истец и ответчик должны выступать отдельно от своих представителей: или они сами идут на роту, или участвуют в ордалиях, или же на роту с их стороны идут только послухи (или свидетели).

Граффито о сделке купли-продажи «Бояней земли» с участием ее заверителей-послухов (потенциальных участников разбирательств в случае спора)[7], а также граффито из Галича о вынесенном судебном решении с перечислением участников суда [Гиппиус, с. 56] указывают на 12 или 6 послухов. Но и здесь в их число не входят ни участники сделки, ни тяжущиеся стороны, послухи отделяются от тяжущихся. Но, строго говоря, вопрос о возможности присяги участников судебных споров вместе с послухами остается открытым.

Псковская судная грамота упоминает «вольную роту»[8], которая может быть определена как очистительная присяга, в которой ответчик не участвует [Алексеев, с. 69–70]. В ряде статей грамоты стороны конфликта обращаются к содействию 4–5 человек, которые свидетельствуют на их стороне[9], соответственно, одна сторона представлена 5 или 6 людьми[10]. Однако суд разделяет истца и ответчика и их представителей: вместе на присягу они не ходят. Возможно, вне официального суда участники споров могли принимать участие в некоторых процедурах вместе с послухами в пропорции «сам-шестой» или «сам-пятый». В этом смысле можно понимать и данные берестяной грамоты № 548 (середина XII — начало XIII в.), где упомянуты владелец имущества и пять его представителей в споре о «поклаже»[11].

На заявленный в начале сообщения вопрос — могли ли истцы совместно с послухами участвовать в определенных судебных процедурах — на данный момент сложно дать окончательный ответ. Материалы XI–XIII в. скорее указывают на то, что на процессе «истцы» и послухи отделялись в своих действиях, по крайней мере на официальном суде. Это могло быть сознательным ограничением возможностей для «пособничества» сторонам спора. Также не исключено, что участие «истцов» в процедурах вместе с послухами в пропорции «сам-шестой» и т. д. было региональной особенностью Северо-Западного региона, не допускаемой, впрочем, официальным судом.

Литература

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.

Васильев С. В. Псковская судная грамота и I Литовский статут: Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. М., 2011.

Гиппиус А. А. Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. P. 49–64.

[3] Правда Русская. М.; Л., 1941. Т. I. Тексты. С. 71.
[4] Там же. С. 109.
[5] Памятники Русского Права. М., 1955. Вып. 2. С. 126.
[6] Правда Русская. Т. I. С. 105.
[7] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. К., 1966. С. 61.
[8] Памятники Русского Права. Вып. 2. С. 290–291, 301.
[9] Там же. С. 287, 289, 293,
[10] См. также пергаменную грамоту 1284 г. из Смоленска: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 62–63.
[11] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 402.

М. С. Черкасова (ВоГУ)

ОБ АТРИБУЦИИ ДВУХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ ИВАНА III

Более полувека прошло со времени издания Л. В. Черепниным копийной книги актов московской митрополичьей кафедры[1]. Не одно поколение специалистов обращалось и продолжает обращаться к этой ценнейшей публикации при изучении ряда проблем социально-политической и экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XVI в. Вместе с тем возможны уточнения некоторых атрибуций, приведенных в этом издании. Так, самыми последними в I томе АФЗХ под № 315 и 316 являются две жалованные грамоты Ивана III, адресованные митрополитам — в 1467 г. Филиппу, а в 1475 г. — Геронтию на домовый Воскресенский монастырь «на р. Пенязе». В заголовках их географическая приуроченность ошибочно отнесена к Вологодскому уезду, что было повторено и в одной из наших работ [Черкасова, с. 68–69]. Ошибка (или просто опечатка) издателя, возможно, объясняется тем, что двумя номерами выше были изданы бесспорно вологодские грамоты: под № 313 — жалованная Ивана III митрополиту Симону на деревни в вологодской волости Тошне 1504 г., а под № 314 — льготная митрополита Даниила

[1] АФЗХ. Ч. 1.

крестьянину Д. Новикову на освоение земель в Заозерской части Вологодского уезда 1527 г. В жалованной грамоте Ивана III 1504 г. нет указания ни на какой Воскресенский монастырь на р. Пинязе, как и в выписи из писцовых книг Ф. Ф. Липятина на митрополичьи земли в Вологодском уезде 1502/1503 г.[2] Нет его и в обзоре митрополичьих владений в 14 уездах, представленном С. Б. Веселовским, последним там фигурирует как раз Вологодский уезд [Веселовский, с. 385]. Выходит, в заголовки двух грамот 1467 и 1475 г. он был включен чисто механически, хотя в Оглавлении копийной книги Пинежский раздел шел последним и отдельно от предшествовавшего ему Вологодского: «Глава 17. На Пеняге митрополич монастырь Воскресение Христово»[3]. Этому соответствует и общая логика в построении Оглавления: сначала в нем идут центральные уезды (Ростов, Владимир, Юрьев, Суздаль), потом Кострома и Галич, затем север — Пошехонье, Белозерье, Вологда и, наконец, Пинега.

Действительно, интересующие нас акты территориально относятся не к Вологде, а к правому притоку Двины Пинеге. Там на Кевролъском погосте был Воскресенский монастырь. Погосты на Пинеге и в «Кегреле» упоминаются в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1136/1137 г.[4] и относятся к старейшим поселениям Двинской земли [Семушин, с. 10, 17]. О принадлежности Воскресенского погоста Патриаршему дому свидетельствует приходная книга его казенного приказа 1640/1641 г., в которой отмечена «десятина Пенежская и Кевролская». В ней указана церковь Воскресения Христова в Кевролъском погосте[5]. Лишь во второй половине XVII в. церковная юрисдикция Воскресенского погоста была приведена в соответствие с географическим положением вместе со всей Пинежской округой, переданной открытой в 1682 г. Холмогорско-Важской епархии. В составленной по приказу архиепископа Афанасия Холмогорского описной книге Воскресенского монастыря 1687 г. в Кевроле *на стану* была церковь Воскресения Христова, наряду с другими — Благовещения, Афанасия и Кирилла Александрийских [Краткое историческое описание, с. 258—256]. Упоминание о стане не случайно, поскольку Кевроло-Воскресенский погост и в XVII в. являлся резиденцией пинежских и мезенских воевод.

Если же вернуться к двум пинежским грамотам Ивана III, то их следует связать с более общей проблемой борьбы Москвы и Новгорода за Двинские земли на заключительном ее этапе (1450—1470-е годы). Волости Пинега и Мезень были отведены Новгородом Москве в соответствии с Яжелбицким договором 1456 г. [Янин, с. 205—209]. Тогда изменилась и их церковная принадлежность — с Новгорода к Москве, что усиливало заинтересованность митрополитов Филиппа и Геронтия в распространении своего влияния в столь отдаленных северных волостях, а Ивана III мотивировало на закрепление их прав в отношении Воскресенского монастыря. Поводом к новому вооруженному конфликту новгородцев с Иваном III в 1471 г. стала их попытка силой вернуть Пинегу и Кевролъский городок. После победоносной для Ивана III Шелонской битвы принадлежность этих волостей Москве (а в церковном отношении — митрополичьей кафедре) была восстановлена, о чем свидетельствуют первый и третий списки Двинских земель[6]. Дополнительное подтверждение тому видим в пинежской грамоте Ивана III 1475 г. Таким в общих чертах представляется нам исторический контекст двух пинежских грамот Ивана III — 1467 и 1475 г. Разумеется, необходима дальнейшая более глубокая разработка данного вопроса.

Литература

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947. Т. 1.
Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2.
Семушин Д. Русский Север: Пространство и время. Архангельск, 2010.
Черкасова М. С. Кубено-Заозерский край в XIV—XVI вв. // Харовск. Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 46—105.
Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // ИЗ. М., 1982. Т. 108. С. 189—214.

[2] Там же. № 170.
[3] Там же. С. 23.
[4] *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 148.
[5] *Устинова И. А.* Делопроизводственные документы патриарших приказов первой половины XVII в.: Приходная книга Патриаршего казенного приказа 1640/41 г. (часть 6) // Вестник церковной истории. 2016. № 3—4 (43—44). С. 65.
[6] АСЭИ. Т. 3. № 15, 17.

С. З. Чернов (ИА РАН)

О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМКАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Археологические исследования 2001—2007 г. на посаде древнерусской Шерны (Могутовский археологический комплекс в Щелковском р-не Московской обл.) открыли группу усадеб, отличающихся богатством материальной культуры, наличием оружия, импортов и предметов личного благочестия. Комплекс вислых свинцовых печатей, некогда скреплявших грамоты, обнаруженный на одной из этих усадеб, был интерпретирован как следы архива, хранившегося на дворе посадника или наместника [Чернов, 2008]. Печати, найденные на посаде Шерны, принадлежат новгородским князьям Мстиславу Владимировичу (1088—1094, 1095—1117), Всеволоду Мстиславичу (1117—1132, 1132—28.05.1136), Святославу Ольговичу (19.07.1136—17.04.1138 и 25.12.1139 — февраль 1141) и Святославу Ростиславичу (1158—1160, 1161—1168). Эти находки дают основания предполагать, что до перехода под юрисдикцию Суздаля земли, которые позднее образовали северную часть Московского княжества, управлялись из Новгорода. С распространением на эти территории юрисдикции Суздаля старые центры новгородского управления могли получить статус совладения [Чернов, 2003; Чернов, 2015]. Недавние находки в ходе раскопок в Твери печатей Ростислава Мстиславича (правившего в Новгороде в 1154 и 1157—1158 г.) в кремле [Хохлов] и Святослава Ростиславича (1158—1160, 1161—1168) в Затьмацком посаде склоняют к мысли, что и на Верхней Волге смена юрисдикций совершалась подобным же образом.

Очевидно, что по мере накопления сфрагистических данных мы станем значительно лучше представлять себе механизмы функционирования и смены юрисдикций на этой территории.

Одним из таких событий является присоединение Кучкова к Суздальскому княжеству. Летопись не упоминает само это событие, однако содержит свидетельства о родственниках и свойственниках Кучки. Следует напомнить, что в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского (28/29 июня 1174 г.) говорится, что «начальник же убийцамъ» был «Петръ Кучковъ зять». Далее в списке убийц фигурируют «Анбалъ ясинъ ключник» и «Якымъ Кучковичь»[1]. Поводом для убийства стало то, что Яким Кучкович узнал о намерении князя Андрея казнить его брата. Найденное в 2015 г. граффито на стенах южной апсиды Спасского собора в Переславле содержит список убийц, который открывается упоминанием тех же лиц: «Петръ, Амбалъ Яким». Таким образом, среди ближайшего окружения Андрея Боголюбского в 1174 г. присутствовали сыновья Кучки и муж его дочери.

Второе известие о Кучковичах сохранилось в статье «А се князи русьтии» (Комиссионный список НIмл). В этом тексте вступление на престол Ивана Калиты соотносится с кончиной сына Василия I (июль 1417 г.), что позволяет датировать его написание 1417–1425 г. и связывать с работой книжников митрополита Фотия около 1423 г.

Статья вышла из-под пера клирика Успенского собора во Владимире и содержит ряд оригинальных свидетельств. Описание путешествия Андрея Боголюбского из Киева во Владимир с иконой Владимирской Богоматери (1155) демонстрирует знакомство его автора со «Сказанием о чудесах иконы Владимирской Богоматери», но в редакции, которая до нас не дошла [Кучкин, Сумникова, с. 483]. Из статьи мы узнаем, что князь покинул Вышгород «нощию», «без отчя повелѣниа», «съ своею княгинею и съ своимъ дворомъ». Сообщается и побудительный мотив решения об отъезде: князя «лестию подъяша Кучковичи»[2].

Присутствие Кучковичей в ближайшем окружении князя Андрея еще в 1155 г. дало основания историкам предполагать, что они являлись родственниками и свойственниками супруги князя, которая, следовательно, происходила из этого рода. Коль скоро это так, установив период, в который был заключен брак Андрея Боголюбского, мы сможем составить определенное представление о времени присоединения Кучкова к Суздальскому княжеству.

Для разрешения этого вопроса в нашем распоряжении имеется система известий о начале деятельности старшего сына Андрея Боголюбского Изяслава. В ходе войны закрепившегося в Киеве, Ростислава Мстиславича Смоленского и Изяслава Давыдовича Черниговского, в конце зимы 1159/1160 г.[3] последний обратился за помощью к Андрею Боголюбскому, который «посла к нему с(ы)на своего Изяслава, съ всимъ полком своимъ и Муромьская помочь с нимъ». Целью похода было разблокирование племянника Изяслава Давыдовича Святослава Владимировича, осажденного во Вщиже Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодовичем. Последние «слышавше идуча Изяслава Андрѣевича съ силой многою Ростовьскою оубоявшеся и даша ему миръ възвротишася». После этого Изяслав с войсками вернулся «ко отцю своему Андрѣеви в Ростов»[4]. Летопись содержит примеры, когда войсками номинально руководили княжичи в возрасте 12–14 лет. Однако контекст этого известия как будто не дает почвы для подобной интерпретации. Если бы Изяславу Андреевичу в 1159 г. было 12–14 лет, летописец, скорее, сказал бы, что осаждавшие Вщиж «русские князи» убоялись Ростовской силы. Кроме того, трудно представить, что во главе войска, посланного на юг для участия в борьбе за киевский престол, был поставлен отрок[5]. Скорее зимой 1159/1160 г. Изяславу было не менее 15 лет.

Через пять лет совершился поход суздальских войск на волжских болгар. Рассказ о нем под 6672 (1164) г. начинается так: «иде князь Андрѣи на Болгары с сыномъ своимъ Изяславом и с братом своимъ Ярославом и с Муромьскым князем Гюргемъ»[6]. Если принять нижнюю планку возраста Изяслава для 1159/1160 г. в 15 лет, то в 1164 г. ему должно было быть 20 лет. Мог ли занимать сын Андрея Боголюбского в 20 лет более высокое положение в военном командовании, чем его дядя? Учитывая отмеченное летописцем стремление Андрея Боголюбского быть «самовластцем» в Суздальской земле, выдвижение им старшего сына на ключевые позиции в управлении войском представляется возможным. Однако вероятнее, что Изяслав все же был несколько старше. Такое же впечатление складывается и при чтении известия о его кончине 28 октября 1164 г. В посвященном ему некрологе он был назван благоверным и христолюбивым князем[7].

Отнимая 15 лет от зимы 1159/1160 г., мы получаем terminus ante quem для рождения Изяслава — зиму 1144/1145 г.[8], и зиму 1143/1144 г. для заключения брака князя Андрея. Что касается terminus post quem для этих событий, то после установления примерной даты рождения Юрия Долгорукого (ок. 1098 г.) [Назаренко; Кучкин, с. 65] рождение его первых трех детей — Ростислава, Ивана и Андрея — относят к 1115 — началу 1120-х годов. Соответственно, Андрей мог вступить в брак и родить детей не ранее 1134–1135 г. Следовательно, женитьба Андрея Боголюбского, которая скорее всего была сопряжена с получением суздальским сувереном прав на Кучково, может быть отнесена к периоду после битвы на Ждан-горе (26.01.1134) и до зимы 1143/1144 г. (за три года до начала военного противостояния Юрия с Изяславом Мстиславичем в конце 1146 г.). Это позволяет соотносить матримониальный проект Долгорукого с определенной политической конфигурацией во взаимоотношениях Суздаля и Новгорода, когда в Новгороде после изгнания Всеволода Мстиславича (28.05.1136) «партия войны с Суздалем»

[1] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 369.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 467.

[3] Интересующий нас рассказ помещен в Ипатьевской летописи в конце статьи 6668 г., открывающейся сообщением о вокняжении в Киеве князя Ростислава Мстиславича Смоленского на Пасху 12 апреля, которая отмечалась в этот день в 1159 г. (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 504).

[4] Там же. Стб. 508–509.

[5] Когда подобные случаи имели место, летописец оговаривает это особо (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 365).

[6] Там же. Стб. 352.

[7] В Ипатьевской летописи некролог по Изяславу помещен после рассказа о потопе в Галиче, который произошел в понедельник 16 февраля. Сочетание числа и дня недели, указанных летописцем, имело место в 1164 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524).

[8] Дочь Андрея Боголюбского, выданная в 1160 г. за Святослава Вщижского, сына Владимира Давыдовича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350), могла быть моложе Изяслава Андреевича.

периодически уступала власть «партии мира», по мере того как на новгородском столе сменялись Святослав Ольгович (19.07.1136–17.04.1138), старший сын Юрия Долгорукого Ростислав (10.05.1138–1.09.1139), вновь Святослав Ольгович (25.12.1139 – февраль 1141 г.), 9 месяцев не было князя (конец февраля 1141 г. – 26.11.1141), а затем вновь ненадолго утвердился Ростислав (26.11.1141 – март 1142 г.). Ситуация изменилась с января 1142 г., когда новгородцы согласились на правление Святополка – брата соперника Юрия Изяслава Мстиславича (с 19.04.1142) – и заточили Ростислава.

Литература

Кучкин В. А. Чудо Св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 50–82.
Кучкин В. А., Сумникова Т. А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 476–509.
Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65–78.
Хохлов А. Н. Новые находки вислых свинцовых печатей в Твери. URL: http://www.archaeolog.ru/index.php?id=2&id_nws=319&zid=9 (дата обращения: 10.05.2017).
Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые опыты интерпретации // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 5–33; № 3 (13). С. 5–21.
Чернов С. З. Сфрагистический комплекс 1088 – 1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. М., 2008. Т. II. С. 407–410.
Чернов С. З. Печать Святослава Ольговича из Могутова (городок Шерна) 2013 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 116–121.

Н. П. Чеснокова (ИВИ РАН)

ОПИСАНИЕ КРИТА В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ XVII В.[1]

Описание острова Крита известно по русским рукописям и документам XVII в. Так, информация о географическом положении и природе острова есть в Космографии 1648 г.[2] Ее текст составлен на основе переводных космографий Мартина Бельского и Герарда Меркатора, содержащих также сведения из хронографов и других сборников. Специальный интерес для историков представляют описания Крита, которые даются в «Слове понуждаемом» Афанасия Пателара, а также в «Повести о Крите острове» архимандрита Неофита.

Автор «Слова», бывший вселенский патриарх Афанасий III Пателар, в 1653–1654 г. посетил Россию. Текст «Слова понуждаемого», сохранившегося только в русском переводе, знаком исследователям еще с XIX в., и они называют четыре списка сочинения. Нами был обнаружен еще один список «Слова» из РГБ в составе сборника произведений старообрядца Ивана Алексеева и других материалов [Чеснокова, 2016]. Труд Афанасия Пателара довольно часто упоминается в исторических исследованиях, авторы которых, как правило, отмечают главную мысль экс-патриарха – призыв к Алексею Михайловичу освободить греческий народ от османских завоевателей. Однако содержание этого произведения намного шире его названия. Несмотря на сравнительно небольшой объем, «Слово понуждаемое» включает в себя и экскурсы в историю, и характеристику современной автору политической ситуации в мире. Особое место в повествовании Афанасия уделяется описанию Крита, и не только потому, что остров – родина Пателара, но и в связи с событиями Кандийской войны (1645–1669), когда Крит стал главной ареной борьбы и символом противостояния христианского мира османам в Средиземноморье.

«Повесть» архимандрита Неофита из критского монастыря Богоматери Акротириани, сопровождавшего экс-патриарха в его поездке, была написана в Москве в связи с просьбой к царю о милостыне. До нас дошли греческий текст XVII в. и его перевод на русский и французский языки XIX в. Русский перевод XVII в., выполненный в Посольском приказе, утрачен[3]. Православные иноземцы, приезжавшие за материальной помощью в Московское царство, как правило, давали краткую информацию о своей обители, времени ее создания, именитых строителях и ктиторах, которыми чаще всего были византийские автократоры. В архиве Посольского приказа есть и пространные сочинения о греческих монастырях, например, описание Синайской горы и монастыря св. Екатерины [Чеснокова, 2004]. Именно к таким памятникам следует отнести и «Повесть о Крите острове».

Прямой зависимости текстов Афанасия Пателара и архимандрита Неофита друг от друга не прослеживается, более того, они имеют некоторые различия. Например, оба автора по-разному определяют размер острова. И один и другой сообщают о начальной истории Критского царства и его владыки Миноса, однако архимандрит Неофит в большей мере делает упор на христианскую историю Крита. Он упоминает, например, апостола Павла, который хиротонисал апостола Тита, первого критского епископа. Афанасий же более подробно, чем Неофит, рассказывает о древней истории острова, в частности, о Лабиринте, ставшем исторической достопримечательностью, которая привлекала любознательных путешественников уже в Средние века.

Арабское владычество над островом, дальнейший переход его под власть монферратского герцога, получившего Крит в качестве приданого своей супруги и позднее отдавшего его за долги венецианцам, Афанасий и Неофит

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-01-00381.
[2] ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 27. Л. 160 об.–162 об.
[3] Текст и описание памятника см.: *Панайтотакис Н. М.* Повесть о Критском острове Неофита, архимандрита монастыря Богородицы τῆς Ἀκροτηριανῆς //Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2–3. С. 377– 386.

описывают практически одинаково. Авторы отмечают, что Крит прославлен своими дидаскалами, мудрецами и праведниками. По мнению Неофита, по числу монастырей остров превосходит даже Афон, хотя некоторые из критских обителей в его время уже были разорены турками. В целом сведения о Крите у Пателара выглядят более обобщенными и опоэтизированными, в то время как Неофит дает едва ли не научное описание географии и истории Крита. В самом начале повествования архимандрит помещает Крит среди самых больших островов Европы, таких как Англия и Сицилия. К тому же архимандрит Неофит приводит лаконичное, но вместе с тем емкое повествование о Кандийской войне, от ее начала до середины XVII в. В отличие от Пателара, сообщавшего о победоносной борьбе венецианцев, Неофит говорит, что те владеют на Крите только Хандаком и небольшой крепостью Суда.

Краткое описание Крита, включенное в «Слово понуждаемое», так же как и посвященная острову целая «Повесть», которые были составлены в Москве, стали ценными свидетельствами связей Русского государства и народов Христианского Востока середины XVII в. Одновременно они являются важными и все еще малоизученными памятниками поствизантийской исторической и политической мысли.

Литература

Чеснокова Н. П. Описание Синайской горы 1686 г. из собрания греческих грамот Российского государственного архива древних актов / Перевод, вводная статья, комментарии // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 418–433.

Чеснокова Н. П. Неизвестный список «Слова понуждаемого» Афанасия Пателара // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. М., 2016. С. 526–528.

П. В. Чеченков (НГТУ)

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА НИЖЕГОРОДСКОЙ СЛУЖИЛОЙ КОРПОРАЦИИ ПО РАЗБОРНЫМ СПИСКАМ 1630 г.

В предыдущих публикациях мы уже обращались к разборным спискам служилых людей по Нижнему Новгороду 1630 г. Мероприятие, в результате которого появились интересующие нас документы, стало звеном в подготовке к Смоленской войне 1632–1634 г. Разбор проводился в Москве по «половинам», которыми служили дворяне и дети боярские в полках. В ходе его проведения часть «городов» была переведена на новый порядок учета по статьям. Списки «первой» и «другой» половины по Нижнему Новгороду сохранились отдельно друг от друга. Причем у первого из документов отсутствует начальная часть[1]. Нами была установлена принципиальная возможность использования алфавита к несохранившейся десятне 1630 г., которая составлялась на основе указанных списков, для реконструкции утраченного фрагмента. С привлечением боярской книги 1627 г. и нижегородской разборной десятни 1622 г. было проведено восстановление оригинального порядка имен, отражающего положение члена городовой корпорации в своей среде в зависимости от чина и оклада [Чеченков, 2015].

Продолжим наши наблюдения, обратившись к численности и структуре корпорации. По-видимому, списки содержали 333 или 334 описания, в том числе 35 или 36 в реконструированной части. Два человека упомянуты дважды. Про новиков окладчики сказали, что в Нижнем Новгороде таких нет. Кроме того, умершими числились 13 человек. Таким образом, количество реальных живых людей, описанных разборными списками, — 316–317.

Высший из городовых чинов, дворян выборных, насчитывал 22–23 человека. Следующий чин имели 24 сына боярских дворовых. Чин детей боярских городовых носили 196 человек. Новиков было 71. Два человека служили с отцовских поместий без оклада и указания чина. Лишь про одного человека, Ж. П. Болтина, написано, что он отставлен (стар и увечен, лежит болен, от службы отбыл).

Разборные списки и десятня 1630 г., с одной стороны, отразили рост численности высших чинов корпорации, который прослеживается с начала XVII в. [Чеченков, 2012], с другой — восстановление численности досмутного времени. За 8 лет с 1622 г. списки выборных и дворовых расширились значительно, на десяток каждый. Из трех городовых чинов два высших в 1607 г. составляли 7,5 %, в 1618 г. — 14 %, в 1622 г. — 17 %, в 1630 г. — 19 %. Общее число служилых всех трех чинов превысило данные 1607 г. (242 против 200).

В документах 1630-х годов впервые для Нижнего Новгорода фиксируется деление на статьи. В первую попало 83 человека (26 %): весь выбор (23 чел.), почти все дворовые (22 чел.), 30 городовых, 8 новиков (с высшими для них окладами 300, 350 четей). Размеры окладов в первой статье колеблются от 250 до 850 четей (но 250 редко), жалованья — от 5 до 41 рубля. Сохранились описания 53 человек первой статьи (остальные 30 в утраченной части первой половины). Все они конные, 33 могли выставить хотя бы одного холопа и простого коня. В отношении 30 служилых людей из несохранившейся части можно с уверенностью сказать, что, судя по десятне 1622 г., все они также были конными. Все нижегородские четвертчики вошли в первую статью.

Вторая статья включила 89 человек (28 %). Сюда вошли двое дворовых: Т. Г. Борисов и М. П. Колбецкий. О Борисове известно, что он занимал в корпорации маргинальное положение. На разборе 1622 г. он отсутствовал, а окладчики заявили, что его не знают и нигде с ним не служили. Он был единственным дворовым, получавшим жалованье не из чети, а с «городом». Кроме них во вторую статью были записаны 66 городовых детей боярских и 16 новиков. Их оклады от 150 до 400 четей, но крайние позиции (150 и 400) скорее исключение, у большинства — 200–300 четей. Размер жалованья: 6–14 рублей. Почти все на конях, лишь у четырех человек — мерины, а один бедный и потому бесконный. Почему его включили во вторую статью, не ясно. Холопов и дополнительных коней, за единственным исключением, ни у кого не было.

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 1117. Л. 1–26; Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 7. Л. 1–52.

Третья статья формально самая большая (124 чел.), но значительная ее часть — это бедные, которые на службу могли выйти только при условии выплаты жалованья. Без вспомоществования могли служить 53 человека (17 %): 39 городовых, 16 новиков. Размер их окладов от 100 до 300 четей, но у большинства — 150—250, жалованье от 5 до 10 рублей. Почти все на меринах или меринках. Лишь один на коне, а один безлошадный.

При выплате жалованья можно было рассчитывать еще на 71 человека (22,5 %): 47 городовых, 24 новика. Их оклады от 100 до 250 четей, но 250 только у двух человек, жалованье такое же. Поскольку все они были бедны, то и безлошадны.

У 20 человек (6,5 %) статья не была обозначена. Это 12 нетчиков первой половины. Интересно, что при разборе второй половины такой список не составлялся. Там все были расписаны по статьям, но для некоторых отмечено «к Москве не бывал». Также список первой половины содержит раздел старых, бедных и увечных, которые «в службу не пригодятся». Из второй половины статья не проставлена у А. Л. Стригина, который якобы был у первого разбора.

Таким образом, распределение по статьям в целом соответствовало положению в городовой иерархии, определявшейся чином и окладом, и способности снарядиться на службу. При этом создавались более крупные, чем традиционные чины, группы, в соответствии со служебной пригодностью.

Литература

Чеченков П. В. Нижегородская уездная корпорация служилых людей «по отечеству» в первой четверти XVII в. (по данным десятен): численность, структура, фамильный состав // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7 (15). URL: https://history.jes.su/s207987840000198-6-1.

Чеченков П. В. Об опыте изучения разборных списков по Нижнему Новгороду 1630 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 310—316.

Б. И. Чибисов (ИРИ РАН)

«ЛОПСКОЕ» НАСЕЛЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ: ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В ряде источников XV — первой половины XVI в. есть упоминания лопи, однако среди историков нет единства по поводу того, какой именно этнос скрывается за этим понятием. Если одни ученые отождествляют лопь и саамов [Жуков, с. 312; Керт, 2003, с. 39], то другие, напротив, указывают на неясность понятия «лопь» и предполагают, что под лопью понималось население карельского Поморья и Лопских погостов, относящееся к карельскому этносу [Аграрная история, с. 82; Шахнович, с. 228]. В настоящем докладе предлагается комплексный анализ всех данных о средневековой лопи.

Важным источником по истории лопи являются четыре грамоты великого князя Василия Ивановича, датированные июлем 7025 (1517) г. и сохранившиеся в переводе на датский язык. Согласно грамотам, Василий Иванович «милостиво пожаловал» лопарям северное, восточное и часть южного побережья Кольского полуострова. В целом территория полуострова именуется в грамотах «Лопской землей»[1]. К 1517 г. она уже была разделена на погосты, а население было подвергнуто переписи: сборщики должны были собирать дань «в соответствии с записью в книгах»[2].

Понятие «лопь» фигурирует в грамотах Обонежья 40—60-х годов XV в. С одной стороны, это понятие имеет территориальное значение, поскольку перечисляются «лесъ полешеи, и лопь, страдомая земля, и ловища, и пожни»[3]. С другой стороны, понятие «лопь» обозначает людей. Так, к середине XV в. у карельских землевладельцев, выступающих в источниках под именем «корельских детей», сложилась практика «в лопь ходити и празгу имати», то есть взимать натуральный/денежный оброк с лопи за пользование землями и угодьями, принадлежавшими корельским детям[4]. Владения корельских детей находились на реках Воньге, Выге, Кеми, Шуе и Сороке, то есть по рекам бассейна Белого моря. Вероятно, на этих территориях проживала лопь.

В 1526 г. к великому князю Василию Ивановичу приезжали «Лоплене с моря окияна, ис Кандолжьскои губе, усть Невы реки, из Дикои Лопи» с просьбой прислать священников и антиминсы[5]. Известно, что помимо «дикой лопи» существовала «лешая лопь». В 1504 г. великий князь Иван Васильевич завещал своему сыну Василию среди прочих земель «Корелскую землю всю… и с Лопью с Лешею, и с Дикою Лопью»[6]. «Дикая лопь» — это саамы, кочевавшие в глубине Кольского полуострова и на Терском берегу. «Лешая лопь», упоминаемая в грамотах Обонежья, проживала в лесах на севере Корельского уезда и по рекам бассейна Белого моря [Жуков, с. 313].

Зимой 1530/1531 г. (или 1531/1532 г.) «лопляне с Мурманского моря с Колы реки с Тутоломи» просили антиминсы и священников у архиепископа Макария[7]. Таким образом, летописные известия позволяют локализовать лопь на Кольском полуострове — в районе Кандалакшского залива, рек Колы и Туломы. О том, что лопь проживала в устье Невы, свидетельствует не только летописное известие 1526 г., но и название Лопского погоста Ореховского уезда.

[1] *Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 131.
[2] Там же. С. 129.
[3] ГВНП. С. 296.
[4] Там же. С. 308, 309, 312.
[5] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 542.
[6] Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 269.
[7] Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова (публикация Е. Л. Конявской) // НИС. СПб., 2005. С. 375; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 549.

По данным лингвистов и этнографов, Кольский полуостров — один из ареалов проживания саамов на территории России, где выделяются различные диалекты саамского языка. Ряд топонимов полуострова, известных по грамотам 1517 г., имеет саамское происхождение: *Бабинский погост* (*Ahkel-sijjit*), *Ловозерский погост* (*Luj-jaur-sijjit*), *Терский погост* (*Tarj-sijjit*), *Варзуга* (*Viersij-sijjit*), *Кола* (*Kuol-jegge*), *Умба* (*итр* «закрытый») [Керт, 2009, с. 58–60, 123]. В северной Карелии и Беломорье археологами зафиксированы культовые памятники саамов — скалы антропоморфного вида, сейды и лабиринты [Кошечкин]. Все перечисленные аргументы позволяют считать, что за лопью русских средневековых источников стоит конкретный этнос — саамы Кольского полуострова и бассейна Белого моря.

Литература

Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. Л., 1978.
Жуков А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. 2004. № 1. С. 298–322.
Керт Г. М. Саамы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 39–57.
Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.
Кошечкин Б. И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 118–124.
Шахнович М. М. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 228–246.

М. А. Шибаев (РНБ)

ПИСЬМО КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИХ АКТОВ XV В.[1]

Исследование актового материала, несомненно, представляет весьма благодатную почву не только для специалистов в области политической, социально-экономической истории, исследователей в области реконструкции тех или иных генеалогических связей, но и с точки зрения истории палеографии, поскольку тексты древнерусских грамот гораздо чаще имеют, в отличие от древнерусской книги, точную датировку и нередко указание на имя писца. При этом, даже при отсутствии даты, другие дополнительные признаки позволяют в большинстве случаев локализовать хронологическое и территориальное происхождение акта. В этой связи актовый материал имеет неоценимое значение для исследования эволюции и типологии древнерусского письма. Однако несмотря на то что тексты большинства древнерусских грамот применительно к XV в. давно введены в научный оборот, до недавнего времени главным препятствием для массового опубликования изображений грамот было отсутствие полиграфических возможностей. Электронные технологии позволяют решить эту проблему. В настоящее время сотрудниками Отдела рукописей РНБ при участии автора настоящей работы предпринимаются шаги по созданию интернет-проекта, посвященного подлинным актам XV в., имеющим отношение к Кирилло-Белозерскому монастырю.

При описании акта возникают проблемы не только с уточнением его внешних характеристик, содержательной части, но и с определением типа письма. Ряд типологических определений для почерков актов был предложен в недавно вышедшей статье Л. В. Мошковой [Мошкова, с. 42]. Мы со своей стороны предлагаем взглянуть на историю письма грамот XV в. с точки зрения социального облика их писцов и связанного с этим опыта их писцовой деятельности. В таком случае можно разделить письмо всех актов Кирилло-Белозерского монастыря на три основные группы.

К первой группе можно отнести писцов актов, у которых был явный опыт книжного письма. В ранний период писцами грамот нередко выступали насельники монастыря. Ярким примером является письмо чернеца Христофора, которого теоретически можно отождествить с третьим игуменом монастыря. Христофор переписал Данную Харлама Мортки игумену Кириллу, а также ряд рукописей, относящихся к первой четверти XV в. [Шибаев, с. 108–118]. Книжным письмом переписана и подлинная Духовная Кирилла Белозерского. Писцом грамоты, по нашим наблюдениям, был известный книжник и ученик самого преподобного Кирилла Мартиниан Белозерский. У обоих книжников не наблюдается принципиальной разницы при написании тех или иных букв и построении письма в целом между книгами и актовым материалом.

Вторая группа писцов отличается почерками, в которых видны элементы небрежности или неумелости. Здесь мы имеем дело со слабовыработанными писцовыми навыками. Это письмо можно назвать бытовым, и в ряде случаев оно типологически близко к письму берестяных грамот. Письмо при этом достаточно крупное и низкоконтрастное (то есть практически отсутствует разница между широкими и узкими штрихами). Такое письмо мы встречаем в большинстве случаев, когда нотариями выступают или сами владельцы вклада, или представители белого духовенства, которых изредка привлекали для написания актов.

Третья группа писцов самая многочисленная. Это обладатели особого типа письма, которое можно обозначить как канцелярское или актовое. В большинстве случаев это дьяки при дворах великих или удельных князей, а также появляющиеся во второй половине XV в. в самом монастыре нотарии, каким был монастырский дьяк Рудель. Важно отметить, что, по нашим наблюдениям, канцелярское письмо надо воспринимать как особый тип полуустава XV в. Было бы ошибочно утверждать, что актовое письмо возникло только вследствие стремления писцов к убыстрению движений при письме. Скорее можно говорить об особой эстетической модели в отличие от книжного письма. При всем различии почерков канцелярского письма XV в. можно выделить несколько объединяющих признаков:

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00210 «Генезис “московского” полуустава. Развитие русского полууставного письма в XV – первой половине XVI веков».

в большинстве случаев это мелкое и при этом низкоконтрастное письмо; наличествуют большие межстрочные расстояния, гораздо большие, чем в книжном письме; применяется большое количество вертикальных элементов букв, которые не вписываются в строку, а «вылезают» вверх и вниз, например «Г», «Н», «П», «Т». Ряд букв, имеющих округлые начертания, как «С», «Е», укрупняются и также сознательно выводятся за верхние и нижние границы строки.

Литература

Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья первая) // Вестник Альянс-Археo. М.; СПб., 2016. Вып. 17. С. 40–89.
Шибаев М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013.

С. В. Шпирко (МГУ), Г. С. Баранкова (ИРЯ РАН)

ПРИМЕНЕНИЕ ОДНОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЗАДАЧЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ СПИСКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ «ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ»)[1]

Применять количественные методы для текстологической классификации начинают с 60-х годов прошлого столетия. В основе подавляющего большинства таких формализованных моделей лежит содержательное предположение относительно принципов копирования списков средневекового произведения: чем «ближе» *генеалогически* пара списков друг к другу, тем меньше различий содержат их тексты.

В настоящее время применяют два типа таких методов [Прикладная и компьютерная лингвистика, с. 266]. Первый — это статистические методы, нацеленные на группировку родственных списков (кластерные методы). В основе этого подхода лежит анализ таблицы количественных оценок (матрицы близости), построенной в результате попарного сличения текстов списков. Второй — методы, использующих генеалогические подходы (кладистические методы). Среди них стоит выделить метод групп, строящий не только генеалогическую стемму списков, но и восстанавливающий утраченные ее звенья [Бородкин, Милов]. Этот результат обеспечивается довольно жесткими предположениями, лежащими в основе модели.

Как известно, средневековый текст мог правиться по нескольким источникам. Таким образом, иногда *невозможно однозначно* отнести список к той или иной текстологической группе. Другими словами, проведение классификации списков возможно лишь с определенной долей надежности. По нашему мнению, данные наблюдения весьма естественным образом укладываются в круг идей и принципов теории нечетких множеств, предложенной Л. Заде [Заде].

При помощи теории нечетких множеств можно разделить множество списков на текстологически близкие группы и установить между ними генеалого-преемственные связи (то есть, выражаясь математически, разбить исходное нечеткое отношение на симметричную и антисимметричную части). При этом степень детализированности получающейся стеммы регулируется внешним параметром — уровнем надежности.

Предлагаемая в докладе модель основывается на следующих предположениях: *Чем больше доля ошибок, перешедших из одного списка в другой, тем достовернее* гипотеза о том, что *первый список генетически предшествует второму*. И наоборот, *чем меньше эта доля, тем более независимы данные списки друг от друга* [Шпирко, с. 45]. При этом под ошибочными чтениями мы понимаем как собственно ошибки (пропуски фрагментов текста, описки, повторы), так и сознательное редактирование текста смысловой, языковой и стилистической направленности.

Разработанный на основе предложенного подхода метод нечеткой генеалогической классификации применяется к задаче классификации древнеславянского переводного произведения «Закон Судный людем», входящего в Кормчие русской редакции. Для учета разной степени значимости разночтений авторами разрабатывается типологизация разночтений. Таким образом, каждое ошибочное чтение имеет свой тип и входит в формулу для расчета матрицы со своим коэффициентом. Для уменьшения субъективности при вычислении этих коэффициентов развит метод косвенной экспертизы [Шпирко, Баранкова, с. 60].

Результаты нечеткой классификации в целом не противоречат как результатам традиционного анализа списков Русской Правды, также входящей в состав Кормчей [Любимов, с. 87—275; Тихомиров], так и результатам применения метода групп при группировке списков «Закона Судного людем» [Бородкин, Милов]. Расхождения происходят, в частности, из-за различного распределения некоторых списков по группам. Объяснение этому факту может быть двояким. С одной стороны, выводы традиционной текстологии касаются Русской Правды — произведения, имеющего историю бытования, отличную от «Закона Судного людем». С другой стороны, нечеткий подход может выдавать стемму с разной степенью детализации, в отличие от метода групп.

Литература

Бородкин Л. И., Милов Л. В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 235—280.
Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976.
Любимов В. П. Списки Правды Русской // Правда Русская / Ред. Греков Б. Д. М., 1940. Т. 1.
Прикладная и компьютерная лингвистика / Ред. И. С. Николаев, О. В. Матренина, Т. М. Ландо. М., 2016.
Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.

[1] Работа подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ, грант № 16-06-00365 А.

Шпирко С. В. Применение теории нечетких множеств к задаче генеалогической классификации в текстологическом исследовании // Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. Барнаул, 2013. № 3. С. 39–51.
Шпирко С. В., Баранкова Г. С. О некоторых аспектах построения формализованной генеалогической классификации текстов списков средневекового произведения с применением теории нечетких множеств (на материале «Закона Судного людем») // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 56–64.

Н. В. Штыков (СПбГУ)

К ИСТОРИИ СТОЛИЧНОГО СТАТУСА ВЛАДИМИРА НА РУБЕЖЕ XIII–XIV в.

Проблема столичного статуса русских городов в контексте политических конфликтов XIII–XIV в. на Руси давно находится в сфере научных интересов отечественных и зарубежных исследователей. К различным сюжетам по истории политической борьбы на рубеже XIII–XIV в. обращались А. Е. Пресняков, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, В. А. Кучкин, Н. С. Борисов, А. А. Горский, Э. Клюг. Особый интерес вызывают археологические исследования городов, претендовавших на столичный статус, прежде всего Твери, Москвы и Нижнего Новгорода (В. А. Лапшин, А. Н. Хохлов, Т. Д. Панова, С. З. Чернов). Среди актуальных проблем изучения крупных городских центров Северо-Восточной Руси необходимо отметить исследование формирования политических систем, характера миграционных процессов, динамики городской застройки.

Комплексное изучение разнообразных источников, прежде всего летописей, актов, печатей, позволяет более детально представить роль Владимира в политической системе русских земель рубежа XIII–XIV в.

После монгольского нашествия Владимир сохранял статус главного политического центра Северо-Восточной Руси. Однако ожесточенная борьба за Владимир и великое княжение Владимирское, особенно обострившаяся при сыновьях Александра Невского — Дмитрии и Андрее, привели к многочисленным разорениям города. Этому способствовали также и военные походы на русские земли ордынских военачальников второй половины XIII — начала XIV в.

По мнению А. Е. Преснякова, ослабевшая великокняжеская власть нашла поддержку на рубеже XIII–XIV в. у двух сил — боярства и церкви [Пресняков, с. 87]. Боярство великого княжества Владимирского стало играть все более значительную роль на рубеже XIII–XIV в. в межкняжеских распрях. Переход бояр разного статуса, особенно великокняжеских бояр, на сторону того или иного князя мог в большой степени решить исход противостояния. Переезд митрополита Киевского и всея Руси Максима в 1299 г. во Владимир также стал одним из факторов усиления значения Владимира в политической системе русских земель. Таким образом, в великокняжеской столице, Владимире, была сосредоточена как высшая светская, так и высшая церковная власть на Руси [Мусин, с. 78–81]. При этом боярство Владимира и духовенство Владимира были явно заинтересованы в политической стабильности.

Союз великого князя Андрея Александровича и Михаила Ярославича Тверского в конце XIII — начале XIV в. обеспечил преемственность в деле передачи власти последнему. На стороне Михаила Ярославича выступили митрополит Максим и бояре великого княжения. Соперник Твери — Юрий Данилович Московский — опирался на значительную часть новгородцев и жителей ряда городов Северо-Восточной Руси. Тем не менее Михаил Ярославич был пожалован в Орде великим княжением Владимирским, до 1317 г. успешно отражая попытки московского князя завладеть Владимиром и отдельными частями великокняжеской территории [Кучкин, с. 136–138; Горский, с. 42–52].

После смерти митрополита Максима по инициативе и при полной поддержке Михаила Ярославича Тверского в Константинополь на поставление отправился владимирский кандидат на митрополичью кафедру — Геронтий. Сведения из Жития митрополита Петра дают основания предполагать, что Геронтий был игуменом, а возможно, и архимандритом одного из владимирских монастырей [Бълхова, с. 54–55]. В XIII–XV в. из известных шести монастырей Владимира два были архимандритиями: Рождественский и Константино-Еленинский [Давиденко, с. 271–276]. Тот факт, что Геронтий захватил с собой в Константинополь атрибуты власти митрополита, говорит о его близости к Максиму и о его значительном положении в иерархии русской церкви. Однако патриарх Константинопольский Афанасий решил дело в пользу другого кандидата — игумена Петра Ратского, ставленника князя Юрия Львовича Галицкого и в дальнейшем союзника московских князей.

На особую роль Владимира указывают и места проведения наиболее крупных светских и церковных съездов рубежа XIII–XIV в. В 1296 г., уже после Дюденевой рати, во Владимире по инициативе великого князя Андрея Александровича был проведен княжеский съезд. Второй съезд состоялся в 1300 г. в Дмитрове. В княжение Михаила Ярославича Тверского был проведен Переяславский собор (1310–1311 г.). И Переяславль, и Дмитров были тесно связаны с великокняжеской властью.

В начале XIV в. Владимир не утратил свое первенствующее положение среди городов Руси, несмотря на усиление позиций двух городов-соперников — Твери и Москвы. Во многом это произошло из-за переезда митрополита Максима во Владимир и политической активности боярства великого княжения Владимирского, поддержавших в 1305 г. Михаила Ярославича Тверского. Все же одну из главных ролей при этом играл официальный статус Владимира как столицы, признанный в Орде.

Литература

Бълхова М. И. Монастыри на Руси XI — середины XIV в. // Монашество и монастыри в России. IX–XX века. Исторические очерки. М., 2005. С. 25–56.
Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
Давиденко Д. Г. Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 248–331.
Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.
Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. 2-е изд. М., 1998.

Л. Л. Щавинская (ИСл РАН)

НЕИЗВЕСТНЫЙ РУКОПИСНЫЙ СПИСОК «АПОСТОЛА» ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

Широко отмечаемое в 2017 г. во всем мире 500-летие издания первой белорусской печатной книги, осуществленного доктором Франциском Скориной в Праге 6 августа 1517 г., заставляет особенно тщательно рассмотреть те проблемы, которые до сих пор или не ставились, или же мало изучены в скориноведении. Одна из них — отсутствие не только общего каталога достаточно многочисленных рукописных списков его книг, но и хотя бы полного сводного инвентаря. Имеющиеся сведения позволяют заключить, что особый интерес у переписчиков вызывали издания Франциска Скорины на церковнославянском языке и прежде всего «Апостол», напечатанный в Вильне в 1525 г. При этом весьма примечательна география написания и распространения его списков — по большей части западноукраинские этнические земли. Основное время переписки «Апостола» — вторая половина XVI в., а период наиболее активного бытования — XVI–XVII в., отчасти XVIII в. После этого ряд списков был утрачен, а часть оказалась в различных отдельных собраниях — частных, церковных, позднее государственных. Примечателен в данной связи пример с огромной богатейшей Капитульной библиотекой в городе Перемышле на востоке нынешней Польши, где в середине XIX в. известный галицкий ученый каноник Антоний Петрушевич выявил сразу несколько таких списков, почти все они были отнесены им к XVI в. и описаны в особом инвентаре, хранящемся ныне в Государственном архиве Перемышля. В саму Капитульную библиотеку, основанную два столетия назад, эти списки попали из разных местностей Галиции, в том числе и из иных замечательных книжных собраний, таких, каким владел перемышльский греко-католический епископ Иван Снигурский. Сейчас многие списки, выявленные А. Петрушевичем, находятся в Национальной библиотеке в Варшаве, куда они попали после окончания Второй мировой войны.

Рассматриваемый нами список «Апостола» Франциска Скорины, не атрибутированный ему, был передан в 1884 г. епископом Люблинским Модестом (Стрельбицким) в Церковно-археологический музей, открытый по инициативе владыки 8 сентября 1882 г. при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. Сам список до нас не дошел, но относительно подробных сведений о нем, включая фотоснимки, сохранилось достаточно, во всяком случае для того, чтобы сделать заключение, что это была рукописная копия скорининского «Апостола». Холмские древности с момента ликвидации на Холмщине и в Подляшье униатских приходов весной 1875 г. активно вывозились в Киев (сотни кириллографичных книг), Вильно (прежде всего огромные архивные фонды), Москву (отдельные разнообразные материалы). Создание специального церковного музея в Холме в значительной степени замедлило и даже приостановило этот процесс, так что и наш список «Апостола» хранился здесь вплоть до момента эвакуации в начале Первой мировой войны. Тогда вся православная Холмщина практически полностью опустела, сотни тысяч прихожан, монастыри, все священство и государственные учреждения были вывезены летом 1915 г. в глубь Российской империи и оказались в разных ее губерниях. К сожалению, ни материалы Государственного архива Люблина, ни наши российские архивы не содержат сколь-либо конкретной информации о судьбе собраний братского Церковно-археологического музея в Холме после эвакуации из города, известной в среде тогдашних жителей империи под названием «беженства». Мы можем только сказать, что в 1920 г. буквально мизерная часть его рукописных книг поступила в Государственный исторический музей в Москве, но списка «Апостола» среди них не было.

Список скорининского «Апостола», рассматриваемый нами, по-видимому, самый ранний среди подобных рукописных книг. Он датирован 1566 г. Писец следует не только тексту, но и отчасти графике и общему оформлению печатного «Апостола» Франциска Скорины. Список насчитывал 200 листов, титульный лист и заглавия в книге были выписаны киноварью. Переплет из дубовых досок, обтянутых кожей с золотым тиснением. Список содержал целый ряд примечательных кириллографичных и латинографичных записей, раскрывающих не только историю его создания и бытования, но и трагическую судьбу православия на крайнем пограничье Славии Восточной и Западной. Так, мы узнаем, что «Сей апостол правдива скоропись Московская подписавсья Теодор Павка року 618», принадлежал тогда, то есть в 1618 г., церкви «swetoho oca Semena Słopnyka» в известном в старину городке Ленчне, находящемся всего лишь в двух десятках километров к северо-востоку от современной границы Люблина. Церковный приход и храм во имя святого Симеона Столпника прекратили свое существование в Ленчне в первой трети XIX в., после этого список скорининского «Апостола» попал в древний холмский городок Красностав, где позднее его и обнаружил в бывшей униатской, а с 1875 г. православной Рождественской церкви (ныне в ней костел) епископ Модест.

М. К. Юрасов (ИРИ РАН)

СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОСТИ

Авторы латиноязычных исторических сочинений королевства Венгрии, повествуя об уходе древних венгров из «Скифии» на запад, в Карпатскую котловину, упоминают хороним «Суздаль» в различных вариантах: Susudal, Susdal/Sudal, Susdalia, Sosdalia, а также этноним Susdali для обозначения проживавшего там населения. По мнению венгерских исследователей, причиной особого внимания к названной области было пребывание в 1190 г. при дворе Белы III посольства, направленного Всеволодом Большое Гнездо для уведомления венгерского короля о том, что владимиро-суздальский князь отныне является покровителем галичского князя Владимира Ярославича, которого Бела III в 1188 г. заточил в башне одного из королевских замков, договорившись с галичанами о принятии ими на княжение своего сына Андраша (Эндре). Вернувший себе с военной помощью краковского князя Казимира Справедливого Галич Владимир сразу же попросил покровительства у своего дяди Всеволода, который известил о положительном ответе на просьбу племянника правителей Венгрии и Кракова. При дворе Белы III сделали вывод

о том, что Суздаль является самостоятельной частью Руси, и при создании официальных исторических сочинений венгерские хронисты стали называть ее одной из «скифских» областей, через которые прошли древние венгры в начале процесса «обретения родины». Приведенную точку зрения трудно оспорить, но ею не исчерпываются возможные объяснения рассматриваемого явления. В непременном упоминании Суздаля в описании маршрута миграции венгров из Восточной Европы могут отражаться сохранявшиеся в исторической памяти средневековой венгерской народности представления о том, что Суздальская земля находилась рядом с одной из «промежуточных прародин» древних венгров на территории «Скифии». Неслучайно во всех вариантах «Деяний венгров» при перечислении земель, через которые прошли венгерские племена, покидая «Скифию», Суздаль всегда стоит на первом месте. Что же касается «прародин», которые венгры сменили во время постепенной миграции в сторону своей нынешней родины, то они локализуются в Башкирии (Великая Венгрия), Воронежской области, Приазовье и Северном Причерноморье. Венгерский доминиканец Юлиан нашел в 1235 г. потомков венгров, не ушедших в VIII в. на юго-запад, где-то между Волжской Булгарией и владениями владимирского князя Юрия Всеволодовича. Исследователями выдвигалась также версия о тождестве «Мещёра» и «мадьяры», не нашедшая широкой поддержки.

При изучении сведений средневековых венгерских исторических сочинений бросается в глаза полное отсутствие в них информации о нахождении древних венгров под властью хазарского кагана. Создается впечатление, что связанные с этим факты были сознательно преданы забвению венгерскими хронистами, чтобы бросать тень на героическое прошлое «потомков гуннов». Если же эти «вырванные листки» вернуть в «исторический календарь», то получается, что венгры, покинувшие землю, где нашел своих родственников по языку Юлиан, двинулись сначала на область Суздаль (вряд ли с мирными целями), после чего поселились во «Внешней Хазарии», к северу от ареала распространения салтово-маяцкой культуры, где признали над собой верховную власть кагана. В дальнейшем, в периоды ослабления Хазарии и отражения натиска пришедших из-за Волги печенегов, венгерские племена сначала ушли в Приазовье, а затем постепенно смещались в западном направлении, вынужденные признавать над собой власть кагана для оказания совместного отпора печенегам. О таком «негероическом» поведении составители первых венгерских исторических сочинений решили умолчать, тем более что часть хазарских племен (кавары) еще в IX в. присоединилась к венграм, а сам Хазарский каганат перестал существовать за век до появления первых венгерских исторических сочинений («гест»).

О. Янссон (Упсальский университет)

ПАРОДИЯ НА МОЛИТВУ «ОТЧЕ НАШ»: ПОЛЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ[1]

Перевод польского памфлета-пародии «Отче наш кроле польский Яне Казимере» был введен в научный оборот С. М. Шаминым. Исследователь обнаружил его среди документов Посольского приказа, проанализировал исторические реалии и опубликовал текст [Шамин]. Польского источника перевода в архивном деле не было. В ходе исследований в польских архивах выявлены тексты, сходные с русским переводом.

Известно, что источником русского перевода являлся рукописный текст. Ю. Новак-Длужевский, опубликовавший памфлет под названием «Pacierz dworski» («Придворная молитва»), текст которого в своей основе соответствует русскому переводу, утверждал, что печатных версий памфлета и не было, но в 1853 и 1858 г. были изданы два рукописных варианта текста [Nowak-Dłużewski, s. 180]. Исследователь ссылается на восемь рукописей, три из которых дошли до наших дней[2]. Еще две копии обнаружил исследователь Ян Хороши, составивший хрестоматию переводов, переделок и других литературных обработок молитвы «Отче наш» в Польше [Ojcze nasz, s. 7, 577][3]. Таким образом, существовало не менее 13 рукописей польского памфлета, пять из которых использовались при анализе.

Памфлет входил в состав кодексов в ряду других окказиональных политических сатир и пародий, включался в хроники типа диариуша среди известий о событиях XVII в. Не исключено, что он также распространялся в виде рукописных летучих листков.

По свидетельству польского мемуариста И. Ерлича, этот «пасквиль» «написан в солдатском лагере и подброшен в палатку во время богослужения» [Jerlicz, s. 104]. В «хронике» Ерлича 1657–1673 г. находим вероятную дату написания пародийной молитвы — август-сентябрь 1665 г. — и сам текст памфлета. Другой вариант этого памфлета, с иной концовкой, в которой упоминается отречение от престола Яна Казимира, был найден в дополнениях к «Воспоминаниям Лося»[4] с датой 1668 г., то есть годом отречения короля от престола [Śreniawa-Szypiowski]. Поскольку пародия включена в издание в 1858 г. как часть «Воспоминаний Лося», дискутировался вопрос о Лосе как авторе текста [Hniłko].

Тип пародии на короля в форме молитвы «Отче наш» известен в Польше, как минимум, с начала XVII в. Есть основания утверждать, что автор памфлета мог опираться на анонимную пародию 1606 г. «Молитва к королю Его Милости» («Pacierz do Króla Jegomości»), обращенную к Сигизмунду III. Памфлет на Яна Казимира выдержан в том же формально-содержательном ключе, что и пародия 1606 г., заимствует из последней целые фразы и даже строки. Наш памфлет, в свою очередь, стал объектом дальнейшей творческой переработки в расширенной пародии под тем же названием «Pacierz dworski», но состоящей из трех пародийных молитв: «Отче наш», «Аве Мария» и «Кредо».

Известные нам версии памфлета «Отче наш кроле польский Яне Казимере» имеют заметные отличия содержательного плана, особенно во второй половине текста, где пародия оказывается менее скованной подражанием

[1] Исследование выполнено при поддержке Riksbankens jubileumsfond RFP12–0055:1.

[2] BK 316; BK 361; AGAD, Zbiór Branickich z Suchej, sygn. 42/56. Остальные рукописи не сохранились.

[3] BUW 74; BCzart 1868 IV.

[4] «Воспоминания Лося» — записи польского гусара Якуба Лося о событиях 1646–1667 г.

структуре молитвы. Здесь наблюдается вариативность лексем как внутри поэтической строки, так и на конце рифмованных строк с заменой рифмованной пары. Подвижная вариативная структура текста дает основания предположить, что памфлет не только был частью письменной традиции Польши середины XVII в., но, скорее всего, бытовал и в устной.

Сравнив русский перевод с польскими версиями памфлета, видим, что в Россию попала одна из ранних копий молитвы-пародии, близкая к первоисточнику. В нашем переводе нет упоминания об отречении от престола Яна Казимира, которое появилось в позднейших версиях. Русский перевод отражает более полную версию памфлета в 40 строк (в сохранившихся польских версиях — 36), ранее не известную исследователям польской литературы. Типичный для польской окказиональной поэзии 13-сложник (за исключением 8-сложного катрена концовки) с характерной женской рифмой, разбитый на двустишия, переведен неравносложными стихами. Это являлось общей тенденцией переводческой техники в Посольском приказе, где внимание концентрировалось на передаче основной идеи стиха.

Литература

Шамин С. М. Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы «Отче наш» из дела с курантами 1672 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 107–111.
Hniłko A. Szczegół z literatury o tymfach i szelągach // Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. 1910. № 2. S. 2–4.
Jerlicz J. Latopisiec albo Kroniczka różnych spraw i dziejów. Warszawa/Petersburg, 1853. T. 2 / Z rękopismu wyd. K. Wł. Wojcicki.
Nowak-Dłużewski J. Poezja Związku Święconego i rokoszu Lubomirskiego. Wrocław, 1953.
Ojcze nasz – nasz: Przekłady, parafrazy i inne literackie opracowania Modlitwy Pańskiej / Zebrał i opracował Jan A. Choroszy. Wrocław, 2008. T. 2.
Śreniawa-Szypiowski R. Wstęp // Łoś J. Pamiętnik towarzysza chorągwi pancernej. Opracował R. Śreniawa-Szypiowski. Warszawa, 2000. S. 79–89.

Е. В. Белякова (ИРИ РАН)

ОБ УКРАИНСКИХ ИСТОЧНИКАХ НАСТАВЛЕНИЯ БЛАГОЧИНИЯ, ИЗДАННОГО МОСКОВСКИМ СОБОРОМ 1666 г.

Собор 1666 г. имел исключительное значение в русской истории. Он утвердил реформы, проведенные патриархом Никоном, и осудил противников этих реформ — лидеров старообрядчества. До сих пор у историков нет единого мнения, считать ли его частью Собора 1667 г. [Чумичева], или рассматривать как самостоятельный [Полознев].

Известны лишь два экземпляра деяний этого Собора: один — черновик, написанный латиницей Симеоном Полоцким[1], и другой — в составе Сборника патриарших документов[2]. Оба текста содержат места, оставленные незаполненными, и указания на необходимые вставки. Имена участников Собора, как правило, не вписаны, в документах нет и подписей. В последнем, 11-м, деянии в списке Симеона Полоцкого есть лишь указание на необходимость вписать «Наставление благочиния»[3]. Полный текст Наставления представлен в Син. I[4] и имеет дату — 4 июля 1666 г. Текст наставления не подвергался источниковедческому изучению.

В первой части Наставления описана смута, происходящая в русской Церкви. Вторая часть Наставления предписывает, как священник должен содержать церковь и совершать таинства. Эта часть имеет текстовые совпадения с «Рядом церковным» или «Списком митрополии осмотривальным» — текстом, который известен в составе Кормчих западнорусской редакции в двух вариантах[5] [Каталог, с. 239–255, 442–455; Белякова, 2015; Белякова, 2016].

«Ряд церковный»	Наставление Собора 1666 г. *(Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. Издание [третье] Братства св. Петра митрополита, проверенное по подлинной рукописи. М., 1905. Л. 39.)*
На первеи священная трапеза, иже есть престол, абы был непоколебим[2]. *(РГАДА. Ф. 181. № 1596. Л. 335.)*	Да вам же досматривать, чтобы во всех церквах... столбцы престолные тверды и непоколебимы
А про детиное крещение дръжали бы есте особные крестилници у церкви... А по крещении детином с крестилници воду выливаите у таковое место, где бы не мог на тое место наступати ни человек. *(РГАДА. Ф. 181. № 1596. Л. 335.)*	и для крещения младенцем были бы купели чисты... и воду после крещения лили бы в чистое место под церковь, чтоб те купели и вода освященная не была попираема от человек.
И вино бы дръжали у судине скровно чисто процеживаа[4]. *(РГАДА. Ф. 181. № 1594. Л. 494.)*	Чтоб вино на божественную службу было чистое (без примесу) и неискислое и незаплесневелое.
Блъши же всего штобы в олтари и в церкви паучины бы не было, а помост олтарныи и церковныи, пометали бы в каждую суботу[5]. *(РГАДА. Ф. 181. № 1594. Л. 494.)*	И во олтарях было бы чисто всегда выметено и вымыто, чтобы не было сору на полу и на стенах пыли и паучин.

[1] РГБ. Ф. 173/I. Фундаментальное собр. библиотеки МДА. № 68. Л. 138–152.
[2] ГИМ. Синодальное собр. I /1195. Тетрадь 2. Л. 6–62.
[3] РГБ. МДА. Фунд. № 68. Л. 152.
[4] ГИМ. Син. I/1195. Л. 46 об.–62 об.
[5] РГАДА. Ф. 181. № 1596; № 1594; Ф. 196. № 1620.

Третья часть наставления говорит о необходимости иметь в церкви четыре книги, которые должен вести священник, для записи прихожан и крещения, брака, смерти. Источником этой части послужил Требник Петра Могилы 1646 г., где впервые в практике киевской церкви было дано такое предписание[6]. Московский редактор внес в текст ряд изменений. Четвертая и пятая части содержат указания о порядке совершении погребения, крестного знамения, хранения Даров и проч.

Завершается наставление предписанием всем священникам сделать списки с Наставления, держать в церкви и «почасту велети прочитати», что опять совпадает с поучениями священникам. Если Киевский Евхологий упоминают и другие документы Собора 1667 г., то использование «Ряда церковного» говорит о степени его распространенности в Киевской митрополии. Составителем Наставления был выходец из Киевской митрополии, хорошо знавший киевскую книжность и церковную практику.

Литература

Белякова Е. В. Поучения киевских митрополитов как источник по истории образования духовенства // Europa Orientalis. Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Baltyckich. 2015. Т. 6. С. 133–153.

Белякова Е. В. Циклы поучений священникам в Кормчих западнорусской редакции (публикация текста) // Slavistika Vilnensis. 2016. V. 61. S. 189–258.

Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в Российском государственно архиве древних актов. М., 2005. Вып. 1: Апостол – Кормчая.

Полознев Д. Ф. К хронике московских Соборов 2-й пол. XVII в. // Чтения по истории и культуре древней и новой России: Материалы конференции. Ярославль, 1998. С. 103–106.

Чумичева О. В. Большой Московский собор 1666–1677 гг. // ПЭ. М., 2002. Т. V. С. 679–684.

[6] Требник Петра Могили. Перевидання з оригіналу 1646 року. Канберра; Мюнхен; Париж, 1988. Л. 425–430.